

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (85)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2024
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2024
  - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (85)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK

2024

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 5–29
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 5–29
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-5–29

«ДРЕВНИЙ ХЕРСОНЕС» СТРАБОНА: КАРТОГРАФИЯ

А.А. Зедгенидзе

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

E-mail: zedgenidze@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-3302-5508

В статье выделены ключевые достижения исследователей, писавших о хоре Херсонеса Таврического, в плане изучения конкретного памятника – «древнего Херсонеса» Страбона. В результате обосновывается интерпретация этого памятника как фруриона Херсонесского полиса. Используются материалы картографирования Гераклейского и Маячного полуострова, начиная с работ конца XVIII в. Проанализированы карты Гераклейского полуострова, созданные в 1786 г.; карта по Дюбуа де Монпере и Кларку, опубликованная К. Нойманном; материалы К.К. Косцюшко-Валюжинича и А.Л. Бертье-Делагарда; карта и план Н.М. Печёнкина; работы А.Н. Щеглова. Основным вывод, сделанный на основании рассмотрения карт, заключается в том, что размежевание Маячного и Гераклейского полуострова не распространяется на перешеек Маячного полуострова, где локализуется фрурион, т.е. «древний Херсонес». Из этого следует, что перешеек не использовался в качестве сельскохозяйственной территории; его основное назначение – фортификационное. Возвышенная (южная) часть фруриона вслед за Н.М. Печёнкиным и А.Н. Щегловым объясняется нами как акрополь; там находился храм, пристроенный к западной крепостной стене, который был раскопан К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Низинная (центральная и северная) часть использовалась, вероятно, как хозяйственная и жилая территория. Таким образом, фрурион был разделен на две зоны; надежные данные о делении на большее количество участков отсутствуют. Статус «древнего Херсонеса» был, по-видимому, неясен ко времени Страбона, который не называет его ни городом, ни укреплением. Мы объясняем это тем, что, когда прилегающая территория Гераклейского и Маячного полуострова

Данные об авторе. Ангелина Андреевна Зедгенидзе – кандидат исторических наук, приглашенный преподаватель школы иностранных языков иностранных языков НИУ ВШЭ.

была размежевана и освоена, необходимость в крепостных сооружениях на перешейке отпала, вследствие чего они обветшали или были разобраны задолго до Страбона. С этим связаны определения «древний» и «разрушенный» по отношению к этому пункту.

Ключевые слова: Страбон Херсонес, археологические карты, полис, хора, фриурион

Я приложил все усилия, чтобы выполнить карту,
в которой я видел и вижу главную сущность своей работы
(Печёнкин 1911, 125).

ВВЕДЕНИЕ

В «Географии» Страбона (VII. 4. 2) упоминается «древний Херсонес», отождествляемый с укреплением на перешейке Маячного полуострова, который является северо-западной оконечностью Гераклеийского полуострова. У Страбона нет сведений о том, чем именно был «древний Херсонес», нет указаний на время его возникновения и разрушения, а также на связь с «основным» Херсонесом. Вследствие этого возникла проблема «древнего Херсонеса» Страбона. В настоящее время она заключается в нескольких взаимосвязанных вопросах, первым из которых является вопрос о том, что именно находилось между оборонительными стенами на перешейке Маячного полуострова, т.е. вопрос о первоначальной планировке этой территории. Без реконструкции этой планировки невозможно понимание назначения «древнего Херсонеса» и, следовательно, понимание того, в какой связи он находился с «основным» Херсонесом. Почему этот пункт назван древним и почему он был разрушен? Если нет понимания одного из элементов полиса, то не вполне понятной становится и вся его пространственная система. В идеальном случае нужно было бы провести археологическое исследование всей территории между крепостными стенами на перешейке Маячного полуострова, однако сейчас это невозможно. Поэтому важным источником являются карты, планы, схемы и аэрофотографии этой территории.

К настоящему времени переизданы или введены в научный оборот многие старые или архивные материалы, посвящённые историографии хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове. Прежде всего, это чрезвычайно содержательная статья Н.И. Репникова¹, написанная в 1936 г. и опубликованная лишь в 2019 г. в составе изданного Ю.А. Виноградовым и Т.Н. Смекаловой «Гераклеийского сборника 1936 г.»² Много ценных историографических сведений содержится в работах С.Ф. Стржелецкого и А.Н. Щеглова³. В последнее время историография хоры рассматривалась в работах И.В. Тункиной⁴, А.А. Зедгенидзе⁵, Т.Н. Смекаловой и Ю.А. Виноградова⁶. Как видим, в нашем распоряжении имеется богатый фактологический материал, поэтому перед нами стоит задача его анализа и использования для решения кон-

¹ Репников 2019.

² Виноградов, Смекалова 2019.

³ См., прежде всего: Стржелецкий 1961; Щеглов 1993а, 1994.

⁴ Тункина 2002.

⁵ Зедгенидзе 2014а; 2014б.

⁶ Смекалова, Виноградов 2020; Смекалова 2020.

кретных проблем, связанных с изучением хоры. Подчеркнем, что карты и описания древнего ландшафта Гераклеийского полуострова XVIII – начала XX в. до сих пор сохраняют актуальность и могут являться ключевым источником потому, что они отражают его состояние до разрушений, произошедших в XX в. В предлагаемой работе мы рассмотрим карты, планы, схемы Гераклеийского полуострова с точки зрения того, что они могут дать для понимания «древнего Херсонеса». Во-первых, это три карты 1786 г.: карта, опубликованная митрополитом Евгением (Болховитиновым); карта, выполненная Пепелевым и заверенная Габлицем; карта, выполненная Струловым; план по Кларку и Дюбуа, опубликованный Нойманном (1855 г.); планы Н.М. Печёнкина; план А.Н. Щеглова. Также используются описания, сделанные Габлицем, Палласом, Косцюшко-Валюжиничем, Бертье-Делагардом, Печёнкиным. Подчеркнем, что в этой работе мы рассматриваем территорию именно «древнего Херсонеса», а не всю территорию Гераклеийского полуострова.

КАРТЫ И ПЛАНЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ «ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА» СТРАБОНА

Первый период исследования Крыма начинается сразу после присоединения территорий северного побережья Чёрного моря к России. Он связан с именем Карла Ивановича Габлица, которому принадлежит честь быть первопроходцем в научном исследовании Крыма⁷. В 1783 г., после опубликования манифеста Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу», Г.А. Потемкин возложил на Габлица задачу всестороннего описания полуострова. В результате появилось «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы» (СПб., 1785). Габлиц работал весьма быстро и в следующем, 1786 г., закончил еще одну книгу – «Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей»⁸.

Впервые толкование сообщения Страбона о двух Херсонесах (т.е. об «основном» Херсонесе, «городе гераклейцев», и о «древнем Херсонесе») было дано Габлицем⁹. В «Географических известиях» он совершенно правильно указал, что Херсонес-город находился неподалеку от Севастопольской гавани, а «древний Херсонес» – ближе к «Символьской Гавани», т.е. к Балаклавской бухте¹⁰. Как видим, Габлиц приписал Страбону упоминание о двух городах с названием Херсонес. Чуть позже П.С. Паллас предположительно высказался о «древнем Херсонесе» как о городе¹¹. Однако Страбон использует наименование «город» (πόλις)

⁷ Зедгенидзе 2014а.

⁸ Это сочинение было представлено императрице Екатерине II в 1787 г., но не было сразу опубликовано из-за начавшейся войны с Турцией. Оно было напечатано в 1803 г.

⁹ А не Палласом, как пишет А.Н. Щеглов (1994, 12).

¹⁰ «Примечания достойно, что Страбон упоминает о двух городах того имени (т.е. о двух Херсонесах – А.З.), из коих один состоял ближе к Символьской Гавани и в его время уже разорен был; а другой, тогда еще существовавший, находился на показанном месте (т.е. неподалеку от Севастопольской гавани – А.З.) (Габлиц 1803, 11).

¹¹ «Весь этот полуостров (Маячный – А.З.), по моему личному мнению, кажется мне одним населённым городом и, по всей видимости, – это древний Херронес Страбона» (Паллас 1999, 45).

только в отношении «основного» Херсонеса (того, который находится у нынешней Карантинной бухты), ср.: ἐν ἧ τὸ τῆς Παρθένου ἱερόν, δαίμονός τινος, ἧς ἐπώνυμος καὶ ἡ ἄκρα ἢ πρὸ τῆς πόλεως ἐστὶν ἐν σταδίοις ἑκατόν, καλουμένη Παρθένιον, ἔχον νεῶν τῆς δαίμονος καὶ ξόανον. μεταξύ δὲ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἄκρας λιμένες τρεῖς: εἶθ' ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη καὶ μετ' αὐτὴν λιμὴν στενόστομος 'в нём (в «основном» Херсонесе) святилище Девы, какого-то божества; одноименным ей является и мыс (ἄκρα), находящийся перед (πρὸ) тем городом на расстоянии ста стадий, называемый Παρθένιον, имеющий храм этого божества и статую. Между городом и мысом три гавани; затем разрушенный древний Херсонес и после него гавань с узким устьем' (т.е. Балаклавская бухта)¹². Возможно, статус «древнего Херсонеса» был неясен уже Страбону, в связи с чем географ никак не определяет его; в любом случае «древний Херсонес», конечно же, не назван «полисом» или «разрушенным полисом». Следовательно, мы не можем вслед за Габлицем и Палласом говорить о «двух городах». Как ни странно, представление о «двух городах» («основном» Херсонесе и «древнем Херсонесе»), вызванное невнимательным чтением Страбона, прочно укоренилось в литературе; оно повторяется Нойманном¹³ и Щегловым, который называл «древний Херсонес» городом, городком¹⁴.

В 1786 г. была выполнена топографическая съемка Гераклеийского полуострова и созданы крупномасштабные археолого-топографические карты высокой степени точности¹⁵. Создание этих карт можно отнести к основным результатам начального периода исследования Херсонеса Таврического, и эту дату следует считать датой начала его исследования¹⁶. Заслуга первой публикации одной из этих карт принадлежит митрополиту Киевскому и Галицкому Евгению (Болховитинову). Он писал: «Покойный К.И. Габлиц описал следы древнего города Херсона и окрестностей оною. Он снял в 1786 г. и топографическую карту со следов сих, которую вместе с историческим своим описанием всего Крыма, сочиненным по повелению императрицы Екатерины II, поднес ей в Крым же 1787 года. Книга сия и все при ней приложенные карты остались неизданными; а сочинитель в списках только сообщал их многим своим приятелям. В 1808 году и я получил от него таковую топографическую карту с описанием оной, которая полезна может быть... и для исторических исследований»¹⁷. Полученная от Габлица карта была опубликована митрополитом Евгением под названием «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786» вместе с сопровождающей статьей в «Отечественных записках» в 1822 г. и переиздана в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете»¹⁸

¹² За консультацию по лингвистической стороне вопроса выражаю благодарность А.Е. Манькову (Институт языкознания РАН).

¹³ "Von hier bis zum Vorgebirge Parthenion und bis zur alten Stadt gleiches Namens waren nach Strabon noch drei Buchten...", «отсюда (т.е. от Херсонеса у Карантинной бухты – А.З.) до мыса Парфений и до старого города того же названия были, согласно Страбону, ещё три бухты...» (Neumann 1855, 386).

¹⁴ Щеглов 1976, 40–44. В более поздней работе А.Н. Щеглов признал ошибочность этого термина в отношении «древнего Херсонеса» (1994, 10–11).

¹⁵ Щеглов 1993б, 51.

¹⁶ Зедгенидзе 2014а, 160.

¹⁷ Е. 1822, 156.

¹⁸ Е. 1822, 145–163; 1828, 102–115.

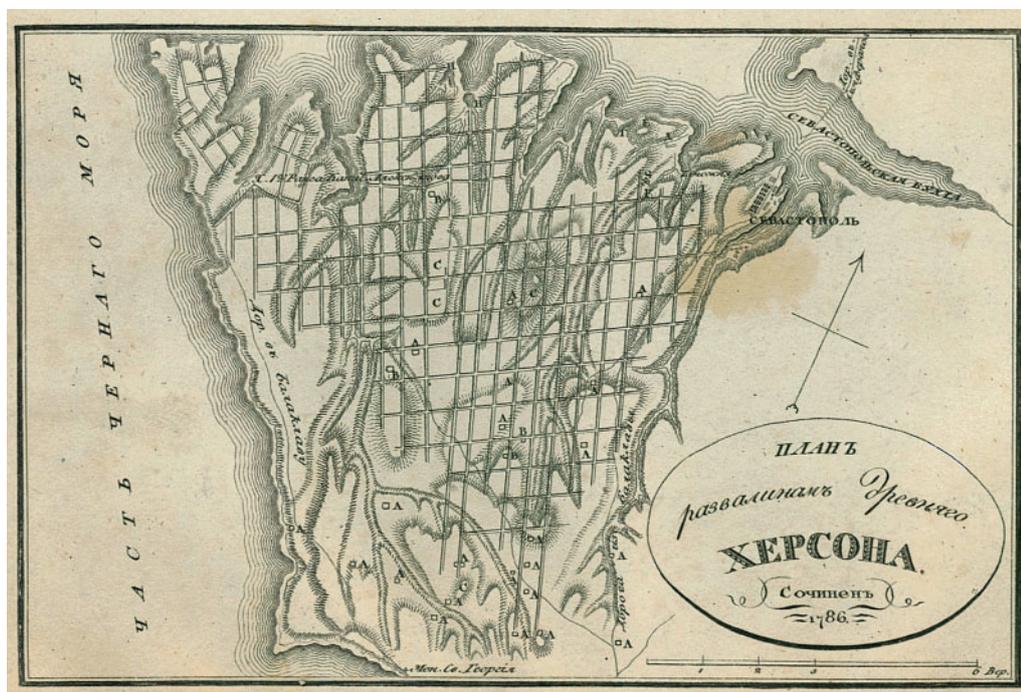

Рис. 1. «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786» (По: Е. 1828).
 Fig. 1. Plan of remains of ancient Cherson. Made in 1786 (After E. 1828).

(рис. 1). В XX в. эта карта была переиздана В.Д. Блаватским¹⁹. Краткая характеристика работы митрополита Евгения дана Н.И. Репниковым²⁰. На карте зафиксированы остатки античной межевой системы, но разделительные линии межевания не простираются на перешеек Маячного полуострова. Отсутствие линий межевания на пространстве между стен, хорошо видимое на этой карте, является важным свидетельством с точки зрения изучения «древнего Херсонеса»²¹.

Другая карта, созданная в том же 1786 г., – это карта, заверенная Габлицем, на которой указано имя исполнителя – топографа Пепелева. Эту карту опубликовала И.В. Тункина, которая обнаружила ее в Российском государственном военно-историческом архиве²² (рис. 2). Вероятнее всего, именно эта карта была поднесена императрице Екатерине II. Название карты: «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краской означенных. Сочинен 1786 года». На этой карте, как и на карте, изданной митрополитом Евгением, показана сетка пересекающихся линий на Гераклеийском полуострове, однако они не простираются на перешеек Маячного мыса. Габлиц, как

¹⁹ Блаватский 1953, 37.

²⁰ Репников 2019, 68–69.

²¹ Характеристика вклада митрополита Евгения в изучение Херсонеса дана в ст.: Зедгенидзе 2014а.

²² Щеглов 1993а, 15; Тункина 2002, 485, рис. 126.

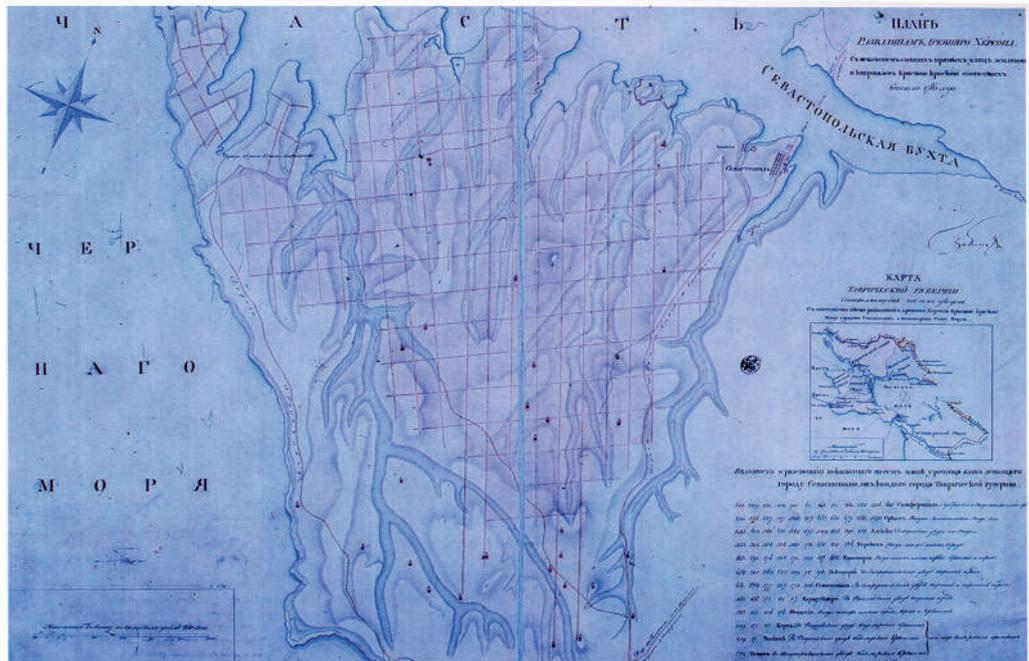

Рис. 2. «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786 года» (По: Тункина 2002, рис. 126).

Fig. 2. “Plan of remains of ancient Cherson. Made in 1786” (After Tunkina 2002, fig. 126).

видно по названию карты, говорит о неких «улицах» на территории Гераклейского полуострова. По-видимому, это следствие его представления о древнем Херсоне как о городе, который занимал весь Гераклейский полуостров. Дороги между наделами он принял за улицы, а пространства, ограниченные дорогами, за кварталы города. Распространение города на весь Гераклейский полуостров является, строго говоря, ошибкой; однако с исторической точки зрения оно не так наивно, как кажется: можно сделать вывод, что во времена Габлица еще был виден урбанистический характер хоры, причем настолько, что ее следы воспринимались как следы города²³. Таким образом, под названием «Херсон» можно было подразумевать не только город, но и территорию, которой он владел, т.е. то, что теперь мы называем городом и хорой.

В ходе работы в Научно-архивном отделе Государственного музея заповедника «Херсонес Таврический» мы обнаружили карту с названием «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных, сочинен 1786 года ноября дня»²⁴. В нижнем правом углу рамки подпись: «Снимал план сочинял землемер подпорутчик Ананий Струлов» (рис. 3)²⁵. На этой карте показано размежевание Маячного полуострова; линии размежевания также не заходят на перешеек.

²³ Зедгенидзе 2015, 49.

²⁴ НАО ГМЗ ХТ, инв. № 182.

²⁵ Зедгенидзе 2020, рис. 1b.

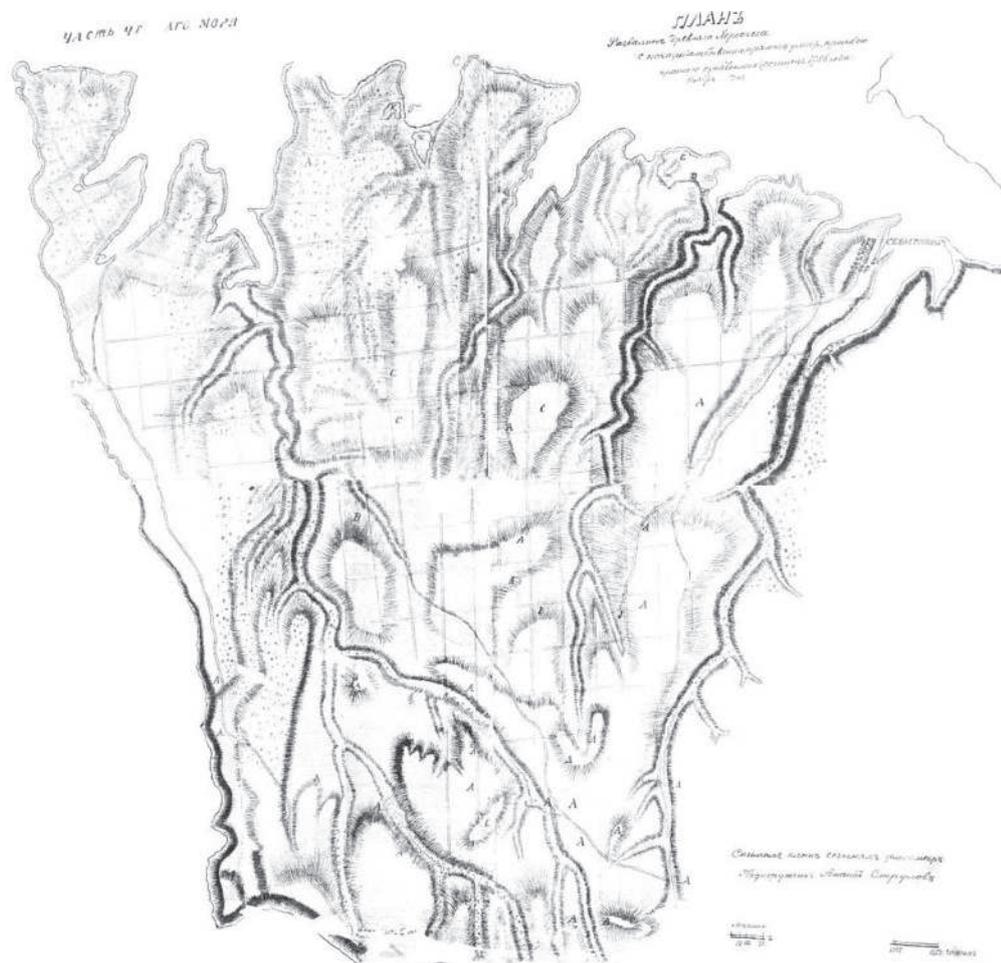

Рис. 3. «План развалин древнего Херсонеса, сочинён 1786 года ноября дня» (По: Зедгенидзе 2020, рис. 1b).

Fig. 3. Plan of remains of ancient Cherson. Made in November 1786 (After Zedgenidze 2020, fig. 1b).

Следующий этап изучения Гераклейского полуострова связан прежде всего с именем Фредерика Дюбуа де Монпере²⁶. Существенной частью его работы являются составленные им планы, в том числе план, изданный Карлом Нойманном: *Die Herakleotische Halbinsel. Nach Clarke und Dubois*²⁷ (рис. 4). Как и на картах 1786 г., межевые стены Маячного полуострова подходят к перешейку, не продолжаясь на его территории. Отметим, что на этом плане впервые показана дорога, идущая от Херсонесу к «древнему Херсонесу». Эта дорога является важным элементом хоры, поскольку, как мы считаем, именно она определила конфигурацию сетки межевания на Гераклейском полуострове.

²⁶ Зедгенидзе 2014б, 208–210.

²⁷ Neumann 1855.

Рис. 4. «Гераклейский полуостров. По Кларку и Дюбуа» (По: Neuman 1855).
 Fig. 4. “Heracleian Peninsula according to Clarke and Dubois” (After Neumann 1855).

Подводя итог начальных этапов изучения Херсонеса и его хоры, следует отметить, что карты, выполненные в то время, показывают сохранившуюся античную межевую систему, но не фиксируют следов межевания на перешейке Маячного полуострова. Это является ключевым отправным пунктом в выводах о пространственной организации перешейка как территории, свободной от межевания. Даже судя по одним этим картам и планам, видно, что перешеек занимает особое положение в системе хоры именно в силу того, что он, в отличие от прилегающей территории Маячного полуострова на западе и Гераклейского полуострова на востоке, является пространством, свободным от межевания. Хорошая сохранность межевых стен Маячного полуострова зафиксирована и на аэрофотографии 1943 г., где отчетливо видно, что межевые стены не заходят на перешеек (рис. 5).

Разумеется, нашим следующим вопросом является назначение этого пространства и то, по какой причине его территория не была занята размежевкой. Представление о том, что общее назначение этого пункта – фортификационное, восходит к П.С. Палласу, который открыл крепостные стены на перешейке Маяч-

Рис. 5. Южная часть Маячного полуострова. Аэрофотография 1943 г.
Fig. 5. Southern part of the Mayachny Peninsula. Photo 1943.

ного полуострова и дал краткое описание их видимых на тот момент остатков²⁸. Археологическое исследование крепостных сооружений на перешейке Маячного полуострова началось лишь по прошествии ста лет, в 1890 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В отчете он так описывает видимые следы стен: «Здесь, на гребне перешейка <...> тянется низкий, едва приметный вал с <...> возвышениями, в которых можно было предполагать остатки башен. От этого вала в расстоянии около 85-ти саженей по направлению к маяку видны более явственные следы второго вала, параллельного первому, с возвышениями в 8-ми местах. Вал этот проходит <...> от обрывистого морского берега, подобно первому валу, на протяжении около 450 саженей и под прямым углом спускается по уклону к Казачьей бухте»²⁹.

В публикации итоги раскопок охарактеризованы так: «Раскопки в двух конечных пунктах: у верховья Казачьей бухты и у противоположного обрывистого морского берега <...> дали блестящие результаты. По всему гребню перешейка, между Казачьей бухтой и морем <...> тянулся в прямом направлении едва приметный земляной вал с небольшими возвышениями в виде курганчиков. К западу, на расстоянии около 90 саженей от этого вала и почти параллельно ему начинался у морского берега второй вал с такими же возвышениями и, пройдя около 450 саженей, поворачивал <...> вправо и спускался по уклону к самой Казачьей бухте <...> Земляные, едва заметные, валы оказались фундаментами оборонительных стен, прочно сложенных из притесанного плитняка на глине, а возвышения – фундаментами башен квадратной формы. Толщина первой, восточной, стены – 9 футов, второй, западной, – наполовину меньше: башен, по-видимому, было: в восточной стене 6 и в западной 8»³⁰.

В рукописном отчете Косцюшко-Валюжинич дал план с названием: «Раскопки между верховьем Казачьей бухты и противоположным южным берегом моря. Начаты 25 июня 1890 г. Окончены 23 августа»³¹ (рис. 6). На фоне рукописи отчета изображены красным цветом крепостные стены. Восточная стена (обращенная к Гераклеюскому полуострову) на плане более толстая, она делится продольной пунктирной линией на две части, внешняя часть чуть более узкая, чем внутренняя; указана общая толщина стены – 9 футов (см. выше). Изображена 1-ая башня этой стены с выходом со стороны укрепления; указано, что «выход был заложен»; внешняя стена башни (т.е. смотрящая в сторону Гераклеюского полуострова) глухая. Западная, более узкая, стена изображена с 1-ой башней и примыкающим храмом. Толщина стен этой башни на плане значительно уже, чем у башни восточной стены. В правом нижнем углу плана – изображение части целлы храма с постаментом в виде колонны, жертвенником и очагом³². Из фиксирующих документов был издан план строительных остатков на островке в Казачьей бухте³³. План раскопок Косцюшко-Валюжинича 1890 г. и его фрагмент с участком западной крепостной стены с примыкающим храмом публиковались С.Ф. Стржелецким³⁴, Г.М. Нико-

²⁸ Паллас 1999, 45.

²⁹ НАО МЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1. Л. 26.

³⁰ Косцюшко-Валюжинич 1891, 58. См. также: Бертъе-Делагард 1893, 57.

³¹ НАО МЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1. Л. 46.

³² Реконструкция храма см.: Зедгенидзе 2023.

³³ Бертъе-Делагард 1893, 63, табл. III, рис. 10.

³⁴ Стржелецкий 1948, 103.

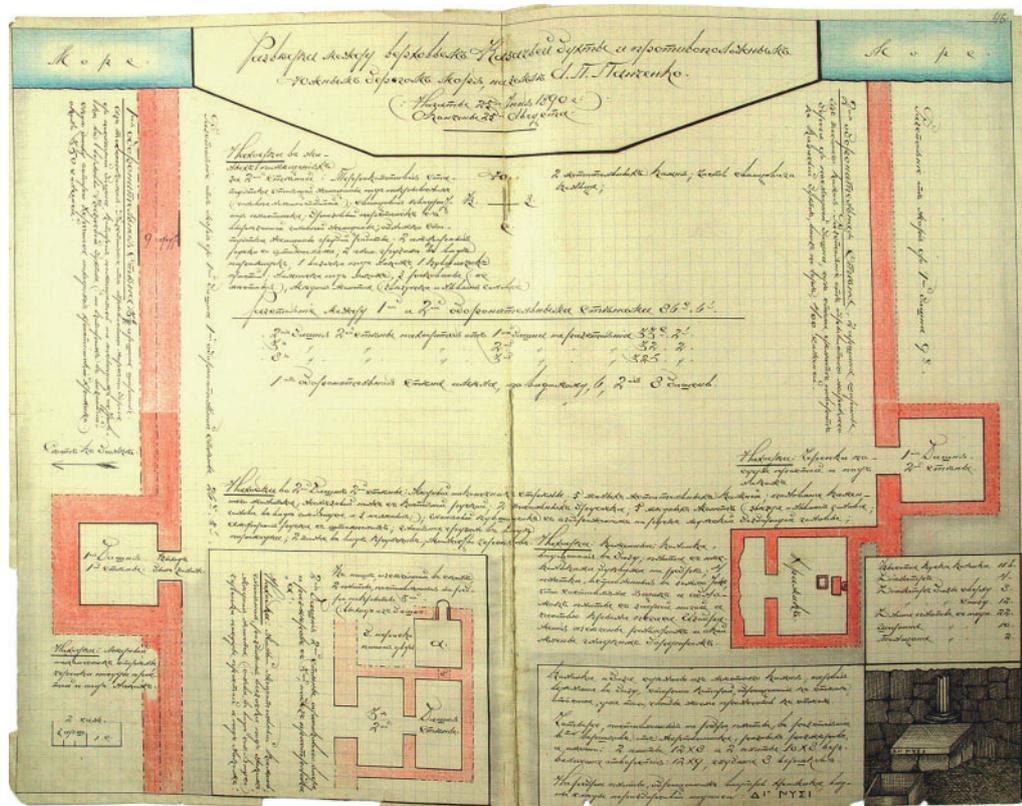

Рис. 6. К.К. Косцюшко-Валюжинич 1890 г. «Раскопки между верховьем Казачьей бухты и противоположным южным берегом моря. Начаты 25 июня 1890 г. Окончены 25 августа». НАО МЗ ХТ. Д. 1. Л. 46.

Fig. 6. K. Kościuszko-Waluszyński's handwritten report of 1890. "Excavations between the end of the Kossack Bay and the opposite southern shore. Started June, 25 1890, finished August, 25" (Archive of National Museum-Preserve "Tauric Chersonesus").

лаенко³⁵, а также автором этой статьи³⁶. Работами Косцюшко-Валюжинича было положено начало исследования крепостных стен «древнего Херсонеса» и его внутренней пространственной организации.

Среди заслуг Александра Львовича Бертье-Делагарда (1842–1920), вице-президента Одесского общества истории и древностей, члена Московского археологического общества, члена-корреспондента Императорской Археологической комиссии, было исследование древних памятников Гераклеийского и Маячного полуостровов³⁷. В разделе «Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам» книги «О Херсонесе» он предлагает последовать за описанием античного географа, ис-

³⁵ Николаенко 2018, 124, рис. 11.

³⁶ Зедгенидзе 2019, 636, рис. 9; 2023, рис. 5.

³⁷ Стржелецкий 1961, 15.

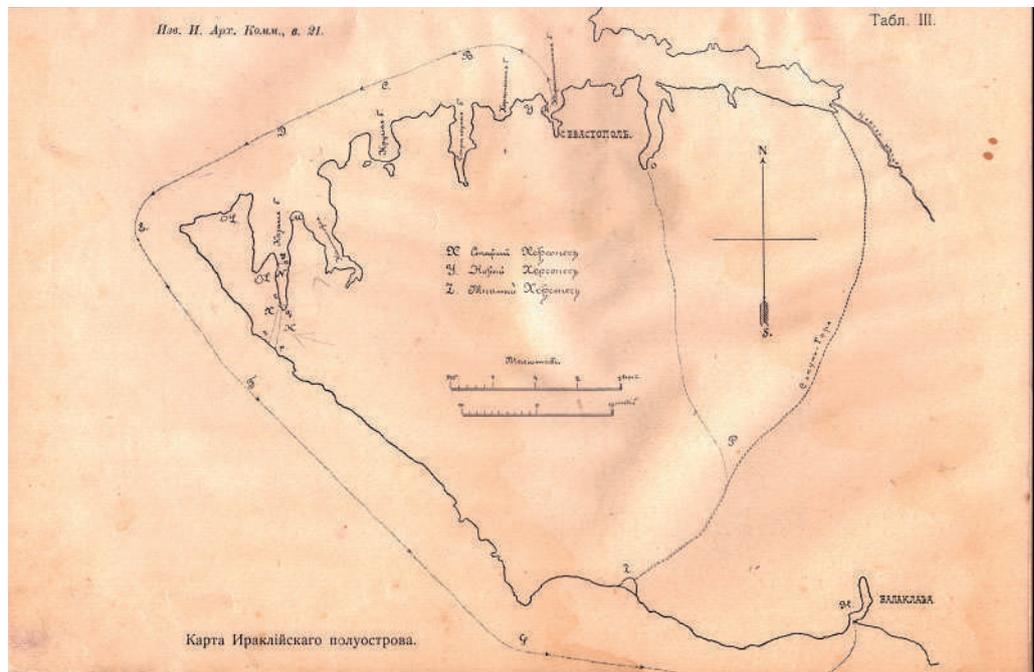

Рис. 7. «Карта Ираклійскаго полуострова» (По: Бертъе-Делагард 1907, табл. III).
 Fig. 7. Map of the Heracleian Peninsula (After Berthier-Delagarde 1907, pl. III).

пользуя карту – «точную копию новейшей морской карты 1901 г.»³⁸ (рис. 7). Приведем слова А.Л. Бертъе-Делагарда, т.к. они весьма ярко и убедительно поясняют Страбона и устанавливают местонахождение «древнего Херсонеса». «Выплывающий из Херсонеса (У), от точки А и идущий в указанном географом направлении (линия точками обозначает примерный, возможно ближайший к берегу и прямой курс судна) видит три гавани³⁹ (В, С и Д), затем мыс Парфений (Е) и уже после него разрушенный Херсонес (Х), а еще далее узкоустую гавань Символов (Н – ныне Балаклава). Древнейший Херсонес Страбона был в глубине Казачьей бухты (Х), где его нашли и новейшие раскопки. В этой же бухте была и гавань этого города, для входа в которую надо было сворачивать от точки Д с указанного пути. Следовательно, у этой же точки, рассуждая книжно, и должен был Страбон назвать древнейший город на своем пути, т.е. упомянуть о нем ранее, чем о мысе Е, если

³⁸ Бертъе-Делагард 1907, 178. А.Н. Щеглов (1994, 295, рис 1а) фактически переопубликовал карту Бертъе-Делагарда без ссылки на последнего.

³⁹ В число «трех гаваней» на плане Бертъе-Делагарда включены четыре бухты: Стрелецкая, Круглая, Камышевая и Казачья. Однако последние две сливались в устье в одну бухту и воспринимались с моря как одна бухта, что позволяет говорить именно о трех гаванях. П.С. Паллас (1999, 227, примеч. 31) считал, что Страбон, вероятно, не включал в число гаваней Круглую бухту, менее удобную как порт. Возможно, Круглая бухта в ее нынешних очертаниях действительно возникла намного позже, вследствие повышения уровня Черного моря (Щеглов 1976, 40; 1993а, 20–23). В любом случае, как бы мы ни считали эти бухты, у нас нет оснований сомневаться в достоверности сообщения Страбона о «трех гаванях», находящихся между «основным» и «древним» Херсонесами.

же этого не сделано, то потому, что в *X* не было города и надо его искать далее, на ином месте». Именно так, по словам Бертъе-Делагарда, и поступил Ф.К. Брун, поместивший Страбонев Херсонес в точке *Z*, между Георгиевским монастырем и Балаклавой. Эта локализация ошибочна, прежде всего из-за непригодности этой точки для расположения населенного пункта⁴⁰: как известно, практически всё побережье между современным мысом Херсонес и Балаклавой представляет собой высокий обрыв, исключающий удобный доступ к морю. Причина того, что мыс Парфений (т.е. современный мыс Херсонес) упомянут Страбоном до «древнего Херсонеса», заключается в том, что его развалины не были видны с моря при прохождении мимо Казачьей бухты. Чтобы увидеть его, мореплавателю должен был либо войти в эту бухту, либо миновать мыс Парфений и приблизиться к тому месту, которое на карте Бертъе-Делагарда обозначены литерой *F* и где сейчас находится 35-ая Береговая батарея. Здесь, на вершине обрыва, должны были просматриваться оборонительные стены «древнего Херсонеса». Таким образом, Страбон в данном описании перечисляет пункты в порядке их появления перед глазами мореплавателя, а не пешего путешественника. Слова о том, что мыс Парфений находится перед (πρό) «основным» Херсонесом, не нарушают эту логику, т.к. если плавание происходит на восток от Херсонеса вдоль побережья, то Маячный мыс действительно находится перед лицом плывущего, т.е. как бы перед Херсонесом.

Бертъе-Делагард восторженно оценивает точность Страбона, который, по его словам, обнаруживает «необычайно тонкое, щегольское знание мельчайших местных условий у него или у того, кто ему передал»⁴¹. Далее Бертъе-Делагард делает интересное наблюдение о том, что едва ли такое описание могло быть дано со слов местного жителя, т.к. он при перечислении пунктов, находящихся на побережье к западу от Херсонеса, скорее всего, назвал бы вначале «древний Херсонес», а затем мыс Парфений. «Только чужой, но внимательно смотрящий, ничего не увидев в *D* и ясно рассмотрев здания от *F*, спросил бы, что это такое. Кто был этим чужим знатоком места, сам ли Страбон, или кто-либо из бороздивших Понт, мудрено теперь сказать, но вероятнее последнее. Как бы то ни было, но место древнейшего города указано географом совершенно так, где он был виден». В результате работы Бертъе-Делагарда в историографии Херсонеса была окончательно установлена локализация «древнего Херсонеса» Страбона на перешейке Маячного полуострова⁴².

Дальнейшие исследования памятника связаны с именем полковника Николая Михайловича Печёнкина (1871 – ?)⁴³. В начале его работ (в 1904 г.) древние сооружения Маячного полуострова представляли собой запутанную и хаотичную картину, судя по следующему описанию: «Стены, конечно только торчащие из земли или затянутые землей до основания, идут по всевозможным направлени-

⁴⁰ На это очевидное обстоятельство указывал еще Нойманн (Neumann 1855, 386).

⁴¹ Бертъе-Делагард 1907, 180.

⁴² Щеглов 1994, 10.

⁴³ Печёнкин получил образование в 1-м Павловском военном училище в Петербурге, служил в Варшавской крепостной артиллерии, затем в Киевском военном округе, был отмечен наградами и в 1900 г. был прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению. Однако он не был археологом-дилетантом. В Петербурге он поступил в Императорский Археологический институт, затем, в 1904 г., был избран его сотрудником, а в 1908 г. стал членом Императорского Русского археологического общества (Непомнящий 2019, 49–50; Виноградов 2020а; Прохорова 2021, 248).

Рис. 8. План размежевания Маячного полуострова (По: Печёнкин 1911, табл. III).

Fig. 8. Plan of land division of the Mayachny Peninsula (After Pechenkin (1911, pl. III).

ям, идут параллельно одна другой, по две, по три, по десяти, наконец; пересекаются под прямым и другими углами; местами теряются, а местами переходят в какие-то нагромождения. Словом, это какой-то лабиринт, который мне удалось разгадать только в конце пятого месяца (в общей сложности) пребывания здесь, – разгадать раскопками и ими же проверить мои предположения»⁴⁴. Работы по организации и проведению раскопок финансировались Печёнкиным из личных средств⁴⁵. Н.И. Репников, помогавший Печёнкину в начале раскопок, писал: «В процессе тяжелой, упорной работы Н.М. Печёнкин выполнил буссольную съемку всего района Маячного полуострова»⁴⁶. Особое значение имеет план Маячного полуострова, опубликованный Печёнкиным в 1911 г.⁴⁷ (рис. 8). На этот план им были нанесены «только те здания и улицы-дороги, которые совершенно определенно установлены <...> по внешним признакам. Места, возбуждавшие сомнение (таких много), исключены совсем»⁴⁸.

⁴⁴ Печёнкин 1911, 108.

⁴⁵ Печёнкин 2020б, 134.

⁴⁶ Репников 2019, 106.

⁴⁷ Печёнкин 2011, табл. III.

⁴⁸ Печёнкин 2011, 125.

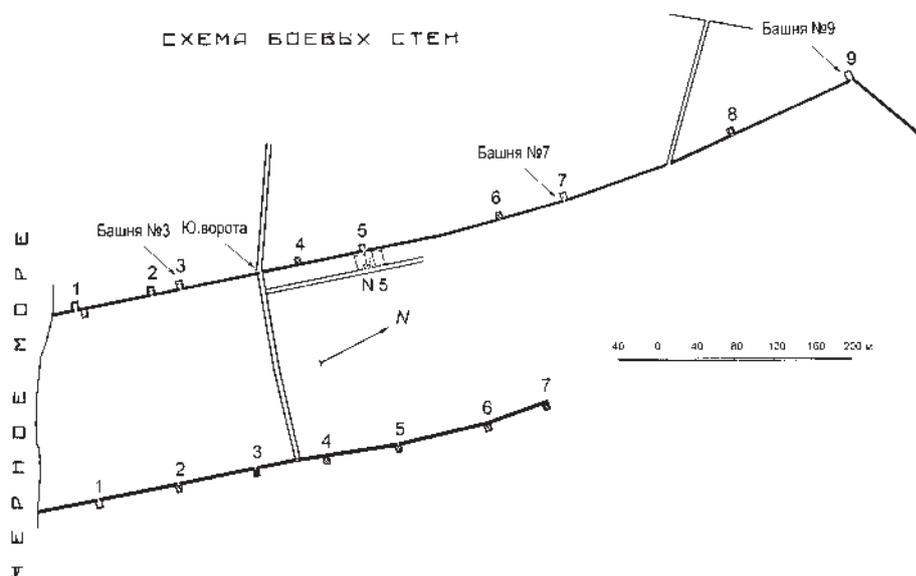

Рис. 9. «Схема боевых стен», НА ИИМК РАН, Р.І, д. 802, л. 41 (По: Печёнкин 2020б, рис. 101).

Fig. 9. Plan of fortification walls (After Pechenkin 2020b, fig. 101).

В 1886 г. Главным штабом Военного министерства был выполнен «План Севастополя и его окрестностей»⁴⁹. По просьбе А.Л. Бертье-Делагарда военный топограф Тяпин выполнил «точнейшую инструментальную съемку всех видимых следов античной размежевки на западной половине Гераклейского полуострова»⁵⁰, которая была отражена на этом плане. Н.М. Печёнкин использовал «План Севастополя и его окрестностей» как основу для создания своего плана Маячного полуострова⁵¹. Масштаб плана Печёнкина в соответствии с изображенной шкалой – 100 сажен в дюйме. На плане показаны «определенные разведкой здания; колодцы-цистерны; улицы-дороги; раскопанные здания; раскопки; здания, раскопанные К.К. Костюшкой-Валюжиничем» (нанесены и современные постройки – хутора). Места раскопок отмечены красным, таким же образом выделены здания, раскопанные Косцюшко-Валюжиничем, в том числе храм у первой башни западной крепостной стены. Далее показано размежевание Маячного полуострова, разделение его «улицами-дорогами» на площади (параллельные линии), пунктиром дана планировка внутри площадей, т.е. внутреннее межевание участков. На перешейке полуострова показаны крепостные стены – восточная и западная – с башнями. На пространстве внутри крепостных стен проведены пунктирные линии, одна из них продолжает дорогу, ведущую от Херсонеса к укреплению, вторая соединяет башни крепостных стен – внешней и внутренней.

⁴⁹ Щеглов 1993а, 16; Тункина 2002, 494–496.

⁵⁰ Стржелецкий 1961, 15.

⁵¹ Стржелецкий 1961, 29; Виноградов 2020б, 30; Смекалова, Виноградов 2020, 41.

По существу, на этом плане «древний Херсонес» впервые показан в качестве фортификационного комплекса, т.е. Печёнкин вплотную приблизился к современному объяснению памятника. Отмечены крепостные стены, образующие укрепление, и башни крепостных стен; пунктирными линиями, возможно, намечена пространственная организация укрепления; указаны места раскопок.

Кроме плана Маячного полуострова, Печёнкин составил и «Схему боевых стен» «древнего Херсонеса» (рис. 9), основанную на его полевой работе 1911 г.⁵² На эту схему было «нанесено всё то, что представлялось несомнительным»⁵³. На схеме изображены западная и восточная оборонительные стены; в западной стене показано девять башен, в восточной – семь; между 3-ей и 4-ой башнями западной стены показаны ворота (т.е. въезд в укрепление со стороны Маячного полуострова). Печёнкин не сомневался, что восточная стена идет к островку Св. Климента в верховье Казачьей бухты, западная стена от 9-ой башни поворачивает к Казачьей бухте, однако без раскопок это установить было невозможно, поэтому окончания оборонительных стен у Казачьей бухты не показаны⁵⁴. Отметим, что эти участки стен укрепления по-прежнему требуют исследования и на нашем плане остаются обозначенными пунктиром (рис. 10). В 1911 г. Печёнкин раскопал стену, которая перегораживала укрепление, отделяя его юго-западный (возвышенный) участок от низинной части. Эта стена является диатейхисмой укрепления, а юго-западный участок – акрополем. Честь определения этой части укрепления в качестве акрополя также принадлежит Печёнкину⁵⁵. Заметим, что без понимания поперечной стены как диатейхисмы, отделяющей акрополь от остальной части укрепления, не было бы и понимания всей структуры укрепления. В результате можно с уверенностью говорить о двух четко разграниченных в пространственном отношении частях укрепления – возвышенном (акрополь) и низинном (*katō polis*⁵⁶). Печёнкин не успел объяснить назначение пространства между стенами, однако название плана – «Схема боевых стен» – представляется нам вполне корректным. Из этого названия следует равнозначность обеих стен и их одновременное функционирование в качестве элементов фортификационной системы, нацеленной на защиту со стороны как Герacleйского (восточная стена), так и Маячного полуострова (западная стена).

Свидетельства Печёнкина позволяют составить представление о размахе древних сооружений на Маячном полуострове, а также об их сохранности в начале XX в.: наблюдатель того времени был бы «подавлен количеством и разнообразием остатков стен»⁵⁷. Гибель древних памятников Маячного полуострова в XX в. является, возможно, одной из самых трагических утрат в истории отечественной археологии. Если разрушения первой половины XX в. были неизбежными, т.к. были вызваны войнами – Первой мировой и Великой Отечественной, – то тем более горьким является сознание того, что окончательно памятник был уничтожен в 1990-е гг., из-за хаотичной коттеджной застройки. Трагичной была и судьба

⁵² Печёнкин 2020б, 138–139, 159, рис. 101.

⁵³ Печёнкин 2020б, 139.

⁵⁴ Печёнкин 2020б, 139.

⁵⁵ Печёнкин, Н.М. Разыскания на местности предполагаемого древнего Херсонеса. Лето 1905 г. (НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 182. Л. 2). А.Н. Щеглов (1976, 42) также говорит о возвышенной части перешейка как об акрополе (без ссылки на Печёнкина).

⁵⁶ Зедгенидзе 2019, 623.

⁵⁷ Печёнкин 2019, 108.

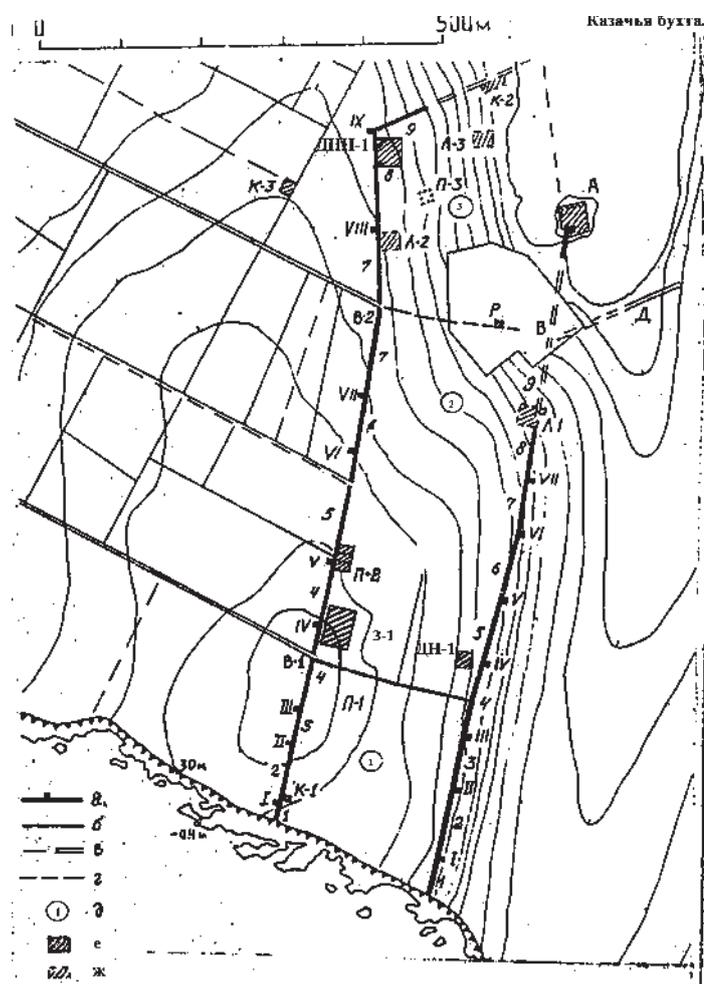

Рис. 10. «План укрепления (фруриона) на перешейке Маячного полуострова – «древний Херсонес» Страбона. Конец V–IV в. до н. э.». *a* – крепостные стены (восточная и западная); *b* – поперечная стена (диатеихисма); *c* – межевые стены; *d* – дороги; *e* – номера районов: 1 – акрополь, 2 – центральная часть, 3 – портовый район; *e*, *ж* – раскопанные строительные комплексы с точной (*e*) и примерной (*ж*) локализацией. Буквенные обозначения к внесштабным знакам указывают на раскопки: ДН – Демьянчук, Нессель; ДНН – Демьянчук, Нессель, Николаенко; 3 – Зедгенидзе; К – Косцюшко-Валюжинич; Л – Лепер; П – Печёнкин (По: Н.М. Печёнкину 1911, табл. III; 2020б, рис. 101 с добавлениями А.Н. Щеглова (1994, рис. 5) и А.А. Зедгенидзе (2019, рис. 5; 2023, рис. 3).

Fig. 10. Plan of the stronghold (phourion) on the isthmus of the Mayachny Peninsula (Strabo's "ancient Chersonesus"), late 5th – 4 cc. BC (After Pechenkin 1911, pl. III; 2020b, fig. 101) with additions by Shcheglov 1994, fig. 5 and Zedgenidze 2019, fig. 5; 2023, fig. 3). *a* – fortification walls; *b* – crosswall (diateichisma); *c* – land-division walls; *d* – roads; *e* – areas of the stronghold: 1 – acropolis, 2 – central area, 3 – port area; *f*, *g* – excavated sites with exact (*f*) and approximate (*g*) localization. Letters for non-scale signs refer to the excavations: DN – Demyanchuk and Nessel; DNN – Demyanchuk, Nessel, Nilolaenko; Z – Zedgenidze; K – Kościuszko-Waluszzyński; L – Leper; P – Pechenkin.

исследователя «древнего Херсонеса»: его работа была прервана практически в самом начале войной и революцией. В июле 1918 г. он получил открытый лист, выданный Археологической комиссией для проведения раскопок в районе Севастополя (в самый разгар Гражданской войны!), отправился в Севастополь и пропал без вести⁵⁸.

Наиболее полный свод данных о фортификационной системе на перешейке Маячного полуострова дал Александр Николаевич Щеглов. Его статьи⁵⁹ были результатом длительной работы на местности, в музейных фондах, архивах. Он составил и опубликовал «План укрепления на перешейке Маячного полуострова»⁶⁰, основанный на следующих архивных материалах:

1. «Крок»⁶¹, сделанный Печёнкиным в 1911 г. (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 38).
2. «Крок» Печёнкина 1910 г. на увеличенной копии одноверстовой карты (Архив ИИМК, ф. 27, д. 8⁶², л. 2).
3. Полуинструментальная съемка городища, выполненная по поручению Печёнкина архитектором С.С. Некрасовым в 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, табл. 1). План вычерчен Раевским в масштабе 1:1000 без обозначения рельефа. Показаны оборонительные стены с башнями и раскопы Косцюшко-Валюжинича и Печёнкина. Сопоставление плана с современными топокартами и аэроснимками показало его высокую точность.

4. Схематический план укрепления в масштабе 1 : 2000, сделанный в середине 30-х годов для «Гераклейского сборника» по плану Некрасова (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. 452).

5. Материалы аэрофотосъемки 1961 г., приведенные к масштабам 1:10000, 1:5000, ок. 1:2900 и привязанные к современной топооснове⁶³.

План А.Н. Щеглова является важным документом для понимания структуры укрепления на Маячном полуострове; мы также пользовались им при составлении нашего плана. Однако поскольку четыре из пяти источников, упомянутых Щегловым, являются работами Печёнкина или восходят к ним, имя Печёнкина упомянуто в плане, представленном в данной статье (рис. 10)⁶⁴.

⁵⁸ Непомнящий 2019, 52; Виноградов 2020а, 24; Прохорова 2021, 250. Признанием выдающихся заслуг Н.М. Печёнкина перед археологией стало издание его трудов (Виноградов, Смекалова 2020) и конференция 2021 г. «Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории», приуроченная к 150-летию со дня его рождения (Зайков и др. 2021).

⁵⁹ Щеглов 1993а; 1994.

⁶⁰ Щеглов 1994, 17, рис. 5.

⁶¹ Более употребительная форма этого термина — *кроки* (франц. *croquis* ‘эскиз, набросок’), т.е. схематический набросок или план местности, сделанный путем глазомерной съемки или с измерением линейных расстояний.

⁶² По-видимому, должно быть «д. 9», см. Виноградов, Смекалова 2020, 187, рис. 155.

⁶³ Учитывая, что план А.Н. Щеглова практически полностью основан на работах Н.М. Печёнкина, совершенно несправедливым является следующее высказывание: «Опубликованные от Н.М. Печёнкина до Ю.М. Сапрыкина [С.Ю. Сапрыкина – А.З.] планы являются не более, чем условными схемами, не соответствующими реальной топографической ситуации» (Щеглов 1995, 45). Схожесть планов Печёнкина и Щеглова можно, вероятно, объяснить и следующий курьез. В «Гераклейском сборнике 1936 г.» план А.Н. Щеглова воспроизведен с подписью: «Фрагмент плана Н.М. Печёнкина 1910 г.» (Виноградов, Смекалова 2019, 237, рис. II, 24).

⁶⁴ «Схема боевых стен» Н.М. Печёнкина А.Н. Щегловым не была учтена. В момент составления нашего плана нам также была неизвестна эта схема. В настоящее время в результате анализа работ Печёнкина, изданных Ю.А. Виноградовым и Т.Н. Смекаловой, считаем, что план

Что касается утверждений Щеглова о том, что укрепление на перешейке Маячного полуострова было разделено на «четыре примерно равных (около 4,5 га) участка», а центральная часть перешейка представляла собой земледельческую территорию⁶⁵, то с ним нельзя согласиться прежде всего в свете приведенных выше данных картографии и аэрофотографии. Этому предположению противоречат также результаты раскопок в центральной части перешейка⁶⁶. Сообщение Щеглова о «поперечных толстых стенах, аналогичных тем, которые межевали территорию внутри Маячного полуострова»⁶⁷, фактически ничем не подтверждено⁶⁸.

Проанализировав данные картографии, мы подходим к вопросу о назначении сооружений на перешейке Маячного полуострова. Ответ на этот вопрос может быть дан только после учета всей совокупности имеющихся сведений, полученных благодаря древнему письменному источнику, картографии, археологии, анализу демографической ситуации в рассматриваемый период. Эти сведения можно суммировать следующим образом.

1. Страбон не называет данный пункт «полисом», «городом», «деревней» или «укреплением», никакой информации о нем не дается, кроме весьма точного указания местоположения, определения *παλαία*, и того, что он был разрушен, *κατεσκαμμένη*.

2. Данные картографии не фиксируют размежевки на территории перешейка; межевые стены Маячного полуострова на западе и Гераклеяского на востоке не распространяются на перешеек; собственной системы межевания на перешейке не зафиксировано.

3. Назначение стен, ограничивающих перешеек с запада и востока, – фортификационное.

4. Что касается демографической ситуации, то территория Гераклеяского полуострова во время создания херсонесского полиса была заселена таврами, которые, как мы считаем, представляли собой ближайшую угрозу для колонистов в начальный период⁶⁹.

Совокупность этих данных подводит нас к выводу о том, что «древний Херсонес» первоначально являлся фрурионом Херсонесского полиса⁷⁰. Когда прилегающие территории Маячного и Гераклеяского полуострова были размежеваны

следует сопроводить пояснением о том, что он выполнен по Печёнкину (1911, табл. III; 2020, 159, рис. 101), с добавлениями Щеглова (1994, рис. 5) и Зедгенидзе (2023, рис. 3).

⁶⁵ Щеглов 1994, 18, 22.

⁶⁶ Зедгенидзе 2019, 614.

⁶⁷ Щеглов 1994, 18

⁶⁸ А.Н. Щеглов (1994, 20) пишет о зафиксированном им небольшом отрезке толстой (около 2 м) стены, якобы отделявшей южный (т.е. примыкавший к Казачьей бухте) участок укрепления. Эта стена нанесена им на план укрепления (1994, 299, рис. 5). Однако описание, фотография или чертеж этой стены не приводятся. Гипотеза о земледельческих участках внутри оборонительных стен повторяется без каких-либо дальнейших обоснований С.Г. Демьянчуком и В.А. Нессель (2011, 65) и Г.М. Николаенко (2018, 27). Т.Н. Смекалова и Ю.А. Виноградов (2020, 40) утверждают: исследование С.Г. Демьянчука и В.А. Нессель подтвердило мнение А.Н. Щеглова, что пространство между оборонительными стенами было разделено поперечными стенами на четыре участка. Однако в действительности С.Г. Демьянчук и В.А. Нессель лишь наложили на спутниковый снимок план А.Н. Щеглова с его гипотетическими четырьмя участками (Демьянчук, Нессель, 2011, 72, рис. 1), что само по себе, конечно же, не является подтверждением справедливости данной гипотезы.

⁶⁹ Зедгенидзе 2022.

⁷⁰ Зедгенидзе 2019, 634; 2023, 142 с литературой.

и освоены полисом, необходимость в наличии фруриона отпала, т.е. *παλαιός* в данном контексте означает «древний» не в смысле «предшествующий основному Херсонесу», а «устаревший, обветшалый» ('antiquated, obsolete'). Этим же может быть объяснено то, что он был «разрушен» – не обязательно из-за военных действий, а прежде всего из-за ветхости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря анализу данных картографии, который дополняется анализом письменного источника и археологическими данными, мы приходим к решению дискуссионного вопроса о назначении укрепления на перешейке Маячного полуострова – это фрурион, находящийся на западной границе хоры. Таким же путём мы можем реконструировать пространственную организацию укрепления и выделить две его зоны – акрополь в возвышенной южной части, который отделён диатейхисмой, и *katō polis*, т.е. хозяйственная и жилая зона в низинной северной части. Укрепление представляет собой значительный интерес еще и потому, что на достаточно компактной территории оно демонстрирует целый спектр средств античной фортификации: крепостные стены с башнями, являющиеся яркой иллюстрацией использования рельефа и географического положения местности; диатейхисма; дамба искусственного происхождения, ведущая к островку в Казачьей бухте. В настоящее время вследствие разрушений памятника мы можем лишь по крупицам собирать данные, которые достаточны только для его общей реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертье-Делагард, А.Л. 1893: *Древности Южной России. Раскопки Херсонеса* (МАР 12). СПб.
- Бертье-Делагард, А.Л. 1907: *О Херсонесе* (ИАК 21). СПб.
- Блаватский, В.Д. 1953: *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья* (В.Н. Дьяков (ред.), Причерноморье в античную эпоху. Вып. 5). М.
- Виноградов, Ю.А. 2020а: Николай Михайлович Печёнкин. Верный солдат российской археологии. В сб.: Виноградов, Смекалова 2020а, 10–24.
- Виноградов, Ю.А. 2020б: Из писем к Н.М. Печёнкину. В сб.: Виноградов, Смекалова 2020, 25–33.
- Виноградов, Ю.А., Смекалова, Т.Н. (ред.) 2019: *«Гераклейский сборник» 1936 г.* (ГС 1). СПб.
- Виноградов, Ю.А., Смекалова, Т.Н. (ред.) 2020: *Археологические труды Н.М. Печёнкина* (ГС 4). СПб.
- Габлиц, К.И. 1803: *Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времён писателей, с тремя картами.* СПб.
- Демьянчук, С.Г., Нессель, В.А. 2011: Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова. *ХСб* 16, 65–78.
- Е. (Болховитинов, Е.А., митрополит) 1822: О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму. *Отечественные записки* 9/22, 145–163.
- Е. (Болховитинов, Е.А.) 1828: О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму. *Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете* 4/1, 102–115.

- Зайков А.В., Костромичёв Д.А., Лесная Е.Е. (ред.) 2021: *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года.* Севастополь.
- Зедгенидзе, А.А. 2014а: О начале исследования Херсонеса Таврического. *ВДИ* 2, 151–162.
- Зедгенидзе, А.А. 2014б: «Учёные путешествия» конца XVIII – начала XIX в. и исследование Херсонеса Таврического». *Знание, понимание, умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета*, 1, 205–213.
- Зедгенидзе, А.А. 2015: Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона. *ВДИ* 2, 40–55.
- Зедгенидзе, А.А. 2019: Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова. *ВДИ* 79/3, 608–629.
- Зедгенидзе, А.А. 2020: Новый документ к исследованию хоры Херсонеса Таврического: карта Струлова 1786 г. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илющечкина (ред.), *Ното отпийт hoгагит. Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова.* М., 226–237.
- Зедгенидзе, А.А. 2022: Херсонесский полис и тавры в конце V–IV в. до н.э. В сб.: *Восточная Европа в Древности и Средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Папуто.* 34: *Межэтнические контакты в социокультурном контексте.* М., 92–96.
- Зедгенидзе, А.А. 2023: Херсонес Таврический: границы и элементы полиса в конце V–IV в. до н.э. В сб.: А.В. Подосинов (ред.) *Древнейшие государства Восточной Европы, 2023: Черноморский регион в античности и раннем средневековье: проблемы исторической географии.* М., 136–173.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. 1891: Важное археологическое открытие в Крыму. *ИТУАК* 13, 55–61.
- Непомнящий, А.А. 2019: Николай Михайлович Печёнкин. В сб.: *Виноградов, Смекалова 2019*, 49–52.
- Николаенко, Г.М. 2018: *Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников.* Севастополь.
- Николаенко, Г.М., Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А., Пасуманский, А.Е. 2020: *Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического.* I. СПб.
- Паллас, П.С. 1999: Б.В. Левшин, Н.К. Ткачёва (ред.), П.С. Паллас. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах.* Пер. с нем. С.Л. Белявской и А.Л. Бертье-Делагарда. М.
- Печёнкин, Н.М. 1911: Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. *ИАК* 42, 108–126.
- Печёнкин, Н.М. 2020а: Дневник (беловой) раскопок 1910 и 1911 гг. на месте Старого Херсонеса. В сб.: *Виноградов, Смекалова 2020а*, 171–193.
- Печёнкин, Н.М. 2020б: Археологическая разведка в местности Страбоновского древнего Херсонеса. Работы 1910–1911 гг. В сб.: *Виноградов, Смекалова 2020*, 134–170.
- Прохорова, Т.А. 2021: Материалы о жизни и деятельности Н.М. Печёнкина в архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». В сб.: *Зайков, Костромичёв, Лесная 2021*, 246–252.
- Репников, Н.И. 2019: Археологические памятники Гераклейского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклейского полуострова с конца XVIII столетия и до наших дней. В сб.: *Виноградов, Смекалова 2019*, 65–123.
- Смекалова, Т.Н. 2020: История исследования херсонесской ближней хоры. В кн.: *Николаенко, Смекалова, Терехин, Пасуманский 2020*, 32–57.
- Смекалова, Т.Н., Виноградов, Ю.А. 2020: История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова. В сб.: *Виноградов, Смекалова 2020*, 39–54.

- Стржелецкий, С.Ф. 1948: Жертвенник Гераклу из т.н. Страбоновского Херсонеса. *ХСб* 4, 97–106.
- Стржелецкий, С.Ф. 1961: *Клеры Херсонеса Таврического* (ХСб VI).
- Тункина, И.В. 2002: *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.
- Щеглов, А.Н. 1976: *Полис и хора*. Симферополь.
- Щеглов, А.Н. 1993а: Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым). В сб.: Ю.М. Могаричёв (ред.), *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 10–38, 298–317.
- Щеглов, А.Н. 1993б: Первые археологические карты Гераклеийского полуострова (к истории археологической топографии). В сб.: И.Л. Тихонов (ред.), *Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.)*. СПб., 51–53.
- Щеглов, А.Н. 1994: «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация. В сб.: Ю.М. Могаричёв (ред.), *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 8–42, 295–310.
- Щеглов, А.Н. 1995: Крепостные стены «старого» Херсонеса. В сб.: В.М. Массон (ред.), *Фортификации в древности и средневековье. Археологические изыскания* 20. СПб., 44–49.
- Neumann, K. 1855: *Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte*. Berlin.

REFERENCES

- Berthier-Delagarde, A.L. 1893: *Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa* [*Antiquities of Southern Russia. Excavations at Chersonesus*] (Materialy po arkheologii Rossii [Materials on the Archaeology of Russia] 12). Saint Petersburg.
- Berthier-Delagarde, A.L. 1907: *O Khersonese* [*On Chersonesus*] (Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Communications of the Imperial Archaeological Commission] 21). Saint Petersburg.
- Blavatskiy, V.D. 1953: *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [*Agriculture in Ancient States of the Northern Black Sea Region*] (V.N. D'yakov (ed.), *Prichernomor'e v antichnuyu epokhu* [Black Sea Region in the Ancient Period] 5). Moscow.
- Demyanchuk, S.G., Nessel, V.A. 2011: Novye dannye o fortifikatsionnykh sooruzheniyakh na peresheyke Mayachnogo poluostrova [New Data on Fortification Structures on the Isthmus of the Mayachny Peninsula]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collection*] 16. Sevastopol, 65–78.
- E. (Bolkhovitinov, E.A.) 1822: O sledakh drevnego grecheskogo goroda Khersona, donyne vidimykh v Krymu [On the Remains of the Ancient Greek City of Cherson, Still Seen in Crimea]. *Otechestvennyye zapiski* [*Annals of the Fatherland*] 9/22, 145–163.
- E. (Bolkhovitinov, E.A.) 1828: O sledakh drevnego grecheskogo goroda Khersona, donyne vidimykh v Krymu [Remains of the Ancient Greek City of Cherson, Still Seen in Crimea]. *Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostey rossiiskikh, uchrezhdennogo pri imperatorskom Moskovskom universitete* [*Proceedings and Chronicles of the Society for History and Antiquities of Russia Established at Imperial Moscow University*] 4/1, 102–115.
- Gablits, K.I. 1803: *Geograficheskie izvestiya, sluzhashchie k ob'yasneniyu prezhnego sostoyaniya nyneshney Tavricheskoy gubernii, sobrannye iz raznykh drevnikh i srednikh vremen pisateley, s tremya kartami* [*Geographical Communications Relevant for the Explanation of the State of the Present-Day Tauric Guberniya, Collected from Various Ancient and Mediaeval Authors, with Three Maps*]. Saint Petersburg.

- Kostsyushko-Valyuzhinich, K.K. 1891: Vazhnoe arkheologicheskoe otkrytie v Krymu [An Important Archaeological Discovery in Crimea]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Communications of the Tauric Academic Archival Commission] 13, 55–61.
- Nepomnyashchiy, A.A. 2019: Nikolay Mikhailovich Pechenkin. In: Vinogradov, Smekalova 2019, 49–52.
- Neumann, K. 1855: *Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte*. Berlin.
- Nikolaenko, G.M. 2018: *Drevnosti Mayachnogo poluostrova. Arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov* [Antiquities of the Mayachny Peninsula. Archaeological Characteristic of Sites]. Sevastopol.
- Nikolaenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. 2020: *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo* [Atlas of the Near Chora of Chersonesus Taurica] 1. Saint Petersburg.
- Pallas, P.S. 1999: Levshin, B.V., Tkacheva, N.K. (eds) P.S. Pallas. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremena puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh. Per. s nem. S.L. Belyavskoy i A.L. Bert'e-Delagarda* [Observations Made during Travels in Southern Regions of the Russian State in 1793–1794. Transl. by S.L. Belyavskaya and A.L. Berthier-Delagarde]. Moscow.
- Pechenkin, N.M. 1911: Arkheologicheskie razvedki v mestnosti Strabonovskogo starogo Khersonesa [Archaeological Exploration in the Area of Strabo's Old Chersonesus]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Communications of the Imperial Archaeological Commission] 42, 108–126.
- Pechenkin, N.M. 2020a: Dnevnik (belovoy) raskopok 1910 i 1911 gg. na meste Starogo Khersonesa [Diary of Excavations at the Area of Old Chersonesus in 1910 and 1911]. In: Vinogradov, Smekalova 2020, 171–193.
- Pechenkin, N.M. 2020b: Arkheologicheskaya razvedka v mestnosti Strabonovskogo drevnego Khersonesa. Raboty 1910–1911 gg. [Archaeological Exploration in the Area of Strabo's Ancient Chersonesus. Seasons 1910–1911]. In: Vinogradov, Smekalova 2020, 134–170.
- Prokhorova, T.A. 2021: Materialy o zhizni i deyatelnosti N.M. Pechenkina v arkhive Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» [Materials on Life and Work of N.M. Pechenkin in the Archive of State Museum-Preserve “Taurian Chersonesus”]. In: Zaykov, Kostromichev, Lesnaya 2021, 246–252.
- Repnikov, N.I. 2019: Arkheologicheskie pamyatniki Gerakleiskogo poluostrova. Obzor opisaniy i issledovaniy pamyatnikov Gerakleiskogo poluostrova s kontsa XVIII stoletiya i do nashikh dnei [Archaeological Sites of the Heracleian Peninsula. Overview of Descriptions and Studies of Sites of Heracleian Peninsula from the Late 18th Century up to the Present Day]. In: Vinogradov, Smekalova 2019, 65–123.
- Smekalova, T.N. 2020: Istoriya issledovaniya khersonesskoy blizhney khory [History of Studies of the Near Chora of Chersonesus]. In: Nikolaenko, Smekalova, Terekhin, Pasumanskiy 2020, 32–57.
- Smekalova, T.N., Vinogradov, Yu.A. 2020: Istoriya arkheologicheskogo izucheniya i sovremennye issledovaniya Mayachnogo poluostrova [History of Archaeological Studies and Current Research in the Mayachny Peninsula]. In: Vinogradov, Smekalova 2020, 39–54.
- Shcheglov, A.N. 1976: *Polis i khora* [Polis and Chora]. Simferopol.
- Shcheglov, A.N. 1993a: Osnovnye strukturnye elementy antichnoy mezhevoy sistemy na Mayachnom poluostrove (Yugo-Zapadnyi Krym) [Main Elements of the Ancient System of Land Division in the Mayachny Peninsula]. In: Yu.M. Mogarichev (ed.) *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma* [History and Archaeology of South-Western Crimea]. Simferopol, 10–38.
- Shcheglov, A.N. 1993b: Pervye arkheologicheskie karty Gerakleiskogo poluostrova (k istorii arkheologicheskoi topografii) [First Archaeological Maps of the Heracleian Peninsula]. In: I.L. Tik-

- honov (ed.), *Problemy istorii otechestvennoy arkheologii. Tezisy dokladov konferentsii (Sankt Peterburg, 11–13 dekabrya 1990 g.)* [Issues of the History of Russian Archaeology. Conference Proceedings (Saint Petersburg, December 11–13, 1990)]. Saint Petersburg, 51–53.
- Shcheglov, A.N. 1994: «Staryy Khersones» Strabona. Ukreplenie na peresheike Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya [Strabo's "Old Chersonesus". Stronghold on the Isthmus of the Mayachny Peninsula: Topography and fortification]. In: Yu.M. Mogarichev (ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of History and Archaeology of Crimea]. Simferopol, 8–42, 295–310.
- Shcheglov, A.N. 1995: Krepостnye steny «starogo» Khersonesa [Fortification Walls of the "Old" Chersonesus]. In: V.M. Masson (ed.), *Fortifikatsii v drevnosti i srednevekov'e* [Fortifications in Antiquity and Middle Ages]. *Arkheologicheskie izyskaniya* [Archaeological Studies] 20. Saint Petersburg, 44–49.
- Strzheletskiy, S.F. 1948: Zhertvennik Geraklu iz t. n. Strabonovskogo Khersonesa [Altar of Heracleian from So-Called Strabo's Chersonesus]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonessan Collection] 1, 97–106.
- Strzheletskiy, S.F. 1961: *Klery Khersonesa Tavricheskogo* [Kleroi of Chersonesus Taurica] (Khersonesskiy sbornik [Chersonessan Collection] 6).
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian Studies of Classical Antiquities of South Russia (the 18th – mid-19th cc.)]. Saint Petersburg.
- Vinogradov, Yu.A. 2020a: Nikolay Mikhailovich Pechenkin. Vernyy soldat rossiiskoy arkheologii [Nikolay Mikhailovich Pechenkin. Faithful soldier of Russian Archaeology]. In: Vinogradov, Smekalova 2020a, 10–24.
- Vinogradov, Yu.A. 2020b: Iz pisem k N.M. Pechenkinu [From Letters to N.M. Pechenkin]. V kn.: Vinogradov, Smekalova 2020a, 25–33.
- Vinogradov, Yu.A., Smekalova, T.N. (eds.) 2019: «Gerakleiskiy sbornik» 1936 g. [“Heracleian Collection” 1936] (Gerakleiskiy sbornik. Materialy i istochniki po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo [Heracleian Collection. Materials and Sources for the Study of the Chora of Chersonesus Taurica] 1). Saint Petersburg.
- Vinogradov, Yu.A., Smekalova, T.N. (eds.) 2020: *Arkheologicheskie trudy N.M. Pechenkina* [N.M. Pechenkin's Works on Archaeology] (Gerakleiskiy sbornik. Materialy i istochniki po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo [Heracleian Collection. Materials and Sources for the Study of the Chora of Chersonesus Taurica] 4). Saint Petersburg.
- Zaykov A.V., Kostromichev D.A., Lesnaya E.E. 2021: *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoy konferentsii, Sevastopol, 20–24 sentyabrya 2021* [Antiquities of Chersonesus: Discoveries, Findings, Theories. Materials of Scientific Conference, Sevastopol, September 20–24, 2021]. Sevastopol.
- Zedgenidze, A.A. 2014a: O nachale issledovaniya Khersonesa Tavricheskogo [On the Beginning of the Study of Chersonesus Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 151–162.
- Zedgenidze, A.A. 2014b: «Uchenye puteshestviya» kontsa XVIII – nachala XIX v. i issledovanie Khersonesa Tavricheskogo [“Academic Journeys” of the Late 18th – Early 19th cc. and the Study of Chersonesus]. *Znanie, ponimanie, umenie. Nauchnyy zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Knowledge, Understanding, Skill. Scientific Journal of Moscow University for the Humanities] 1, 205–213.
- Zedgenidze, A.A. 2015: Voprosy osvoeniya khory Khersonesa Tavricheskogo i problema «drevnego Khersonesa» Strabona [Issues in the Development of the Chora of Chersonesus and the Problem of Strabo's "Ancient Chersonesus"]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 40–55.
- Zedgenidze, A.A. 2019: Khersones Tavricheskoy: prostranstvennaya organizatsiya i naznachenie ukrepleniya na peresheike Mayachnogo poluostrova [Chersonesus Taurica. Spatial Orga-

- nization and the Purpose of the Stronghold on the Isthmus of the Mayachny Peninsula]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/3, 608–629.
- Zedgenidze, A.A. 2020: Novyy dokument k issledovaniyu khory Khersonesa Tavricheskogo: karta Strulova 1786 g. [A New Document for the Study of the Chora of Chersonesus Taurica: Strulov's Map of 1786]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum. Sbornik statei v chest' 70-letiya A.V. Podosinova* [*Homo Omnium Horarum. Collection of Papers for A.V. Podosinov's 70th Anniversary*]. Moscow, 226–237.
- Zedgenidze, A.A. 2022: Khersonesskiy polis i tavy v kontse V–IV v. do n.e. [The Polis of Chersonesus and the Tauroi in the 5th and 4th cc. BC]. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [*Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages*] 34. Moscow, 92–96
- Zedgenidze, A.A. 2023: Khersones Tavricheskiy: granitsy i elementy polisa v kontse V–IV v. do n.e. [Chersonesus Taurica: Boundaries and Elements of the Polis in the Late 5th and 4th cc. BC]. In: A.V. Podosinov, (ed.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2023: Chernomorskiy region v antichnosti i rannem srednevekov'e: problemy istoricheskoy geografii* [*Ancient States of Eastern Europe, 2023: Black Sea Region in Antiquity and Early Middle Ages. Issues in Historical Geography*]. Moscow, 136–173.

STRABO'S "ANCIENT CHERSONESUS": CARTOGRAPHY

Angelina A. Zedgenidze

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

E-mail: zedgenidze@yandex.ru

The article discusses the main findings in the studies of the chora of Chersonesus Taurica with regard to Strabo's "ancient Chersonesus". It is argued that this site was a phrourion of the polis of Chersonesus. The article describes maps of the Heracleian Peninsula made in 1786; the map according to Clarke and Dubois de Montperreux published by Neumann; materials of Kościuszko-Waluszyński and Berthier-Delagarde; map and plan made by N.M. Pechenkin; studies by A.N. Shcheglov. The main conclusion is that the land division of the Mayachny and Heracleian Peninsulas does not spread onto the isthmus of the Mayachny Peninsula, where the phrourion, i.e. the "ancient Chersonesus" was located. The isthmus was not used as an agricultural area, its main purpose was fortification-related. The elevated (southern) part of the phrourion is explained as an acropolis (in this regard we follow Pechenkin and Shcheglov); there a temple was situated. This temple was built next to the western fortification wall and was excavated by Kościuszko-Waluszyński. The lower (central and northern) part was probably an industrial and residential area. The phrourion was therefore divided into two zones; reliable evidence of division into more parts is not available. The status of "ancient Chersonesus" was probably unclear in Strabo's time. He does not characterize it as a city or a stronghold. This may be due to the fact that when the adjacent territories of the Heracleian and Mayachny Peninsulas were divided and built over, the fortification structures on the isthmus became unnecessary, because of which they were decrepit or dismantled a long time before Strabo. This may explain why he describes them as *παλαιά* and *κατεσκαμμένη*.

Keywords: Strabo's Chersonesus, archaeological maps, polis, chora, phrourion

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-30–72

УЗКОГОРЛЫЕ СВЕТЛОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ТИПА «D» (C IV D). ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

А.В. Сазанов

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: andrei.v.sazanov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1504-1289

Статья посвящена типологии и хронологии узкогорлых светлоглиняных амфор типа «D» (C IV D). Предложенная автором классификация амфор включает четыре типа. Тип C IV D 1 датируется первой четвертью III в. н.э., C IV D 2 – последней четвертью II – первой половиной III в. н.э., C IV D 3 – последней четвертью II – третьей четвертью III в., C IV D 4 – 260/270–310/320 гг. Общая эволюция C IV D развивается по линии C IV D 2–3 – C IV D 3–1 – C IV D 4–1. В целом бытование рассмотренных амфор гераклейского производства приходится на последнюю четверть II – первую треть IV в. Письменные источники сообщают о разгроме Гераклеи в результате одного из морских походов варварских племен в 264/265 г. н.э., что делает возможным уточнение хронологии амфор. Выпуск амфор C IV D 1, C IV D 2, C IV D 3 закончился до 264/265 г. Напротив, производство типа C IV D 4, продолжающего C IV D 3 начинается после событий 264/265 г. и ведется, по всей видимости, до первой трети IV в. При этом объем производства амфор C IV D после 264/265 г. резко снижается.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Гераклея, Боспор, римское время, узкогорлые светлоглиняные амфоры типа «D» (C IV D), типология, хронология

ВВЕДЕНИЕ

Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа «D» или, по современной номенклатуре, позднегераклейские C IV D¹, привлекали внимание исследователей с середины XX в. (рис. 1). Впервые на них обратила внимание Т.Н. Книпович в 1949 г., опубликовавшая четыре амфоры из раскопок Танаиса 1853 г. (из собрания ГЭ) и предположила их местное производство².

Данные об авторе. Андрей Владимирович Сазанов – доктор исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ИА РАН.

¹ Внуков 2016, 43, рис. 4, 11–18.

² Книпович 1949, 72–73, рис. 28, А.

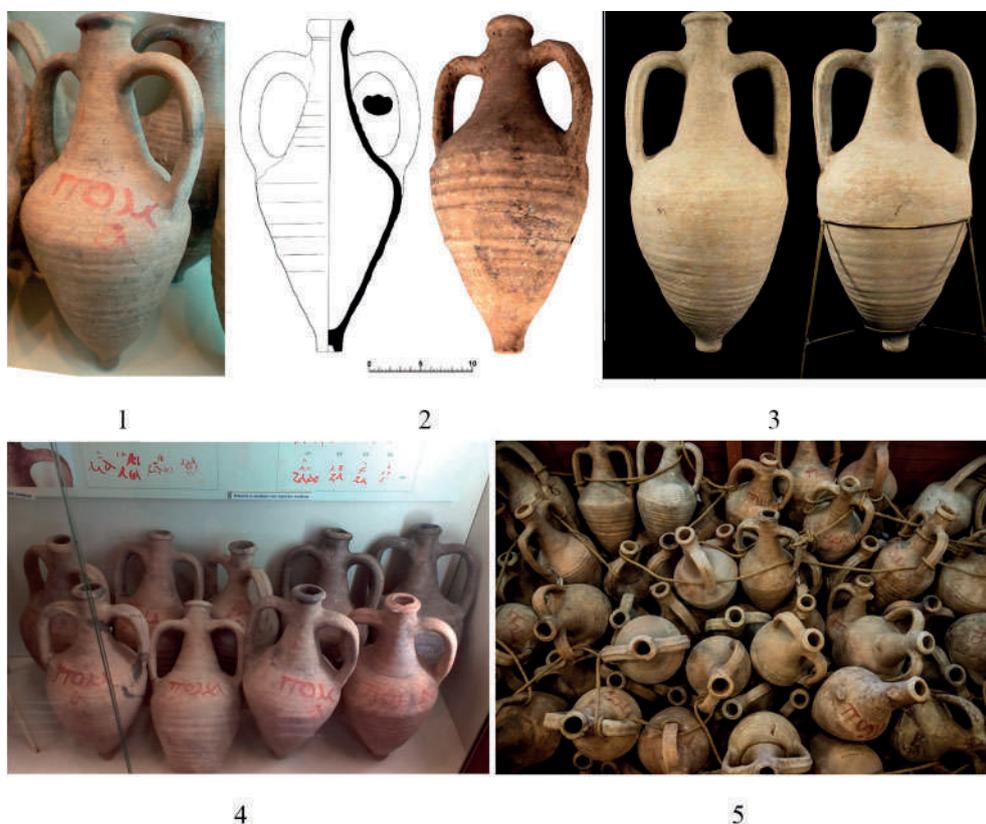

Рис. 1. Амфоры С IV D. 1, 4, 5 - Танаис, 2 – могильник Бельбек I, 3 - Перуджа
 Fig. 1. C IV D amphorae. 1, 4, 5 - Tanais, 2 - Cemetery of Belbek I, 3 – Perugia

И. Б. Зеест выделила «узкогорлые светлоглиняные амфоры с расширяющимся книзу горлом» в типы 91–93, датировав их II–III вв. н.э. По ее мнению, небольшие различия в деталях профилированных частей и в размерах заставляют считать, что амфоры этого типа изготавливались в разных центрах³ (рис. 2).

Крупным прорывом в изучении не только рассматриваемых амфор, но и всех узкогорлых светлоглиняных римского времени стали статьи Д.В. Деопика. Глубокий анализ всех признаков сосудов, связанный с применением статистико-комбинаторных методов, открыл новые горизонты в амфороведении. Ему и коллегам принадлежит фундаментальная классификация узкогорлых светлоглиняных амфор римского времени, согласно которой эта группа сосудов была разделена на типы А–Е, каждый из которых получил подробную морфологическую характеристику⁴. Тогда и были выделены узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D⁵. Да-

³ Зеест 1960, 117–118, табл. XXXVII, 91–93.

⁴ Необходимо отметить, что сама идея разделения узкогорлых светлоглиняных амфор первых веков н.э. на хронологические типы с буквенными обозначениями (А–С), обоснованная стратиграфией памятников, была предложена И.С. Каменецким (Каменецкий 1963). Работы Д.В. Деопика развивают эту концепцию. См. Деопик, Карапетьянц 1970, 103.

⁵ Деопик, Карапетьянц 1970, 103–118, рис. 2; Деопик, Круг 1972.

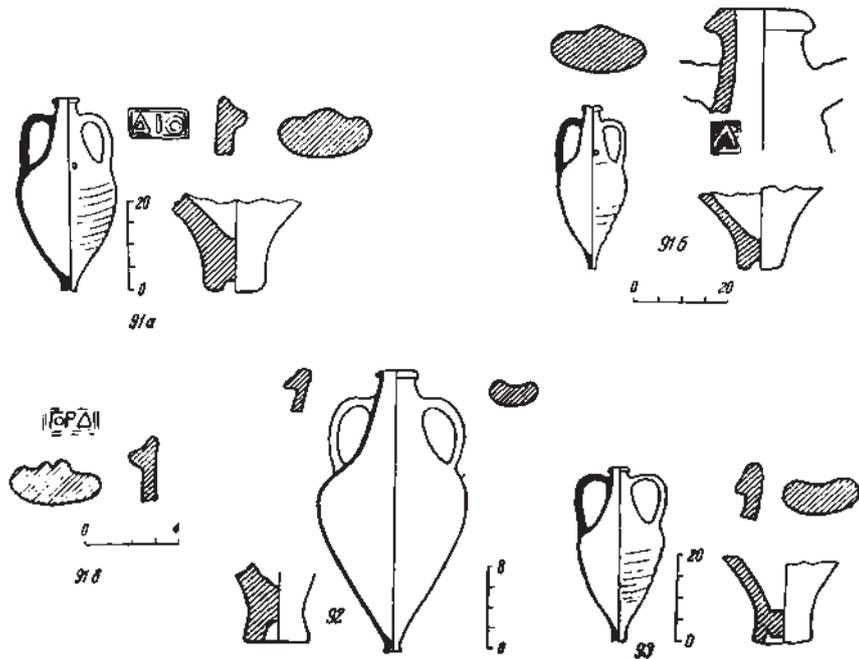

Рис. 2. Типология амфор С IV D (По: Зеест 1960, № 91–93)
 Fig. 2. Typology of C IV D (After Zeest 1960, nos. 91–93)

тировки типов венчиков, ручек и ножек этих амфор, предложенные Д.В. Деопиком, на конец 1980-х гг. выглядели следующим образом. Венчик типа D – первая половина III в. н.э., ручки переходного типа C–D – конец II – начало III в., типа D – первая половина III в., ножки (донья) типа D – первая половина III в. (рис. 3, 1)⁶. Что касается времени бытования типа в целом, то Д.В. Деопик на основании анализа статистического распределения предположил, что производство и потребление амфор типа D не закончилось к середине III в.⁷

Д.Б. Шелов, взяв за основу классификационную схему Д.В. Деопика, выделил внутри типа D два варианта (рис. 3, 2). Второй, позже названный столовым вариантом D, он характеризовал как большие амфоры с круговым поддоном подобно сосудам типа A. Датировка типа, по мнению исследователя, укладывается в первую половину III в.⁸

С.Ю. Внуков предложил несколько отличающуюся классификацию, согласно которой все узкогорлые позднегераклейские амфоры принадлежат одному долго живущему морфологическому типу C IV. В нем выделяются хронологические варианты A–J (которые в целом соответствуют «типам» Д.Б. Шелова) и несколько подвариантов. «Столовый» вариант он рассматривает как самостоятельный с

⁶ Деопик, Круг 1972, рис. 4, 6, 8. Указанные датировки были сообщены Д.В. Деопиком автору настоящей статьи в 1987 г. Автор благодарит Д.В. Деопика за предоставленные сведения и рисунки.

⁷ Деопик 1981, 242.

⁸ Шелов 1978, 18–19, рис. 1, 7.

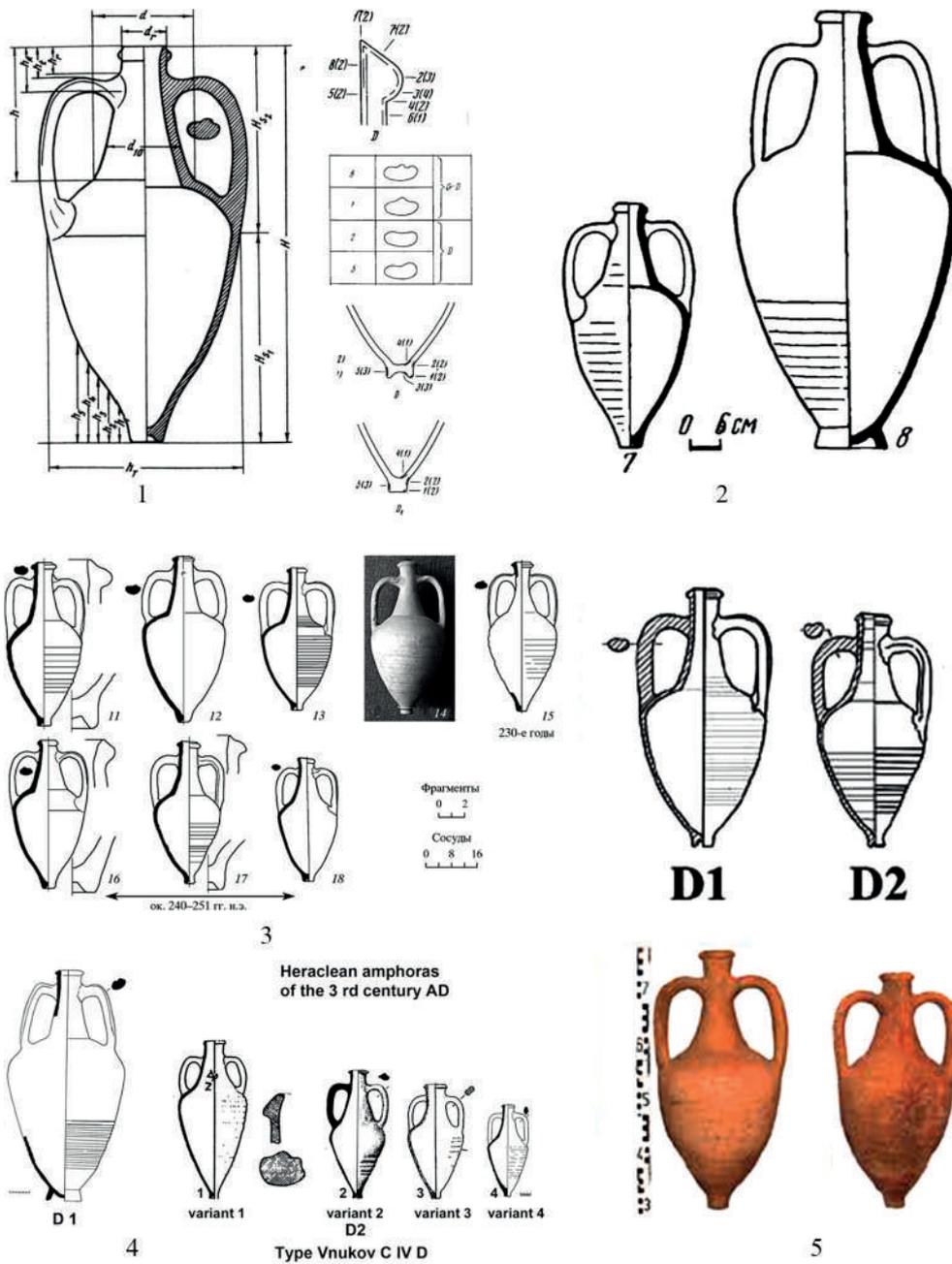

Рис. 3. Типология амфор C IV D: 1 – по: Деопик, Круг 1972; 2 – по: Шелов 1978, рис. 1, 7–8; 3 – по: Внуков 2016, рис. 4, 11–18; 4 – по: Sazanov 2022, fig. 1; 5 – по: Науменко 2017, рис. 4, 4
 Fig. 3. Typology of C IV D amphorae: 1 – after Deopik, Krug 1972; 2 – after Shelov 1978, fig. 1, 7–8; 3 – after Vnukov 2016, fig. 4, 11–18; 4 – after Sazanov 2022, fig. 1; 5 – after Naumenko 2017, fig. 4, 4

наименованием С IV J. Амфоры варианта С IV D производились в Гераклее по крайней мере до разрушения города готами в 264/265 г., общая дата – конец II в. – после 251(264?) г. н.э. (рис. 3, 3)⁹.

В 2015 г. мы разделили амфоры С IV D на два подтипа (table and commercial versions), первый из которых соответствовал С IVJ С.Ю. Внукова. В рамках подтипа 2 выделены четыре варианта. Мы предложили датировать тип С IV D всем III в. н.э., включая вторую половину этого столетия (рис. 3, 4)¹⁰.

С.А. Науменко разделяет С IV D на два подтипа: D 1 и D 2 (рис. 3, 5). По ее наблюдениям, тип С IV D появляется в последней четверти II в. и производится в течение всего III в. Емкость амфор колеблется от 2,8 до 4,9 л. (у самых ранних экземпляров D 1). В середине III в. отмечены и совсем мелкие образцы сосудов, у которых иногда отсутствует на ножке кольцевой поддон, емкость таких сосудов около 2–2,1 л (D 2)¹¹.

Новым этапом в изучении амфор С IV D стали работы С.В. Диденко. Им была разработана принципиально новая типология этих амфор и сделаны важные хронологические выкладки, особенно для позднего этапа. Амфоры типа D продолжают выпускаться во второй половине III — начале IV в., трансформировавшись из классических «танаисских» в морфологически упрощенные поздние варианты¹². Методически автор ориентировался и во многом опирался на разработки профильных частей Д.В. Деопика. Внимание к профильным частям амфор позволило разработать самостоятельную типологию и хронологию (рис. 4, 1). Добавим, что диссертация С.В. Диденко, несомненно, самое современное фундаментальное исследование по античному импорту на территориях, занимаемых черняховской культурой¹³.

С.В. Диденко разделил амфоры С IV D на пять вариантов. Вариант D1 он датировал 200–230 гг., D2 – 230–250, D3 – 250–260, D4 – 260/300–310, D5 – 300/310–320 гг. (рис. 4, 2)¹⁴. Подтипы D1 и D2 с более или менее выраженным переходом от горла к плечу при объеме 4,4–5,5 и 3,3–4,3 л выпускались в первой половине – середине III в. Обычно их и называют «классическими танаисскими» амфорами. Поздние подтипы D4 и D5 с широким основанием горла, низко опущенным плечом и стройным коническим туловом при объеме 2,1–2,8 и 1–2 л суммарно датируются последней третью III – первой третью IV вв. Связующим звеном между ранними и поздними модификациями выступают сосуды подтипа D3 объемом 2,2–3,2 л со сглаженным переходом от горла к покату плечу и слегка выпуклыми стенками тулова¹⁵.

⁹ Внуков 2016, 36, 41, 43–44, рис. 4, 11–18.

¹⁰ Sazanov 2022, 227. Статья была сдана в печать по результатам конференции на Кипре в 2015 г., вышла из печати в 2022 г. Она отражает представления автора на 2015 г.

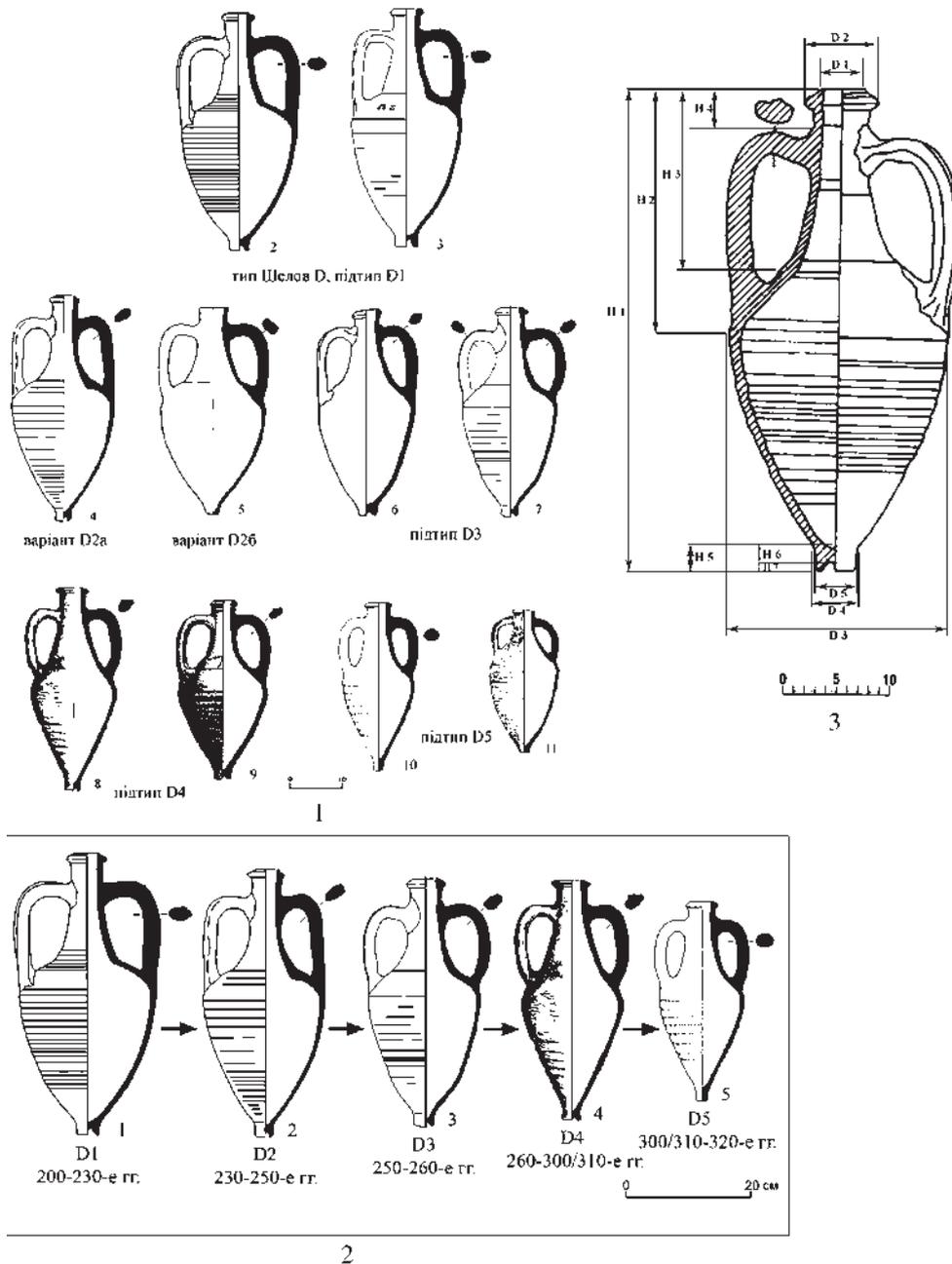
¹¹ Науменко 2017, 25, рис. 4, 4.

¹² Диденко 2014, 45.

¹³ Диденко 2018, 32–51, рис. 3–6.

¹⁴ Мызгин, Диденко 2021, рис. 3.

¹⁵ Мызгин, Диденко 2021, 322.

2

Рис. 4. 1, 2 – типология амфор C IV D (по: Диденко 2018, рис. 3; Мызгин, Диденко 2021, рис. 3); 3 – метрические характеристики амфор C IV D

Fig. 4. 1, 2 – typology of amphorae C IV D (After Didenko 2018, fig. 3; Myzgin, Didenko 2021, fig. 3); 3 – metric characteristics of C IV D amphorae

ПРЕДЛАГАЕМАЯ ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

В основе предлагаемой нами типологии лежит анализ качественных и количественных признаков, характеризующих венчики, ручки, ножки, корпус, объем и модуль амфор С IV D. Необходимые промеры для количественных характеристик представлены на рис. 4, 3¹⁶.

ВЕНЧИКИ

Тип определяет форма венчика, которая может быть валикообразной (1.1), подтреугольной с выделенным гребнем (1.2) или просто подтреугольной (1.3). В рамках типа на основании профиля внутренней поверхности верхней части горла выделяются подтипы с цилиндрическим (1 в типе 1, 2 в типах 2 и 3), суживающимся кверху (1 в типах 2, 3), суживающимся книзу горлом (2 в типе 1, 3 в типах 2 и 3). Внутри подтипов можно выделить варианты в зависимости от размеров и оформления верхней боковой поверхности венчика (рис. 5, 1).

Таблица 1. Венчики. Признаки и их значения

№ признака	Название	Значение
1	Форма венчика	1. Валикообразный 2. Подтреугольный с выделенным гребнем 3. Подтреугольный
2	Профиль внутренней поверхности верхней части горла	1. Горло сужается кверху 2. Горло цилиндрическое 3. Горло сужается книзу
3	Место максимального расширения венчика	1. В верхней части 2. В средней части 3. В нижней части
4	Профиль наружной боковой поверхности	1. Горизонтальная площадка у верхней поверхности 2. Наклонная площадка у верхней поверхности 3. Закругленный профиль наружной боковой поверхности
5	Соотношение диаметра горла (D 1) и диаметра венчика (D 2)	1. 0,81–0,85 2. 0,56–0,75 3. 0,52 4. 0,45–0,48

Выделены три типа, обладающие следующими признаками (рис. 5, 2).

Таблица 2. Общая типология венчиков

Признаки Типы	1			2			3			4			5			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
1	+				+	+	+	+	+			+	+			
2		+		+	+	+	+	+	+	+				+	+	+
3			+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	

¹⁶ D 1–диаметр горла, D 2–диаметр венчика, D 3–максимальный диаметр тулова, D 4–диаметр ножки на перегибе, D 5–нижний диаметр ножки, H 1–высота амфоры, H 2–высота верхней части, H 3–высота горла, H 4–высота венчика, H 5–высота ножки, H 6–толщина поддона, H 7–расстояние от низа дна амфоры до низа поддона.

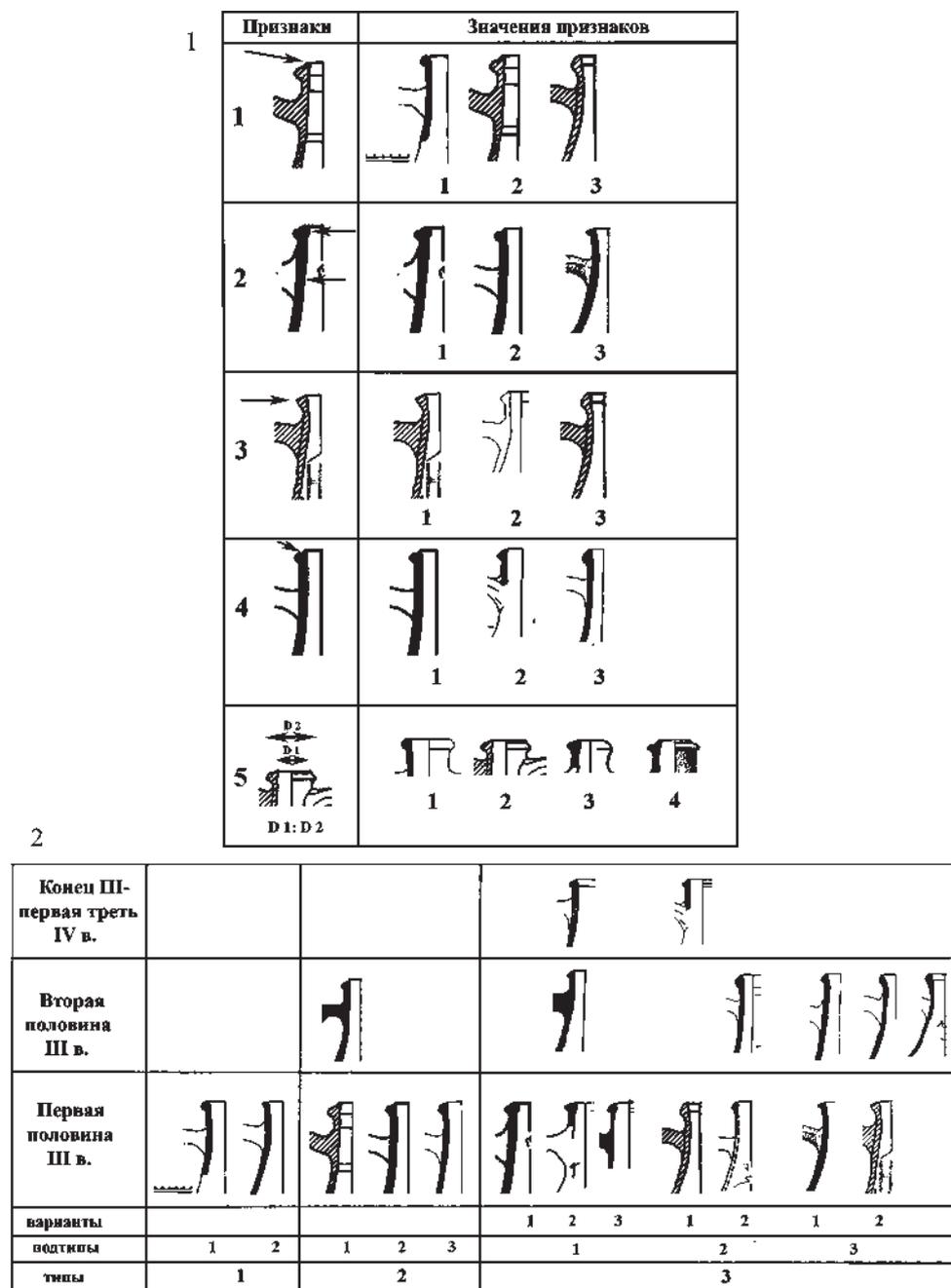

Рис. 5. Венчики. 1 – признаки и их значения; 2 – типология и хронология

Fig. 5. Rims. 1 – features and their values; 2 – typology and chronology

Тип 1. Характерен валикообразный венчик (1.1). Может иметь цилиндрическое или суживающееся книзу горло (2.2–2.3), место максимального расширения венчика в верхней, средней или нижней части (3.1–3.3), закругленный профиль наружной боковой поверхности (4.3), соотношение диаметра горла и диаметра венчика первой группы (5.1). Выделяются два подтипа.

Таблица 3. Типология венчиков. Тип 1 и его подтипы

Тип и подтип	1			2			3			4			5			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
1.1	+				+			+				+	+			
1.2	+					+	+		+			+	+			

Подтип 1 отличает цилиндрическое горло (2.2), место максимального расширения венчика в средней части (3.2), закругленный профиль наружной боковой поверхности (4.3), соотношение диаметра горла и диаметра венчика первой группы (5.1). Амфора с венчиком этого подтипа была обнаружена в склепе, относящемся не ранее, чем к концу первой четверти III в.; в ней находились монеты Плавтиллы (202–212) и Септимия Севера (193–211)¹⁷.

Подтип 2 характеризуется суживающимся книзу горлом (2.3), может иметь место максимального расширения венчика в верхней (3.1) или нижней части (3.3), закругленный профиль наружной боковой поверхности (4.3), соотношение диаметра горла и диаметра венчика первой группы (5.1). Амфоры с венчиком рассматриваемого подтипа происходят из комплексов первой половины III в.¹⁸

Тип 2. Характерен подтреугольный венчик с выделенным гребнем (1.2). Может иметь цилиндрическое, суживающееся книзу или кверху горло (2.1–2.3), место максимального расширения венчика в верхней, средней или нижней части (3.1–3.3), горизонтальная площадка у верхней поверхности (4.1), соотношение диаметра горла и диаметра венчика второй–четвертой групп (5.2–5.4). Выделены три подтипа.

Таблица 4. Типология венчиков. Тип 2 и его подтипы

Тип и подтип	1			2			3			4			5			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
2.1		+		+					+	+				+	+	+
2.2		+			+		+	+	+	+				+		
2.3		+				+			+	+				+		

Подтип 1. Отличает суживающееся кверху горло (2.1). Место максимального расширения венчика приходится на его нижнюю часть (3.3), горизонтальная площадка – у верхней поверхности (4.1), соотношение диаметра горла и диаметра венчика второй–четвертой групп (5.2–5.4).

¹⁷ Пуздровский 2007, 194, рис. 159, 4.

¹⁸ Арсеньева, Науменко 1994, 71, рис. 13, 4; Иванова 2011, рис. 4. Комплекс не датирует амфору из Мангула, но по морфологии она синхронна сосудам первой половины III в.

Амфоры с венчиками этого подтипа обнаружены большей частью в контекстах первой половины III в.¹⁹ Самые поздние находки связаны с двумя комплексами поселений Песчаное и Боромля 2. Первый отнесен к 260–300/310²⁰, второй – 255–270 гг.²¹. Скорее всего, верхняя граница подтипа находится в пределах середины–третьей четверти III в.

Подтип 2. Характерно цилиндрическое горло (2.2). Место максимального расширения венчика приходится на его верхнюю, среднюю или нижнюю части (3.1–3.3), горизонтальная площадка – у верхней поверхности (4.1), соотношение диаметра горла и диаметра венчика второй группы (5.2).

Амфоры с венчиками подтипа 2 происходят из контекстов последней четверти II в.²² и первой половины III в.²³ Самые ранние экземпляры, видимо, можно отнести к последней четверти II в., на что указывает монета Клодия Альбина 193–195 гг. из погребения 285 могильника Бельбек IV²⁴. Нижняя граница этих амфор вполне может быть в пределах последней четверти II в.²⁵

Подтип 3. Характерно сужающееся книзу горло (2.3). Место максимального расширения венчика приходится на его нижнюю часть (3.3), горизонтальная площадка – у верхней поверхности (4.1), соотношение диаметра горла и диаметра венчика второй группы (5.2). Амфоры с венчиками этого подтипа обнаружены в контекстах первой половины III в.²⁶

Тип 3. Характерен подтреугольный венчик (1.3). Может иметь суживающееся кверху, цилиндрическое или суживающееся книзу горло (2.1–2.3), место максимального расширения венчика в верхней, средней или нижней части (3.1–3.3), профиль наружной боковой поверхности в виде наклонной площадки или закругленный (4.2–4.3), соотношение диаметра горла и диаметра венчика групп 1–3 (5.1–5.3). Выделены три подтипа с тремя вариантами в каждом из них.

Таблица 5. Типология венчиков. Тип 3 и его подтипы

Тип и подтип	1			2			3			4			5			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
3.1			+	+					+	+	+			+	+	
3.2			+		+				+		+			+		
3.3			+			+	+	+	+		+	+	+	+		

Подтип 1. Характерно сужающееся кверху горло (2.1). Место максимального расширения венчика приходится на его нижнюю часть (3.3), горизонтальная площадка – у верхней поверхности или наклонная (4.1–4.2), соотношение диаметра

¹⁹ Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 5; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1.

²⁰ Діденко 2018, рис. 41, 5.

²¹ Дідик 2011, рис. 2, 2.

²² Амфора из Хапровского городища. См. ниже.

²³ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8–9; 25, 1; Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 1–3; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; Внуков 2016, рис. 4, 13.

²⁴ Гущина, Журавлев 1999, 167.

²⁵ Науменко 2012, 69.

²⁶ Алексеева 1997, табл. 222, 1; Волошинов, Масякин 2022, рис. 5, 1; Бураков 1976, 74–75, табл. III, 30.

горла и диаметра венчика второй и третьей групп (5.2-5.3). Амфоры с венчиками этого подтипа обнаружены в контекстах первой половины, второй половины и конца III – первой трети IV в.²⁷ Выделены три варианта.

Амфоры с венчиками варианта 1 происходят из контекстов Портицы 230-х гг., Танаиса 250/251 г. и Ольвии первой половины III в.²⁸, варианта 2 – из комплексов Горгиппии 240 г. н.э., склепа 1 с. Перевальное середины – второй четверти III в., черняховской культуры 250–260 гг., Балты-Чокрака середины – третьей четверти III в., могильника Дружное 300/310–320 гг., Сучидавы 324–330 гг.²⁹, варианта 3 – Беседовки 250/260 гг.³⁰.

Подтип 2. Характерно цилиндрическое горло (2.2). Место максимального расширения венчика приходится на его нижнюю часть (3.3), горизонтальная площадка наклонная (4.2), соотношение диаметра горла и диаметра венчика второй группы (5.2).

Амфоры с венчиками этого подтипа обнаружены в контекстах 240–260 гг., второй половины III в. и конца III – первой трети IV в.³¹

Амфоры с венчиками варианта 1 обнаружены в контекстах 250/251 г., конца III – первой трети IV в., 300/310–320 гг.³². Вариант 2 представлен в контекстах 240 г. (одна амфора с монетой Гордиана III (238–244)), 250–260 гг., второй половины III в.³³

Подтип 3. Отличается сужающимся книзу горлом (2.3). Место максимального расширения венчика в верхней, средней или нижней части (3.1–3.3), профиль наружной боковой поверхности в виде горизонтальной площадки у верхней поверхности, наклонной площадки или закругленный (4.1–4.3), соотношение диаметра горла и диаметра венчика групп 1 и 2 (5.1–5.2). Амфоры с венчиками подтипа 3 обнаружены в контекстах последней четверти II в. (цистерна Танаиса)³⁴, 250/251 – 260/270–310/320.³⁵ Выделены два варианта.

Вариант 1 известен на амфорах из контекстов первой и второй половин III в., 260/270–310/320 гг.³⁶, вариант 2 – последней четверти II в. (цистерна Танаиса), 250/251 г. и второй половины III в., причем в могиле 13 могильника Бельбек I, отнесенной авторами публикации к второй половине III в., была обнаружена монета Гордиана III 240 г. н.э.³⁷

²⁷ Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Алексеева 1995, рис. 12, 1; 1997, табл. 172, 1; Ильяшенко 2013, рис. 13, 1; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 4; Діденко 2018, 38–39, рис. 2, 13, 19; 41, 1, 2; Внуков 2016, рис. 4, 12; Крапивина 1993, рис. 29, 7; Храпунов 2012, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25.

²⁸ Внуков 2016, рис. 4, 12; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Крапивина 1993, рис. 29, 7.

²⁹ Алексеева 1995, рис. 12, 1; 1997, табл. 172, 1; Ильяшенко 2013, рис. 13, 1; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 4; Діденко 2018, 38–39, рис. 2, 13, 19; 41, 2; Храпунов 2012, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25.

³⁰ Діденко 2018, рис. 41, 1.

³¹ Ильяшенко 2013, рис. 13, 2; Стржелецкий и др. 2004, табл. 4; Klenina 2021, fig. 3, 3; 2022, fig. 2, 3; Журавлев и др. 2021, рис. 24, 9; 46, 1; Діденко 2018, 38, рис. 2, 1; 3, 11; 41, 3.

³² Арсеньева и др. 2009, рис. 24, 7; Дзиговський, Масюта, 2020, рис. 3; Діденко 2018, 38, рис. 2, 1; 3, 11.

³³ Ильяшенко 2013, рис. 13, 2; Діденко 2018, рис. 41, 3; Стржелецкий и др. 2004, табл. 4; Klenina 2021, fig. 3, 3; 2022, fig. 2, 3; Журавлев и др. 2021, рис. 24, 9; 46, 1.

³⁴ Автор благодарит С.А. Науменко за информацию, фотографию и описание.

³⁵ Мульд 2001, 51, 52, рис. 1; Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1, 37, 40; Внуков 2016, рис. 4, 16; Храпунов 2012, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7.

³⁶ Мульд 2001, 51, 52, рис. 1; Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1; Храпунов 2012, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7.

³⁷ Внуков 2016, рис. 4, 16; Журавлев и др. 2021, рис. 37; 40.

Таким образом, в целом венчики типа 1 можно отнести к первой половине III в., типа 2 – к началу – середине/третьей четверти III в., типа 3 – к последней четверти II в. – первой трети IV в. Ясно, что общая эволюция C IV D шла по линии исчезновения валикообразного венчика (тип 1), гребня (тип 2), унаследованного от C IV C и доминирования подтреугольного венчика (тип 3).

**ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ КОРПУСА
(ПЛЕЧИ – ГОРЛО ДО НИЖНЕГО ПРИЛЕПА РУЧЕК)**

Типологию верхней части корпуса определяют два признака: профилировка плечиков амфор (1) и внутренней поверхности нижней части горла (до нижнего прилепа ручек) (2) с соответствующими значениями (рис. 6, 1).

Таблица 6. Верхняя часть корпуса. Признаки и их значения

№ признака	Название	Значение
1	Профиль плечиков амфор	1. Плечи сильно выпуклые 2. Выпуклые 3. Наклонные
2	Профиль внутренней поверхности нижней части горла (до нижнего прилепа ручек)	1. Горло наклонное 2. Горло слегка вогнутое 3. Горло слегка выпуклое

Выделены три типа, обладающие следующими признаками (рис. 6, 2).

Таблица 7. Типология верхней части корпуса

Признаки Типы	1			2		
	1	2	3	1	2	3
1	+			+	+	
2		+		+	+	
3			+	+	+	+

Тип 1. Плечи сильно выпуклые (1.1), горло наклонное или слегка вогнутое (2.1–2.2). Амфоры с верхней частью корпуса этого типа происходят из контекстов, датированных первой половиной III в.³⁸

Тип 2. Плечи выпуклые (1.2), горло наклонное, слегка вогнутое (2.1–2.2). Амфоры с верхней частью корпуса этого типа встречены в контекстах первой³⁹ и второй⁴⁰ половин III в. и конца III – первой трети IV в.⁴¹

³⁸ Внуков 2016, рис. 4, 12, 13, 16; Крапивина 1993, рис. 29, 5, 7; Пуздровский 2007, 146, 194, рис. 159, 4, 161, 1–4, 5; Гушина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; 2016, 18; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; 26, 1; 27, 8; Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7; Діденко 2018, 38, рис. 2, 1; 41, 1–2, 4–5; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3. Рисунки амфоры из кургана 9 Градешки в диссертации Діденко и статье Дзиговского и Масюты сильно отличаются, возникает вопрос: это одна и та же амфора?; Арсеньева, Науменко 1994, 70–71, рис. 13, 2.

³⁹ Пуздровский и др. 2001, рис. 8, 8; Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Мульд 2001, 51, 52, рис. 1; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1; Беспалый 1990, 220, рис. 4, 16; Діденко 2018, 38, рис. 2, 13, 19; Бураков 1976, 74–75, табл. III, 30; Ильяшенко 2013, рис. 13, 2, Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 7.

⁴⁰ Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1, 24, 9, 37, 46, 1.

⁴¹ Діденко 2018, 49, рис. 21, 1

Признаки	Значения признаков		
1			
2			

1

Конец III - первая треть IV в.			
Вторая половина III в.			
Первая половина III в.			
Подтип		1	2
Тип	1	2	3

2

Рис. 6. Верхняя часть корпуса. 1 – признаки и их значения; 2 – типология и хронология
 Fig. 6. Top part of C IV D amphora. 1 – features and their values; 2 – typology and chronology

Тип 3. Плечи наклонные (1.3), горло наклонное, слегка вогнутое или слегка выпуклое (2.1–2.3). Выделены два подтипа.

Таблица 8. Типология верхней части корпуса. Тип 3 и его подтипы

Типы и под- типы	1			2		
	1	2	3	1	2	3
3.1			+	+	+	
3.2			+			+

Подтип 1. Горло наклонное, слегка вогнутое (2.1–2.2). Амфоры с верхней частью корпуса этого подтипа происходят из контекстов первой⁴² и второй⁴³ половин III в. и конца III – первой трети IV в.⁴⁴

Подтип 2. Горло слегка выпуклое (2.2). Амфоры с верхней частью корпуса этого подтипа обнаружены в контекстах первой и второй половин III в.⁴⁵

РУЧКИ

В основе типологии лежат следующие признаки: профилировка верхней плоскости ручки (1), форма ручки в сечении (2), соотношение ширины и толщины ручки (3) (рис. 7, 1).

Таблица 9. Ручки. Признаки и их значения

№ признака	Название	Значение
1	Профилировка верхней плоскости ручки	1. Два валика 2. Один выраженный валик 3. Один слабо выраженный валик 4. Желобок 5. Нечеткое ребро
2	Форма ручки в поперечном сечении	1. Подтреугольная 2. Подпрямоугольная
3	Соотношение ширины и толщины ручки (m:t)	1. 2,11–2,33 2. 1,94–2,00 3. 1,67–1,82 4. 1,42–1,63 5. 1,33–1,38 6. 1,08–1,26

Выделены 5 типов с подтипами и вариантами (рис. 7, 2)

⁴² Иванова 2011, рис. 4; Науменко 2012, 69, рис. 12, 5; .Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; Крапивина 1993, рис. 29, 6; Діденко 2018, рис. 41, 3; Стржелецкий и др. 2004, табл. IV; Klenina 2022, fig. 2, 3; 2021, fig. 3, 3.

⁴³ Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25

⁴⁴ Діденко 2018, 38, рис. 31, 11.

⁴⁵ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8, 9; Журавлев и др. 2021, рис. 40.

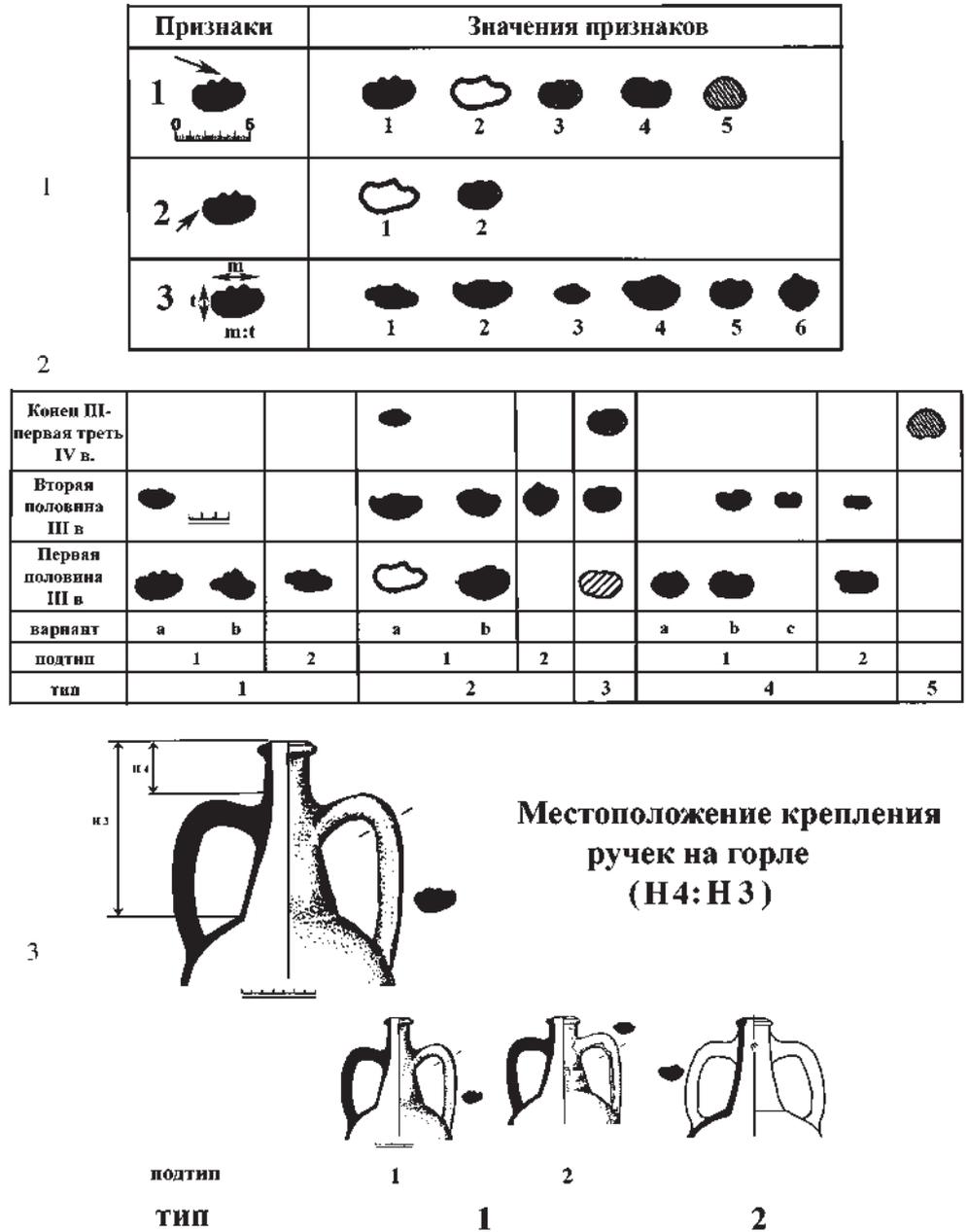

Рис. 7. Ручки. 1 – признаки и их значения; 2 – типология и хронология; 3 – местоположение ручек
 Fig. 7. Handles. 1 – features and their values; 2 – typology and chronology; 3 – location of handles

Таблица 10. Типология ручек

Тип	1					2		3					
	1	2	3	4	5	1	2	1	2	3	4	5	6
1	+					+	+	+		+	+		
2		+				+		+	+	+	+		
3			+				+	+			+	+	
4				+		+	+	+	+	+	+	+	
5					+	+		+					+

Тип 1. Характерны два валика на верхней плоскости (1.1). Ручка подтреугольной или подпрямоугольной в сечении формы (2.1–2.2). Соотношение ширины и толщины соответствует 3 и 4 группам (3.3–3.4). В зависимости от толщины ручки выделяются два подтипа.

Таблица 11. Типология ручек. Тип 1 и его подтипы

Тип и подтип	1					2		3					
	1	2	3	4	5	1	2	1	2	3	4	5	6
1.1	+					+	+			+	+		
1.2	+					+		+					

Подтип 1. Ручка подтреугольной или подпрямоугольной в сечении формы (2.1–2.2). Соотношение ширины и толщины соответствует 3 и 4 группам (3.3–3.4). Вариантообразующий признак – высота валиков. Она может быть одинаковой (вариант а) или один валик выше другого (вариант б). Амфоры с ручками подтипа 1 встречаются в своем большинстве в контекстах первой половины III в.⁴⁶ Однако одна амфора с ручками этого подтипа датирована второй половиной III в.⁴⁷

Подтип 2. Характерна уплощенная ручка 1 группы (3.1). Амфора подтипа 2 происходит из комплекса первой половины III в.⁴⁸

Тип 2. С одним валиком на верхней плоскости (1.2). Соотношение ширины и толщины соответствует 1–4 и 6 группам (2.1–2.4, 2.6). Выделяются два подтипа.

Таблица 12. Типология ручек. Тип 2 и его подтипы

Тип и подтип	1					2		3					
	1	2	3	4	5	1	2	1	2	3	4	5	6
2.1		+				+		+	+	+	+		
2.2		+				+							+

Подтип 1. Обычная в сечении ручка, соотношение ширины и толщины соответствует 1–4 группам (2.1–2.4). В пределах этого подтипа различаются два варианта: с валиком по центру (вариант а) и смещенным (вариант б). Амфоры с ручками варианта а обнаружены в контекстах первой и второй половин III в., а также

⁴⁶ Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 1, 2, 3, 5; Ильяшенко 2013, рис. 27, 8; Внуков 2016, рис. 4, 16; Алексеева 1997, табл. 222, 1.

⁴⁷ Журавлев и др. 2021, рис. 46, 1.

⁴⁸ Арсеньева, Науменко 1993, 71, рис. 13, 4.

конца III – первой трети IV в.⁴⁹ Вариант *b* встречен на амфорах из комплексов первой и второй половин III в.⁵⁰

Подтип 2. Овальная ручка с острым валиком на верхней плоскости, соотношение ширины и толщины соответствует 6 группе (2.6). Амфора этого подтипа из могилы 13 Балты-Чокрака относится к середине – третьей четверти III в.⁵¹

Тип 3. Подпрямоугольная в сечении утолщенная ручка (2.2) с одним слабо выраженным валиком на верхней плоскости (1.3), соотношение ширины и толщины соответствует группам 4, 5 (3.4–3.5). Амфоры с такими ручками известны в контекстах первой и второй половин III в., а также конца III – первой трети IV в.⁵²

Тип 4. Отличает профилировка верхней плоскости желобком (1.4). В сечении ручка может быть подпрямоугольной (2.2) или подтреугольной (2.1), соотношение ширины и толщины соответствует группам 1–5 (3.1–3.5). Выделяются два подтипа в зависимости от толщины ручки.

Таблица 13. Типология ручек. Тип 4 и его подтипы

Тип и подтип	1					2		3					
	1	2	3	4	5	1	2	1	2	3	4	5	6
4.1				+		+	+			+	+	+	
4.2				+		+	+	+	+				

Подтип 1. Соотношение ширины и толщины соответствует группам 3–5 (3.3–3.5). В зависимости от характера желобка и толщины ручки различаются три варианта. Ручки типа 4.1a встречаются на амфорах из контекстов Танаиса и могильника «Совхоз 10» первой половины III в.⁵³ Ручки типа 4.1b известны на сосудах из контекстов, датирующихся первой и второй половиной III в.⁵⁴ Амфора с ручкой типа 4.1c обнаружена в погребении могильника Дружное с монетой Галлиена (253–268), датированном 260/270–310/320 гг.⁵⁵

Подтип 2. Соотношение ширины и толщины соответствует группам 1–2 (3.1–3.2). Ручки типа 4.2 встречены на амфорах из заполнения подвала МБ Танаиса первой половины III в. и могилы 16 некрополя Бельбек I, датированной второй половиной III в.⁵⁶

⁴⁹ Ильяшенко 2013, рис. 13, 1–2; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2009, 46, рис. 24, 9; 25, 2; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Науменко. 2012, 69, рис. 12, 5; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 4; Алексеева 1995, рис. 12, 1; Алексеева 1997, табл. 172, 1; Крапивина 1993, рис. 29, 5, 7; Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008, 29, рис. 10, 3–5; Діденко 2018, рис. 41, 5; Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25.

⁵⁰ Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Пуздровский 2007, 194, рис. 159, 4; Внуков 2016, рис. 4, 12–13; Мульд 2001, 51–52, рис. 1; Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; Гущина, Журавлев 2016, 18; Арсеньева и др. 2009, рис. 24, 7; 25, 3; Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1.

⁵¹ Діденко 2018, 38, рис. 2, 13.

⁵² Ильяшенко 2013, рис. 26, 1; Діденко 2018, 49, рис. 21, 1; 41, 1–3; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3; Журавлев и др. 2021, рис. 37.

⁵³ Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 4; Klenina 2021, fig. 3, 3; 2022, fig. 2, 3.

⁵⁴ Крапивина 1993, рис. 29, 6; Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8; 25; Иванова 2011, рис. 4; Журавлев и др. 2021, рис. 24, 9.

⁵⁵ Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7.

⁵⁶ Арсеньева, Науменко 1993, 70–71, рис. 13, 2; Журавлев и др. 2021, рис. 40.

Тип 5. Подтреугольная в сечении ручка (2.1) с нечетким ребром (1.5). Соотношение ширины и толщины группы 6 (3.6). Зафиксирована на амфоре, обнаруженной с монетой Елены 324–330 гг.⁵⁷.

Местоположение ручек

В основе типологии лежат следующие признаки: местоположение верхнего прилепа (1) и соотношение Н4:Н3. Первый признак образует тип, второй – подтип.

Таблица 14. Местоположение ручек. Признаки и их значения

№ признака	Название	Значение
1	Местоположение верхнего прилепа	1. Ниже венчика 2. Непосредственно под венчиком
2	Соотношение Н4:Н3	1. 0,36–0,31 2. 0,26–0,18

Выделены два типа с подтипами в рамках первого (рис. 7, 3).

Тип 1. Верхний прилеп ниже венчика.

Подтип 1. Соотношение Н4:Н3 имеет значения первой группы. Амфоры с расположением ручек этого подтипа известны в контекстах первой и второй половин III в.⁵⁸

Подтип 2. Соотношение Н4:Н3 имеет значения второй группы. Амфоры с расположением ручек этого типа происходят из контекстов первой⁵⁹ и второй⁶⁰ половин III в. и конца III – первой трети IV в.⁶¹

Тип 2. Верхний прилеп непосредственно под венчиком.

Амфоры с расположением ручек этого типа происходят из контекстов первой половины III в.⁶² и конца III – первой трети IV в.⁶³

НИЖНЯЯ ЧАСТЬ КОРПУСА (ОТ ПЛЕЧЕЙ ДО ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ НОЖКИ)

Нижняя часть корпуса может быть в разрезе выпуклой, прямой, с небольшим утолщением, с небольшой выпуклостью, вогнутой.

⁵⁷ Діденко 2018, 39, рис. 2, 19.

⁵⁸ Klenina 2022, fig. 2, 3; 2021, fig. 3, 3; Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 4; Крапивина 1993, рис. 29, 7; Журавлев и др. 2021, рис. 40; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 1.

⁵⁹ Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Ильяшенко 2013, рис. 13, 2; Пуздровский и др. 2001, рис. 8, 8; Пуздровский 2007, рис. 159, 4; 161, 3; Внуков 2016, рис. 4, 13В; Мульд 2001, 51–52, рис. 1; Бураков 1976, 74–75, табл. III, 30; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1.

⁶⁰ Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1; 24, 9; 46, 1; Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7; Діденко 2018, 38, рис. 2, 13.

⁶¹ Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25; Діденко 2018, 39, рис. 2, 19; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3.

⁶² Ильяшенко 2013, рис. 26, 1; 27, 8; Внуков 2016, рис. 4, 12, 16.

⁶³ Діденко 2018, 38, рис. 3, 11

Таблица 15. Нижняя часть корпуса. Признаки и их значения

№ признака	Название	Значение
1	Профиль нижней части корпуса в разрезе	1. Выпуклый 2. Прямой 3. С небольшим утолщением 4. С небольшой выпуклостью 5. Вогнутый

Выделены три типа с соответствующими подтипами (рис. 8, 1).

Тип 1. Нижняя часть корпуса выпуклая (1.1). В зависимости от степени выпуклости выделены два подтипа. Амфоры с нижней частью корпуса, отнесенной к подтипу 1, происходят из контекстов первой и второй половин III в.⁶⁴, подтипа 2 – первой половины этого столетия⁶⁵

Тип 2. Нижняя часть корпуса прямая (1.2), или с небольшим утолщением (1.3), или с небольшой выпуклостью (1.4). Соответственно выделены три подтипа. Амфоры с нижней частью корпуса, отнесенной к подтипу 1 обнаружены в контекстах первой половины III – конца III / первой трети IV в.⁶⁶, подтипа 2 – также первой половины III – конца III / первой трети IV в.⁶⁷ Подтип 3 известен на амфорах из контекстов первой половины III и конца III – первой трети IV в.⁶⁸

Тип 3. Нижняя часть корпуса вогнутая (1.5). Выделены два подтипа. Амфоры подтипа 1 выявлены в контекстах первой половины III в.⁶⁹, подтипа 2 – первой и второй половин III в.⁷⁰

НОЖКИ

В основе типологии лежат следующие признаки: контур боковой поверхности донной части (в разрезе) (1), соотношение нижнего диаметра и диаметра на перегибе (2), контур боковой поверхности донной части от перегиба до нижнего диаметра (3), форма дна (4), заполнение ножки (5) с соответствующими значениями (рис. 8, 2).

⁶⁴ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 7; Пуздровский 2007, 194, рис. 159, 4; Журавлев и др. 2021, рис. 40.

⁶⁵ Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 4.

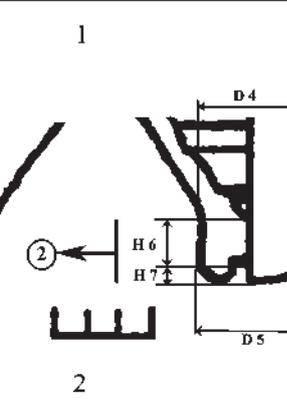
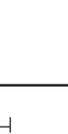
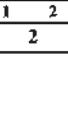
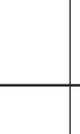
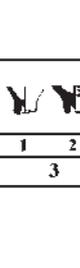
⁶⁶ Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Пуздровский 2007, рис. 161, 3; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; 2016, 18; Храпунов 2002, рис. 93, 4–5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7, 25; Діденко 2018, 38–39, рис. 2, 13, 19; Klenina 2022, fig. 2, 3; 2021, fig. 3, 3; Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 4; Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1; 37, 46, 1.

⁶⁷ Науменко 2012, 69, рис. 12, 5; Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; 13, 1; Алексеева 1995, рис. 12, 1; 1997, табл. 172, 1; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 2; Діденко 2018, 38, рис. 3, 11; 41, 1–3; Журавлев и др. 2021, рис. 24, 9.

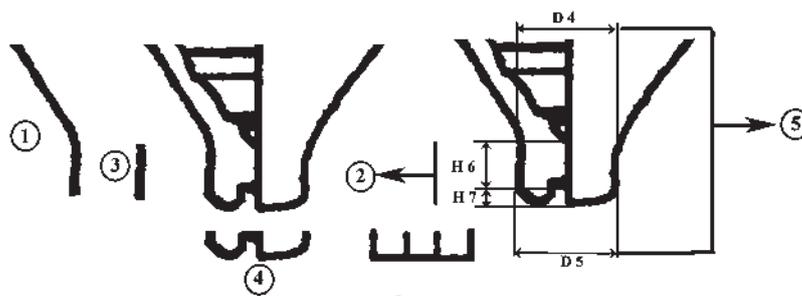
⁶⁸ Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; 27, 8; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 1; Мульд 2001, 51–52, рис. 1; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1; Беспальый 1990, 220, рис. 4, 16; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3; Внуков 2016, рис. 4, 13В; Діденко 2018, 49, рис. 21, 1.

⁶⁹ Арсеньева и др. 1994, 70–71, рис. 13, 2; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Пуздровский и др. 2001, рис. 8, 8; Внуков 2016, рис. 4, 16; Крапивина 1993, рис. 29, 5–7.

⁷⁰ Алексеева 1997, табл. 222, 1; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3, 2.

Конец III-первая треть IV в.				
Вторая половина III в.				
Первая половина III в.				
Подтип	1 2		1 2 3	1 2
Тип	1		2	3

1

2

конец III-первая треть IV в.										
вторая половина III в.										
первая половина III в.										
подтип		1 2	1 2	1 2 3	1 2			1 2 3		
тип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	

3

Рис. 8. Нижняя часть корпуса и ножки (донья). 1 – нижняя часть корпуса: типология и хронология; 2 – ножки: признаки и значения; 3 – типология и хронология ножек
 Fig. 8. Lower part and bottoms of C IV D amphorae. 1 – typology and chronology of lower part; 2 – bottoms: features and their values; 3 – typology and chronology bottoms

Таблица 16. Ножки (донья) амфор. Признаки и их значения

№ признака	Название	Значение
1	Боковая поверхность донной части (в разрезе)	1. Прямая или выпуклая 2. Вогнутая дугой 3. Перегиб в форме слабо выраженного угла 4. Перегиб в форме сильно выраженного угла
2	Соотношение нижнего диаметра и диаметра на перегибе D 5: D 4	1. Нижний диаметр больше диаметра на перегибе 2. Нижний диаметр равен диаметру на перегибе 3. Нижний диаметр меньше диаметра на перегибе
3	Контур боковой поверхности донной части от перегиба до нижнего диаметра	1. Прямой или выпуклый 2. Вогнутый
4	Форма дна	1. Поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой 2. Поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой 3. Поддон с ярко выраженным цилиндрическим выступом и канавкой 4. Вмятина в дне («ложный поддон») 5. Уплотненное 6. Слегка выпуклое 7. Выпуклое («набалдашник»)
5	Заполнение ножки. Расстояние от низа дна амфоры до низа поддона (Н7) / толщина поддона (Н6) (Н7:Н6).	1. 1,20–2,00 2. 0,7–1,0 3. 0,35–0,60 4. 0,13–0,29 5. 0–0,04

Выделено девять типов ножек с соответствующими подтипами и вариантами (рис. 8, 3).

Таблица 17. Общая типология ножек (доньев) амфор

Тип	1				2			3		4								5						
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5		
1	+	+						+	+		+								+	+	+			
2		+	+	+	+	+	+	+	+		+									+	+	+		
3			+		+	+	+	+		+	+								+	+		+		
4		+	+			+	+	+	+		+									+	+	+		
5			+		+	+	+	+		+	+										+	+		
6		+				+			+	+												+		
7		+	+			+	+	+	+				+	+							+	+	+	
8		+					+		+						+								+	
9				+	+				+								+							+

Тип 1. Боковая поверхность донной части прямая, выпуклая (1.1) или вогнутая (1.2), нижний диаметр меньше диаметра на перегибе (2.3), боковая поверх-

ность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая (3.1), поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой (4.1), заполнение поддона соответствует 2–4 группам (5.2–5.4).

Ножки этого типа встречены на амфорах, происходящих из контекстов, датированных 230 и 240–251 гг., второй половиной III в.⁷¹

Тип 2. Боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой (1.2) или имеет перегиб в виде сильно выраженного угла (1.4), слабо выраженного угла (1.3). Нижний диаметр больше (2.1), равен (2.2) или меньше диаметра на перегибе (2.3). Боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая, выпуклая (3.1) или вогнутая (3.2). Поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой (4.2), заполнение поддона соответствует 2–4 группам (5.2–5.4).

Таблица 18. Типология ножек. Тип 2 и его подтипы

Тип и подтип	1				2			3		4								5					
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5	
2.1				+	+			+			+											+	
2.2		+	+	+	+	+	+	+	+		+								+	+			

Различаются два подтипа. Первый характеризуется сочетанием признаков 1.4 (перегиб в форме сильно выраженного угла), 2.1 (нижний диаметр больше диаметра на перегибе), 3.1 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.2 (поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой), 5.4 (заполнение поддона соответствует 4 группе)⁷². Второй подтип имеет признаки 1.2–1.4 (боковая поверхность донной части прямая или выпуклая, перегиб в форме слабо выраженного угла, перегиб в форме сильно выраженного угла), 2.1–2.3 (нижний диаметр больше, равен или меньше диаметра на перегибе), 3.1–3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.2 (поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой), 5.2–5.3 (заполнение поддона групп 2 и 3). Все амфоры с ножками этого типа происходят из контекстов первой половины III в.⁷³

Тип 3. Боковая поверхность донной части в разрезе с перегибом в форме слабо выраженного угла (1.3). Нижний диаметр больше (2.1), равен (2.2) или меньше диаметра на перегибе (2.3), боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая (3.1), поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой, с выраженным выступом и неглубокой канавкой, с ярко выраженным цилиндрическим выступом и канавкой (4.1–4.3), заполнение ножки соответствует группам 1–4.

⁷¹ Внуков 2016, рис. 4, 12, 16; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1.

⁷² Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 1, 5.

⁷³ Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 2–3; Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 4; Klenina 2021, fig. 3, 3; 2022, fig. 2, 3; Арсеньева и др. 2009, рис. 24, 7; Пуздровский и др. 2001, рис. 8, 8; Діденко 2018, рис. 41, 3; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; 2016, 18; Беспалый 1990, 220, рис. 4, 16.

Таблица 19. Типология ножек. Тип 3 и его подтипы

Тип и подтип	1				2			3		4								5				
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5
3.1			+		+		+	+		+	+							+	+			
3.2			+			+	+	+			+	+							+	+	+	

Выделяются два подтипа. Первый характеризуется признаками 1.3 (перегиб в форме слабо выраженного угла), 2.1 (нижний диаметр больше диаметра на перегибе), 2.3 (нижний диаметр меньше диаметра на перегибе), 3.1 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.1–4.2 (поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой, с выраженным выступом и неглубокой канавкой), 5.1–5.2 (заполнение ножки)⁷⁴.

Второй подтип имеет признаки 1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе с перегибом в форме слабо выраженного угла), 2.2–2.3 (нижний равен или меньше диаметра на перегибе), 3.1 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.2–4.3 (поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой, ярко выраженным цилиндрическим выступом и канавкой), 5.2–5.4 (заполнение ножки)⁷⁵.

Все амфоры с ножками типа 3 происходят из контекстов первой половины III в.⁷⁶

Тип 4. Боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой (1.2) или с перегибом в форме слабо выраженного угла (1.3), нижний диаметр равен или меньше диаметра на перегибе (2.2, 2.3), боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или вогнутая (3.1, 3.2), поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой (4.2). Выделяются три подтипа.

Таблица 20. Типология ножек. Тип 4 и его подтипы

Тип и подтип	1				2			3		4								5				
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5
4.1		+						+			+									+		
4.2			+				+				+									+	+	
4.3		+					+		+		+									+	+	

Первый характеризуется сочетанием признаков 1.2 (боковая поверхность донной части вогнутая дугой), 2.2 (нижний диаметр равен диаметру на перегибе), 3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра вогнутая), поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой (4.2), 5.3 (заполнение ножки)⁷⁷.

Второй подтип характеризуется признаками 1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе с перегибом в форме слабо выраженного угла), 2.2 (нижний диаметр равен диаметру на перегибе), 3.1 (боковая поверхность донной части от

⁷⁴ Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Ильяшенко 2013, рис. 26, 1; Мульд 2001, 51–52, рис. 1.

⁷⁵ Бруяко и др. 2008, 29, рис. 10, 4; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1.

⁷⁶ Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Ильяшенко 2013, рис. 26, 1; Мульд 2001, 51–52, рис. 1; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1.

⁷⁷ Пуздровский 2007, 194, рис. 159, 4.

перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.2 (поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой), 5.2–5.3 (заполнение ножки 2 и 3 групп)⁷⁸.

Третий подтип обладает признаками 1.2 (боковая поверхность донной части вогнутая дугой), 2.3 (нижний диаметр меньше диаметра на перегибе), 3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра вогнутая), 4.2 (поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой), 5.3–5.4 (заполнение ножки 3 и 4 групп)⁷⁹.

Все амфоры с ножками типа 4 происходят из контекстов первой половины III в.⁸⁰ Однако амфоры с Хапровского городища, по всей видимости, более ранние и могут относиться к началу III в.⁸¹

Тип 5. Боковая поверхность донной части в разрезе с перегибом в форме слабо выраженного угла (1.3), нижний диаметр больше, равен или меньше диаметра на перегибе (2.1–2.3), боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая (3.1), поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой, выраженным выступом и неглубокой канавкой, ярко выраженным цилиндрическим выступом и канавкой (4.1–4.3), заполнение ножки 3 и 4 групп (5.3–5.4). Выделяются два подтипа.

Таблица 21. Типология ножек. Тип 5 и его подтипы

Тип и подтип	1				2			3		4								5					
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5	
5.1			+			+	+	+		+	+									+	+		
5.2			+		+	+		+			+	+										+	

Первый обладает признаками 1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе с перегибом в форме слабо выраженного угла), 2.2 и 2.3 (нижний диаметр равен диаметру на перегибе или меньше его), 3.1 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.1 и 4.2 (поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой, поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой), 5.3–5.4 (заполнение ножки 3 и 4 групп)⁸².

Второй характеризуется признаками 1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе с перегибом в форме слабо выраженного угла), 2.1 и 2.2 (нижний диаметр больше диаметра на перегибе или равен ему), 3.1 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая или выпуклая), 4.2–4.3 (поддон с выраженным выступом и неглубокой канавкой, поддон с ярко выраженным цилиндрическим выступом и канавкой), 5.4 (заполнение ножки 4 группы)⁸³.

⁷⁸ Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; 13, 1; 27, 8; Внуков 2016, рис. 4, 13; Крапивина 1993, рис. 29, 6.

⁷⁹ Науменко 2012, 69, рис. 12, 5; Крапивина 1993, рис. 29, 7; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 2, 4.

⁸⁰ Пуздровский 2007, 194, рис. 159, 4; 161, 2, 4; Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; 13, 1; 27, 8; Внуков 2016, рис. 4, 13; Крапивина 1993, рис. 29, 6–7; Науменко 2012, 69, рис. 12, 5.

⁸¹ Внуков 2016, рис. 4, 13; Ильяшенко 2013, рис. 5, 2. Автор благодарит С.А. Науменко за консультацию.

⁸² Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8; Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; Крапивина 1993, рис. 29, 5; Журавлев и др. 2021, рис. 37.

⁸³ Арсеньева и др. 2009, 46, рис. 24, 9; Діденко 2018, рис. 41, 1; Журавлев и др. 2021, рис. 46, 1.

Амфоры с ножками обоих подтипов происходят из контекстов первой⁸⁴ и второй⁸⁵ половины III в.

Тип 6. Боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой (1.2), нижний диаметр равен диаметру на перегибе (2.2), боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра вогнутая (3.2), поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой (4.1), заполнение ножки 4 группы (5.4). Амфоры с ножками этого типа происходят из контекстов второй половины III в. и конца III – первой трети IV в.⁸⁶

Тип 7. Боковая поверхность донной части вогнутая дугой, перегиб в форме слабо выраженного угла (1.2–1.3), нижний диаметр равен или меньше диаметра на перегибе (2.2–2.3), боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая / выпуклая или вогнутая (3.1–3.2), поддон со слабо выраженным выступом и намеченной канавкой (4.1), вмятина в дне («ложный поддон») (4.4), уплощенное дно (4.5), заполнение ножки групп 3–5 (5.3–5.5). Выделены три подтипа.

Таблица 22. Типология ножек. Тип 7 и его подтипы

Тип и подтип	1				2			3		4								5				
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5
7.1		+	+			+	+	+	+	+			+							+		+
7.2		+	+			+	+	+	+					+								+
7.3		+	+				+	+					+								+	

Первый обладает признаками 1.2–1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой или слабо выраженного угла), 2.2–2.3 (нижний равен (2.2) или меньше диаметра на перегибе (2.3)), 3.1–3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая, выпуклая (3.1) или вогнутая (3.2)), 4.4 (вмятина в дне («ложный поддон»)), 5.3, 5.5 (заполнение поддона 3 или 5 группы). Амфоры с ножками типа 7.1 встречаются в контекстах первой половины III в. и конца III – первой трети IV в.⁸⁷

Второй подтип характеризуется признаками 1.2–1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой или слабо выраженного угла), 2.2–2.3 (нижний равен (2.2) или меньше диаметра на перегибе (2.3)), 3.1–3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая, выпуклая (3.1) или вогнутая (3.2)), 4.5 (уплощенное дно), 5.5 (заполнение ножки группы 5). Амфоры с ножками этого подтипа также происходят из контекстов первой половины III в. и конца III – первой трети IV в.⁸⁸

Третий подтип характеризуется сочетанием признаков 1.2–1.3 (боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой или слабо выраженного угла), 2.3 (нижний диаметр меньше диаметра на перегибе), 3.1 (боковая поверхность

⁸⁴ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8–9; Ильяшенко 2013, рис. 5, I; Крапивина 1993, рис. 29, 5; Діденко 2018, рис. 41, I.

⁸⁵ Журавлев и др. 2021, рис. 37; 46, I.

⁸⁶ Журавлев и др. 2021, рис. 24, 9; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3.

⁸⁷ Діденко 2018, рис. 41, 2; Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25; Алексеева 1995, рис. 12, I; 1997, табл. 172, I.

⁸⁸ Алексеева 1997, табл. 222, I; Діденко 2018, рис. 3, II; Иванова 2011, рис. 4. Комплекс не датирован амфору из Мангуна, но по морфологии она синхронна сосудам первой половины III в.

донной части от перегиба до нижнего диаметра прямая / выпуклая), 4.4 (вмятина в дне («ложный поддон»)), 5.4 (заполнение ножки группы 4). Амфоры этого типа обнаружены в контекстах первой и второй половины III в.⁸⁹

Тип 8. Характеризуется сочетанием признаков 1.2 (боковая поверхность донной части в разрезе вогнутая дугой), 2.3 (нижний диаметр меньше диаметра на перегибе), 3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра вогнутая), 4.6 (дно слегка выпуклое), 5.5 (заполнение ножки группы 5). Амфоры этого типа происходят из контекстов второй половины III в. и конца III – первой трети IV в.⁹⁰

Тип 9. Характеризуется сочетанием признаков 1.4 (перегиб в форме сильно выраженного угла), 2.1 (нижний диаметр больше диаметра на перегибе), 3.2 (боковая поверхность донной части от перегиба до нижнего диаметра вогнутая), 4.7 (выпуклое дно – «набалдашник»), 5.5 (заполнение ножки группы 5). Единственная амфора этого типа была обнаружена в контексте 300/310–320 гг.

ОБЪЕМ АМФОР

По объему амфоры C IV D делятся на три группы: 4,5–5,3 л (1), 2,1–3,6 л (2), 0,68–1,7 л (3). Амфоры объемом 4,5–5,3 л происходят из контекстов последней четверти II – первой половины III в.⁹¹ Объем 2,1–3,6 л имеют амфоры из контекстов первой⁹² и второй⁹³ половин III в., конца III – первой трети IV в.⁹⁴ Подавляющее количество амфор этого объема приходится на первую половину III в., во второй половине III и первой трети IV в. они единичны. Объем 0,68–1,7 л зафиксирован у амфор второй половины III в.⁹⁵ и конца III – первой трети IV в.⁹⁶ Тенденция уменьшения объема сосудов от первой половины III в. до конца III – первой трети IV в. достаточно очевидна.

Модули

Согласно мнению И.Б. Брашинского, устойчивыми модулями (пропорциями) амфор являются отношение общей высоты к диаметру (наше H1:D3) и высоты верхней части амфоры к ее высоте (наше H2:H1)⁹⁷. В случае C IV D выделены следующие группы модулей.

⁸⁹ Арсеньева, Науменко 1994, 70–71, рис. 13, 2; Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7.

⁹⁰ Діденко 2018, 39, рис. 2, 13, 19.

⁹¹ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 7–8; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1; Внуков 2016, рис. 4, 12, 13в; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1; Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Мульд 2001, 51–52, рис. 1; Пуздровский 2007, 146, 194, рис. 159, 4; 161, 1, 2, 4, 5; Крапивина 1993, рис. 29, 5, 7; Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; 27, 8; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; 2016, 18;

⁹² Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; 26, 1; Пуздровский и др. 2001, рис. 8, 8; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Науменко 2012, 69, рис. 12, 5; Діденко 2018, рис. 41, 1–3; Пуздровский 2007, рис. 161, 3; Klenina 2022, fig. 2, 3; 2021, fig. 3, 3; Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 4; Крапивина 1993, рис. 29, 6.

⁹³ Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1; Діденко 2018, 38, рис. 2, 13.

⁹⁴ Дзиговський, Масыюта 2020, рис. 3.

⁹⁵ Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7; Журавлев и др. 2021, рис. 24, 9; 37, 46, 1.

⁹⁶ Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25; Діденко 2018, 38–39, рис. 2, 19; 3, 11.

⁹⁷ Брашинский 1984, 72.

Таблица 23. Модули амфор С IV D

Группа	H1:D3	H2:H1
1	0,31–0,34	0,46–0,49
2	0,39	0,36
3	0,46–0,55	0,22–0,28
4	0,41–0,54	0,32–0,54

Модулем первой группы обладают амфоры из контекстов первой половины III в.⁹⁸, второй группы – второй половины III в.⁹⁹, третьей группы – первой половины III¹⁰⁰ и конца III – первой трети IV в.¹⁰¹, четвертой группы – первой¹⁰² и второй¹⁰³ половины III в., конца III – первой трети IV в.¹⁰⁴

ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ АМФОР С IV D

Анализ сочетаний рассмотренных выше типов частей сосудов позволяет предложить следующую типологию амфор С IV D.

Таблица 24. Типология амфор С IV D¹⁰⁵

Тип	Подтип	Венчики	Ручки	Ножки	Объем	Модуль	Местоположение ручек	Верхняя часть корпуса	Нижняя часть корпуса
1	1	1.1	2.1	4.1	1	4	1.2	1	1.1
	2	1.2	1.2, 4.1		2	4	1.2	3.1	3.1
2	1	2.1	1.1, 3	2.1, 4.2	1	4	1.2	1, 3.1	2.1, 2.3
	2	2.2	1.1, 2.1, 4.1	2.1, 2.2, 4.2, 4.3, 5.1, 5.2	1, 2	3, 4	1.1, 1.2	1, 3.2	2.1, 2.2, 2.3
	3	2.3	1.1, 3.	2.1, 7.2	1,	4	1.2	2	2.1, 3.2

⁹⁸ Ильяшенко 2013, рис. 27, 8; Алексеева 1995, рис. 12, 1; 1997, табл. 172, 1; Пуздровский 2001, рис. 8, 8.

⁹⁹ Діденко 2018, 38, рис. 2, 13.

¹⁰⁰ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8–9; Крапивина 1993, рис. 29, 6–7.

¹⁰¹ Діденко 2018, 38, рис. 3, 11.

¹⁰² Науменко 2006, 263, рис. 2, 1; Науменко 2012, 69, рис. 12, 5; Ильяшенко 2013, рис. 5, 1, 2; 13, 1; 26, 1; Алексеева 1997, табл. 222, 1; Пуздровский 2007, рис. 159, 4; 161, 1–5; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; 2016, 18; Мульд 2001, 51–52, рис. 1; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1; Klenina 2022, fig. 2, 3; 2021, fig. 3, 3; Стрелецкий и др. 2003–2004, табл. 4; Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 7; Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1; Беспалый 1990, 220, рис. 4, 16; Внуков 2016, рис. 4, 12, 13в, 16; Крапивина 1993, рис. 29, 5.

¹⁰³ Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7; Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1; 24, 9; 37; 46, 1.

¹⁰⁴ Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25; Дзиговський, Масюта 2020, рис. 3; Діденко 2018, 38, рис. 2, 19.

¹⁰⁵ Цифры в колонках обозначают номера типов и подтипов указанных частей сосудов.

3	1.1	3.1	2.1	1, 3.2, 4.3, 5.1	1	3, 4	1.1, 1.2	1, 2	2.2, 3.1
	1.2	3.1	1.1, 2.1	1, 4.2, 4.3, 7.1	2	4	1.2, 2	2	1.2, 2.2, 3.1
	1.3	3.1	3	5.2, .1	2	4	1.2	1	2.2
	2.1	3.2	2.1	2.2	1	4	1.2	2	1.1
	2.2	3.2	1.2, 4.1	5.2, 6	3	4	1.2	2	2.1, 2.2
	2.3	3.2	2.1, 3, 4.1	2.2	2	4	1.1, 1.2	2, 3.1	1.1, 3.1
	3.1	3.3	2.1	2.2, 3.1	1, 2	1, 4	1.2	2	2.1, 2.3, 3.1
	3.2	3.3	1.1, 2.1, 3, 4.2	3.1, 4.3, 5.1	2, 3	4	1.1, 1.2, 2	1, 2, 3.1, 3.2	2.1, 2.2
4	1 37 36 33	3.1	2.1, 3, 5	7.1, 8, 9	2, 3	2, 4	1.2	2, 3.1	2.1, 2.3
	2 34 35 38	3.2 3.3	2.2, 3, 4.1	6, 7.2, 7.3	2, 3	3, 4	1.2, 2	1, 3.1	2.1, 2.2, 2.3, 3.2

Выделены четыре типа с соответствующими подтипами и вариантами (рис. 9, 1). Их хронология представлена в таблице (рис. 9, 2).

Тип 1 (C IV D 1) характеризует валикообразный венчик с цилиндрическим (подтип 1) или суживающимся книзу (подтип 2) горлом (рис. 10, 1). Целая амфора первого подтипа происходит из склепа с монетами Плавтиллы 202–212 гг. и Септимия Севера (193–211)¹⁰⁶. Горло амфоры второго подтипа было обнаружено в комплексе первой половины III в. в Танаисе, археологически целый сосуд (видимо, с обломанной частью ножки) происходит из первого слоя раскопа IV-A 1981 г. Мангупа. Как уточняет О.С. Иванова, амфора была найдена при раскопках траншеи куртины А (Главной линии обороны), куда она попала с территории позднеантичного некрополя, что не дает оснований для стратиграфической датировки¹⁰⁷. В целом тип C IV D 1 можно датировать первой половиной III в., однако, учитывая то обстоятельство, что в танаисском комплексе обнаружен не целый экземпляр, а только верхняя часть, т. е. амфора к середине III в. уже вышла из употребления, датирующие же монеты из другого комплекса не выходят за пределы 211–212 гг., вполне возможна датировка типа более ранним временем, скажем, первой четвертью III в.

Тип 2 (C IV D 2) отличает подтреугольный венчик с выделенным гребнем с суживающимся кверху (подтип 1), цилиндрическим (подтип 2) или суживающимся книзу (подтип 3) горлом (рис. 10, 2–5).

Амфоры подтипа 1 вариантов а и б связаны с комплексами, образовавшимися в первой половине III в. (рис. 10, 2–3)¹⁰⁸. Однако на поселениях Песчаное и Боромля 2 варианты б, с происходят из комплексов, датированных исследователями 260–300/310¹⁰⁹ и 255–270 гг.¹¹⁰. Эти находки дают некоторые основания для опре-

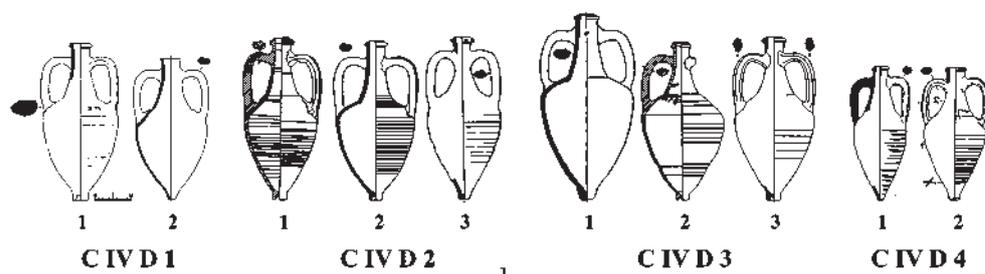
¹⁰⁶ Пуздровский 2007, 194, рис. 159, 4.

¹⁰⁷ Иванова 2011, 290, рис. 4.

¹⁰⁸ Ильяшенко 2013, рис. 5, 2; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 5; Богданова и др. 1976, рис. 3, 1.

¹⁰⁹ Діденко 2018, рис. 41, 5.

¹¹⁰ Дідик 2011, рис. 2, 2.

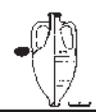
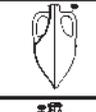
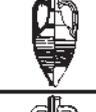
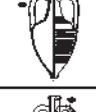
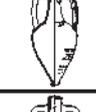
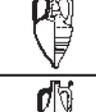
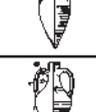
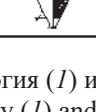
Типы	2			
	Последняя четверть II в.	Первая половина III в.	Вторая половина III в.	Конец III-первая треть IV в.
1.1		■		
1.2		■		
2.1		■	■	
2.2	■	■	■	
2.3		■		
3.1		■		
3.2		■	■	
3.3	■	■	■	
4.1			■	■
4.2			■	■

Рис. 9. Типология (1) и хронология (2) амфор C IV D
 Fig. 9. Typology (1) and chronology (2) of C IV D amphorae

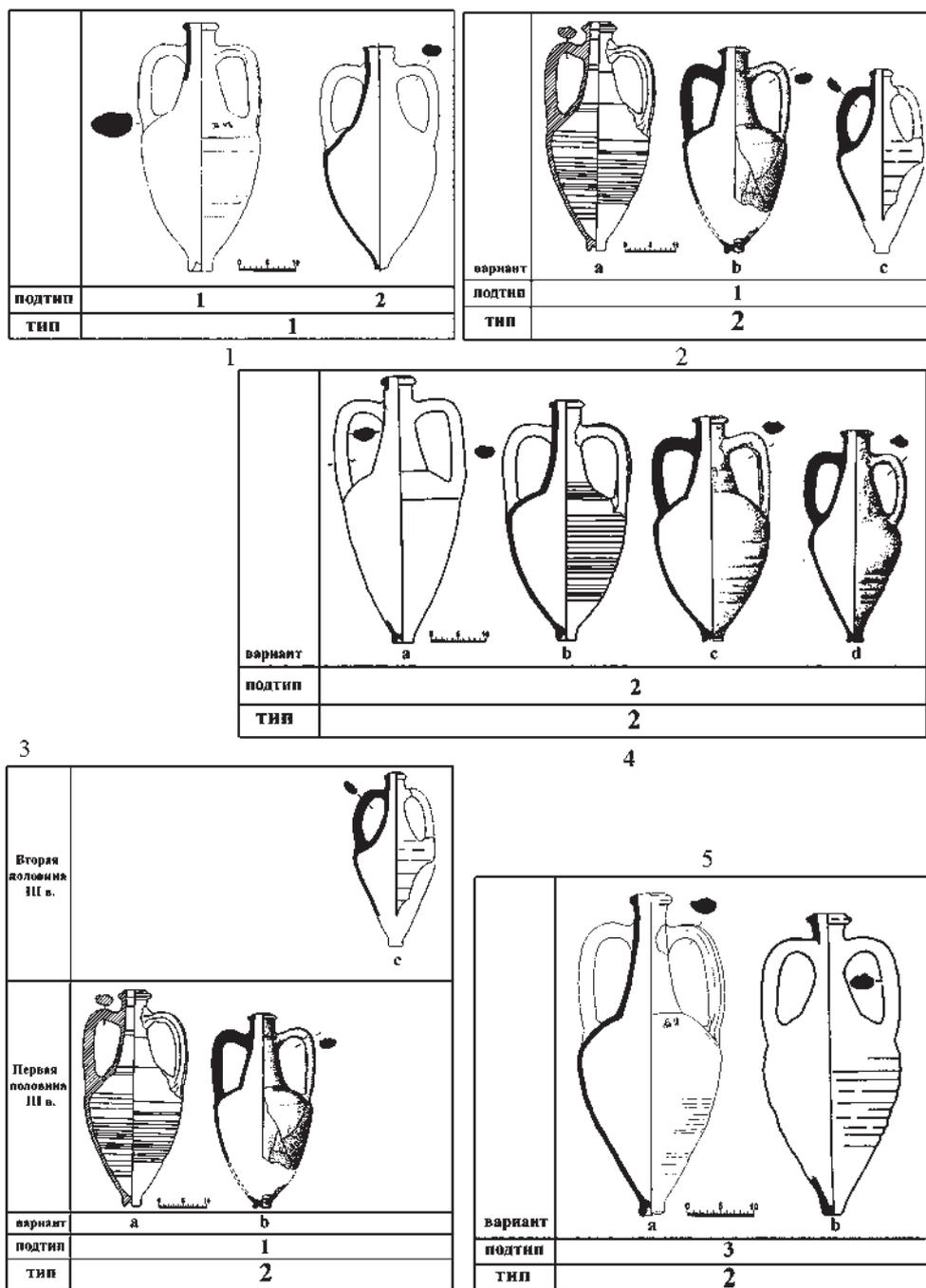

Рис. 10. Типы 1 и 2. 1 – тип C IV D 1; 2 – типология C IV D 2.1; 3 – хронология C IV D 2.1; 4 – подтип C IV D 2.2; 5 – подтип C IV D 2.3
 Fig. 10. Types 1 and 2. 1 – C IV D 1; 2 – typology of C IV D 2.1; 3 – chronology of C IV D 2.1; 4 – C IV D 2.2; 5 – C IV D 2.3

деления верхней границы подтипа в пределах середины – третьей четверти III в. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что амфоры из этих поздних контекстов не являются целыми сосудами (ножки отсутствуют), что указывает их попадание в комплексы уже после выхода из обращения. Скорее всего, верхняя граница типа соответствует середине III в.

Амфоры подтипа 2, делящиеся на варианты a–d, происходят из комплексов первой половины III в. (рис. 10, 4)¹¹¹. Ранний экземпляр этого подтипа был обнаружен в погребении с монетой Клодия Альбина 193–195 гг.¹¹², поздние происходят из комплексов Танаиса, образовавшихся в результате разрушения города в 250/251 г. н.э.¹¹³, что позволяет отнести тип к последней четверти/концу II – первой половине III в.

Амфоры подтипа 3 в двух вариантах (a, b) обнаружены в контекстах первой половины III в. (рис. 10, 5)¹¹⁴. Определенный хронологический индикатор дает находка в комплексе времени гибели Горгииппии в 240 г. н.э.¹¹⁵

Таким образом, амфоры C IV D 2 можно датировать в целом в пределах последней четверти II – первой половины III в.

Тип 3 (C IV D 3) характеризует подтреугольный венчик с тремя подтипами с суживающимся кверху (подтип 1), цилиндрическим (подтип 2) или суживающимся книзу (подтип 3) горлом.

Подтип 1. Амфоры с венчиками этого подтипа обнаружены в контекстах первой половины III в. (рис. 11, 1)¹¹⁶.

Амфоры варианта 1a происходят из контекстов первой трети III в.,¹¹⁷ варианта b – первой половины III в.¹¹⁸ Отметим, что в погребении 6 могильника Танковое с амфорой C IV D 3– 1.1a находились монеты Антонина Пия (138–161), Геты (209–211), Юлии Домны (193–217)¹¹⁹.

Вариант 2a представлен в комплексах Горгииппии 240 г. н.э.¹²⁰, могильника «Перевальное» второй четверти III в.¹²¹, Танаиса 250/251 г. н.э.¹²². Амфора варианта 2b происходит из комплекса танаисского подвала, погибшего в 250/251 г. н.э.¹²³

Амфоры вариантов 3a, 3b обнаружены в контекстах, датированных исследователями 250–260 гг.¹²⁴.

¹¹¹ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8–9; 25, 1; Ильяшенко 2013, рис. 5, 1; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 1–3; Гущина, Журавлев 1999, 167, рис. 6, 4; Внуков 2016, рис. 4, 13.

¹¹² Гущина, Журавлев 1999, 167.

¹¹³ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 8–9; 25, 1.

¹¹⁴ Алексеева 1997, табл. 222, 1; Волошинов, Масыкин 2022, рис. 5, 1.

¹¹⁵ Алексеева 1997, табл. 222, 1.

¹¹⁶ Внуков 2016, рис. 4, 12; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1; Крапивина 1993, рис. 29, 7; Алексеева 1995, рис. 12, 1; Ильяшенко 2013, рис. 13, 1; 27, 8; Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 4; Науменко 2006, 263, рис. 2, 1.

¹¹⁷ Внуков 2016, рис. 4, 12; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1.

¹¹⁸ Крапивина 1993, рис. 29, 7.

¹¹⁹ Вдовиченко, Колтухов 1994, 85, рис. 4, 1.

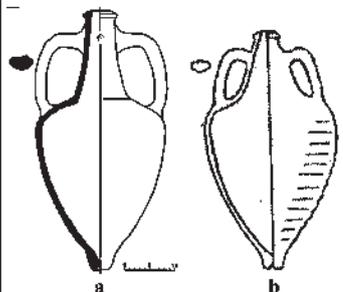
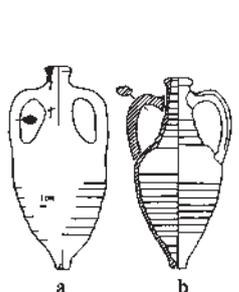
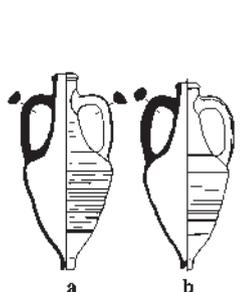
¹²⁰ Алексеева 1995, рис. 12, 1; Ильяшенко 2013, рис. 13, 1.

¹²¹ Пуздровский 2007, 146, рис. 161, 4.

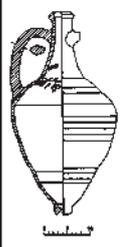
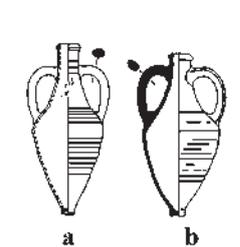
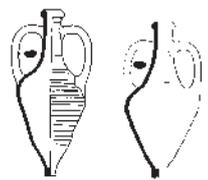
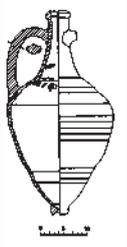
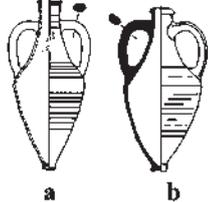
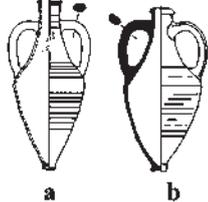
¹²² Ильяшенко 2013, рис. 27, 8.

¹²³ Науменко 2006, 263, рис. 2, 1.

¹²⁴ Діденко 2018, рис. 41, 1, 2.

вариант	1		
подтип	1		
тип	3		

1

			Вторая половина III в.	
вариант	1	2	Первая половина III в.	
подтип	2		Первая половина III в.	
тип	3		Первая половина III в.	

2

3

Рис. 11. Тип 3. 1 – подтип C IV D 3.1; 2 – типология C IV D 3.2; 3 – хронология C IV D 3.2
 Fig. 11. Type 3. 1 – C IV D 3.1; 2 – typology of C IV D 3.2; 3 – chronology of C IV D 3.2

Подтип 2. Известен в двух вариантах (рис. 11, 2). Амфора варианта 1 обнаружена в комплексе Танаиса, погибшем в 250/251 г. н.э.¹²⁵ Варианты 2a и 2b представлены амфорами из комплексов первой и второй половины III в. (рис. 11, 3). В могильнике «Совхоз 10» с амфорой была обнаружена монета Гордиана III (238–244), комплекс с амфорой этого подтипа из Горгишпии относится к 240 г. н.э., одна амфора происходит из контекста поселения Билики, датированного 250–260 гг., две амфоры обнаружены в погребениях могильника Бельбек I второй половины III в.¹²⁶ Учитывая, что погребения из могильника Бельбек I, датированные авторами публикации второй половиной III в., содержали материалы первой половины III в., рассматриваемый подтип может быть датирован в пределах второй – третьей четвертей III в.

Подтип 3 с отогнутым наружу венчиком суживающимся книзу горлом встречен в двух вариантах (рис. 12, 1). Амфора варианта 1a происходит из позднесарматского погребения в Мичуринском первой половины III в.¹²⁷, амфора варианта 1b – из погребения в могильнике Бельбек I, отнесенном авторами публикации ко второй половине III в.¹²⁸, амфора варианта 1c – из могилы 43 могильника Суворово I первой половины III в.¹²⁹ Амфоры варианта 2a обнаружены в комплексах Танаиса последней четверти II в. – 250/251 г. н.э.¹³⁰, сосуды варианта 2b – в комплексах Танаиса последней четверти II – 250/251 г.¹³¹ и погребениях могильника Бельбек I, отнесенных ко второй половине III в. (рис. 12, 2)¹³².

С учетом отмеченной выше ситуации с погребениями могильника Бельбек I, подтип можно относить к последней четверти II – первой половине / третьей четверти III в.

Тип 4 (C IV D 4). Характерно сочетание подтреугольного венчика, ножек типов 6, 7.1–7.3, 8, 9, объема 2 и 3 групп. Выделено два подтипа (рис. 13, 1).

Подтип 1. Венчик с суживающимся сверху горлом, ножки типов 7.1, 8, 9. Выделены три варианта рассматриваемого подтипа. К варианту а относятся амфора из могилы 13 Балты-Чокрака, датированной серединой – третьей четвертью III в. и погребения 16 могильника Оселивка, относящейся к 300/310–320 гг.¹³³. Вариант б представлен амфорой из Сучидавы, обнаруженной с монетами Елены 324–330 гг.¹³⁴, вариант с – сосудом из погребения «А» склепа 21 могильника Дружное, датирующегося примерно 310–320 гг.¹³⁵. Соответственно подтип можно датировать третьей четвертью III – первой третью IV в.

Подтип 2. Венчик с цилиндрическим или суживающимся книзу горлом. Ножки типов 6, 7.2, 7.3. Выделены три варианта. К варианту а может быть отнесена амфора из погребения 1 кургана 7 Градешки, датированного авторами публикации

¹²⁵ Арсеньева и др. 2009, 46–47, рис. 24, 7. Амфора № 25.

¹²⁶ Стржелецкий и др. 2004, табл. 4; Klenina 2021, fig. 3, 3; 2022, fig. 2, 3; Ильяшенко 2013, рис. 13, 2; Журавлев др. 2021, рис. 24, 9; 46, 1; Діденко 2018, рис. 41, 3.

¹²⁷ Мульд 2001, 51–52, рис. 1.

¹²⁸ Журавлев и др. 2021, рис. 14, 1.

¹²⁹ Пуздровский и др. 2001, рис. 8, 8.

¹³⁰ Внуков 2016, рис. 4, 16.

¹³¹ Ильяшенко 2013, рис. 26, 1; Науменко 2012, 69, рис. 12, 5.

¹³² Журавлев и др. 2021, рис. 37; 40.

¹³³ Діденко 2018, 38, 49, рис. 2, 13; 21, 1.

¹³⁴ Діденко 2018, 39, рис. 2, 19.

¹³⁵ Храпунов 2002, рис. 93, 4; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 25.

вариант	1	2
подтип	3	
ТИП	3	

1

Вторая половина III в.		
Первая половина III в.		
вариант	1	2
подтип	3	
ТИП	3	

2

Рис. 12. Тип 3. 1 – типология C IV D 3.3; 2 – хронология C IV D 3.3
 Fig. 12. Type 3. 1 – typology of C IV D 3.3; 2 – chronology of C IV D 3.3

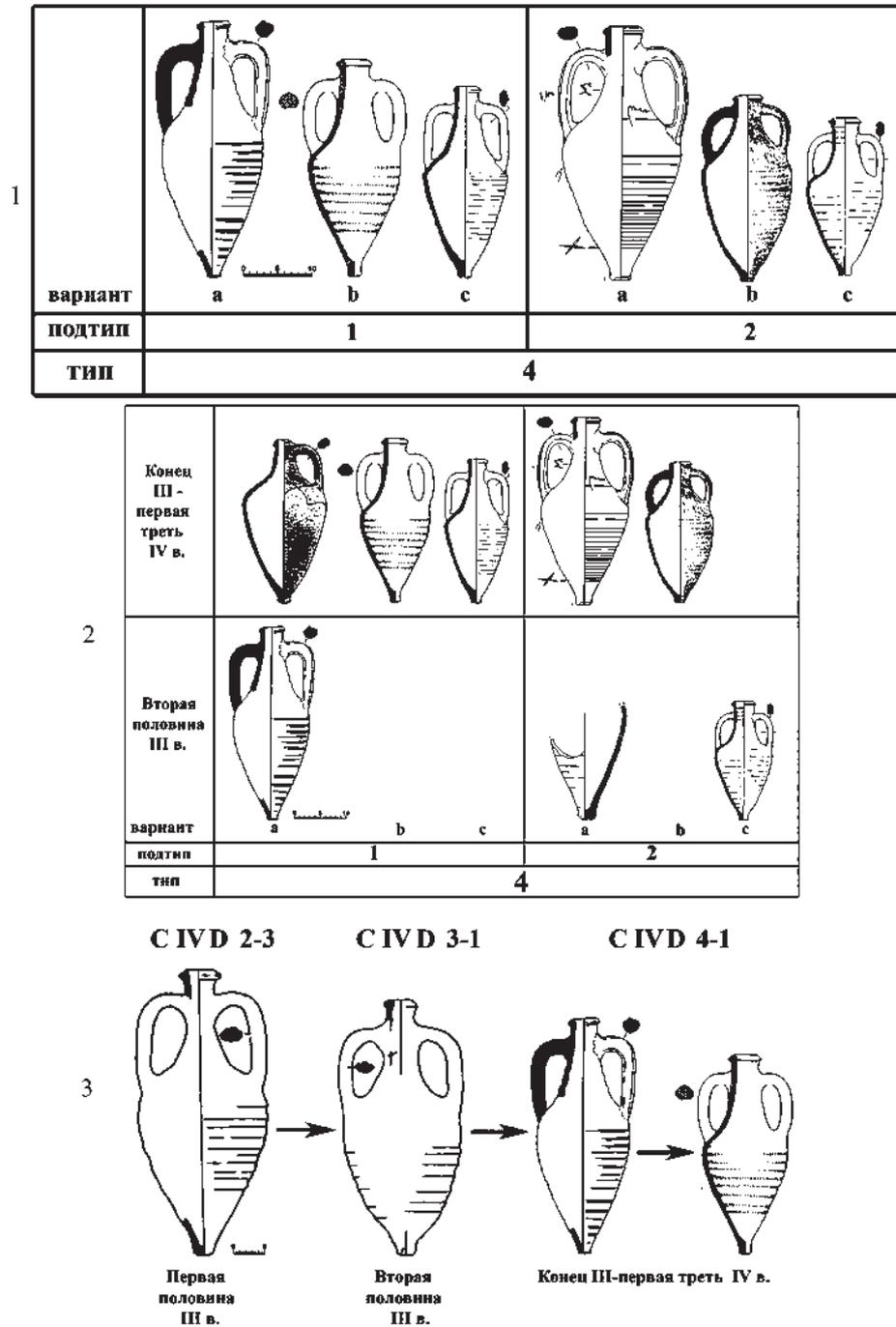

Рис. 13. Тип 3 и эволюция амфор C IV D. 1 – типология C IV D 3.4; 2 – хронология C IV D 3.4; 3 – эволюция амфор C IV D

Fig. 13. Type 3 and the evolution of C IV D amphorae. 1 – typology of C IV D 3.4; 2 – chronology C IV D 3.4; 3 – evolution of C IV D amphorae.

концом III в., и кургана 9 того же могильника конца III – первой трети IV в.¹³⁶ Вариант b представлен амфорой из погребения 86 могильника Оселивка, датированного 300/310–320 гг.¹³⁷, вариант c – из южного подбоя могилы 20 могильника Дружное с монетой Галлиена (253–268). Датировка могилы укладывается в период 260/270–310/320 гг.¹³⁸. Соответственно дата подтипа та же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итог хронологии рассматриваемых амфор. Тип C IV D 1 может датироваться первой четвертью III в., C IV D 2 – последней четвертью II – первой половиной III в., C IV D 3 – последней четвертью II – первой половиной / третьей четвертью III в., C IV D 4 – 260/270–310/320 гг. Общая эволюция C IV D идет по линии C IV D 2–3 – C IV D 3.1 – C IV D 4.1 (рис. 13, 3). С точки зрения объема амфор тренд достаточно очевиден: происходит постепенное уменьшение от 4,5–5,3 и 2,1–3,6 л в первой половине III в. до 0,68–1,7 л в первой трети IV в.

Крайне важное наблюдение, связанное с нижней границей амфор C IV D, сделала С.А. Науменко, подчеркивающая, что хотя четкую границу между типами C IV C и C IV D проследить сложно ввиду отсутствия в Танаисе мелких закрытых комплексов, кроме середины II и середины III вв., тем не менее наблюдения за стратиграфией позволяют сделать определенные выводы по относительной хронологии. В закрытых комплексах середины III в. встречаются типы амфор, которые производились в это время и довольно быстро поступали с вином. Однако помимо этих закрытых комплексов, есть амфоры C IV D из цистерн и других объектов, в том числе из поселений, например Хапры, являющиеся более ранними.

Основные параметры амфоры из Хапры следующие. Высота – 45,7 см; диаметр венчика – 6,4 см; диаметр тулова – 20,8 см; диаметр дна – 3,8 см. Объем амфоры составил 4,95 л. Похожая амфора объемом 4,85 л происходит из некрополя, еще одна – объемом 5 л – из цистерны. Емкость этих более ранних амфор, как показала С.А. Науменко, почти на 1,8–2 л превышает стандарт середины III в. Таким образом, в начале производства амфоры C IV D были крупнее стандартов середины III в., хотя и меньше, чем тип C IV C, сохраняя некое сходство с его морфологией¹³⁹.

Дипинты и клейма на амфорах C IV D, являющиеся темой отдельной работы, были подробно проанализированы С.М. Ильяшенко¹⁴⁰.

Крайне важным представляется исторический аспект. Бытование рассмотренных амфор гераклеяского производства приходится на последнюю четверть II – первую треть IV в. Как раз в этот промежуток времени попадает разрушение Гераклеи. Письменные источники сообщают о разгроме города в результате одного из

¹³⁶ Дзиговский, Масюта 2020, рис. 3, 1–2; Діденко 2018, 38, рис. 2, 1. В этой связи отметим, что рисунки амфоры из кургана 9 в статье Дзиговского и Масюты и диссертации Діденко не совпадают. Мы пользуемся рисунком из статьи Дзиговского и Масюты как более корректным.

¹³⁷ Діденко 2018, 38, рис. 3, 11.

¹³⁸ Храпунов 2002, рис. 93, 5; Юрочкин, Труфанов 2007, рис. 4, 7.

¹³⁹ Автор выражает глубокую благодарность С.А. Науменко, поделившуюся с ним этими весьма важными наблюдениями и данными.

¹⁴⁰ Ильяшенко 2013, 41–70, 150–186.

морских походов варварских племен в 264/265 г. н.э.¹⁴¹ Весьма заманчиво посмотреть на хронологию типов с точки зрения этого события. Выпуск амфор С IV D 1 и С IV D 2 несомненно закончился до 264/265 г. Сложнее с типом С IV D 3, самые поздние экземпляры которого встречены в погребениях могильника Бельбек I, суммарно датированных второй половиной III в. Однако в этих комплексах встречен и материал первой половины данного столетия. Более определена дата погребений с амфорами С IV D 3.1 3а, 3б, отнесенных исследователями к 250–260 гг. Это указывает на верхнюю границу типа, не заходящую за 264/265 г.

Напротив, производство типа С IV D 4, продолжающего С IV D 3, начинается после событий 264/265 г. и ведется, по всей видимости, до первой трети IV в. При этом объем производства амфор С IV D после 264/265 г. резко снизился и не идет ни в какое сравнение с предшествующим периодом. О доле рассматриваемых амфор в комплексах первой половины III в. можно судить по статистике двух подвалов Танаиса. В помещении «И» и подвале было обнаружено 15 сосудов и фрагментов амфор С IV D и только два сосуда типа Зеест 77, т.е. 88,2% и 11,8%. В подвале «М» из примерно 270 амфор 200 принадлежали типу С IV D, что составляет 74,1%¹⁴². Очевидно, что гераклейские амфоры С IV D абсолютно преобладают в комплексах Северного Причерноморья до разгрома Гераклеи 264/265 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1995: Виноделие Горгииппии. *БС* 6, 7–44.
 Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгииппия*. М.
 Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М., Науменко, С.А. 2009: Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н.э. *ДБ* 13, 38–78.
 Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1993: Комплекс находок из подвала МБ II–III вв. н.э. *ВТ* 1, 61–113.
 Беспальй, Е.И. 1990: Погребения позднесарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 213–223.
 Богданова, Н.А., Гущина, И.И., Лобода, И.И. 1976: Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.). *СА* 4, 121–152.
 Бруяко, И.В., Дзиговский, А.Н., Секерская, Н.М. 2008: *Никоний римской эпохи* (Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 10). Одесса.
 Брашинский, И.Б. 1984: *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Л.
 Бураков, А.В. 1976: *Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры*. Киев.
 Вдовиченко, И.И., Колтухов, С.Г. 1994: Могильник римского времени у с. Танковое. В сб.: *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 82–88.
 Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
 Волошинов, А.А., Масыкин В.В. 2022: Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря. В кн.: *Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи*. М., 146–173.
 Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 1999: Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *РА* 2, 157–171.

¹⁴¹ Принятая дата – 264/265 г. В.В. Панченко, А.А. Ременников и С.А. Ярцев предлагают 266 г. См. Панченко 2017. Однако дата 264/265 г. более адекватна с точки зрения текстологического анализа. См. Чорев 2017, 46.

¹⁴² Подсчеты по: Ильяшенко 2013, 83–84.

- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 1. М.
- Деопик, Д.В. 1981: Керамический комплекс и культурный слой. В сб.: *Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях*. М., 226–267.
- Деопик, Д.В., Карапетьянц, А.М. 1970: Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа. В сб.: *Статистико-комбинаторные методы в археологии*. М., 100–119.
- Деопик, Д.В., Круг, О.Ю. 1972: Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. *СА* 3, 100–115.
- Дзиговський, О.М., Масюта, Д.О. 2020: Амфорна тара з сарматських поховальних пам'яток Буджака (остання третина II – III ст. н.е.). *Археологія і давня історія України* 3 (36), 288–299.
- Диденко, С.В. 2014: Хронологія светлоглиняних узкогорлых амфор типів Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов). В сб.: *Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова*. Київ, 34–48.
- Діденко, С.В. 2018: *Античний керамічний імпорт у черняхівській культурі на території України. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук (доктора філософії) за спеціальністю 07.00.04. «Археологія»*. Київ. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://chtyvo.org.ua/authors/Didenko_Serhii/Antychnyi_keramichnyi_import_u_cherniakhivskii_kulturi_na_terytorii_Ukrainy.
- Дідик, В.В. 2011: Танаїські амфори лісостепоного межиріччя Дніпра та Сіверського Дінця: проблеми дозову і датування. В сб.: *Древности 10*. Харьков, 139–149.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В. 2021: *Могильник Бельбек I и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н.М. Печёнкина в 1903–1905 гг.* (ТС 5).
- Иванова, О.С. 2011. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа. *МАИЭТ* XVII, 266–327.
- Ильашенко, С.М. 2013: *Стандартные *dirinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его окружи III–IV вв. н.э.* (БИ XXIX). Симферополь–Керчь.
- Каменецкий, И.С. 1963: Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. *КСИА* 94, 29–36.
- Книпович, Т.Н. 1949: *Танаис. Историко-археологическое исследование*. М.–Л.
- Крапивина, В.В. 1993: *Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э.* Киев.
- Мульд, С.А. 2001: Позднесарматское погребение в Центральном Крыму. *МАИЭТ* VIII, 51–66.
- Мызгин, К.В., Диденко, С.В., 2021: Бораны Зосима, Боспорское царство и поход на Трапезунд. В сб.: М. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.), *Światowit. Supliment Series C: Pontica et Caucasica II. Interdisciplinary Research on the Antiquity of the Black Sea*. Warszawa, 311–336.
- Науменко, С.А. 2006: Амфоры из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н.э. В сб.: *Первая Абхазская Международная археологическая конференция: материалы*. Сухум, 261–267.
- Науменко, С.А. 2012: Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н.э. *ВТ* 3, 63–88.
- Науменко, С.А. 2017: Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом. *ВТ* 4, 22–31.
- Панченко, В.В. 2017: Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н.э. на Гераклею и ситуация в Боспорском царстве. *Причерноморье. История, политика, культура* XXII (VII), 52–62.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.

- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2001: Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. *МАИЭТ VIII*, 32–50.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: *Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»)* (Stratum plus 4).
- Храпунов, И.Н. 2002: *Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.)* (Monumenta Studia Gothica II). Lublin.
- Чореф, М.М. 2017: Отзыв на статью В.В. Панченко «Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н.э. на Гераклею и ситуация в Боспорском царстве». *Материалы и исследования по истории России* 2, 46–55.
- Шелов, Д.Б. 1978: Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология. *КСИА* 156, 16–21.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. 2007: Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 103–108.
- Klenina, E. 2021: Amphorae of the Black Sea Region as a Historical Source on Trade Relations in the 2nd–3rd Centuries AD: the Origin and Chronology of Some Types. In: K. Narloch, T. Płóciennik, J. Żelazowski, J. Reclaw (eds.), *Nunc decet caput impedire myrto. Studies Dedicated to Professor Piotr Dyczek on the Occasion of His 65th Birthday*. Warszawa, 505–537.
- Klenina, E. 2022: Amphorae of the Black Sea Region as a Historical Source on Trade Relations in the 2nd–3rd Centuries AD. In: *The Black Sea Region in the Context of the Roman Empire: International Symposium Dedicated in Memory of Victor I. Sarianidi* (Athens 5–8 May 2016). Athens, 231–256.
- Sazanov, A. 2022. Southern Pontic Amphorae of ca. 250–400 AD from Northern Black Sea Coastal Sites: Contexts, Chronology, Typology. In: A. Kaldeli (ed.), *Amphorae from the Eastern Mediterranean and Beyond: Production and Distribution from the Early to the Late Roman Period*. Nicosia, 223–240.

REFERENCES

- Alekseeva E.M. 1995: Vinodelie Gorgippii [Winemaking of Gorgippia]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection]* 6, 7–44.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya [Gorgippia, the Ancient City]*. Moscow.
- Arsenyeva, T.M., Ilyashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2009: Novye zakrytye komplekсы Tanaisa II i III vv. n.e. [New Isolated Complexes of Tanais of the Second and Third Centuries AD]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 13, 38–78.
- Arsenyeva, T.M., Naumenko, S.A. 1993: Kompleks nakhodok iz podvala MB II–III vv. n.e. [A Complex of Finds from the Basement MB of the 2nd–3rd cc. AD]. *Vestnik Tanaisa [Bulletin of Tanais]* 1, 61–113.
- Bespalyy, E.I. 1990: Pogrebeniya pozdnesarmatskogo vremeni u g. Azova [Late Sarmatian burials near Azov]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 1, 213–223.
- Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I., Loboda, I.I. 1976: Mogil'nik Skalistoe III v Yugo-Zapadnom Krymu (I–III vv.) [The Skalistoe III Cemetery in South-West Crimea (the 1st–3rd cc.)]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 121–152.
- Brashinskiy, I.B. 1984: *Metody issledovaniya antichnoy trgovli: (na primere. Severnogo Prichernomor'ya)* [Research Methods of Ancient Trade: (On the Example of the Northern Black Sea Region)]. Leningrad.
- Bruyako, I.V., Dzigovskiy, A.N., Sekerskaya, N.M. 2008: *Nikoniy rimskoy epokhi [Nikonius in the Roman era]* (Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Materials on the Northern Pontic Archaeology] 10). Odessa.

- Burakov, A.V. 1976: *Kozyrskoe gorodishche rubezha i pervykh stoletiy nashey ery* [The Kozyrskoe Settlement of the Turn and First Centuries AD]. Kiev.
- Choref, M.M. 2017: Otzyv na stat'yu V.V. Panchenko «Morskoy pokhod plemen Severnogo Prichernomor'ya 266 g. n.e. na Gerakleyu i situatsiya v Bosporskom tsarstve» [Review on the Article by V.V. Panchenko "The Naval Raid of the Northern Black Sea Tribes to Heraclea in AD 266 and the Situation in the Bosporan Kingdom"]. *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii* [Materials and Studies on the Russian history] 2, 46–55
- Deopik, D.V. 1981: Keramicheskyy kompleks i kul'turnyy sloy [Ceramic Context and Cultural Layer]. In: *Matematicheskie metody v social'no-ekonomicheskikh i arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Mathematical Methods in Socio-Economic and Archaeological Studies]. Moscow, 226–267.
- Deopik, D.V., Karapetyants, A.M. 1970: Nekotorye printsipy opisaniya primenitel'no k vozmozhnostyam statisticheskogo analiza [Some Principles of Description in Relation to the Possibilities of Statistical Analysis, Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology]. In: *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii* [Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology]. Moscow, 100–119.
- Deopik, D.V., Krug, O.Yu. 1972: Evolution of narrow-necked light-clay amphorae with profiled handles. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 100–115.
- Didenko, S.V. 2014: Khronologiya svetloglinyanykh uzkogorlykh amfor tipov Shelov D i F (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Chronology of Light-Clay Narrow-Necked Amphorae of the Shelov D and F Types (Based on Materials from Burials)]. In: *Chernyakhivs'ka kul'tura: do 120-richchya vid dnya narodzhennya V.P. Petrova* [The Chernyakhov Culture: to the 120th Anniversary of the Birth of V.P. Petrov]. Kiïv, 34–48.
- Dzigovskiy, O.M., Masyuta, D.O. 2020: Amforna tara z sarmats'kikh pokhoval'nykh pam'yatok Budzhaka (ostannya tretina II – III st. n. e.) [Amphorae from the Sarmatian Burial Sites of Budzhak (the Last Third of the Second and Third Centuries AD)]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archaeology and Ancient History of Ukraine] 3 (36), 288–299.
- Didenko, S.V. 2018: *Antichniy keramichniy import u chernyakhivskiy kul'turi na teritorii Ukrainy. Disertatsiya na zdobuttya naukovogo stupenya kandidata istorichnikh nauk* [Antique Ceramic Import from Chernyakhov Culture on the Territory of Ukraine. PhD Thesis]. Kiev.
- Didik, V.V. 2011: Tanaï's'ki amfori lisostepovogo mezhirishchya Dnipro ta Sivers'kogo Dintszya: problemi dovozu i datuvannya [Tanais Amphorae of the Forest-Steppe Interfluvium of the Dnieper and the Siversky Donets: Problems of Transportation and Dating]. *Drevnosti* [Antiquities] 10, 139–149.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 1999: Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [The Belbek IV Cemetery of the Roman Time in Southwestern Crimea]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 157–171.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Belbek IV Cemetery of the Roman Time in Southwestern Crimea]. Pt. 1. Moscow.
- Ilyashenko, S.M. 2013: *Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetloglinyanykh amforakh Tanaisa i ego okrugy III–IV vv. n.e.* [Standard Dipinti on the 3rd–4th Centuries AD Narrow-Necked Light-Clay Amphorae of Tanais and Its Vicinities] (Bosporikie issledovaniya [Bosporus Studies] 29). Simferopol–Kerch.
- Ivanova O.S. 2011: Uzkoгорlye svetloglinyanye amfory iz raskopok Mangupa [Narrow-Necked Light-Clay Amphorae from Excavations at Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVII, 266–327.

- Kamenetskiy, I.S. 1963: Svetloglinyanye amfory s Nizhne-Gnilovskogo Gorodishcha [Light-Clay Amphorae from the Nizhne-Gnilovsky Settlement]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 94, 29–36.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Druzhnoe (3rd–4th Centuries)]. Lublin.
- Klenina, E. 2021: Amphorae of the Black Sea Region as a Historical Source on Trade Relations in the 2nd–3rd Centuries AD: the Origin and Chronology of Some Types. In: K. Narloch, T. Płóciennik, J. Żelazowski, J. Reclaw (eds.), *Nunc decet caput impedire myrto. Studies Dedicated to Professor Piotr Dyczek on the Occasion of His 65th Birthday*. Warszawa, 505–537.
- Klenina, E. 2022: Amphorae of the Black Sea Region as a Historical Source on Trade Relations in the 2nd–3rd Centuries AD. In: *The Black Sea Region in the Context of the Roman Empire: International Symposium Dedicated in Memory of Victor I. Sarianidi* (Athens 5–8 May 2016). Athens, 231–256.
- Knipovich, T.N. 1949: *Tanais. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Tanais. Historical and Archaeological Research]. Moscow–Leningrad.
- Krapivina, V.V. 1993: *Ol'viya. Material'naya kul'tura I-IV vv. n.e.* [Olbia. The Material Culture of the 1st-4th cc. AD]. Kiev.
- Muld, S.A. 2001: Pozdnesarmatskoe pogrebenie v Tsentral'nom Krymu [Late Sarmatian Grave in Central Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VIII, 51–66.
- Myzgin, K.V., Didenko, S.V. 2021: Borany Zosima, Bosporskoe tsarstvo i pokhod na Trapezund [Zosimus' Borani, the Bosporan Kingdom and the Raid to Trebizond]. In: M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.), *Światowit. Supliment Series C: Pontica et Caucasia II. Interdisciplinary Research on the Antiquity of the Black Sea*. Warszawa, 311–336.
- Naumenko, S.A. 2006: Amfory iz zakrytykh kompleksov Tanaisa serediny III v. n.e. [Amphorae from the Isolated Complexes of Tanais of the Middle of the 3rd c. AD]. In: *Pervaya Abkhazskaya Mezhdunarodnaya konferentsiya: materials* [Proceedings of the First Abkhazian International Conference]. Sukhum, 261–267.
- Naumenko, S.A. 2012: Sostav amfor v zakrytykh kompleksakh Tanaisa kontsa I – serediny III vv. n.e. [Composition of amphorae in Contexts of Tanais of the Late First to the Middle of the Third-Century AD]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 3, 63–88.
- Naumenko, S.A. 2017: Torgovye svyazi Tanaisa s Pontiyskim regionom [Trade Links of Tanais with the Pontic Region]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 4, 22–31.
- Panchenko, V.V. 2017: Morskoy pokhod plemen Severnogo Prichernomor'ya 266 g. n.e. na Gerakleyu i situatsiya v Bosporskom tsarstve [The Naval Raid of the Northern Black Sea Tribes to Heraclea in AD 266 and the Situation in the Bosporan Kingdom]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura* [Black Sea Region. History, Politics, Culture] XXII (VII), 52–62.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifya II v. do n.e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd Century BC – 3rd Century AD. Burial Sites]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Yu.P., Nenevolya, I.I. 2001: Novye pamyatniki III–IV vv. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu [New Sites of the 3rd–4th cc. AD in Southwestern Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VIII, 32–50.
- Sazanov, A. 2022. Southern Pontic Amphorae of ca. 250–400 AD from Northern Black Sea Coastal Sites: Contexts, Chronology, Typology. In: A. Kaldeli (ed.), *Amphorae from the Eastern Mediterranean and Beyond: Production and Distribution from the Early to the Late Roman Period*. Nicosia, 223–240.
- Shelov, D.B. 1978: Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov n.e. Klassifikatsiya i khronologiya [Narrow-Necked Light-Clay Amphorae of the First cc. AD. Classification

- and Chronology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 156, 16–21.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: *Naselenie okrug Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy e.ry (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10»)* [Population of the Chersonesos District in the First Half of the First Millennium AD (Based on the Materials of the “Sovkhoz No. 10” Cemetery)] (Stratum plus 4).
- Vdovichenko I.I., Koltukhov S.G. 1994: *Mogil'nik rimskogo vremeni u s. Tankovoe* [The Cemetery of Roman era near the Village of Tankovoye]. In: *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of History and Archaeology of Crimea]. Simferopol, 82–88.
- Vnukov, S.Yu. 2016: *Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor* [On the Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Heracleian) Narrow-Necked Amphorae]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 36–47.
- Voloshinov A.A., Masyakin V.V. 2022: *Mogil'nik Suvlu-Kaya III – pervoy poloviny V v. v Yugo-Zapadnom Krymu: osobennosti pogrebal'nogo obryada i inventarya* [The Suvlu-Kaya Cemetery of the 3rd – the First Half of the half of the 5th Century in Southwestern Crimea: Features of the Funerary Rites and Inventory]. In: *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh imperii* [The Frontovoe 3 Cemetery of the Roman period: Barbarians on the Borders of the Empire]. Moscow, 146–173.
- Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A. 2007: *Khronologiya mogil'nikov Tsentral'nogo i Yugo-Zapadnogo Kryma 3–4 vv.n.e.* [Chronology of Cemeteries of the Central and Southwestern Crimea, 3rd–4th cc. AD]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, 103–108.
- Zhuravlev D.V., Firsov K.B., Belskiy S.V. 2021: *Mogil'nik Bel'bek I i kurgan u Bratskogo kladbishcha v Yugo-Zapadnom Krymu: arkheologicheskie raskopki N.M. Pechenkina v 1903–1905 gg.* [The Necropolis of Belbek I and the Barrow near the Brothers Cemetery in Southwestern Crimea: Archaeological Excavations by N.M. Pechenkin in 1903–1905] (Gerakleyskiy sbornik. Materialy i istochniki po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo [Heracles Collection. Materials and Sources for the Study of the Chora of Chersonesus Taurica] V). Saint Petersburg.

ROMAN PERIOD NARROW-NECKED LIGHT-CLAY AMPHORAE OF THE TYPE “D” (C IV D). TYPOLOGY AND CHRONOLOGY

Andrey V. Sazanov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: andrei.v.sazanov@mail.ru

The paper deals with to the typology and chronology of narrow-necked light-clay amphorae of type “D” (C IV D). The proposed classification of amphorae includes four types. Type C IV D 1 dates back to the first quarter of the 3rd century AD, C IV D 2 – to the last quarter of the 2nd – first half of the 3rd century AD, C IV D 3 – to the last quarter of the 2nd – third quarter of the 3rd century, C IV D 4 – AD 260/270–310/320. The general evolution of C IV D type develops along the line C IV D 2–3 to C IV D 3-1 and C IV D 4-1. The existence of the considered Heracleian amphorae covers the last quarter of the 2nd – first third of the 4th century. Written sources report the defeat of Heraclea resulted one of the naval raids of the barbarian tribes in AD 264/265,

---

which makes it possible to clarify the chronology of the amphorae. The production of amphorae C IV D 1, C IV D 2 and C IV D 3 ended before AD 264/265. On the contrary, the production of type C IV D 4, a continuation of C IV D 3, began after the events of AD 264/265 and was carried out, in all likelihood, until the first third of the 4th century. At the same time, the volume of production of amphoras C IV D after AD 264/265 sharply declined.

Keywords: Northern Black Sea region, Heraclea, Bosporus, Roman period, narrow-necked light-clay amphorae of “D” (C IV D) type, typology, chronology

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-73–83

ПУГОВИЦЫ СО СКАННЫМ ДЕКОРОМ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН (КРЫМ)

А.Ю. Лобода

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия;
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

E-mail: lobodaau@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4926-1140

В работе анализируется пара металлических пуговиц со сканным декором начала XIV в. из некрополя городища Эски-Кермен в Крыму. РФА металла всех конструктивных деталей пуговиц показал, что они изготовлены из высокопробного серебряного сплава, легирующие компоненты которого характерны для драгоценных изделий данного некрополя. Выявлены области припоя. Предполагается, что для пайки применялся серебряно-медный цинкосодержащий припой с примесью свинца. По результатам оптической микроскопии описаны конструкция и технологический цикл изготовления пуговиц, а также следы использования изделий после поломки.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, некрополь, средневековье, пуговицы, РФА, технология изготовления, состав металла

Средневековое городище Эски-Кермен расположено на плато в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор, в Бахчисарайском районе, в 6 км южнее с. Красный Мак. В ходе археологических раскопок последних лет, проводимых под руководством А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой, на площади городища перед главной базиликой были открыты плитовые могилы первой половины XIV в., которые были впущены в слой разрушения, связанный с набегом войск Ногая в 1299 г.¹.

В могиле 9/2021 (рис. 1), в которой погребены останки двоих детей и молодой женщины, были найдены две металлические пуговицы, находившиеся в районе грудной клетки одного из детских костяков (рис. 1, б). В том же захоронении обнаружены серебряный перстень, фрагменты бронзовой проволоки, золотая

Данные об авторе. Анастасия Юрьевна Лобода – научный сотрудник Курчатовского института, научный сотрудник ИАК РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00076, <https://rscf.ru/project/20-18-00076/> Проект «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

¹ Айбабин 2021, Хайрединова 2022.

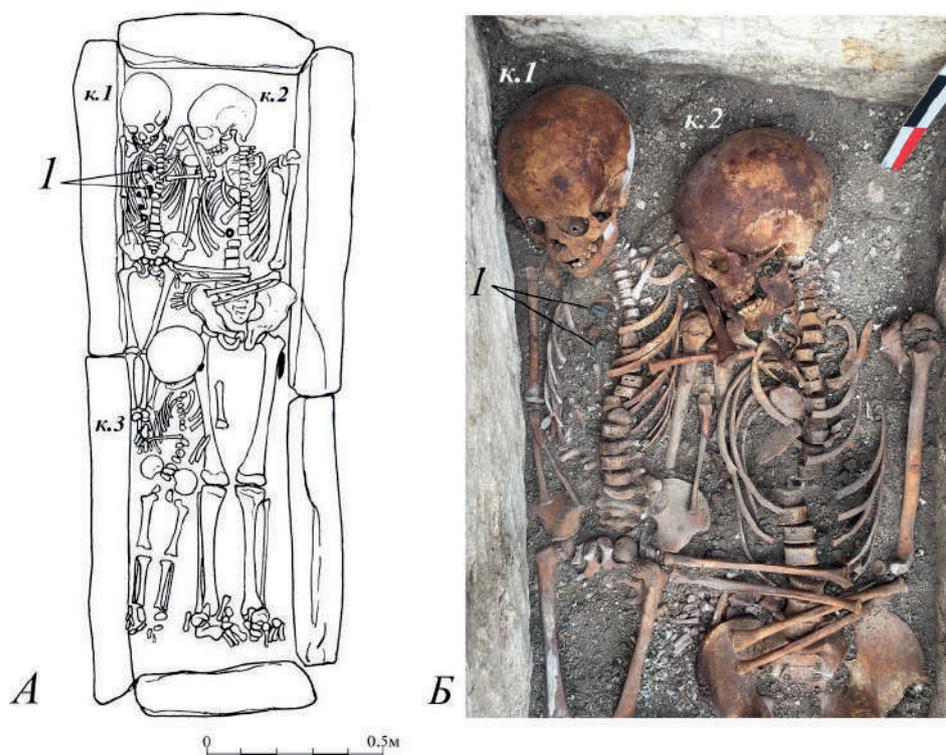

Рис. 1. Некрополь на плато Эски-Кермен. Могила 9/2021. А – план погребения; Б – детали погребений 1 и 2; I – металлические пуговицы.

Fig. 1. Necropolis on the Eski-Kermen plateau. Grave 9/2021. A – burial plan; B – details of burials 1 and 2; I – metal buttons.

проволочная серьга (изогнутая незамкнутая), вставка из горного хрусталя и рассыпавшаяся стеклянная бусина². Форма серьги позволяет отнести погребение к золотоордынскому времени³.

Исследуемые пуговицы фрагментированы: у одной отсутствует часть детали в районе петли (далее – пуговица № 1) (рис. 2, а), вторая состоит из двух найденных рядом частей (пуговица № 2) (рис. 2, б, в). Однако сохранились все элементы декоративной отделки: по центральной части тулова каждой пуговицы проходит поясик из трех витых сканых проволок; вершину полусферы венчает пирамидка из четырех шариков зерна в кольце из витой проволоки. На пуговице 2 вокруг петли и пирамидки в проволочном кольце напаяны колечки из более мелкой витой проволоки; такие же колечки расположены вдоль центральной проволоки на ней (рис. 2, б, в)⁴. Целью настоящего исследования является определение состава металла всех деталей изделий и технологии изготовления пуговиц с плато Эски-Кермен.

² Хайрединова 2022, 18.

³ Каримова 2012, 150.

⁴ Лобода 2023.

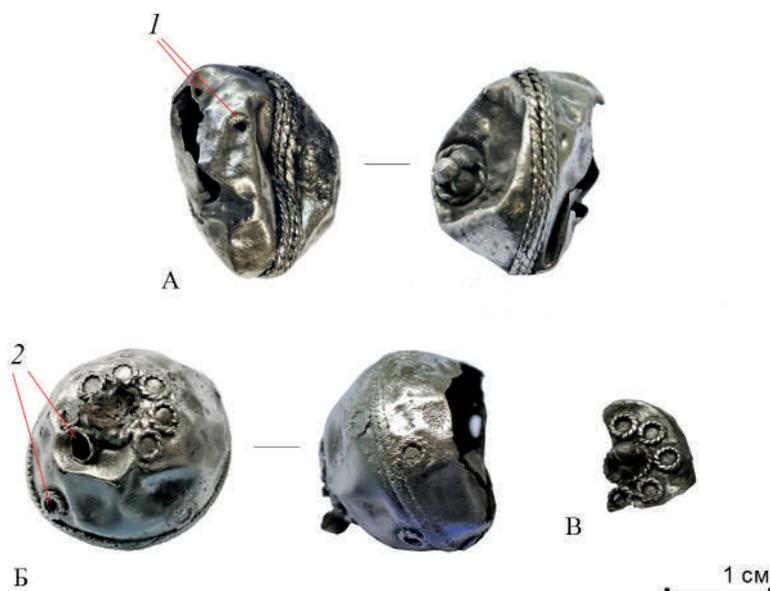

Рис. 2. Пуговицы из могилы 9/2021. А – № 1; Б – №2; В – фрагмент пуговицы № 2; 1 – отверстия для крепления в пуговице № 1; 2 – отверстия для крепления в пуговице №2.
 Fig. 2. Buttons from grave 9/2021. А – no. 1; В – no. 2; В – fragment of button no. 2; 1 – fastening holes in button no. 1; 2 – fastening holes in button no. 2.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Измерения элементного состава металла проводились методом неразрушающего рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре M1 Mistral (Bruker). Напряжение 50кV, мощность 50Вт, программное обеспечение XSpecPro. Стандартное время измерения составило 30 сек. Статистическая обработка полученных данных проводилась в программе «StatSoft STATISTICA 10.0.1011.0». Особенности конструкции пуговиц изучались с помощью микроскопе Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C.

1. СОСТАВ МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ПО ДАННЫМ РФА

Обе пуговицы изготовлены из высокопробного серебряного сплава (Ag – 80–92%, Cu – 1,6–10,6%, Sn – 5–6,6 %) (прил. 1). Во всех исследованных областях зафиксировано присутствие свинца (0,2–1,7%), в то время как золото встречается локально (0–3,8%). Цинк выявлен в металле на участках проволоки пуговиц № 1 (0,27–0,42%) и № 2 (0,35–0,51%), а также в зерни (0,17–1,67%) и некоторых зонах на тулове (0,28–0,38%) пуговицы № 2. Кроме того, в металле зерни пуговицы № 2 зафиксировано присутствие сурьмы (1–1,33%).

Металл обеих пуговиц характеризуется в первую очередь содержанием в сплаве олова. Его количество в основном металле изделий и сканной проволоке

колеблется в пределах 5–6%. Единственная область, где олово отсутствует, – зона соединения на зерни пуговицы № 2. Изделия из серебряно-медного сплава с примесью олова встречаются в плитовых могилах Эски-Кермена. Большая их часть изготовлена из низкопробного серебра (Ag – 40–65 %), однако имеются и довольно высокопробные изделия – пуговица из могилы 4/2020 (Ag – 86%, Cu – 5%, Sn – 6%), серьга из могилы 4/2020 (Ag – 77%, Cu – 15%, Sn – 5,7%), перстень из могилы 8/2020 (Ag – 80,7%, Cu – 16%, Sn – 1,8%), пуговица из могилы 2/2019 (Ag – 44,6%, Au – 18,7%, Cu – 22%, Sn – 4%)⁵. Таким образом, в материалах серебряных изделий плитовых могил Эски-Кермена выделяется целая группа предметов, в которых, помимо меди, в качестве значимой легирующей примеси присутствует олово. Предположительно, данные изделия связаны с вторичной переплавкой серебра и добавлением в сплав лома цветных металлов⁶.

2. СЛЕДЫ ПОЛОМКИ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

С помощью оптического микроскопа было установлено, что пуговицы изготовлены из двух полусфер, соединенных пайкой. Петля, сохранившаяся на одной из пуговиц, припаяна, ее концы не заправлены в тулово изделия. На нескольких участках сканных проволок, идущих по центру тулова, поверх места стыка двух полусфер, виден затекший припой (рис. 2, а). Следы припоя также заметны на кольцах из мелкой сканной проволоки и в некоторых областях соединения шариков зерни. На обеих пуговицах видны следы поломки и последующего использования. На пуговице № 1, рядом с оборванным краем со стороны петли, пробиты вовнутрь два отверстия (рис. 2, 1), в которые был вставлен шнурок, сохранившийся на момент находки⁷. На пуговице № 2 отверстия пробиты внутри контура двух напаянных мелких сканных колец – одного возле сломанной петли, другого – около центрального пояса на тулове. Металл по краям отверстий смят: по видимому, после пробития их расширили (рис. 2, 2).

3. ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТИСНЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

Пуговицы со сканным орнаментом и зернью являются довольно распространенными находками на памятниках средневекового времени⁸. Для этой категории разработано несколько вариантов классификаций, одни из которых основаны на морфологии⁹, другие – технологических особенностях пуговиц¹⁰, третьи объединяют оба подхода¹¹. По методу производства все пуговицы разделяют на литые и тисненые.

Следы производства мелких тисненых изделий, к которым относятся и тисненые пуговицы, встречаются среди материалов раскопок древнерусских памятников. Так, например, в Новгороде обнаружены заготовки и отходы производства из-

⁵ Антипенко, Лобода 2022, 176, табл. 1.

⁶ Антипенко, Лобода 2022, 180.

⁷ Хайрединова 2022, 96, рис. 73.

⁸ Плетнева 1989; Авдусина 2014; Кокорина и др. 2015; Казакевич, Ениосова 2021.

⁹ Кокорина и др. 2015.

¹⁰ Плетнева 1989.

¹¹ Казакевич, Ениосова 2021.

делий из меди: листы металла с выбитыми из них круглыми заготовками, а также сами полусферы пуговиц и бубенчиков¹². На Центральном городище и в пойменном селище Гнездова найдены два выпуклых штампа для изготовления тисненых заготовок¹³, а также подобные медные листы с круглыми отверстиями¹⁴. Предполагается, что из металлических листов вырубали круглую заготовку, крепили ее в смолу и при помощи пуансона придавали ей форму полусферы. Полученные заготовки соединялись с помощью горновой пайки¹⁵.

Серебряные пуговицы – литые или тисненные – встречаются значительно реже медных, они нередко украшены сканным декором и зернью¹⁶. Известны изделия с имитацией зерни, большинство их литые¹⁷. На тисненных изделиях зернь может быть имитирована давлением или чеканкой с обратной стороны металлического листа, однако такая техника уже визуальнo отличается от оригинальной зерни¹⁸.

Опираясь на известную технологию производства подобных мелких тисненных изделий, а также исходя из проведенных исследований, можно детально реконструировать весь технологический цикл изготовления исследуемых пуговиц из некрополя Эски-Кермен. Из листа высокопробного серебра для каждой пуговицы было вырублено по две круглые заготовки, которые были выгнуты до полусфер при помощи пуансона. Петля в данном случае припаивалась к тулову, отверстие для ее крепления не вырубалось. Половинки пуговиц спаивались между собой, а затем декорировались сканной проволокой и зернью.

Сканная проволока подготавливалась заранее – проковывалась, протягивалась через отверстия в волочильных досках, а затем скручивалась¹⁹. Шарик зерни выплавлялись из мелко нарезанных фрагментов проволоки²⁰ или проволочных колечек²¹. Существует также предположение, что зернь получали путем разбрызгивания металла²², однако на практике такой способ не позволяет получить одинаковые по размеру гранулы. Наиболее вероятным остается предположение о плавлении кусочков проволоки на плоской огнеупорной подложке, например, на угле.

Анализ пуговиц из Гнездовского курганного могильника показал, что для соединения элементов декора с основой пуговиц могла применяться пайка без припоя²³. Предположительно, при такой технологии использовался химический состав, включавший соединения меди (карбонаты, ацетаты, оксиды или куприты) и органический компонент (рыбий клей и квасцы). Поверхность изделия покрывали клеевой смесью для крепления элементов сканного орнамента. Затем добавляли флюс (буру), помещали изделие в древесный уголь и нагревали до тех пор, пока все спаиваемые элементы не соединялись друг с другом. Высокая температура

¹² Рындина 1963; Ениосова и др. 2017.

¹³ Ениосова 2012.

¹⁴ Казакевич, Ениосова 2021.

¹⁵ Колчин и др. 1981. 133.

¹⁶ Казакевич, Ениосова 2021.

¹⁷ Руденко 2015, 378.

¹⁸ Руденко 2015, 392.

¹⁹ Руденко 2009, 152.

²⁰ Жилина 1998, 80.

²¹ Руденко 2009, 153.

²² Жилина 1998, 80.

²³ Казакевич, Ениосова 2021.

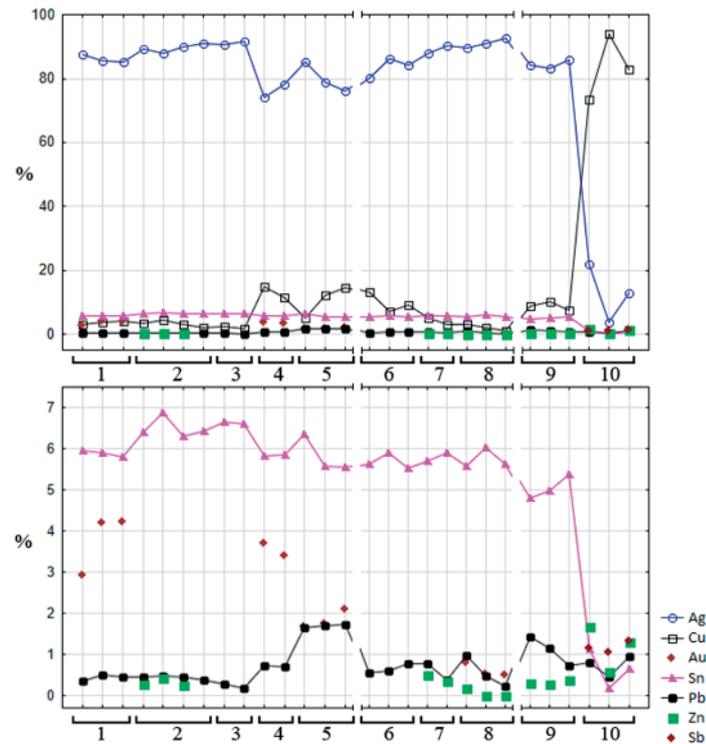

Рис. 3. Элементный анализ металла пуговиц. 1 – основной металл пуговицы № 1; 2 – металл сканной проволоки пуговицы № 1; 3 – основной металл у проволоки пуговицы № 1; 4 – металл сканной проволоки у зерни пуговицы № 1; 5 – металл зерни пуговицы № 1; 6 – основной металл пуговицы № 2; 7 – металл сканной проволоки пуговицы № 2; 8 – металл зерни пуговицы № 2; 9 – основной металл у проволоки пуговицы № 2; 10 – затеки припой у зерни пуговицы № 2.

Fig. 3. Elemental analysis of button metal. 1 – base metal of button no. 1; 2 – metal of filigree wire of button no. 1; 3 – base metal near the wire of button no. 1; 4 – metal of filigree wire near the granulation of button no. 1; 5 – metal of the granulation of button no. 1; 6 – base metal of button no. 2; 7 – metal of filigree wire of button no. 2; 8 – metal of granulation of button no. 2; 9 – base metal of wire of button no 2; 10 – solder streaks at granulation of button no. 2.

разрушала органические вещества и высвобождала углерод, восстанавливающий медь из соединений. Восстановленная медь соединяла отдельные элементы изделия с его поверхностью и между собой. Данный процесс предположительно протекал при 800°C , а химический припой не оставлял заметных глазу следов²⁴.

Между тем на исследуемых пуговицах из могилы 9/2021 некрополя Эски-Кермен припой визуально фиксируется в виде затеков на сканых проволоках декора, что исключает использование описанной выше технологии. Предварительное крепление элементов сканного орнамента на органический клей действительно

²⁴ Ениосова 2016, 538; Казакевич, Ениосова 2021, 233.

широко использовалось в технике скани²⁵, однако часто на следующем этапе изделие спаивалось обычным образом с помощью припоя, измельченного опиливанием²⁶. Для пайки, помимо горна, могла использоваться фефка – паяльная трубка, создающая узконаправленное пламя для местных паяльных работ²⁷. Нужно отметить, что при пайке сканного орнамента разница между температурами плавления основного металла и припоя должна составлять значительно больше 50°C во избежание местного перегрева и плавления тонкой сканной проволоки²⁸.

РФА металла пуговиц позволил установить элементный состав в областях соединений – на сканной проволоке и зерни (рис. 3). На пуговице № 1 в области проволоки и зерни наблюдается повышенное содержание меди и свинца, цинк же зафиксирован только в зоне центральной тройной проволоки. В аналогичных областях пуговицы № 2 зафиксировано повышенное содержание свинца, цинка и меди. Особо выделяются исследованные области металла между гранулами зерни на пуговице № 2 (прил. 1, рис. 3, 10). Во всех точках измерения здесь наблюдается повышенное содержание меди и цинка при значительном понижении процента серебра и олова. Мы полагаем, что в точке между гранулами металла измерен сам припой, а состав других точек измерения характеризует зоны диффузии припоя и основного металла.

Соотношение компонентов в оригинальном припое охарактеризовать сложно, однако вероятно он был изготовлен из медных сплавов и серебра. Цинк и свинец сопутствовали медному компоненту, добавленному в серебро. Возможно, припой пуговицы № 1 содержал только серебро, медь и свинец, а припой пуговицы № 2 – серебро, медь, свинец и цинк, однако с уверенностью говорить об измерении области припоя можно только для пуговицы № 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследованные пуговицы изготовлены из высокопробного серебряного сплава, легирующие компоненты которого характерны для ювелирных изделий из плитовых могил начала XIV в. в некрополе Эски-Кермен. Сканный орнамент на пуговицах изготовлен из проволоки, близкой по составу к основному металлу изделий, однако металл зерни на пуговице № 1 несколько отличается по содержанию свинца. Следы припоя на проволоках и зерни пуговицы № 2 свидетельствуют о том, что для пайки применялся серебряно-медный цинкосодержащий припой с примесью свинца – вероятно серебро, легированное свинцовой латунью. Определен технологический цикл изготовления пуговиц и выявлены следы их использования после поломки. Некоторое время пуговицы были пришиты к одежде за петлю, затем у одной из них петля отломилась (№ 2), а у другой вместе с петлей отломился крупный фрагмент изделия (№ 1). После поломки пуговицы не ремонтировали. Владелец просто проделал в них новые отверстия и продолжил использовать пуговицы вплоть до момента захоронения.

²⁵ Флеров 1981, 234.

²⁶ Теофил 1963, 130.

²⁷ Андриюшенко 1904, 69; Жилина 2006, 67; Флеров 1981, 235.

²⁸ Бреполь 1982, 234.

Элементный состав металла пуговиц по данным РФА, масс. %

Объект	Область анализа	Ag	Cu	Au	Sn	Pb	Zn	Sb
пуговица № 1	поле	86.19	3.73	3.78	5.88	0.43	—	—
	поле возле проволоки	91.10	2.06	—	6.63	0.22	—	—
	проволока центральная	90.95	2.26	—	6.42	0.37	—	—
	проволока центральная	89.04	3.59	—	6.53	0.46	0.32	—
	зернь	80.03	10.62	1.83	5.83	1.69	—	—
пуговица № 2, фраг- мент	поле	83.66	9.75	—	5.68	0.64	—	—
	проволока	89.04	4.17	—	5.8	0.58	0.43	—
	зернь	91.68	1.62	0.52	5.83	0.36	—	—
	зернь	89.5	2.96	0.81	5.58	0.97	0.17	—
пуговица № 2	поле	84.33	8.76	—	5.05	1.1	0.32	—
	припой на зерни	21.88	73.37	—	1.13	0.81	1.67	1.14
	припой на зерни	3.73	94.04	—	0.17	0.44	0.58	1.06
	припой на зерни	12.73	83.03	—	0.65	0.96	1.29	1.33

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 2021: Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен. В сб.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова (ред.), *Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.* (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции»). Вып. 1). Симферополь, 5–25.
- Авдусина, С.А. 2014: Гнездовский клад 2001 года. В сб.: Н.И. Асташова (отв. ред.), *Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной* (Тр. ГИМ 198). М., 98–114.
- Андрющенко, А.И. 2004: *Руководство золотых и серебряных дел мастерства*. М.
- Антипенко, А.В., Лобода, А.Ю. 2022: Находки из серебра из раскопок средневековых кварталов на плато Эски-Кермен. В сб.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова (ред.), *Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.* (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции»). Вып. 1). Симферополь, 174–181.
- Бреполь, Э. 1982: *Теория и практика ювелирного дела*. Л.
- Ениосова, Н.В. 2012: Находки – индикаторы ювелирного производства из раннегородского центра Гнёздова. В сб.: О.А. Щеглова, В.М. Горюнова (отв. ред.), *Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г.* Санкт-Петербург. СПб., 209–215.
- Ениосова, Н.В. 2016: Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя. В сб.: И.К. Лабутина (ред.), *Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI в. Т. 2. Камерные погребения Пскова X в. по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря*. СПб., 518–559.
- Ениосова, Н.В., Митоян, Р.А., Сингх, В.К. 2017: Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. В сб.: Н.В. Лопатин (ред.), *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Материалы 62-го заседания (19–21 апреля 2016 г.)*. Вып. 32. М.–Псков, 187–203.
- Жилина, Н.В. 1998: Стили и технология древнерусской зерни и скани. *РА* 3, 75–84.

- Казакевич, Е.М., Ениосова, Н.В. 2021: Металлические пуговицы Гнёздовского археологического комплекса X – начала XI в. В сб.: А.М. Воронцов, А.М. Колоколов (ред.), *Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева*. Тула.
- Каримова, Р.Р. 2012: Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация. *Уфимский археологический вестник* 12, 136–152.
- Кокорина, Н.А., Денисова, А.Н., Князева, Н.А. 2015: *Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника*. Владимир.
- Колчин, Б.А., Хорошев, А.С., Янин, В.Л. 1981: *Усадьба новгородского художника XII в.* М.
- Лобода, А.Ю. 2023: Пуговицы из плитовой могилы 9/2021 на плато Эски-Кермен. В сб.: *IV Свято-Владимирские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси*. Симферополь, 81–85.
- Плетнева, С.А. 1989: *На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский комплекс)*. М.
- Руденко К.А. 2009: Зернь и скань на болгарских ювелирных изделиях конца X – первой трети XIII в. В сб.: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции* 6, 149–156.
- Руденко, К.А. 2015: *Булгарское серебро. Древности Биляра*. Т. II. Казань.
- Рындина, Н.В. 1963: Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. В сб.: *Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции*. Т. III. (МИА 117). М., 200–263.
- Флеров, А.В. 1981: *Материаловедение и технология художественной обработки металлов*. М.
- Хайрединова, Э.А. 2022: Могильник первой половины XIV в. на плато Эски-Кермен (по результатам археологических раскопок 2020–2021 гг.) А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова (ред.), *Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.* (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 1). Симферополь, 8–108.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 2021: Izuchenie tsentral'noy chasti goroda na plato Eski-Kermen. [Study of the Central Part of the Town on the Eski-Kermen plateau]. In: A.I. Aybabin, E.A. Khayredinova (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of Archaeological Research at the Central Part of the city on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020] (Ser. «Materialy Eski-Kermenskoj ekspeditsii» [Materials of the Eski-Kermen Expedition], 1). Simferopol, 5–25.
- Avdusina, S.A. 2014: Gnezdovskiy klad 2001 goda [The Gnezdovo 2001 Hoard]. In: N.I. Astashova (ed.), *Slavyane i inye yazytsi... K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshiviny* [Slavs and Other Languages... To the Anniversary of Natalya Germanovna Nedoshivina] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 198). Moscow, 98–114.
- Andryushchenko, A.I. 2004: *Rukovodstvo zolotykh i serebryanykh del masterstva* [Handbook of Gold and Silversmithing] Moscow.
- Antipenko, A.V., Loboda, A.Yu. 2022: Nakhodki iz serebra iz raskopok srednevekovykh kvartalov na plato Eski-Kermen. [Silver Jewelry from Excavations at Medieval quarters on the Eski-Kermen Plateau]. In: A.I. Aybabin, E.A. Khayredinova 2022, 174–181.
- Brepol E. 1982: *Teoriya i praktika yuvelirnogo dela* [Theory and Practice of Jewelry] Leningrad.
- Eniosova, N.V. 2012: Nakhodki – indikatory yuvelirnogo proizvodstva iz rannegorodskogo tsentra Gnezdova [Findings – Indicators of Jewelry Production from the Early Urban Center of Gnezdovo]. In: O.A. Shcheglova, V.M. Goryunova (eds.), *Slavyane vostochnoy*

- Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902–1968) 3–5 dekabrya 2012 g. Sankt-Peterburg [Slavs of Eastern Europe on the Eve of the Formation of the Old Russian State. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Ivan Ivanovich Lyapushkin (1902–1968) December 3–5, 2012 St. Petersburg].* Saint Petersburg, 209–215.
- Eniosova, N.V. 2016: Issledovanie khimicheskogo sostava metalla i tekhniki izgotovleniya ukrasheniy i bytovykh predmetov iz kamernykh pogrebeniy Starovoznesenskogo nekropolya [Study of the Chemical Composition of the Metal and the Technique of Making Jewelry and Household Items from Chambered Graves in the Starovoznesensk Necropolis]. In: *Drevnerusskiy nekropol' Pskova X — nachala XI v. T. 2. Kamernye pogrebeniya Pskova X v. po materialam arheologicheskikh raskopok 2003–2009 gg. u Starovoznesenskogo monastyrya* [I.K. Labutina (ed.), *The Old Russian Necropolis of Pskov of the 10th – early 11th cc. Vol. 2. Chambered Graves of Pskov of the 10th c. (Based on 2003–2009 Excavations at the Starovoznesensky Monastery)*]. Saint Petersburg, 518–559.
- Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A., Singh, V.K. 2017: Novye dannye o khimicheskom sostave syr'ya novgorodskikh yuvelirov X–XV vv. [New Data on the Chemical Composition of the Raw Materials for Novgorod Jewelers in the 10th–15th cc.]. In: *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar im. akademika V.V. Sedova. Materialy 62-go zasedaniya (19–21 aprelya 2016 g.)* [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land. Seminar named after Academician V.V. Sedov. Proceedings of the 62nd Meeting (April 19–21, 2016)]. Iss. 32. Moscow–Pskov, 187–203.
- Flerov, A.V. 1981: *Materialovedenie i tekhnologiya khudozhestvennoy obrabotki metallov* [Materials Science and Technology of Artistic Metal Processing]. Moscow.
- Karimova, R.R. 2012: Ser'gi kochevnikov Zolotoy Ordy: tipologiya i sociokul'turnaya interpretatsiya. [Earrings of the Golden Horde Nomads: Typology and Sociocultural Interpretation]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]* 12, 136–152.
- Kazakevich, E.M., Eniosova N.V. 2021: Metallicheskie pugovitsy Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa X – nachala XI v. [Metal Buttons from the Gnezdovo Archaeological Complex of the 10th – early 11th c.]. In: A.M. Vorontsov, A.M. Kolokolov (eds.), *Slavyanskie drevnosti VIII–XI vekov na territorii lesnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Grigor'eva*. [In: *Slavic Antiquities of the 8th–11th cc. in the Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. To the 60th Anniversary of the A.M. A.V. Grigoriev's Birth*] Tula.
- Khayredinova, E.A. 2022: Mogil'nik pervoy poloviny XIV v. na plato Eski-Kermen (po rezul'tatam arkheologicheskikh raskopok 2020–2021 gg.) [The Cemertery of the first half of the 14th c. on the Eski-Kermen Plateau (Based on the Results of 2020–2021 Seasons)]. In: Aybabin, Khayredinova 2022, 8–108.
- Kokorina, N.A., Denisova, A.N., Knyazeva, N.A. 2015: *Pugovitsy XI–XVIII vekov iz arkheologicheskikh kollektsey Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika* [The 11th–18th cc. Buttons in the Archaeological Collections of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. Vladimir.
- Kolchin, B.A., Khoroshev, A.S., Yanin, V.L. 1981: *Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v.* [Estate of a Novgorod Artist of the 12th c.] Moscow.
- Loboda, A.Yu. 2023: Pugovitsy iz plitovoy mogily 9/2021 na plato Eski-Kermen [Buttons from a grave with slabs facing its walls No. 9/2021 on the Eski-Kermen Plateau]. In: *IV Svyato-Vladimirskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 1035-letiyu Kreshcheniya Rusi*. [Fourth St. Vladimir Readings. Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 1035th Anniversary of the Baptism of Rus] Simferopol, 81–85.

- Pletneva, S.A. 1989: *Na slavyano-khazarskom pogranich'e (Dmitrievskiy kompleks)* [*On the Slavic-Khazar Borderlands (Dmitrievsky Complex)*] Moscow.
- Rudenko, K.A. 2009: Zern' i skan' na bulgarskikh yuvelirnykh izdeliyakh kontsa X – pervoy trety XIII v. [Granulation and Filigree of Bulgarian Jewelry from the Late 10th to the First Third of the 13th Century]. In: *Trudy Kamskoy Arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [*Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*] 6, 149–156.
- Rudenko, K.A. 2015: *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara*. [*The Bulgar Silver. Antiquities of Bilyar*]. Vol. II. Kazan.
- Ryndina, N.V. 1963: Tekhnologiya proizvodstva novgorodskikh yuvelirov X–XV vv. [Production Technology of Novgorod Jewelers in the 10th–15th cc.]. In: *Novye metody v arkheologii. Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*New Methods in Archaeology. Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition*]. Vol. III (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [In: Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 117). Moscow, 200–263.
- Zhilina, N.V. 1998: Stili i tekhnologiya drevnerusskoy zerni i skani [Styles and Technology of the Early Russian Granulation and Filigree]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 3, 75–84.

BUTTONS WITH FILIGREE DECOR FROM THE MEDIEVAL NECROPOLIS ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU (CRIMEA)

Anastasiya Yu. Loboda

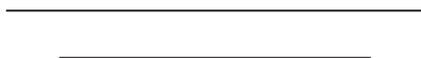
*National Research Center “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia;
Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

E-mail: lobodaau@mail.ru

Acknowledgments: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076

The paper discusses a pair of metal buttons with filigree decor from the early 14th century from the necropolis of the Eski-Kermen settlement in Crimea. The X-ray fluorescence analysis of the metal of all structural parts of the buttons shows that they were made of a high-grade silver alloy, the alloying components of which are typical of precious items from this necropolis. Solder areas were identified; it is assumed that silver-copper zinc-containing solder with an admixture of lead was used for soldering. Based on the results of optical microscopy, the design and technological cycle of button production are described, as well as traces of use of the buttons after breakage.

Keywords: Crimea, Eski-Kermen, necropolis, Middle Ages, buttons, XRF, manufacturing technology, metal composition

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 84–97
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 84–97
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-84–97

ДИОСКУРИАДСКИЕ И ПОНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ МИТРИДАТОВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФАНАГОРИИ (РАСКОПКИ 1996–2022 гг.)

М.Г. Абрамзон

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6111-048X

В статье публикуются единичные монеты Диоскурии, Понта и Пафлагонии митридатовского времени, найденные при археологических раскопках Фанагории в 1996–2022 гг. За исключением единственной тетрадрахмы Митридата VI из царской резиденции на акрополе, все понтийские монеты медные. Самой ранней является понтийская анонимная медь ок. 130–100 гг. до н.э. Остальные монеты (единичные и в составах кладов и кошелев наемников) принадлежат дворам Амастрии, Амасии, Амиса, Пимолисы, Синопы, Газиуры, Таулары, Фарнакии, Хабакты. Присутствие заметного количества понтийской меди в Фанагории объясняется как унификацией денежного обращения Понта и Боспора при Митридате Евпаторе, так и, прежде всего, использованием этих монет для выплат наемникам жалования, которое выдавалось преимущественно боспорскими анонимными оболами и понтийской медью крупных номиналов.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, Митридат VI, монеты из раскопок, денежное обращение, нумизматический профиль региона

Вхождение Боспорского царства в состав державы Митридата VI Евпатора сопровождалось унификацией монетного дела и денежного обращения Понта и Боспора¹. В новую сатрапию активно поступает понтийская медь², особенно заметная в Фанагории, где находилась царская резиденция и размещался гарнизон понтийских наемников. Начиная со второй половины 1990-х гг. раскопки столицы

Данные об авторе. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-18-00088 «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврики и Синдики в позднем эллинизме в свете новых археологических данных: мультидисциплинарное исследование».

¹ Saprykin 2007.

² Golenko 2003.

Азиатского Боспора дали более 50 единичных монет Понта, Пафлагонии и всего одну Диоскурии, а также несколько кошельков наемников и кладов с понтийской медью (монетные дворы – Амастрия, Амасия, Амис, Синопа, Газиура, Таулара, Фарнакия, Хабакта)³. В настоящей статье публикуются единичные фанагорийские находки диоскуриадских и понтийских монет митридатовского времени, найденные с 1996 г.⁴

Митридатовский чекан Диоскурии (кат., № 1; рис. 1, 1) – вторая монета данного центра, найденная в Фанагории⁵. Согласно единодушному мнению исследователей, Митридат предоставил право чеканки только этому полису Колхиды после ее завоевания; не касаясь специально вопроса о дате присоединения Колхиды к Митридату и времени выпуска этих монет⁶, принимаем датировку их концом II в. до н.э., предложенную М. Прайсом⁷. В Фанагорию монеты Диоскурии могли быть занесены контингентами Митридата VI, перемещавшимися по сухопутному пути из Колхиды в Херсонес в конце II в. до н.э., либо торговцами; отмечено широкое распространение диоскуриадских монет вдоль восточного побережья Черного моря до Ольвии и их заметная роль на рынках Тавриды вместе с монетами других понтийских городов⁸. Зарегистрированы и новые находки монет Диоскурии на Европейском Боспоре⁹ и Тамани¹⁰. На данный момент, на Боспоре их известно нам, по крайней мере, 29 против 28 в Херсонесе, который, как было принято считать ранее, уверенно опережал первый по числу таких находок¹¹.

Самую значительную группу привозных монет в фанагорийских находках образуют понтийские монеты митридатовского времени; всего их найдено 49. Наиболее ранней является понтийская анонимная медь неизвестного центра, чеканившаяся ок. 130–100 гг. до н.э.¹² (кат., № 2; рис. 1, 2). К.В. Голенко исключал возможность выпуска анонимной меди на Боспоре и в Колхиде и относил ее к наместнической чеканке понтийских сатрапов середины III в. – 130-х гг. до н.э.¹³. М. Прайс атрибутировал анонимную чеканку со звездой к неопределенному двору Боспора или Понта (возможно, монетному двору Амиса?) и датировал их 130–100 гг. до н.э.¹⁴ В. Стэнкомб также приписывал ее неизвестному монетному двору Понта и датировал тем же отрезком времени¹⁵. С.Ю. Сапрыкин предположил, что монеты со звездой выпускались в Комане в 123/120–105/90 гг. до н.э.¹⁶

Единственная понтийская серебряная монета из раскопок – найденная на полу царской резиденции на акрополе, сгоревшей во время антимитридатовского

³ Клады: *СН XI*, 133, 145–147; Абрамзон, Остапенко 2023.

⁴ Обзор находок 1930-х – 2012 г. см. Абрамзон 2013, 70–74, 88–95.

⁵ Первая – см. Шелов 1962, 79, № 219.

⁶ См. Голенко 1977; Цецхладзе 1989; Сапрыкин 1996, 165–166; Callataÿ 1997, 253–254; Tsetskhladze 2018, 480; Coşkun 2020, 361–362, n. 21 (с литературой).

⁷ *SNG BMI* 1021–1023.

⁸ Цецхладзе 1989, 95; Карышковский 2003, 253.

⁹ Абрамзон и др. 2020, 24, № 4; 28, рис. 1, 3.

¹⁰ Список находок см.: Розов 2014, 285, рис. 2, 26–28; 288–289, 296, № 26–28.

¹¹ Цецхладзе 1989, 92, 94; Розов 2014, 289.

¹² *SNG Stanc.* 639.

¹³ Голенко 1969, 144.

¹⁴ *SNG BMI* 972–984.

¹⁵ *SNG Stanc.* 639–653.

¹⁶ Сапрыкин 1996, 114–115.

Рис. 1. Монеты Диоскуриады и Понта из Фанагории

восстания в 63 г. до н.э., чрезвычайно редкая тетрадрахма Митридата VI реалистического стиля (кат. № 3, рис. 1, 3), реверс которой лишен кругового венка из плюща и для которой хронология наиболее ненадежна¹⁷. Остальные монеты этой группы – бронза городов Понта и Пафлагонии.

Таблица 1.

Распределение медных монет городов Понта и Пафлагонии (единичные находки)

Типы	<i>SNG BM I</i>	Callataÿ 2007	Амис	Пимолиса	Синопа	Неопр.	Всего
Зевс/орел, обол	100–85 гг.	95–90 гг.			1		1
Арес/меч	100–85 гг.	95–90 гг.	12	1	1	2	16
Зевс/орел, тетра-халк	85–65 гг.	95–90 гг.	2		17	2	21
Дионис/ <i>cista mystica</i>	85–65 гг.	100–95 гг.	1			1	2
Эгида/Ника	85–65 гг.	90–85 гг.	4			1	5
Афина Рома/Рома	56 г. до н.э.		1			1	2
Итого:			20	1	19	7	47

Следует отметить, что в 100–85 гг. до н.э. (по хронологии М. Прайса) на денежном рынке Фанагории доминируют тетрахалки Амиса типа «голова Ареса/меч»¹⁸ (№ 4–16), в 85–65 гг. – синопские тетрахалки типа «голова Зевса/орел»¹⁹ (№ 28–45). По хронологии Фр. де Каллатая, оба типа чеканились одновременно в 95–90 гг.²⁰ Они часто встречаются совместно в кладках 80-х – 63 гг. до н.э. при заметном преобладании синопских тетрахалков. Более поздний тип «эгида/Ника» встречается гораздо реже, и почти все это – чекан Амиса²¹ (№ 17–20). Крайне редки на Боспоре монеты типа «голова Диониса/*cista mystica*»²²; в Фанагории за всю историю раскопок зарегистрирована единственная такая амисская монета (кат., № 21; рис. 2, 21) – мы связываем ее присутствие с наемниками Митридата Евпатора.²³ Интересна и находка монеты Пимолисы типа «голова Ареса/меч»²⁴ (№ 25), единственная известная нам на Боспоре монета данного центра.

Присутствие заметного количества понтийской меди объясняется как унификацией денежного обращения Понта и Боспора, так и, прежде всего, использованием ее для выплат наемникам жалования, которое выдавалось преимущественно боспорскими анонимными оболками и понтийскими тетрахалками²⁵. Это подтверждается составами кладов, в частности, как из самой Фанагории, в которой

¹⁷ Callataÿ 1997, 33.

¹⁸ *SNG BM I* 1147–1149ff.

¹⁹ *SNG BM I* 1543–1549.

²⁰ Callataÿ 2007, 282, tabl. 9.

²¹ *SNG BM I* 1185.

²² *SNG BM I* 1209.

²³ На Тамани найдена монета этого типа, отчеканенная в Фарнакии (Розов 2014, 285, рис. 2, 29; 296, № 29). Известен также кошелек наемника с шестью монетами Амиса типа «голова Диониса/*cista mystica*» из раскопок Мирмекия 1937 г. (*CH XI*, 116).

²⁴ *SNG BM I* 1352.

²⁵ Abramzon 2024a; 2024b.

Рис. 2. Понтийские монеты митридатовского времени из Фанагории

размещался царский гарнизон, так и ее сельской округи, например, из поселения Вышестеблиевская 3, где дислоцировался небольшой контингент наемников, охранявших важный зерновой регион и пути в столицу Азатского Боспора (клад 2018 г., состоявший из анонимных оболов и тетраخالков Амиса и Синопы)²⁶. В Фанагории в 2022 г. был найден небольшой клад-кошелек с боспорскими и понтийскими оболами и тетраخالками. Поскольку его состав образуют монеты, специально использовавшиеся для выплат жалования наемникам Митридата VI (анонимные оболочки, обол Амиса типа «голова в кожаном шлеме/колчан» 120–100 гг. до н.э.²⁷, монеты Амиса и Хабакты с головой Персея и Пегасом²⁸, Синопы типа «Зевс/орел»²⁹ и т.д.), то предпочтительно считать, что сумма скорее всего представляет часть жалования понтийского наемника, сокрытого во время антимитридатовского восстания в Фанагории в 63 г. до н.э.³⁰. Также следует отметить клад СН XI, 145А из царской резиденции на акрополе, состоявший из 8 оболов Амиса, Газиуры, Таулары, Амастрии и неопределенных центров (все одного типа «голова Зевса/орел») и 11 тетраخالков Фанагории и Пантикапея (все с надчеканкой «колос»). Эти деньги вне сомнения также принадлежали понтийскому наемнику.

В заключение отметим, что самая поздняя монета Амиса из Фанагории относится уже к постмитридатовскому времени. Это исключительно редкая находка бронзовой монеты с именем Г. Цецилия Корнута, проконсула провинции Вифиния-Понт 56 г. до н.э.³¹ (№ 24), которая может отражать прямые контакты между Фанагорией и Амисом, либо ее могли случайно занести вернувшиеся на Боспор солдаты Фарнака II, захватившего Амис после битвы при Никополе 48 г. до н.э. (Арр. Митр. 120), либо контингенты Цезаря, поддержавшего Асандра в противостоянии с Фарнаком. Цезарь, разбивший Фарнака при Зеле в 47 г. до н.э., наградил Амис за верность Риму статусом *civitas libera*³². С этого момента ненадолго возрождается торговля между Амисом и Боспором, и амисская медь данного типа изредка проникает на боспорский рынок, в том числе в Фанагорию³³. К последней находке примыкает и бронзовая монета Никеи 58 г. до н.э. с именем Г. Папирия Карбона, прокуратора провинции Вифиния-Понт 62–59 гг. до н.э.³⁴. Возможно, обе монеты, чеканенные от имени наместников данной провинции, попали в Фанагорию в одно и то же время. Во всяком случае, другие находки наместнических выпусков Вифинии-Понт на Боспоре нам не известны; ближайшая находка зарегистрирована в Херсонесе.

²⁶ Абрамзон и др. 2022; Abramzon 2024a.

²⁷ SNG BM I 1135–1138.

²⁸ SNG BM I 1213 (Амис), 1258 (Хабакта).

²⁹ SNG BM I 1543–1549.

³⁰ Абрамзон, Остапенко 2023.

³¹ SNG BM I 1236–1239.

³² Максимова 1956, 301.

³³ Абрамзон 2017.

³⁴ ГИИМЗ «Фанагория». ФМ-КП 133/178 Н 5186; Госкаталог 44604913. Тип: SNG vA

КАТАЛОГ

ДИОСКУРИАДА

Конец II в. до н.э.

AE. Л.с. Две шапки Диоскуров, увенчанные шестиконечными звездами. *О.с.* Тирс; ΔΙ ΟΣ ΚΟΥ ΡΙΑ Δ ΟΣ.

№ п/п	№ описи; ГИАМЗ «Фана- гория»; Госкаталог	Диаметр, мм	Вес, г	Место находки	Литература, примечания
1.	Ф-22-156	17	3.94	НГ, кв. ЕЗ, шт. 23	Cf. <i>SNG B M I</i> 1021–1023; <i>SNG Stanc.</i> 638.

ПОНТ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦЕНТР

Ок. 130–100 гг. до н.э.

AE. Л.с. Голова в аттическом шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Восьмилучевая звезда между двух маленьких полумесяцев; следы монограммы.

2.	Ф-96-63	18	4.31	ВГ, кв. 33, шт. 6	Cf. <i>SNG Stanc.</i> 639. Изд.: Ashton 2003, no. 55. Pl. 48. 55.

Митридат VI Евпатор (ок. 120–63)

До 95 г. до н.э.?

Тетрадрахма (реалистический стиль)

AR. Л.с. Голова Митридата VI в диадеме вправо. *О.с.* Без венка. Пьющий Пегас влево; слева сверху в поле звезда и месяц; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / Μ[ΙΟΥΡΑΔΑ]ΤΟΥ / ΕΥΠ[ΑΤΟ]ΡΟΣ.

3.	Ф-08-124; ФМ-КП 85 Н 1432; ГК 27565486	30	12.21	ВГ, кв. 51, шт. 8, царская резиденция, слой пожара	Изд.: Abramzon, Kuznetsov 2011b, 77. Fig. 14. 14; Абрамзон 2013a, 63. Рис. 1. 19.

АМИС

100–85 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова юного Ареса в шлеме с гребнем вправо. О.с. Меч в ножнах с перемычкой вертикально; ΑΜΙ ΣΟΥ.

4.	Ф-98-17	21	5.63	ВГ, кв. 20, шт. 8	Cf. <i>SNG BM I</i> 1147–1149; <i>SNG Stanc.</i> 676
5.	Ф-99-22	19	5.05	ВГ, кв. 31, шт. 12	То же.
6.	Ф-03-4	22	7.18	ВГ	Cf. <i>SNG BM I</i> 1163?
7.	С-06-8	18	6.02	Сенной 2 (Паромов 79)	Разведки Г.П. Гарбузова. Cf. <i>SNG BM I</i> 1162.
8.	Ф-07-16	18	4.06	ВГ, кв. 52, шт. 8	Cf. <i>SNG BM I</i> 1147–1149. Изд.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 78. Рис. 5. 1; Абрамзон 2013а, 2. 30.
9.	Ф-07-22	21	5.37	ВГ, кв. 69, шт. 6	Изд.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 78. Рис. 5. 2; Абрамзон 2013а, 2. 31.
10.	Ф-10-98		3.76	ВГ, кв. 59, шт. 14	
11.	Ф-15-11	20	5.62	НГ, кв. Е4, шт. 10	
12.	Ф-16-77; ФМ-КП 41/30 Н 304; ГК 9002030	18	6.19	НГ, кв. А6, шт. 15	
13.	Ф-16-104; ФМ-КП 46/23 Н 380; ГК 12531256	18	5.05	НГ, кв. Г1, шт. 16	
14.	Ф-18-37; ФМ-КП 75/123 Н 573; ГК 21302271	20	4.57	ВН, кв. 79	
15.	Ф-20-20	20	4.90	НГ, кв. Е5, шт. 22	
16.	Ф-22-81	17	2.55	НГ, кв. К7, шт. 22	Cf. <i>SNG BM I</i> 1147–1149. Обломана.

Ок. 85–65 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Эгида с головой Горгоны в центре. О.с. Ника идет вправо; в руках держит пальмовую ветвь; ΑΜΙΣΟΥ

17.	Ф-00-32	20	4.64	ВГ, кв. 32, шт. 12	Cf. <i>SNG BM I</i> 1185.
18.	Ф-16-29, ФМ-КП 41/10 Н 284; ГК 9002042	20	4.86	НГ, кв. Б1, шт. 14	

19.	Ф-16-173, ФМ-КП 41/57 Н 331; ГК 9002036	18	3.85	НГ, кв. Д1, шт. 13
20.	Ф-19-99; ФМ-КП 75/192 Н 642; ГК 21302213	19	3.29	ВГ, кв. 125, шт. 18

AE. Л.с. Портрет Митридата VI как Диониса, в лавровом венке, вправо. *О.с.* Cista mystica, на ней шкура пантеры и тирс; ΑΜΙΣΟΥ.

21	Ф-22-73	19	6.45	НГ, кв. К7, шт. 22.	Cf. SNG BМ I 1209. <i>О.с.</i> Справа и слева вверху

AE. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке, вправо. *О.с.* Орел на молниях, влево; слева монограмма; ΑΜΙΣΟΥ.

22.	Ф-13-2; ФМ-КП 75/19 Н 469; ГК 21302162	20	4.97	ВГ, кв. 97, шт. 10	<i>О.с.</i> Слева Cf. SNG BМ I 1220.
23.	Ф-16-41, ФМ-КП 43/4 Н 348; ГК 9002055	22	6.71	ВН, кв. 1, к СЗ от погр. 3	

Гай Цецилий Корнут, 56 г. до н.э.

AE. Л.с. Голова Афины Ромы вправо; ΑΜΙ ΣΟΥ. *О.с.* Рома Никефорос сидит на щите влево; под обрезом [ΡΩΜΕ]; [ΕΠΙ ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΚΙΛΙΟΥ ΚΟΡΝΟΥΤΟΥ].

24.	Ф-15-7	20	7.63	НГ, кв. Г1, шт. 8	Cf. SNG BМ I 1236–1239.

ПАФЛАГОНИЯ

ПИМОЛИСА

Ок. 100–85 гг. до н.э.

AE. Л.с. Голова «Ареса» в шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Меч в ножнах; ΠΙΜΟΛΙΣΩΝ.

25.	Ф-99-24	22	4.76	ВГ, яма 96	Cf. SNG Cop. 271; SNG BМ I 1352.

СИНОПА

Ок. 100–85 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке вправо. **О.с.** Орел на молниях влево; внизу ΣΙΝΩΠΗΣ.

26. Ф-08-125 25 17.49 ВГ, кв. 51, шт. 8, царская резиденция, слой пожара Cf. *SNG BM I* 1527. Изд.: Abramzon, Kuznetsov 2011b, 79. Fig. 16. 4.

АЕ. Л.с. Голова «Ареса» в шлеме с гребнем вправо. **О.с.** Меч в ножнах; ΣΙΝΩΠΗΣ.

27. Ф-98-16 20 4.63 ВГ, кв. 37, шт. 9 Cf. *SNG BM I* 1528–1530.

Ок. 85–65 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке вправо. **О.с.** Орел на молниях влево; внизу ΣΙΝΩΠΗΣ.

28. Ф-73-3 21 3.62 Случ. нах. *О.с.* Слева , справа звезда Cf. *SNG Stanc.* 801–803; *SNG BM I* 1543–1549.

29. Ф-96-25 19 6.57 ВГ, кв. 33, шт. 5, яма 55 Изд.: Ashton 2003, no. 50. Pl. 48. 50.

30. Ф-98-15 18 6.54 ВГ, кв. 15, шт. 9

31. Ф-08-14 19 4.24 ВГ, кв. 57, шт. 8 Cf. *SNG BM I* 1543–1544.

32. Ф-08-146 21 3.60 ВГ, кв. 55, шт. 8 Изд.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 78. Рис. 5. 5.

33. Ф-10-40 18 4.13 ВГ, кв. 79, шт. 7 Cf. *SNG BM I* 1543–1544.

34. Ф-11-91 21 5.88 ВГ, кв. 71, шт. 10

35. Ф-11-156 ПР

36. Ф-12-46 18 6.28 ВГ, кв. 107, шт. 9.

37. Ф-13-28 20 8.26 ВГ, кв. 70, шт. 11

38. Ф-14-12 19 5.66 НГ, случ. нах.

39. Ф-14-68; 19 3.38 ВГ, кв. 82, шт. 12
ФМ-КП 75/73
Н 523;
ГК 21302097

40. Ф-15-27; 19 5.91 НГ, кв. И2, шт. 11
ФМ-КП 46/6
Н 363;
ГК 12531246

41. Ф-15-62 19 6.04 ВГ, яма 718

42. Ф-15-86 19 4.80 НГ, кв. В1, шт. 8

43.	Ф-16-11; ФМ-КП 41/1 Н 275; ГК 9002056	24	5.38	НГ, кв. К1, шт. 14	<i>О.с.</i> Слева $\overline{\Lambda}$. Cf. <i>SNG BМ I</i> 1547.
44.	Ф-17-11	19	1.66	НГ, кв. А1, шт. 18	Cf. <i>SNG BМ I</i> 1543–1544.
45/	Ф-20-21	20.5	4.98	НГ, осыпь борта	

АМИС или СИНОПА

Ок. 100–85 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова «Ареса» в шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Меч в ножнах; надпись не ясна.

46.	Ф-96-39	20	4.43	ВГ, кв. 32, шт. 3	Изд.: Ashton 2003, no. 55, 48. 55.
47.	Ф-09-238	20	5.30	ВГ, кв. 51, шт. 9/11	

Ок. 85–65 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке вправо. *О.с.* Орел на молниях влево; надпись не ясна.

48.	Ф-98-18	19	4.75	ВГ, кв. 27, шт. 9	
49.	Ф-03-22	18	5.28	ВГ, «бровка», зап. часть, шт. 17–18	

Ок. 85–65 гг. до н.э.

АЕ. Л.с. Эгида. *О.с.* Ника с пальмовой ветвью идет вправо; надпись не ясна.

50.	Ф-08-23	19	3.64	ВГ, кв. 69, шт. 7	Для типа: <i>SNG BМ I</i> 1177–1191 (Амис), 1536–1540 (Синопа). Изд.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 78. Рис. 5. 3; Абрамзон 2013а, 83. Рис. 3. 98.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2013: Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). М., 61–107.
- Абрамзон, М.Г. 2017: Малоизвестные контрагенты Фанагории: новые находки греческих привозных монет. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья*. Тор-

говля: пути – товары – отношения. *Международная научная конференция. Симферополь–Керчь*, 5–10.

- Абрамзон, М.Г., Ермолин, С.А., Буравлев, С.А. 2020: Новые данные о денежном обращении эллинистического Боспора: греческие привозные монеты из раскопок Манитры и Фанагории 2017–2018 гг. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте*. Симферополь–Керчь, 23–28.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н. 2023: Клад бронзовых монет митридатовского времени из Фанагории. *КСИА* 271, 131–137.
- Голенко, К.В. 1969: Понтийская анонимная медь (хронология, классификация, характер чекана). *ВДИ* 1, 130–154.
- Голенко, К.В. 1977: К датировке монет Диоскуриады. В сб.: *Нумизматический сборник памяти Д.Г. Капанадзе*. Тбилиси, 57–64.
- Карышковский, П.О. 2003: *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Одесса.
- Максимова, М.И. 1956: *Античные города юго-восточного Причерноморья: Синопа. Аμισ. Трапезунд*. М.–Л.
- Розов, В.Н. 2014: Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова. *ДБ* 18, 272–307.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Щецкладзе, Г.Р. 1989: Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического. *ВДИ* 4, 91–95.
- Шелов, Д.Б. 1962: Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. *НЭ* III, 56–129.
- Abramzon, M.G. 2024a: Purses of Mithridates' Mercenaries from the Cimmerian Bosphorus. *Pro-pontica*.
- Abramzon, M.G. 2024b: *Money of Mercenaries in the Cimmerian Bosphorus: From the Mithridatic Wars to the Roman-Bosporan War of AD 45–49* (Colloquia Antiqua 45). Leuven–Paris–Bristol.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2011: The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence). *ACSS* 17, 75–110.
- de Callataÿ, F. 1997: *L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies* (Numismatica Lovaniensia. 18). Louvain-la-Neuve.
- de Callataÿ, F. 2007: La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien, in: *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)* (Ausonius Mémoires 18). Bordeaux, 271–308.
- Coşkun, A. 2020: (Re-)Locating Greek and Roman Cities along the Northern Coast of Kolchis. Part I. Identifying Dioskourias in the Recess of the Black Sea. *ВДИ* 80/2, 354–376.
- Golenko, K. 2003: Pontic Currency of the Period of Mithradates VI on the Bosphorus. *Numismatic Circular* CXI.2, 64–69.
- Saprykin, S. 2007: The unification of Pontos: the bronze coins of Mithradates VI Eupator as evidence for commerce in the Euxine. In: V. Gabrielsen and J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchange* (Black Sea Studies 6). Aarhus, 195–208.
- Tsetskhladze, G.R. 2018: The Colchian Black Sea coast: recent discoveries and studies. In: M. Manoledakis, G.R. Tsetskhladze, I. Xydopoulos (eds.), *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral*. Leuven–Paris–Bristol, 425–547.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2013: Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii [Ancient foreign coins from the excavations at Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials in Archaeology and History of Phanagoria*] 1 (Fanagoriya [Phanagoria] 1). Moscow, 61–107.
- Abramzon, M.G. 2017: Maloizvestnye kontragenty Fanagorii: novye nakhodki grecheskikh privoznykh monet [Little-known contractors of Phanagoria: new finds of Greek foreign coins]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [*XVIII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Trade: Paths – Goods – Relationships. International Scientific Conference*]. Simferopol–Kerch, 5–10.
- Abramzon, M.G. 2024a: Purses of Mithridates' Mercenaries from the Cimmerian Bosporus. *Propontica*.
- Abramzon, M.G. 2024b: *Money of Mercenaries in the Cimmerian Bosporus: From the Mithridatic Wars to the Roman-Bosporan War of AD 45–49* (Colloquia Antiqua 45). Leuven–Paris–Bristol.
- Abramzon, M.G., Ermolin, S.A., Buravlev, S.A. 2020: Novye dannye o denezhnom obrashchenii ellinisticheskogo Bospora: grecheskie privoznye monety iz raskopok Manitry i Fanagorii 2017–2018 gg. [New data on the currency in the Hellenistic Bosporus: Greek foreign coins from the excavations at Manitra and Phanagoria 2017–2018.]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *XXI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Ob'ekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste* [*XXI Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Objects of Art in an Archaeological Context*]. Simferopol–Kerch, 23–28.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2011: The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence). *ACSS* 17, 75–110.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2023: Klad bronzovykh monet mitridatovskogo vremeni iz Fanagorii [*Mithridatic hoard of bronze coins from Phanagoria*]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communication of the Institute of Archaeology*] 271, 131–137.
- de Callataÿ, F. 1997: *L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies* (Numismatica Lovaniensia. 18). Louvain-la-Neuve.
- de Callataÿ, F. 2007: La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien, in: *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)* (Ausonius Mémoires 18). Bordeaux, 271–308.
- Coşkun, A. 2020: (Re-)Locating Greek and Roman Cities along the Northern Coast of Kolchis. Part I. Identifying Dioskourias in the Recess of the Black Sea. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 80/2, 354–376.
- Golenko, K.V. 1977: K datirovke monet Dioskuriady [On the dating of coins from Dioscurias]. In: Numizmaticheskiy sbornik pamyati D.G. Kapanadze [Numismatic Compendium in memoriam of D.G. Kapanadze]. Tbilisi, 57–64.
- Golenko, K.V. 1969: Pontiyaskaya anonimnaya med' (khronologiya, klassifikatsiya, kharakter chekana) [Anonymous Pontic copper]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 130–154.
- Golenko, K. 2003: Pontic Currency of the Period of Mithradates VI on the Bosporus. *Numismatic Circular* CXI.2, 64–69.
- Karyshkovskiy, P.O. 2003: Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii (VI v. do n.e. – IV v. n.e.) [*Coinage and Currency of Olbia (the 6th century BC – 4th century AD)*]. Odessa.

- Maksimova, M.I. 1956: *Antichnye goroda yugo-vostochnogo Prichernomor'ya: Sinopa. Amis. Trapezund* [*Ancient Cities of the Southeastern Pontus: Sinope. Amisus. Trebizond*]. Moscow–Leningrad.
- Rozov, V.N. 2014: Novye nakhodki grecheskikh privoznykh monet s territorii Tamanskogo poluostrova [Recent finds of Greek foreign coins from the territory of the Taman Peninsula]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 18, 272–307.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*Pontic Kingdom. State of Greeks and Barbarians in the Black Sea Region*]. Moscow.
- Saprykin, S. 2007: The unification of Pontus: the bronze coins of Mithradates VI Eupator as evidence for commerce in the Euxine. In: V. Gabrielsen and J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchange* (Black Sea Studies 6). Aarhus, 195–208.
- Shelov, D.B. 1962: Nakhodki monet v Fanagorii v 1947–1957 gg. [Coin finds in Phanagoria in 1947–1957]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] III, 56–129.
- Tsetskhladze, G.R. 1989: Monety Dioskuriady iz Khersonesa Tavricheskogo [Coins of Dioskuriada from the Taurian Chersonese]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 91–95.
- Tsetskhladze, G.R. 2018: The Colchian Black Sea coast: recent discoveries and studies. In: M. Manoledakis, G.R. Tsetskhladze, I. Xydopoulos (eds.), *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral*. Leuven–Paris–Bristol, 425–547.

DIOSCURIAS AND PONTIC COINS OF THE AGE OF
MITHRADATES VI FROM PHANAGORIA
(EXCAVATIONS 1996–2022)

Mikhail G. Abramzon

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

The paper discusses single coins of Dioscurias, Pontus and Paphlagonia of the Mithridatic period retrieved during the archaeological excavations at Phanagoria between 1996 and 2022. With the exception of a single Mithridatic tetradrachm found in the royal residence on the acropolis, all coins are copper. Pontic anonymous copper from c. 130–100 BC is the earliest coin. The remaining coins (isolated specimens, as well as those in hoards and purses of mercenaries) came from the mints of Amisus, Amaseia, Amastris, Pimolisa, Sinope, Gaziura, Taulara, Pharnaceia, and Chabakta. The presence of a noticeable amount of Pontic copper in Phanagoria is explained both by the unification of the currency in Pontus and Bosporus under Eupator, and by the use of specific coinages to pay wages for mercenaries, who were paid mainly in anonymous Bosporan obols and Pontic copper coins of largest denominations.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Phanagoria, Mithridates VI, excavation coins, monetary currency, numismatic profile

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 98–120
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 98–120
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-98–120

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕСКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

К.С. Коршун

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

E-mail: kostyakorshun1996@mail.ru

ORCID: 0009-0000-2289-1068

Анализируется погребальный обряд позднескифского населения Северо-Западного Крыма середины II в. до н.э. – конца I в. н.э. по материалам грунтовых и курганных некрополей Кара-Тобе, Керкинитиды, Чайки, Южно-Донузлавского городища, Беляуса, Кульчука, Джан-Бабы и Калос Лимена. Характерной особенностью погребального обряда Крымской Скифии является практика многократных подзахоронений со сдвижением ранее погребенных к стенке погребальной камеры. Некоторые черты позднескифского погребального обряда заимствованы у греческого населения. Это детские захоронения в амфорах, использование надгробных рельефных стел, наличие в погребениях светильников, сооружение кенотафов и использование каменных склепов с уступчатым перекрытием, характерных для греческого населения Боспорского царства I в. н.э.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, Крымская Скифия, позднеэллинистический период, ранний римский период, поздние скифы, погребальный обряд

Северо-Западный Крым играл особую роль в истории Херсонеса и позднескифского государства. С середины IV в. до н.э. этот район подвергся экспансии Херсонеса, который потерял данную территорию около середины II в. до н.э.¹ На месте бывших греческих поселений возникли позднескифские городища: Керкинитиды, Чайка, Кара-Тобе, Беляус, Южно-Донузлавское, Кульчук, Джан-Баба (Марьино), Калос Лимен и др. Одной из основных проблем является определение состава их населения, а также выявление черт скифской культуры и привнесенных греческих традиций. Наиболее ярко это освещают материалы могильников. Погребальный обряд – самая консервативная часть древних культур, отсюда изучение погребальных комплексов позволяет получить важную информацию о населении, прибывшем в регион в середине II в. до н.э.

Данные об авторе: Константин Сергеевич Коршун – стажер-исследователь отдела античной археологии ИАК РАН; аспирант кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Щеглов 1978, 118–131; Ланцов 1991, 13–15; Смекалова, Кутайсов 2017, 239.

Погребальный обряд позднескифского населения Северо-Западного Крыма неоднократно рассматривался в литературе², однако результаты недавних раскопок некрополей Джан-Бабы³ и Кульчука⁴, а также публикации целого ряда ранее исследованных погребальных комплексов⁵ позволяют расширить общую картину.

Наиболее изучены материалы могильников Беляуса, Калос Лимена, Чайки, Кульчука и Кара-Тобе. Кара-Тобинский, Керкинитидский, Беляусский, Кульчукский и Джан-Бабинский – грунтовые, Чайкинский и Калос Лименский – курганные. Погребальные комплексы распадаются на две основные группы: 1) захоронения в погребальных конструкциях, сооруженных новым населением; 2) погребения в ранних греческих склепах.

Первая группа погребений присутствует в Беляусском, Кара-Тобинском, Кульчукском, Джан-Бабинском грунтовых могильниках. Эта группа ярче всего демонстрирует погребальные традиции нового населения – поздних скифов – и имеет некоторые черты, привнесенные под влиянием греческой культуры (детские амфорные захоронения, надгробные памятники).

ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Самым распространенным типом являются земляные склепы-катакомбы. Больше всего их открыто в некрополе Беляуса (58)⁶. Встречаются они и в Кульчукском (13)⁷ и Кара-Тобинском (7)⁸ некрополях. Для Северо-Западного Крыма характерно два типа земляных склепов: с параллельным расположением входной ямы и камеры и Т-образные, с перпендикулярно расположенными осями. Это типы I и III скифских погребальных сооружений IV–III вв., по классификации В.С. Ольховского⁹. Входные колодцы склепов плотно забивались камнями, а в самих колодцах часто вырублены ступеньки. Вход в камеру закрывался большими необработанными плитами. В склепах совершались многократные захоронения по обряду ингумации. Склепы выполняли функцию семейных усыпальниц, содержащих от 3 до 30 погребенных. При совершении более поздних захоронений ранние останки сдвигались к стенке склепа. В некоторых случаях новых погребенных клали прямо сверху в качестве второго, третьего, а иногда и более яруса (например, в могиле 138 Беляусского некрополя костяки лежат в семь ярусов). Во всех некрополях, где открыты земляные склепы, зафиксированы остатки деревянных гробов¹⁰. Отмечены отдельные случаи размещения гробов в два яруса.

Земляные склепы использовались для захоронений и взрослых, и детей. Склепы, содержащие детские погребения, были открыты, например, на Кара-Тобе¹¹ и Беляусе¹².

² Дашевская 1991, 8–40; Храпунов 2004, 67–124; Пуздровский 2007, 15–166.

³ Ланцов и др. 2014, 191; 2015, 161–163; Ланцов, Неневоля 2016, 359–363.

⁴ Власов и др. 2015, 111–113; Кропотов и др. 2017, 90–91; Кропотов 2021, 216–220.

⁵ Кутайсов 2011, 10–56; Дашевская 2014, 9–92.

⁶ Дашевская 1991, 25–26; 2014, 80–83.

⁷ Голенцов, 1994, 83–84; Власов, Ланцов и др., 2014, 198; Кутайсов, 2011, 59.

⁸ Внуков 1994, 66–67; Внуков, Лагутин 2001, 96.

⁹ Ольховский 1991, 215.

¹⁰ Голенцов 1991, 17–22; Внуков, Лагутин 2001, 107–109; Дашевская 2014, 81; Власов, Ланцов и др. 2016, 111.

¹¹ Внуков, Лагутин 2001, 110–113.

¹² Дашевская 2014, 80.

Грунтовые склепы-катакомбы как доминирующий по количеству погребенных тип погребального сооружения характерны не только для позднескифских поселений Северо-Западного Крыма. Синхронные подобные сооружения открыты в некрополях Неаполя Скифского¹³, Битакском¹⁴, Усть-Альминском¹⁵, Кольчугино¹⁶, Фонтаны¹⁷ и Левадки¹⁸.

Во всех грунтовых некрополях найдены подбойные могилы – на Кара-Тобе (8)¹⁹, Беляусе (93)²⁰, Кульчуге (18)²¹ и Джан-Бабе (3)²². Большинство из них одиночные и использовались для детских захоронений. Особняком стоит могила 11 Кара-Тобинского некрополя, которая изначально представляла погребение двух взрослых. В большинстве случаев инвентарь подбойных могил гораздо скромнее, чем в грунтовых склепах.

Появление у поздних скифов подбойных могил некоторые исследователи связывают с притоком в Крым сарматского населения во второй половине I – первой половине II в. н.э.²³ Однако сарматская принадлежность подбойных могил Северо-Западного Крыма вызывает сомнения. Во-первых, подобная погребальная форма существовала и в более ранний период как на греческом некрополе Панское I²⁴, так и в скифских курганах V–IV вв. до н.э.²⁵ Во-вторых, подбойные могилы не являются более поздними, чем земляные склепы и грунтовые могилы. Так, например, на Беляусском некрополе 12 из 93 подбойных могил датируются II–I вв. до н.э.²⁶ Кроме того, бедность погребального инвентаря подбойных могил в сравнении с синхронными земляными склепами позволяет предполагать социальную дифференциацию. В этой связи гипотеза Ю.П. Зайцева об отсутствии связи подбойных могил с сарматским населением и «возникновении данной формы погребального сооружения в процессе эволюции позднескифского погребального обряда в позднеэллинистическое и римское время²⁷», представляется наиболее убедительной.

Количество грунтовых ям невелико. Они встречаются лишь в некрополях Кара-Тобе (11)²⁸ и Беляуса (20)²⁹ и характеризуются бедностью погребального инвентаря. Подобные погребальные сооружения найдены и вне некрополей.

Во всех рассматриваемых некрополях (кроме Кара-Тобе) открыты каменные склепы с позднескифскими погребениями. Вопрос их датировок дискутируется,

¹³ Сымонович 1982, 28–58; Пуздровский 2007, 30.

¹⁴ Колтухов, Пуздровский 1983, 149–153; Пуздровский 2002, 162–172; 2007, 31–32

¹⁵ Высотская 1994, 51–55; Пуздровский 2007, 38–39.

¹⁶ Храпунов 2004, 113.

¹⁷ Храпунов, Мульд 2004, 242–246.

¹⁸ Мульд, Кропотов 2015, 127

¹⁹ Внуков, Лагутин 2001, 96; Смекалова, Кутайсов 2017, 414.

²⁰ Дашевская 1991, 25; 2014, 82; Дашевская, Голенцов 2004;

²¹ Кутайсов 2011, 59.

²² Ланцов и др. 2014, 191; 2015, 161–163.

²³ Раевский 1971, 143–149; Богданова 1982, 33; Храпунов 2004, 114–115; Пуздровский 2007, 109–110.

²⁴ Рогов 2011, 16–17; Stolba, Rogov 2012, 23–24.

²⁵ Колтухов 2012, 113.

²⁶ Дашевская 2014, 59–76.

²⁷ Зайцев 2019, 96.

²⁸ Внуков, Лагутин 2001, 96.

²⁹ Дашевская 2014, 82.

однако в целом ряде случаев (Беляус, Кульчук, Джан-Баба и Калос Лимен) авторы раскопок датируют возведение склепов началом I в. н.э. Все склепы ограблены еще в древности, но почти везде найдено большое количество сохранившихся предметов погребального инвентаря.

Для четырех каменных склепов Беляусского некрополя основным датирующим материалом являются краснолаковая керамика и фибулы. Краснолаковая чаша с клеймом в виде ступни датируется серединой I в. н.э.³⁰ В склепах найдены две броши с ромбовидным щитком второй/третьей четверти I в. н.э.³¹, а также фрагмент лучковой подвязной фибулы второго варианта (по В.В. Кропотову), датируемой не ранее середины I в. н.э.³²

Инвентарь Кульчукского каменного склепа более скудный, при этом типичный для позднескифских погребений I в. н.э. Он включал 3 лепные миски, 4 наконечника стрел, 2 железные пряжки и большое количество бус³³.

Каменный склеп Джан-Бабинского некрополя опубликован лишь предварительно; фибулы позволяют датировать его серединой – второй половиной I в. н.э.³⁴ Склеп был сооружен из вторично использованных блоков, что является дополнительным аргументом для столь поздней его датировки³⁵.

Особенно показательный пример дает курган 25/26 некрополя Калос Лимен, где каменный склеп впущен в более раннюю насыпь кургана, центральным погребением которого являлся греческий сырцовый склеп IV–III вв. до н.э. К сожалению, погребальные камеры всех четырех склепов Калос-Лимена полностью разграблены, однако конструктивные особенности и единичные находки позволяют считать их аналогичными Беляусским склепам и датировать I в. н.э.³⁶

Нижние ряды стен склепов орфостатные, последующие укладывались плашмя со скосом в сторону погребальной камеры, что позволяет реконструировать перекрытия как уступчатые или как переход от уступчатой конструкции к своду³⁷. Всегда к погребальной камере примыкает дромос, за исключением склепа в кургане 2 Калос Лимена.

Каменные склепы I в. н.э. хорошо подходили для использования их в качестве семейных усыпальниц. Погребальный обряд и инвентарь каменных склепов полностью совпадает с синхронными грунтовыми катакомбами. Большинство исследователей считает, что каменные склепы первой группы были построены греческими мастерами с Боспора³⁸, где именно в I в. н.э. возрождается традиция возведения уступчатых склепов, которые изначально получили там распространение в IV–III вв. до н.э. Аналогичные каменные склепы I в. н.э. с уступчатым перекрытием встречаются в некрополях Илурата³⁹, Китея⁴⁰, Кыз-Аула⁴¹, возле

³⁰ Журавлев 1997, 247.

³¹ Михлин 1980, 210–211; Кропотов 2010, 304.

³² Кропотов 2010, 74.

³³ Голенцов 1994, 83–84; Дашевская, Голенцов 2006, 34–35; Дашевская 2014, 84.

³⁴ Ланцов, Неневоля 2016, 359–361.

³⁵ Устное сообщение автора раскопок С.Б. Ланцова.

³⁶ Кутайсов 2011, 47.

³⁷ Дашевская 1976, 55–60; 2006, 34; 2014, 83–85; Кутайсов 2011, 47.

³⁸ Дашевская 2006, 34; 2014, 83–85; Ланцов, Неневоля 2016, 360; Мордвинцева 2017, 131.

³⁹ Кубланов 1979, 95.

⁴⁰ Молев, Шестаков, 1991, 76–77.

⁴¹ Федосеев 2014, 161–167.

кургана Куль-Оба⁴², в Ленинском р-не Республики Крым⁴³. Вероятно использование склепов греческой работы говорит о большей эллинизации населения Северо-Западного Крыма в сравнении с другими регионами Крымской Скифии⁴⁴, а также о боспорском влиянии⁴⁵.

Косвенным подтверждением связи позднескифского населения Северо-Западного Крыма с Боспором является использование надгробных рельефов. На данный момент известно 5 подобных надгробий: на городище Чайка (1)⁴⁶, Южно-Донузлавском городище (2)⁴⁷, Беляусе⁴⁸ (1) и Джан-Бабе (1)⁴⁹. Все они подражают позднебоспорским стелам и датируются I в. до н.э. – II в. н.э. Надгробия обнаружены и в некрополях Неаполя Скифского, Кермен-Кыр, у с. Голубинки⁵⁰ и Усть-Альминском⁵¹.

Детские захоронения в амфорах у позднескифского населения Северо-Западного Крыма чаще встречаются на городищах, чем в некрополях. Обычай захоронения детей в амфорах заимствован у греков и широко распространен в Северном Причерноморье⁵². Такие захоронения обнаружены на Кара-Тобе (6)⁵³, Керкинитиде (1)⁵⁴, Чайке (1)⁵⁵, Южно-Донузлавском городище (1)⁵⁶, Беляусе (4)⁵⁷ и Джан-Бабе (2)⁵⁸. Часто они встречаются во внутренних подошвах кладок помещений. Они находят аналогии почти на всех позднескифских городищах, в частности, в Неаполе Скифском⁵⁹, поселениях Заветное, Скалистое III⁶⁰ и многих других. Заметим, что в отличие от памятников Юго-Западного и Центрального Крыма на территории перечисленных поселений не встречаются детские погребения в лепных сосудах.

В большом количестве открыты грунтовые погребения на городищах. Они были зафиксированы на Кара-Тобе (8)⁶¹, Керкинитиде (2)⁶², Чайке (4)⁶³, на Южно-Донузлавском городище (1)⁶⁴ и Беляусе (2)⁶⁵. Преимущественно погребены младенцы, реже – взрослые. В основном, такие погребения находились прямо в культурном слое, под полами помещений или у подошв стен. На Чайкинском го-

⁴² Ермолин 2007, 108–112.

⁴³ Ермолин, Ермолин 2014, 167–171.

⁴⁴ Высотская 1994, 209–215.

⁴⁵ Попова 1998, 194; 2010, 29; 2011, 117; 2013, 511; Пуздровский 1999, 104;.

⁴⁶ Попова 1974, 228.

⁴⁷ Шульц 1966, 278–286; Щеглов 1978, 52; Дашевская 1972, 69.

⁴⁸ Диатроптов 1994, 174.

⁴⁹ Шульц 1963, 3–6; Соломоник 1963, 13.

⁵⁰ Дашевская 1991, 27–28.

⁵¹ Пуздровский, Труфанов 2015, 143–173; Пуздровский 2016, 13.

⁵² Пуздровский 2007, 113.

⁵³ Внуков 1994, 64; 2009, 56–57.

⁵⁴ Наливкина 1955, 65–66; Кутайсов, Ланцов 1989, 13–14; Коршун 2023, 80.

⁵⁵ Попова 2020, 202–206.

⁵⁶ Дашевская 1972, 62–69.

⁵⁷ Дашевская, Голенцов 2004, 37–39; Дашевская 2014, 2.

⁵⁸ Гречко 2015, 184–185.

⁵⁹ Высотская 1979, 169.

⁶⁰ Богданова 1982, 33; Храпунов 2004, 115.

⁶¹ Внуков 2009, 56–57; Попова 2020, 205–206.

⁶² Кутайсов 2004, 94.

⁶³ Попова 2020, 202–206.

⁶⁴ Дашевская 1967, 68.

⁶⁵ Дашевская 2014, 2.

родище два погребения были совершены в каменных ящичках⁶⁶. Особняком стоит грунтовое погребение женщины со следами прижизненной трепанации с территории западного предместья Беляуса⁶⁷. Данное погребение сопровождалось бронзовым браслетом, железными деталями дротика (наконечник и вток) и фрагментами фибулы типа «Алезия», позволившей датировать погребение второй половиной I в. н.э.⁶⁸. Подобные захоронения были обнаружены на Неаполе Скифском⁶⁹.

Положение и ориентировка костяков. Для всех земляных склепов и подбойных могил Северо-Западного Крыма характерно значительное преобладание восточной ориентировки погребенных, с некоторыми отклонениями на юг или север. В случаях положения «валетом» встречается западная ориентировка. Схожая картина наблюдается и на целом ряде позднескифских некрополей Центрального и Юго-Западного Крыма. Так, например, восточная ориентировка характерна для Усть-Альминского⁷⁰ и Неапольского некрополей⁷¹. Важно отметить, что восточная ориентировка часто интерпретируется как греческий элемент погребального обряда⁷². Для каменных склепов ориентировка погребенных варьируется. В четырех Беляусских склепах костяки ориентированы меридионально, в Кульчукском – с ЮЗ на СВ, в Джан-Бабинском – с ЮВ на СЗ, а в склепах Калос Лимена – широтно.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Лепная керамика в погребениях позднескифского периода встречается реже, чем гончарная. Например, на территории Беляусского некрополя она составляет 30% от общего количества сосудов⁷³. Небольшое количество лепной керамики объясняется традицией помещать в могилу более красивые и ценные сосуды⁷⁴. Основную массу лепной керамики составляют кувшины, миски, курильницы и светильники.

Преобладают светильники сапожкового типа (тип 1, по В.П. Власову⁷⁵). В одном случае лепной светильник был установлен в нише над входом земляного склепа⁷⁶. Аналогичные ниши со светильниками в стенках грунтовых катакомб зафиксированы в могильнике Глинное на Нижнем Днестре⁷⁷. Отметим, что лепные светильники в позднескифских погребениях широко распространены лишь в Северо-Западном Крыму⁷⁸, а в Центральном⁷⁹ и Юго-Западном⁸⁰ их находки

⁶⁶ Попова 2020, 204.

⁶⁷ Ланцов, Иванов 2022, 356–370.

⁶⁸ Кропотов 2010, 264.

⁶⁹ Зайцев 2003, 35.

⁷⁰ Высотская 1994, 61.

⁷¹ Сымонович 1983, 21–75.

⁷² Пуздровский 2007, 56.

⁷³ Дашевская 1991, 28.

⁷⁴ Дашевская 2014, 85.

⁷⁵ Власов 1997, 272–273.

⁷⁶ Власов и др. 2015, 111–113.

⁷⁷ Синика, Тельнов 2015, 202.

⁷⁸ Голенцов 1991, 22; Власов и др. 2015, 111–113; Дашевская 2014, 85; Яценко 1978, 71, рис 6; Внуков, Лагутин 2001, 102, рис. 4; 127, 234.

⁷⁹ Шульц 1953, таб. XX, 4; Колтухов, Пуздровский 1983, 130–131, рис 2.

⁸⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, 126, рис. 28, 11.

единичны. Предполагается, что светильники в позднескифских погребениях свидетельствуют об эллинизации погребального обряда⁸¹.

Особый интерес представляют лепные курильницы из некрополей Кара-Тобе⁸², Беляуса⁸³ и Джан-Бабе⁸⁴. Подобные сосуды появляются на рубеже II–I вв. до н.э. Подобное предположение высказывала О.Д. Дашевская. Не мы. Осторожное предположение, что погребения с курильницами могли принадлежать лицам, выполнявшим жреческие функции⁸⁵. Согласно другой точке зрения, они могли использоваться для обряда очищения пространства могилы перед следующим захоронением⁸⁶.

Из гончарной керамики преобладает столовая краснолаковая посуда, в основном, миски, блюда, чаши, реже – кувшины. Самые ранние изделия датируются концом II в. до н.э.⁸⁷, но основная масса столовой посуды принадлежит к I в. до н.э. – I в. н.э.⁸⁸. Находки чернолаковых сосудов крайне редки и встречаются лишь в ранних могилах некрополя Беляуса: кубок-канфар, аттическая солонка, блюдо и три миски, датируемые концом III – началом II в. до н.э.⁸⁹. Однако данные сосуды не могут быть надежным хронологическим индикатором. Так, например, в могиле 61 с чернолаковым канфаром македонского производства первой четверти II в. до н.э.⁹⁰ соседствует фибула среднелатенской серии 2 варианта (по В.В. Кропотову) второй половины I в. до н.э.⁹¹; в могиле 38 найдены чернолаковое блюдо первой четверти II в. до н.э.⁹² и меч I в. н.э.⁹³. Это может свидетельствовать либо о длительном заполнении грунтового склепа, либо о продолжительном использовании чернолаковых сосудов варварским населением⁹⁴. Прочая гончарная керамика на некрополях единична.

Из орудий труда преобладают однолезвийные железные ножи с горбатой спинкой⁹⁵. Часто они помещаются на краснолаковой тарелке с напутственной пищей или рядом. В женских погребениях нередко присутствуют керамические пряслица, мужских – оружие. Почти на всех некрополях встречаются втульчатые и черешковые наконечники стрел, гораздо реже – копья и дротики. В двух погребениях Беляусского некрополя обнаружены мечи сарматского типа, датирующие-

⁸¹ Раевский 1973, 112; Зубарь, Сорочан 1984, 147–148; Масленников 1990, 90–91; Пуздровский 1999, 104; Синика 2012, 268–269; Внуков, Лагутин 2001, 121.

⁸² Там же, 102, 115.

⁸³ Дашевская 1980, 18–27.

⁸⁴ Ланцов, Неневоля 2016, 362.

⁸⁵ Дашевская 1980, 28.

⁸⁶ Попова 2019, 211.

⁸⁷ Дашевская 2001, 89, 96, рис. 3,1,3.

⁸⁸ Дашевская 2014, 86; Внуков, Лагутин 2001, 115.

⁸⁹ Егорова 2009, 107–109.

⁹⁰ Егорова 2009, 151.

⁹¹ Кропотов 2010, 45.

⁹² Егорова 2009, 122; Rotroff 1997, 341, fig 63, № 1012.

⁹³ Хазанов 1971, 17, тип 2.

⁹⁴ Егорова 2019, 242–256.

⁹⁵ Голенцов 1991, 17–22; Дашевская 1991, 33; Внуков, Лагутин 2001, 115; Власов и др. 2015, 111–113; Ланцов, Неневоля 2016, 361–363.

ся I в. до н.э. – II в. н.э.⁹⁶. В одном из грунтовых склепов Кульчукского некрополя погребенного сопровождал набор поясной гарнитуры первой половины I в. н.э.⁹⁷.

И в мужских, и женских погребениях всех позднескифских некрополей распространены фибулы различных типов, которые часто представляют основной хронологический репер для погребений⁹⁸. Доминируют раннелатенские, среднелатенские со свободным концом ножки, лучковые подвязные I серии (по В.В. Кропотову) и «воинские» фибулы. Самые ранние фибулы раннелатенской схемы датируются второй половиной II в. до н.э.⁹⁹, позднейшие лучковые подвязные I серии – последней четвертью I в. н.э.¹⁰⁰. Фибулы-броши в данном регионе довольно редки. Всего 13 брошей различных типов обнаружено в Беляусском некрополе. Датировки их укладываются в промежуток со второй половины II в. до н.э. по I в. н.э.¹⁰¹.

Одну из главных особенностей и маркеров позднескифских погребений Северо-Западного Крыма и остальных районов позднескифского царства составляет огромное количество разнообразных бус – из стекла, египетского фаянса, халцедона, гагата, янтаря, горного хрусталя и сердолика. Они встречаются в мужских, женских и детских захоронениях. Из них составляли ожерелья, браслеты, ими расшивали края рукавов и штанов¹⁰². В некоторых погребениях количество бус доходит до двух тысяч (каменный склеп Джан-Бабы)¹⁰³.

Другой распространенной группой инвентаря позднескифских захоронений Северо-Западного Крыма являются браслеты. Их находят в погребениях взрослых (и мужчин, и женщин), а также детских, причем не только на руках, но и на ногах. Детальная классификация браслетов разработана Э.А. Сымоновичем на материалах грунтового некрополя Неаполя Скифского. В позднескифских некрополях чаще всего встречаются браслеты группы I – с несомкнутыми концами, которые завершались шишечкой или были расплющены (группа I Б и I В, по Э.А. Сымоновичу¹⁰⁴). Преобладают бронзовые браслеты. Несколько реже встречаются кольца и перстни. Самый распространенный тип перстней – пластинчатые несомкнутые, с овальным орнаментированным расширением в качестве щитка. В некрополе Кара-Тобе найдены железные перстни с геммами. Перстни этих разновидностей широко распространены в позднескифское время¹⁰⁵.

Иногда встречаются ритуальные предметы. В грунтовых склепах Кульчукского и Беляусского некрополей найдены три пары наглазников и нагубник¹⁰⁶, выполненные из разного материала (бронза, серебро и золото)¹⁰⁷. Подобный ком-

⁹⁶ Хазанов 1971, 15, табл. X–XII.

⁹⁷ Кропотов и др, 2017, 90–91.

⁹⁸ Михлин 1980, 194–213; Внуков, Лагутин 2001, 115; Ланцов, Неневоля 2016, 363; Кропотов 2021, 216–220.

⁹⁹ Кропотов 2010, 39.

¹⁰⁰ Кропотов 2010, 68.

¹⁰¹ Михлин 1980, 206.

¹⁰² Дашевская 1991, 38.

¹⁰³ Ланцов, Неневоля 2016, 363.

¹⁰⁴ Сымонович 1983, 93.

¹⁰⁵ Дашевская 1991, 39; Внуков, Лагутин 2001, 118.

¹⁰⁶ Голенцов 1991, 17–22.

¹⁰⁷ Зайцев 2018, 316. Автор данной работы, отмечая различие между лицевыми пластинами из Беляуса и мавзолея Неаполя, предполагает, что они могли быть миниатюрными вотивными изобра-

плект лицевых пластин найден в мавзолее Неаполя Скифского¹⁰⁸ и богатых погребениях Усть-Альминского некрополя¹⁰⁹. Аналогичные наглазники и нагубники хорошо известны в греческих некрополях Ольвии¹¹⁰ и Херсонеса¹¹¹ первых веков н.э. Трудно согласиться с мнением Н.Н. Погребовой, что «появление их в некрополе Херсонеса связано с варваризацией греческого населения и заимствовано греками у поздних скифов»¹¹². К ритуальным предметам относятся и два бронзовых навершия из Беляусского могильника – одно в виде головы орла, другое – стержня с полым шаром. Втульчатое навершие с головками верблюдов на концах происходит из склепа некрополя Керкинитиды¹¹³. Аналогичное навершие встречено в грунтовом склепе конца II – первой половины I в. до н.э. некрополя Ак-Кая/Вишенное¹¹⁴. В целом ряде погребений имеются находки серы, кремня, оселка, угля и реалгара, которые могут быть связаны с ритуалом очищения огнем¹¹⁵. К ритуальным предметам относятся и вышеупомянутые лепные курильницы.

Вторая группа – вторичные захоронения в греческих погребальных конструкциях IV–III вв. до н.э. Они встречаются в некрополях Керкинитиды, Заозерного и Калос Лимена. Данная группа отличается немногочисленностью. К настоящему моменту зафиксировано всего 11 комплексов: 8 – в подкурганых каменных склепах¹¹⁶, 1 – подкурганном сырцовом склепе¹¹⁷, 2 – подкурганной плитовой могиле¹¹⁸. Поскольку погребальные сооружения возводились не позднескифским населением региона, мы их не рассматриваем здесь детально. Все захоронения данной группы – коллективные. Количество костяков варьируется от 3 до 28. Даты указывают на принадлежность погребенных новому населению. Ориентировки погребенных произвольны и при вторичном использовании погребального сооружения зависели от особенностей погребальной камеры. Однако, как и в грунтовых позднескифских склепах, преобладают восточная и западная (5) ориентировки. Иногда встречаются костяки, лежащие головой на С (1) и ЮЗ–СВ (1). Костяки преимущественно лежат вытянуто на спине.

Погребальный инвентарь, в основном, тот же, что и в грунтовых склепах. Характерно присутствие лепной и гончарной краснолаковой керамики, ножей, фибул, большого количества бус и браслетов. Отличительной особенностью этой группы является присутствие более ранних материалов в засыпи курганов, их полах и иногда даже в самих погребальных камерах.

Так, например, в подкурганном уступчатом склепе из Керкинитиды был зафиксирован типичный для поздних скифов обряд многократных захоронений с

жениями щитов (не отрицая возможное их использование как лицевых пластин).

¹⁰⁸ Пуздровский 2007, 75.

¹⁰⁹ Высотская 1994, 94.

¹¹⁰ Папанова 2006, 207.

¹¹¹ Зубарь 1982, 110–111.

¹¹² Погребова 1957, 153–154.

¹¹³ Михлин, Бирюков 1983, 37–38.

¹¹⁴ Зайцев 2018, 296, рис. 6, 6.

¹¹⁵ Пуздровский 2007, 58.

¹¹⁶ Ланцов 1988, 80–81; Кутайсов, Ланцов 1989а, 11; 1989б, 5–6; Михлин, Бирюков 1983, 37–38; Коновалов 1972, 293; Яценко 1978, 57–73; Попова 2012, 63–64; 2023, 375–378; Попова, Воронкова 2015, 5; Кутайсов 2011, 55.

¹¹⁷ Кутайсов 2011, 21.

¹¹⁸ Кутайсов 2011, 24–25, 28.

перемещением ранних погребенных к стенке склепа. Внутри находилось 7 скелетов, из которых лишь один был в анатомическом порядке. Среди погребального инвентаря основными хронологическими индикаторами служат три фибулы среднелатенской схемы, две – I серии 1 варианта, третья – II серии 1 варианта. Они датируются последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э.¹¹⁹. Не противоречит этой дате и веретенообразный флакон, аналогии которому происходят из мавзолея Неаполя¹²⁰, некрополей Беляуса¹²¹ и Золотое¹²², из слоев рубежа II–I вв. до н.э. Однако с южной стороны керкинитидского склепа была обнаружена площадка с жертвенной вымосткой¹²³, на которой был зафиксирован археологический материал, включавший монету Керкинитиды типа «скиф/конь» первой трети III в. до н.э.¹²⁴ и комплекс чернолаковых сосудов рубежа IV–III вв. до н.э.¹²⁵. Таким образом, погребальный инвентарь и находки вблизи склепа говорят о его возведении на рубеже IV–III вв. до н.э. и последующем его вторичном использовании позднескифским населением Керкинитиды.

Схожая картина вторичного использования каменных подкурганых склепов характерна и для некрополя у пос. Заозерное. Яркий пример дает курган 38, под полой которого на уровне подошвы склепа был обнаружен материал рубежа IV–III вв. Внутри погребальной камеры насчитывалось 28 костяков, уложенных в пять «слоев»¹²⁶. Этот склеп демонстрирует типичный для поздних скифов обряд перемещения более ранних погребенных к стене склепа. Археологический материал подтверждает принадлежность погребений к позднескифскому периоду. Две лучковые подвязные фибулы I серии 1 варианта (по В.В. Кропотову) датируются последней четвертью I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э.¹²⁷, а фибула той же серии 2 варианта – второй половиной I в. н.э.¹²⁸. Железный нож с дуговидной спинкой находит аналогии в мавзолее Неаполя Скифского II–I вв. до н.э.¹²⁹, некрополях Беляуса¹³⁰ и Кара-Тобе¹³¹. Лепной светильник «сапожкового» типа с ручкой-защипом датируется I в. до н.э. – I в. н.э.¹³². Ближайшая аналогия обнаружена в некрополе Кара-Тобе¹³³. Важно отметить, что среди погребального инвентаря особняком стоят две чернолаковые тарелки начала II в. до н.э.¹³⁴, украшенные схематичным штампованным орнаментом в виде пальметок в кругу насечек. Использование в погребении столь ранних вещей, скорее всего, говорит о том, что они были позаимствованы из более раннего инвентаря греческого склепа.

¹¹⁹ Михлин, Бирюков 1983, 42; Кропотов 2010, 50.

¹²⁰ Зайцев 2003, 161, рис. 91.

¹²¹ Дашевская 2014, 151, таб. 42.

¹²² Корпусова 1983, 135, таб. XXIII.

¹²³ Михлин, Бирюков 1983, 37.

¹²⁴ Анохин 2011, 100; Кутайсов, Смекалова 2020, 21.

¹²⁵ Михлин, Бирюков 1982, 34–35.

¹²⁶ Яценко 1978, 57–59.

¹²⁷ Кропотов 2010, 72.

¹²⁸ Кропотов 2010, 74.

¹²⁹ Погребова 1961, 120, рис. 21, 7.

¹³⁰ Дашевская 2014, 155, таб. 46а, рис. 3.

¹³¹ Внуков, Лагутин 2001, 111, рис. 7, 34.

¹³² Власов 1997, 272–273.

¹³³ Там же, 102, рис. 4, 234.

¹³⁴ Егорова 2003, 148; 147, рис. 2, 1.

Практика вторичного использования более ранних подкурганых склепов представителями позднескифской культуры была распространена и в других регионах Крыма. Многократные захоронения с длительным использованием каменных склепов IV–III вв. до н.э. отмечены в могильниках Кермен-Кыр¹³⁵, Капак-Таш¹³⁶, Беш-Оба¹³⁷ и ряде других¹³⁸.

Причиной такого широкого распространения практики вторичного использования греческих склепов и отсутствия столь характерных для поздних скифов грунтовых склепов-катакомб, подбойных и грунтовых могил в некрополях Керкинитиды, Заозерного и Калос Лимена являются особенности геологического строения местности и выход на поверхность материковой скалы вблизи этих памятников. Так, например, некрополь у пос. Заозерное находится на территории каменоломни античного времени¹³⁹, а в курганном некрополе Калос Лимена погребальные конструкции заглублены в скальный материк. Такая ситуация значительно затрудняла сооружение новых грунтовых склепов и подбоев и вынуждала население использовать более ранние эллинистические сооружения, при сохранении характерных погребальных черт своей культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная археологическая характеристика некрополей II в. до н.э. – I в. н.э. Северо-Западного Крыма позволяет сделать ряд выводов о погребальном обряде позднескифского населения поселений. Материалы погребений часто обнаруживают сочетание признаков позднескифского и греческого обрядов. Ярким элементом первого следует считать практику многократных захоронений в склепах-катакомбах с перемещением ранее погребенных, подбойные могилы, наличие напутственной мясной пищи, предметов вооружения, деревянных гробов и специфичного набора погребального инвентаря (лепные курильницы, гончарные флаконы, портупейно-поясные наборы, браслеты, фибулы и бусы). Совокупность этих элементов может служить критерием для позднескифской атрибуции погребения. Однако вместе с тем присутствует и ряд локальных различий, связанных, по всей видимости, с высокой степенью эллинизации жителей региона. Такими чертами можно считать возведение уступчатых склепов I в. н.э., детские захоронения в амфорах, использование надгробных рельефных стел и присутствие в погребениях лепных и гончарных светильников. Кроме того, значительную группу погребений в некрополях позднескифских поселений составляют захоронения во вторично использованных погребальных конструкциях греческого времени с сохранением традиционных для поздних скифов элементов погребального обряда и инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог*. Киев.

¹³⁵ Высотская 1968, 113–114.

¹³⁶ Пуздровский 2007, 25–27; Медведев 2020, 141–168.

¹³⁷ Колтухов и др. 1997, 51–57; Зайцев, Колтухов 2016, 99–128.

¹³⁸ Пуздровский 2007, 29.

¹³⁹ Попова и др. 2015, 101.

- Богданова, Н.А. 1982: Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму. В сб.: *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Тр. ГИМ 54), 31–39.
- Власов, В.П. 1997: Лепная керамика позднескифского Булганакского городища. *Бахчисарайский историко-археологический сборник* 1, 204–303.
- Власов, В.П., Ланцов, С.Б., Смекалов, С.Л., Шапцев, М.С. 2016: Неграбленный позднескифский склеп в Северо-Западном Крыму. *Археологические вести* 22, 108–114.
- Внуков, С.Ю. 1994: Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки. В сб.: *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь, 60–67.
- Внуков, С.Ю. 1997: Исследование городища и могильника Кара-Тобе. В сб.: *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь, 66–68.
- Внуков, С.Ю. 2010: Исследования городища Кара-Тобе под г. Саки в 2009. В сб.: *Археологічні дослідження в Україні 2009*. Киев, 55–57.
- Внуков, С.Ю., Лагутин, А.Б. 2001: Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. *Поздние скифы Крыма* (Тр. ГИМ 118), 96–121.
- Высотская, Т.Н. 1968: Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр. *АИУ в 1967 г.* II, 113–114.
- Высотская, Т.Н. 1979: *Неаполь – столица государства поздних скифов*. Киев.
- Высотская, Т.Н. 1994а: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Высотская, Т.Н. 1994б: Влияние античной культуры на скифов поздней поры. В кн.: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев, 209–215.
- Голенцов, А.С. 1991: *Отчет о раскопках Кульчукского городища и Кульчукского могильника в 1990 г.* М. Научный архив ИАК РАН. Ф.е. 24202.
- Голенцов, А.С. 1994: Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. *АИК 1993 год*, 80–84.
- Гречко, Д.С. 2015: Исследования городища Джан-Баба в Северо-Западном Крыму. *Археологія і давня історія України* 2(15), 177–190.
- Дашевская, О.Д. 1967: Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. *КСИА* 109, 65–72.
- Дашевская, О.Д. 1969: Два склепа Беляусского могильника. *КСИА* 119, 65–73.
- Дашевская, О.Д. 1972: Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. *КСИА* 130, 62–69.
- Дашевская, О.Д. 1976: Каменные склепы Беляусского могильника. *КСИА* 145, 55–60.
- Дашевская, О.Д. 1980: О скифских курильницах. *СА* 1, 18–29.
- Дашевская, О.Д. 1984: О подбойных могилах у поздних скифов. В сб.: *Древности Евразии в скифосарматское время*. М., 53–62.
- Дашевская, О.Д. 1991: *Поздние скифы в Крыму* (САИ Д1-7). М.
- Дашевская, О.Д. 2001: Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе. В сб.: *Поздние скифы Крыма* (Тр. ГИМ 118), 87–95.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Дашевская, О.Д., Голенцов, А.С. 1982: Кульчукский курган-кенотаф. *КСИА* 170, 90–96.
- Дашевская, О.Д., Голенцов, А.С. 2004: К 40-летию раскопок городища Беляус. В сб.: *Археология Северо-Западного Крыма. По материалы международной научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории*. Симферополь, 26–41.
- Диатроптов, П.Д. 1994: Фрагмент стелы с изображением «загробной трапезы» с городища Беляус. *Hyperboreus* 1/1, 167–176.
- Егорова, Т.В. 2009: *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.
- Егорова, Т.В. 2003: Чернолаковая керамика из некрополя у пос. Заозерное. В сб.: *Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников*. СПб., 143–152.

- Егорова, Т.В. 2019: К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса). В сб.: *Античный мир и археология* 19, 242–256.
- Ермолин, А.Л. 2007: Склепы с уступчатым перекрытием первых веков н.э. на Боспоре. *ДБ* 11, 106–126.
- Ермолин, А.Л., Ермолин, С.А. 2014: Уступчатый склеп I в. н.э., построенный из архитектурных деталей эллинистического храма. *ДБ* 18, 167–171.
- Журавлев, Д.В. 1997: Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В сб.: *Древности Евразии*. М., 227–294.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2018: Комплекс с щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму. В сб.: *Древности. Исследования. Проблемы*. Кишинев. 289–318
- Зайцев, Ю.П. 2019: О некоторых аспектах «сарматизации» Крыма в раннем железном веке. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* 5, 90–102.
- Зайцев, Ю.П., Колтухов, С. Г. 2016: Курган с коллективными погребениями III–I вв. до н.э. из некрополя Ак-Кая/Беш-Оба в Крыму. *Stratum plus* 3, 99–128.
- Зубарь, В.М. 1982: *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э.* Киев.
- Зубарь, В.М., Сорочан, С.Б. 1984: Светильники в погребальном обряде городов Северного Причерноморья. В сб.: *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев, 147–156.
- Колтухов, С.Г. 2012: *Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. (погребальные памятники)* (Археологический альманах 27). Донецк.
- Колтухов, С.Г., Пуздровский, А.Е. 1983: Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя. В сб.: *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев, 144–149.
- Колтухов, С.Г., Колотухин, В.А., Мыц, В.Л. 1997: Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая. В сб.: *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 29 августа – 1 сентября 1997 г.* Севастополь, 48–50.
- Коновалов, А.А. 1973: Раскопки некрополя близ дер. Заозерное. В сб.: *Археологические открытия 1972 года*. М., 293–294.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое*. Киев.
- Коршун, К.С. 2023: История археологических исследований некрополей Северо-Западного Крыма античной эпохи. *Человеческий капитал* 5(173), 78–87.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Кропотов, В.В. 2021: Фибула из погребения 1 склепа 1/2015 Кульчукского некрополя. В сб.: *XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции*. Симферополь–Керчь, 214–220.
- Кропотов, В.В., Власов, В.П., Ланцов, С.Б. 2017: К датировке склепа № 1/2015 Кульчукского некрополя. В сб.: *Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея*. Симферополь, 89–91
- Кубланов, М.М. 1979: Новые погребальные сооружения Илурата. *КСИА* 159, 90–97.
- Кутайсов, В.А. 2004: *Керкинитида в античную эпоху*. Киев.
- Кутайсов, В.А. 2011: *Некрополь Калос Лимена*. Киев.
- Кутайсов, В.А., Ланцов, С.Б. 1989а: *Некрополь античной Керкинитиды. История и итоги изучения*. Киев.
- Кутайсов, В.А., Ланцов, С.Б. 1989б: *Некрополь античной Керкинитиды. Каталог погребений*. Киев.

- Кутайсов, В.А., Смекалова, Т.Н., Дубинина, Л.И., Губанов, Ю.Б., Куликов, А.В., Фридрихсон, С.К., Гаврилюк, А.Н. 2020: *Монетные сплавы Керкинитиды* (Серия: Археометрия Причерноморья, 2). СПб.
- Ланцов, С.Б. 1988: Матеріали з некрополя Керкінітіди. *Археологія* 63, 75–84.
- Ланцов, С.Б. 1991: *Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук*. Киев.
- Ланцов, С.Б., Власов, В.П., Смекалов, С.Л., Шапцев, М.С. 2014: Археологические исследования на некрополе городища Джан-Баба. В сб.: *Историческое наследие Крыма*. Симферополь, 191.
- Ланцов, С.Б., Власов, В.П., Смекалов, С.Л., Шапцев, М.С. 2015: Первые исследования могильника «Марьянское» (Джан-баба) в Северо-Западном Крыму. *История и археология Крыма II*, 155–178.
- Ланцов, С.Б., Иванов, А.В. 2022: Погребение женщины воина с трепанированным черепом из раскопок позднескифского городища «Беляус». В сб.: *Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового средиземноморья. Материалы IV научно-практической конференции. Черноморское, 9–11 сентября 2022 года*. Симферополь, 356–370.
- Ланцов, С.Б., Неневоля, И.И. 2016: Открытие некрополя поселения Джан-баба конца эры до Р.Х. и начала эры от Р.Х. в Северо-Западном Крыму и боспорские параллели в нем. В сб.: *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.)*. СПб, 358–365.
- Масленников, А.А. 1990: *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* М.
- Медведев, Г.В. 2020: Каменный подкурганый склеп с плато Капак-Таш. *ХСб XXI*, 141–168.
- Михлин, Б.Ю. 1980: Фибулы Беляусского могильника. *СА* 3, 194–213.
- Михлин, Б.Ю., Бирюков, А.С. 1983: Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды. В сб.: *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев, 28–46.
- Молев, Е.А., Шестаков, С.А. 1991: Некрополь Китея (по материалам раскопок 1972–1986 гг.). В сб.: *Вопросы истории и археологии Боспора*. Воронеж–Белгород, 75–78.
- Мордвинцева, В.И. 2007: Погребальный обряд Беляусского некрополя. В сб.: *Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея*. Симферополь, 129–139.
- Мульд, С.А., Кропотов В.В. 2015: Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (II в. до н.э. – III в.н.э.). *Уральский археологический вестник* 15, 117–129.
- Наливкина, М.А. 1955: Раскопки в Евпатории (предварительные итоги). *КСИА* 58, 63–72.
- Ольховский, В.С. 1991: *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.)*. М.
- Папанова, В.А. 2006: *Урочище Сто могил (некрополь Ольвии Понтийской)*. Киев.
- Погребова, Н.Н. 1957: Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского. В сб.: *История и археология древнего Крыма*. Киев, 142–154.
- Погребова, Н.Н. 1961: Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. В сб.: *Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье* (МИА 96). М., 103–213.
- Попова, Е.А. 1974: Рельеф с городища «Чайка». *СА* 4, 222–230.
- Попова, Е.А. 1999: О северопричерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. В сб.: *Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Данила Антоновича Авдусина)*. М., 180–195.
- Попова, Е.А. 2010: О составе населения Северо-Западного Крыма в IV в. до н.э. – I в. н.э. по материалам городища «Чайка». *ПИФК* 2, 23–31.
- Попова, Е.А. 2011: К вопросу о взаимоотношениях поздних скифов Северо-Западного Крыма и Боспора. *Вестник МГУ. Сер. 8: История* 1, 111–118.

- Попова, Е.А. 2012: «Коллективные» погребения некрополя у п. Заозерное в Северо-Западном Крыму. *РА* 1, 57–68.
- Попова, Е.А. 2013: Культурная практика позднескифского населения Северо-Западного Крыма и боспорцев: археологические параллели. В сб.: *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции*. СПб., 507–512.
- Попова, Е.А. 2019: Орнаментированные лепные курительницы с городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. В сб.: *Scythia et Sarmatia*. М., 207–212.
- Попова, Е.А. 2020: Детские погребения на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму. *КСИА* 258, 201–212.
- Попова, Е.А. 2023: Склепы с уступчатыми перекрытиями некрополя у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму: Конструктивные особенности, истоки традиции, семантика. *Stratum Plus* 3, 369–389.
- Попова, Е.А., Воронкова, А.А. 2015: Некоторые итоги работ на некрополе у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму в 1969–2015 гг. В сб.: *Очерки по археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное)*. М., 5–41.
- Попова, Е.А., Пежемский, Д.В., Беловинцева, Н.И. 2015: Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования. *Исторические исследования* 3, 76–112.
- Приднев, С.В. 1999: Охранные раскопки курганного некрополя Калос Лимена в 1997–1998 гг. *Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр.* Киев, 34–36.
- Пуздровский, А.Е. 1999: Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. *ВДИ* 4, 97–119.
- Пуздровский, А.Е. 2002: Грунтовый склеп рубежа н. э. из окрестностей Неаполя Скифского. В сб.: *Северное Причерноморье в античное время*. Киев, 162–172.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2015: Двухкамерный склеп с надгробным рельефом из Усть-Альминского некрополя в Крыму. *Stratum plus* 4, 143–173.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг.* Симферополь.
- Раевский, Д.С. 1971: Скифы и сарматы в Неаполе. В сб.: *Проблемы скифской археологии* (МИА 177). М., 143–151.
- Раевский, Д.С. 1973: К истории греко-скифских отношений (II в. н.э. – II в. н.э.). *ВДИ* 2, 110–120.
- Рогов, Е.Я. 2011: Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. *МАИЭТ Suppl.* 10, 3–216.
- Синика, В.С. 2012: О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глинное на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: *Человек в истории и культуре* 2. Одесса, 264–272.
- Синика, В., Тельнов, М. 2015: Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья. *Tyragetia. Arheologie Istoriei Antică. Serie nouă* 24/1, 183–208.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век* (Археологические атласы Северного Причерноморья. Вып. 2). СПб.
- Соломоник, Э.И. 1963: Надписи на стеле из с. Марьино. *СХМ* III, 10–15.
- Сымонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства*. Киев.
- Федосеев, Н.Ф. 2014: Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов. *ДБ* 18, 161–167.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.

- Храпунов, И.Н. 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке. *БИ* VI, 3–239.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2004: Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры. *ПИФК* XIV, 239–269.
- Шульц, П.Н. 1953: *Мавзолей Неаполя скифского*. М.
- Шульц, П.Н. 1966: Надгробный рельеф сарматского круга. *Культура античного мира*. М., 278–286.
- Шульц, П.Н. 1963: Надгробный рельеф из с. Марьино. *СХМ* III, 3–9.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Яценко, И.В. 1978: Скифские захоронения I в. н.э. в греческом склепе близ Евпатории. *Вестник МГУ. Сер. История* 6, 57–73.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (Athenian Agora. Vol. XXIX). Princeton.
- Stolba, V.F., Rogov, E.Y. 2012: *Panskoye I. Vol. 2. The Necropolis*. Aarhus.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog [Ancient Coins of the Northern Black Sea Region. Catalogue]*. Kiev.
- Bogdanova, N.A. 1982: Pogrebal'nyy obryad sel'skogo naseleniya pozdneskifskogo gosudarstva v Krymu [Funeral Rite of the Rural Population of the Late-Scythian State in Crimea]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological Research in the South of Eastern Europe]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 54), 31–39.
- Dashevskaya, O.D. 1967: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1963–1965 gg [Excavations at the South Donuzlav Settlement in 1963–1965]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 109, 65–72.
- Dashevskaya, O.D. 1969: Dva sklepa Belyausskogo mogil'nika [Two Vaults of the Belyaus Cemetery]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 119, 65–73.
- Dashevskaya, O.D. 1972: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1966–1969 gg [Excavations at the South Donuzlav Settlement in 1966–1969]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 130, 62–69.
- Dashevskaya, O.D. 1976: Kamennye sklepy Belyausskogo mogil'nika [Stone Vaults of the Belyaus Cemetery]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 145, 55–60.
- Dashevskaya, O.D. 1980: O skifskikh kuril'nitsakh [On Scythian Censers]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]* 1, 18–29.
- Dashevskaya, O.D. 1984: O podboynykh mogilakh u pozdnykh skifov [On the Undercut Graves of the Late Scythians]. In: *Drevnosti Evrazii v skifosarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian times]*. Moscow, 53–62.
- Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu [Late Scythians in Crimea]* (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–7). Moscow.
- Dashevskaya, O.D. 2001: Zemlyanoy sklep № 39 v Belyausskom nekropole [An Underground Vault No. 39 in the Belyaus Necropolis]. In: *Pozdnie skify Kryma [Late Scythians of Crimea]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 118), 87–95.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa [The Belyaus Cemetery]*. Simferopol.
- Dashevskaya, O.D., Golentsov, A.S. 2004: K 40-letiyu raskopok gorodishcha Belyaus [To the 40th Anniversary of the Excavations at the Belyaus Settlement]. In: *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Antichnyy mir i arkheologiya», posvyashchennoy 2500-letiyu Evpatorii [Archaeology of*

- Northwestern Crimea. Materials of the International Scientific and Practical Conference "Ancient World and Archaeology" Dedicated to the 2500th Anniversary of Yevpatoria*. Simferopol, 26–41.
- Dashevskaya, O.D., Golentsov, A.S. 1982: Kul'chukskiy kurgan-kenotaf [The Kulchuk Barrow-Cenotaph]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 170, 90–96.
- Diatroptov, P.D. 1994: Fragment stely s izobrazheniem «zagrobnoy trapezy» s gorodishcha Belyaus [The Fragment of a Stele Depicting a Funeral Banquet from Northwestern Crimea]. *Hyperboreus* 1/1, 167–176.
- Egorova, T.V. 2003: Chernolakovaya keramika iz nekropolya u pos. Zaozernoje [Black-Glazed Pottery from the Cemetery near the Village of Zaozernoje]. In: *Bosporskiy Fenomen: problemy datirovki i khronologii pamyatnikov* [Bosporan Phenomenon: Problems of Dating and Chronology of Sites]. Saint Petersburg, 143–152.
- Egorova, T.V. 2009: *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n. e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [The 4th–2nd cc. BC Black-Glazed Ware from the Northwestern Crimean Sites]. Moscow.
- Egorova, T.V. 2019: K voprosu o prodolzhitel'nosti ispol'zovaniya chernolakovoy posudy (po materialam Pantikapeya i Tanaisa) [On the Issue of the Duration of Using Black-Glazed Pottery (Based on Materials from Panticapaeum and Tanais)]. In: *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 19, 242–256.
- Ermolin, A.L. 2007: Sklepy s ustupchatym perekrytiem pervykh vekov n.e. na Bospore [The First Centuries AD Corbelled Vaults in the Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 11, 106–126.
- Ermolin, A.L., Ermolin, S.A. 2014: Ustupchatyy sklep I v. n.e., postroennyy iz arkhitekturnykh detaley ellinisticheskogo khrama [The First-Century AD Corbelled Vault Built from Architectural Details of a Hellenistic Temple]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 167–171.
- Fedoseev, N.F. 2014: Sklep «Gerkulesa» na nekropole Kyz-Aul i voprosy datirovki ustupchatykh sklepov [The Vault of "Hercules" at the Kyz-Aul Necropolis and Questions of Dating the Corbelled Vaults]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 161–167.
- Golentsov, A.S. 1991: *Otchet o raskopkakh Kul'chukskogo gorodishcha i Kul'chukskogo mogil'nika v 1990 g* [Report on the Excavations at the Kulchuk Settlement and the Kulchuk Cemetery in 1990]. Moscow (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of Crimea RAS). F. 24202).
- Golentsov, A.S. 1994: Okhrannye raskopki antichnogo Kul'chukskogo gorodishcha i mogil'nika v 1989–1993 gg [Security Excavations of the Ancient Kulchuk Settlement and Cemetery in 1989–1993]. In: *Akrheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god* [Archaeological Research in Crimea. 1993]. Kiev, 80–84.
- Grechko, D.S. 2015: Issledovaniya gorodishcha Dzhan-Baba v Severo-Zapadnom Krymu [Research of the Dzhan-Baba Settlement in Northwestern Crimea]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archaeology and Ancient History of Ukraine] 2(15), 177–190.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 2004: Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke [Ethnic History of Crimea in the Early Iron Age.]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] VI, 3–239.
- Khrapunov, I.N., Muld, S.A. 2004: Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoy kul'tury [Catacombs in the Cemeteries of Fontana and Levadka in Connection with the Origin of the Late-Scythian Culture]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIV, 239–269.
- Koltukhov, S.G., Kolotukhin, V.A., Myts, V.L. 1997: Pervye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy kurgannogo nekropolya Ak-Kaya [The First Results of Archaeological

- Research of the Ak-Kaya Barrow Cemetery]. In: *Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskii aspekt. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sevastopol, 29 avgusta – 1 sentyabrya 1997 g.* [*Chersonesus in the Ancient World. Historical and Archaeological Aspect. Abstracts of the International Scientific Conference. Sevastopol, August 29 – September 1, 1997*]. Sevastopol, 48–50.
- Koltukhov, S.G., Puzdrovskiy, A.E. 1983: Gruntovyy sklep iz okrestnostey Neapolya [Underground Vault in the Vicinity of Neapolis]. In: *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* [*Population and Culture of Crimea in the First Centuries AD*]. Kiev, 144–149.
- Koltukhov, S.G. 2012: *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV v. (pogrebal'nye pamyatniki)* [*The Scythians of Northwestern Crimea in the 7th–4th cc. BC (Cemeteries)*] (Arkheologicheskii al'manakh [Archaeological Almanac] 27). Donetsk.
- Konovalov, A.A. 1973: Raskopki nekropolya bliz der. Zaozerno [Excavations at the Necropolis near the Village of Zaozerno]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1972* [Archaeological Discoveries 1972]. Moscow, 293–294.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol' Zolotoe* [The Zolotoye Necropolis]. Kiev.
- Korshun, K.S. 2023: Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy nekropoley Severo-Zapadnogo Kryma antichnoy epokhi [History of Archaeological Studies of the Northwestern Crimean Ancient Necropolises]. *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital] 5(173), 78–87.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Period]. Kiev.
- Kropotov, V.V. 2021: Fibula iz pogrebeniya 1 sklepa 1/2015 Kul'chukskogo nekropolya [Fibula from Burial 1 of Vault 1/2015 in the Kulchuk Necropolis]. In: *XXII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijski i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [XXII Bosporan Readings. The Bosporus Cimmerian and the Barbarian World During the Period of Antiquity and the Middle Ages. Recent Discoveries, New Projects. Proceedings of the International Scientific Conference]. Simferopol–Kerch, 214–220.
- Kropotov, V.V., Vlasov, V.P., Lantsov, S.B. 2017: K datirovke sklepa № 1/2015 Kul'chukskogo nekropolya [To the dating of Vault No. 1/2015 in the Kulchuk necropolis]. In: *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu sozdaniya zapovednika «Kalos Limen» i 30-letiyu otkrytiya Chernomorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Archaeology of Northwestern Crimea. Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Creation of the Kalos Limen Reserve and the 30th Anniversary of the Opening of the Black Sea Museum of History and Local Lore]. Simferopol, 89–91
- Kublanov, M.M. 1979: Novye pogrebal'nye sooruzheniya Ilurata [New burial structures of Ilurat]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 159. Moscow, 90–97.
- Kutaysov, V.A. 2004: *Kerkinitida v antichnuyu epokhu* [Cercinitis in Ancient Times]. Kiev.
- Kutaysov, V.A. 2011: *Nekropol' Kalos Limena* [The Necropolis of Kalos Limen]. Kiev.
- Kutaysov, V.A., Lantsov, S.B. 1989a: *Nekropol' antichnoy Kerkinitidy. Istoriya i itogi izucheniya* [The Necropolis of Ancient Cercinitis. History and Results of Study]. Kiev.
- Kutaysov, V.A., Lantsov, S.B. 1989b: *Nekropol' antichnoy Kerkinitidy. Katalog pogrebeniy* [The Necropolis of Ancient Cercinitis. Catalogue of Burials]. Kiev.
- Kutaysov, V.A., Smekalova, T.N., Dubinina, L.I., Gubanov, Yu.B., Kulikov, A.V., Fridrikhson, S.K., Gavrilyuk, A.N. 2020: *Monetnye splavy Kerkinitidy* [Coinage Alloys of Cercinitis] (Seriya: Arkheometriya Prichernomor'ya [Series: Black Sea Archaeometry], 2). Saint Petersburg.
- Lantsov, S.B. 1988: Materialy z nekropolya Kerkinitidi [Materials from the Cercinitis Necropolis]. *Arkheologiya* [Archaeology] 63, 75–84.
- Lantsov, S.B. 1991: *Zapadnyy Krym v sostave Hersonesskogo gosudarstva: Avtoref. diss. ... kand. istor. Nauk* [Western Crimea as a Part of the Chersonesus State: PhD Thesis]. Kiev.

- Lantsov, S.B., Ivanov, A.V. 2022: Pogrebenie zhenshchiny-voina s trepanirovannym cherepom iz raskopok pozdneskifskogo gorodishcha «Belyaus» [Burial of a female warrior with a trepanned skull from the excavations at the late-Scythian settlement of Belyaus]. In: *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo sredizemnomor'ya. Materialy IV nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chernomorskoe, 09–11 sentyabrya 2022 goda* [Western Taurida in the History and Culture of the Ancient and Medieval Mediterranean. Proceedings of the IVth Scientific and Practical Conference. Chernomorskoe, September 09–11, 2022]. Simferopol, 356–370.
- Lantsov, S.B., Nenevolya, I.I. 2016: Otkrytie nekropolya poseleniya Dzhan-baba kontsa ery do R.Kh. i nachala ery ot R.Kh. v Severo-Zapadnom Krymu i bosporskie paralleli v nem [Discovery of the necropolis of the Dzhan-baba Settlement from the turn of the era BC and the era AD in Northwestern Crimea and its Bosporan parallels]. In: *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2016 g.)* [The Bosporan Elite and the Bosporan Elite Culture. Proceedings of the International Round Table (St. Petersburg, November 22–25, 2016)]. Saint Petersburg, 358–365.
- Lantsov, S.B., Vlasov, V.P., Smekalov, S.L., Shaptsev, M.S. 2014: Arkheologicheskie issledovaniya na nekropole gorodishcha Dzhan-Baba [Archaeological research at the necropolis of the Dzhan-Baba settlement]. In: *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea]. Simferopol, 191.
- Lantsov, S.B., Vlasov, V.P., Smekalov, S.L., Shapcev, M.S. 2015: Pervye issledovaniya mogil'nika «Mar'inskoe» (Dzhan-baba) v Severo-Zapadnom Krymu [The first studies of the Maryinskoye (Dzhan-Baba) burial ground in Northwestern Crimea]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] II, 155–178.
- Maslennikov, A.A. 1990: *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e.* [Population of the Bosporan State in the First Centuries AD]. Moscow.
- Medvedev, G.V. 2020: Kamennyy podkurgannyy sklep s plato Kapak-Tash [Stone burial crypt on the Kapak-Tash Plateau]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] XXI, 141–168.
- Mikhlin, B.Yu. 1980: Fibuly Belyausskogo mogil'nika [Fibulae from the Belyaus burial ground]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology] 3, 194–213.
- Mikhlin, B.Yu., Biryukov, A.S. 1983: Sklep s ustupchatym perekrytiem v nekropole Kerkinitidy [A crypt with a stepped roof in the necropolis of Cercinitis]. In: *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* [Population and Culture of Crimea during the First Centuries AD]. Kiev, 28–46.
- Molev, E.A., Shestakov, S.A. 1991: Nekropol' Kiteya (po materialam raskopok 1972–1986 gg.) [The Necropolis of Cytæum (based on materials of 1972–1986 seasons)]. In: *Voprosy istorii i arkhologii Bospora* [Questions of History and Archaeology of the Bosporus]. Voronezh–Belgorod, 75–78.
- Mordvintseva, V. I. 2007: Pogrebal'nyy obryad Belyausskogo nekropolya [Funeral rite of the Belyaus Necropolis]. In: *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu sozdaniya zapovednika «Kalos Limen» i 30-letiyu otkrytiya Chernomorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Archaeology of Northwestern Crimea. Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Creation of the Kalos Limen Reserve and the 30th Anniversary of the Opening of the Black Sea Museum of History and Local Lore]. Simferopol, 129–139.
- Muld, S.A., Kropotov V.V. 2015: Pozdneskifskiy mogil'nik Levadki v Tsentral'nom Krymu (II v. do n.e. – III v.n.e.) [The Late-Scythian Cemetery of Levadki in Central Crimea (the 2nd c. BC – 3rd c. AD)]. *Ural'skiy arkhologicheskiy vestnik* [Ural Archaeological Bulletin] 15, 117–129.

- Nalivkina, M.A. 1955: Raskopki v Evpatorii (predvaritel'nye itogi) [Excavations in Yevpatoria (Preliminary Results)]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 58, 63–72.
- Olkhovskiy, V.S. 1991: Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII – III vv. do n. e.) [Funeral and Memorial Rites of the Population of Steppe Scythia (the 7th – 3rd cc. BC)]. Moscow.
- Papanova, V.A. 2006: *Urochishche Sto mogil (nekropol' Ol'vii Pontijskoy)* [Tract of One Hundred Graves (the Necropolis of Olbia Pontica)]. Kiev.
- Poprebova, N.N. 1957: Zolotyie litsevyie plastiny iz pogrebeniy mavzoleya Neapolya Skifskogo [Gold Face Plates from the burials of the Mausoleum of Scythian Neapolis]. In: *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma* [History and Archaeology of Ancient Crimea]. Kiev, 142–154.
- Poprebova, N.N. 1961: Pogrebeniya v mavzolee Neapolya Skifskogo [Burials in the Mausoleum of Scythian Neapolis]. In: *Pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza v Severnom Prichernomor'e* [Sites of the Bronze Age and Early Iron Age in the North Black Sea region] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 96). Moscow, 103–213.
- Popova, E.A. 1974: Rel'ef s gorodishcha «Chajka» [A Relief from the Chaika settlement]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 222–230.
- Popova, E.A. 1999: O severoprichernomorskom domostroitel'stve I v. do n.e. — I v. n.e. [The North Black Sea House-Building in the 1st c. BC to the 1st c. AD. In: *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Daniila Antonovicha Avdusina)* [Historical Archaeology. Traditions and Prospects (on the 80th Anniversary of the Birth of Daniil Antonovich Avdusin)]. Moscow, 180–195.
- Popova, E.A. 2010: O sostave naseleniya Severo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n.e. – I v. n.e. po materialam gorodishcha «Chayka» [On the Northwestern Crimea Population in the 4th — 1st cc. BC (based on materials of ancient town site “Chayka”). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 23–31.
- Popova, E.A. 2011: K voprosu o vzaimootnosheniyakh pozdnykh skifov Severo-Zapadnogo Kryma i Bospora [On the Relationship Between the Late Scythians of Northwestern Crimea and the Bosphorus]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of Moscow State University. Ser. 8: History] 1, 111–118.
- Popova, E.A. 2012: «Kollektivnye» pogrebeniya nekropolya u p. Zaozernoe v Severo-Zapadnom Krymu [“Collective” Burials in the Necropolis near the Village of Zaozernoye in Northwestern Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 57–68.
- Popova, E.A. 2013: Kul'tovaya praktika pozdneskifskogo naseleniya Severo-Zapadnogo Kryma i bosportsev: arkheologicheskie paralleli [Cult Practice of the Late-Scythian Population of the Northwestern Crimea and the Bosphorans: Archaeological Parallels]. In: *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evrazijskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroads. Proceedings of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 507–512.
- Popova, E.A. 2019: Ornamentirovannyye lepnyie kuril'nitsy s gorodishcha «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu [Ornamented Hand-Made Censers from the Chaika Settlement in Northwestern Crimea]. In: *Scythia et Sarmatia*. Moscow, 207–212.
- Popova, E.A. 2020: Detskie pogrebeniya na gorodishche «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu [Children's Graves at the Chaika Settlement in Northwestern Crimea]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 258, 201–212.
- Popova, E.A. 2023: Sklepy s ustupchatymi perekrytiyami nekropolya u pos. Zaozernoe v Severo-Zapadnom Krymu: Konstruktivnye osobennosti, istoki traditsii, semantika [Corbelled Vaults in the Necropolis near the Village of Zaozernoe in the Northwestern Crimea: Design Features, Origins of Tradition, Semantics]. *Stratum Plus* 3, 369–389.

- Popova, E.A., Pezhemskiy, D.V., Belovintseva, N.I. 2015: Gorodishche Chayka, nekropol' i kamenolomnaya antichnoy epohi na okraine Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i perspektivy issledovaniya [The Chayka Settlement, Necropolis and Ancient Quarry in the outskirts of Yevpatoria in Northwestern Crimea: Results and Prospects of the Study]. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical Studies] 3, 76–112.
- Popova, E.A., Voronkova, A.A. 2015: Nekotorye itogi rabot na nekropole u pos. Zaozernoje v Severo-Zapadnom Krymu v 1969–2015 gg [Some Results of Work at the Necropolis near the Village of Zaozernoje in Northwestern Crimea in 1969–2015]. In: *Ocherki po arkheologii Severo-Zapadnogo Kryma (po materialam gorodishcha «Chayka» i nekropolya u poselka Zaozernoje)* [Essays on the Archaeology of Northwestern Crimea (Based on Materials of the Chayka Settlement and the Necropolis near the Village of Zaozernoje)]. Moscow, 5–41.
- Pridnev, S.V. 1999: Okhrannye raskopki kurgannogo nekropolya Kalos Limena v 1997–1998 gg. [Security Excavations of the Barrow Cemetery of Kalos Limen in 1997–1998]. In: *Arkheologichni vidkrittya v Ukraini 1998–1999* [Archaeological Discoveries in Ukraine 1998–1999]. Kiev, 34–36.
- Puzdrovskiy, A.E. 1999: Ocherk etnosocial'noj istorii Krymskoy Skifii vo II v. do n.e. – III v. n.e. [An Outline of the Ethnosocial History of Crimean Scythia of the 2nd c. BC – 3rd c. AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 97–119.
- Puzdrovskiy, A.E. 2002: Gruntovyy sklep rubezha n.e. iz okrestnostey Neapolya Skifskogo [Underground Vault of the Turn of Our Era in the Vicinity of Scythian Neapolis]. In: *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremya* [Northern Black Sea Region in Ancient Times]. Kiev, 162–172.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd c. BC. – 3rd c. AD. Funerary Sites]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2015: Dvuhkamernyy sklep s nadgrobnym rel'efom iz Ust'-Al'minskogo nekropolya v Krymu [The Two-Chamber Vault with the Funerary Relief in the Ust-Alma Necropolis in Crimea]. *Stratum plus* 4, 143–173.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2008–2014]. Simferopol.
- Raevskiy, D.S. 1971: Skify i sarmaty v Neapole [The Scythians and Sarmatians in Neapolis]. In: *Problemy skifskoy arkheologii* [Problems of the Scythian Archaeology] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 177, 143–151.
- Raevskiy, D.S. 1973: K istorii greko-skifskih otnosheniy (II v. n.e. – II v. n.e.) [On the History of Greco-Scythian Relations (the 2nd c. AD – 2nd c. AD)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 110–120.
- Rogov, E.Ya. 2011: Nekropol' Panskoe 1 v Severo-Zapadnom Krymu [The Necropolis Panskoe 1 in Northwestern Crimea]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Taurica]. Suppl. 10. Simferopol, 3–216.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (Athenian Agora. Vol. XXIX). Princeton.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [Northwestern Crimea in the Ancient Era]. Leningrad.
- Shults, P.N. 1953: *Mavzoley Neapolya skifskogo* [The Mausoleum of Scythian Neapolis]. Moscow.
- Shults, P.N. 1963: Nadgrobnyy rel'ef iz s. Mar'ino [A Tombstone Relief from the Village of Maryino]. In: *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya* [Transactions of the Chersonesus Museum] III, 3–9.
- Shults, P.N. 1966: Nadgrobnyy rel'ef sarmatskogo kruga [A Tombstone Relief of the Sarmatian Circle]. In: *Kul'tura antichnogo mira* [Culture of the Ancient World]. Moscow, 278–286.

- Sinika, V.S. 2012: O grecheskom vliyaniy na pogrebal'nyy obryad i material'nyuyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n.e. u s. Glinnoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On the Greek Influence on the Funeral Rite and Material Culture of the Scythian Cemetery of the 3rd–2nd cc. BC near the Village of Glinnoe on the Left Bank of the Lower Dniester]. In: *Chelovek v istorii i kul'ture* [Man in History and Culture] 2. Odessa, 264–272.
- Sinika, V., Telnov, M. 2015: Svetil'niki v pogrebal'nom obryade skifov Severnogo Prichernomor'ya [Lamps in the Funeral Practice of the Scythians of the Northern Black Sea Littoral]. *Tyragetia. Arheologie Istorii Anticã. Serie nouã* 24/1, 183–208.
- Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A. 2017: *Arkheologicheskij atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas of Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity] (Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ya [Archaeological Atlases of the North Black Sea Region], vol. 2). Saint Petersburg.
- Solomonik, E.I. 1963: Nadpisi na stele iz s. Mar'ino [Inscriptions on the Stele from the Village of Maryino]. *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya* [Transactions of the Chersonesus Museum] III, 10–15.
- Stolba, V.F., Rogov, E.Y. 2012: *Panskoye I. Vol. 2. The Necropolis*. Aarhus.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva* [Population of the Capital of the Late-Scythian Kingdom]. Kiev.
- Vlasov, V.P. 1997: Lepnaya keramika pozdneskifskogo Bulganakskogo gorodishcha [Hand-Made Pottery from the Late-Scythian Settlement of Bulganak]. In: *Bakhchisarajskiy istoriko-arkheologicheskij sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection] 1, 204–303.
- Vlasov, V.P., Lantsov, S.B., Smekalov, S.L., Shaptsev, M.S. 2016: Negrablennyy pozdneskifskiy sklep v Severo-Zapadnom Krymu [An Unrobbed Late-Scythian Vault in Northwestern Crimea.]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 22, 108–114.
- Vnukov, S.Yu. 1994: Raskopki na Kara-Tobe u g. Saki [Excavations at Kara-Toba near Saki]. In: *Akrheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 g.* [Archaeological Studies in Crimea. 1993]. Simferopol, 60–67.
- Vnukov, S.Yu. 1997: Issledovanie gorodishcha i mogil'nika Kara-Tobe [Excavations at the Ancient Settlement and Burial Ground of Kara-Tobe]. In: *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 g.* [Archaeological Studies in Crimea. 1994]. Simferopol, 66–68.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Issledovaniya gorodishcha Kara-Tobe pod g. Saki v 2009 [Excavations at the Kara-Tobe Settlement near Saki in 2009]. In: *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009* [Archaeological Research in Ukraine 2009]. Kiev, 55–57.
- Vnukov, S.Yu., Lagutin, A.B. 2001: Zemlyanye sklepy pozdneskifskogo mogil'nika Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [Underground Vaults in the Late-Scythian Cemetery of Kara-Tobe in Northwestern Crimea]. In: *Pozdnie skify Kryma* [The Late Scythians of Crimea (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 118), 96–121.
- Vysotskaya, T.N. 1968: Pozdneskifskie pogrebeniya v kurgane bliz gorodishcha Kermen-Kyr [Late-Scythian Graves in a Barrow near the Settlement of Kermen-Kyr]. In: *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 1967* [Archaeological Research in Ukraine 1967] II, 113–114.
- Vysotskaya, T.N. 1979: *Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov* [Neapolis, the Capital of the Late Scythian State]. Kiev.
- Vysotskaya, T.N. 1994a: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [The Ust-Alma Settlement and Necropolis]. Kiev.
- Vysotskaya, T.N. 1994b: Vliyaniye antichnoy kul'tury na skifov pozdney pory [The Influence of Ancient Culture on the Late Scythians]. In: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnyuyu epokhu* [Northwestern Crimea in Ancient times]. Kiev, 209–215.
- Yatsenko, I.V. 1978: Skifskie zakhoroneniya I v. n.e. v grecheskom sklepe bliz Evpatorii [Scythian Burials of the 1st c. AD in a Greek Crypt near Yevpatoria]. *Vestnik Moskovskogo*

- gosudarstvennogo universteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Moscow State University. Ser.: History] 6, 57–73.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.)* [Scythian Neapolis (the 2nd c. BC – 3rd c. AD)]. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P. 2018: Kompleks s shchitom kel'tskogo tipa iz nekropolya Ak-Kaya/Vishennoe v Krymu [A Complex with the Celtic Type Shield in the Ak-Kaya/Vishenny Necropolis, Crimea]. In: *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy* [Antiquities. Research. Problems]. Kishinev, 289–318.
- Zaytsev, Yu.P. 2019: O nekotorykh aspektakh «sarmatizatsii» Kryma v rannem zheleznom veke [On Some Aspects of the “Sarmatization” of Crimea in the Early Iron Age]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. - IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian Era (the 2nd c. BC – 4th c. AD)], 90–102.
- Zaytsev, Yu.P., Koltukhov, S.G. 2016: Kurgan s kolektivnymi pogrebeniyami III–I vv. do n. e. iz nekropolya Ak-Kaya/Besh-Oba v Krymu [The Barrow with Collective Burials of the 3rd–1st cc. BC in the Ak-Kaya/Besh-Oba Necropolis, Crimea]. *Stratum plus* 3, 99–128.
- Zhuravlev, D.V. 1997: Krasnolakovaya keramika gruppy Eastern sigillata iz mogil'nika Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [Red-Glazed Pottery of the Eastern Sigillata Group from the Belbek IV Necropolis in Southwestern Crimea]. In: *Drevnosti Evrazii* [Antiquities of Eurasia]. Moscow, 227–294.
- Zubar, V.M. 1982: *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e.* [The Taurian Chersonesus Necropolis of the 1st–4th cc. AD]. Kiev.
- Zubar, V.M., Sorochan, S.B. 1984: Svetil'niki v pogrebal'nom obryade gorodov Severnogo Prichernomor'ya [Oil Lamps in the Funeral Practice of the Northern Black Sea the Cities]. In: *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient Culture of the Northern Black Sea Region]. Kiev, 147–156.

FUNERAL TRADITIONS OF THE LATE SCYTHIAN POPULATION OF NORTHWESTERN CRIMEA

Konstantin S. Korshun

*Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Science, Simferopol, Russia
Moscow State University, Moscow, Russia*

E-mail: kostyakorshun1996@mail.ru

The article discusses the funeral rite of the late-Scythian population of Northwestern Crimea from the mid-2nd c. BC to the end of the 1st c. AD, based on the materials of the ground and burial mound necropolises of Kara-Tobe, Cercinitis, Chayka, Yuzhno-Donuzlavskoye Settlement, Belyaus, Kulchuk, Dzhan-Baba and Kalos Limen. A characteristic feature of the funeral rite of Crimean Scythia was the practice of multiple additional burials with the displacement of previously buried bodies to the wall of the burial chamber. Some features of the late-Scythian burial rite were influenced by the Greek population. These are children's burials in amphorae, the use of relief steles on tombstones, the presence of oil lamps in graves, the construction of cenotaphs and the use of stone crypts with stepped ceilings, characteristic of the Greek population of the Bosporan Kingdom in the 1st c. AD.

Keywords: Northwestern Crimea, Crimean Scythia, Late Hellenistic period, Early Roman period, late Scythians, funeral rite

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-121–138

МОРЕ И КОРАБЛИ: РАЗВИТИЕ МОРСКОГО ДЕЛА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПО БИБЛЕЙСКИМ ТЕКСТАМ. ЧАСТЬ II. НОВЫЙ ЗАВЕТ

П.В. Кузенков¹, В.В. Лебединский^{1, 2}

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

² Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: pk407@mail.ru

² E-mail: v_lebedinski@mail.ru

¹ORCID: 0000-0002-8394-4319

²ORCID: 0000-0002-6801-0497

В статье рассматриваются упоминания в Новом Завете о мореплавании и мореплавателей, различных видах судов и морских коммуникациях Ближнего Востока. Анализируются оригинальные древнегреческие термины и названия, которые сопоставляются с археологическими данными. Больше всего информации о мореплавании из всех книг Нового Завета содержат «Деяния апостолов», написанные св. Лукой, сопровождавшим апостола Павла в его миссионерских путешествиях. Сочинения апостола Луки отличает художественный стиль, ученая манера изложения и внимание к деталям, что делает их важным историческим источником. Особое внимание уделено морской торговле в 18-й главе Откровения Иоанна Богослова.

Ключевые слова: Новый Завет, Ближний Восток, древние мореплавание и торговля, коммуникации и кораблестроение

Статья является продолжением публикации исследования авторами истории древних транспортных коммуникаций и морского дела на Ближнем Востоке по библейским текстам. В предыдущей части – ПИФК 1 (2024) – анализируются данные Ветхого Завета¹, во настоящее – Нового Завета. Больше всего информации о мореплавании из всех книг Нового Завета содержат «Деяния апостолов», на-

---

Данные об авторах. Павел Владимирович Кузенков – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры «Теология и религиоведение», старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Института общественных наук и международных отношений СевГУ; Виктор Викторович Лебединский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой «Востоковедение» Института общественных наук и международных отношений СевГУ.

Исследование подготовлено в Севастопольском государственном университете в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030» (В.В. Лебединский).

¹ Кузенков, Лебединский 2024.

писанные св. Лукой в качестве 2-го тома его же Евангелия. Традиция и научные изыскания говорят о том, что Лука был по происхождению эллинизированным сирийцем из Антиохии, имел хорошее эллинистическое образование и по профессии был врачом. Он сопровождал апостола Павла в его миссионерских путешествиях и был вместе с ним в Риме в 61–63 и 66–67 гг. Сочинения апостола Луки отличает художественный стиль, ученая манера изложения и внимание к деталям, что делает их важным историческим источником².

МОРСКИЕ ТЕРМИНЫ

В Новом Завете встречается немало греческих терминов, относящихся к морскому делу. Прежде всего, это слово *πλοῖον* – основное обозначение судна, или корабля³. Индоевропейский корень **plew-/*plow-* можно обнаружить во многих древних и современных языках: тохарских, индоиранских, кельтских, германских, балтийских, славянских (рус. *плыть, плавать, сплавлиять*), латинском и греческом (*πλέω*). Но производный термин для обозначения ‘плавательного средства’, и.-е. **plówoom*, известно только по краям Европейского континента: в северогерманских языках (исландское *fley*, староанглийское *floege*) и в греческом. Примечателен и труднообъясним тот факт, что базовое греческое слово для обозначения корабля, *ναῦς* (возводимое к праиндоевропейскому корню **neh₂-* неясной этимологии)⁴, в Новом Завете встречается всего один (!) раз (Деян. 27:41).

Из частей корабля упоминаются «нос» и «корма» (Деян. 27:41). Слово *ἡ πρῶρα* ‘нос’, стяженная форма из **πρώραϊα / *πρώφερα*, происходит от прагреческого **rǵōwaǵa*, источником которого является праиндоевропейское **rǵh₂-wǵ-uh₂* «идуший впереди, выступающий вперед»⁵. Греческое слово стало источником аналогичного латинского термина *rǵba* ‘корма’. Выступающий нос, часто снабженный тараном, – яркая отличительная черта античных кораблей. Именно из таранов-носов (лат. *rostra*) побежденных кораблей складывались так называемые роstralные трофеи. Слово *ἡ πρύμνα* ‘корма’, как и родственные ему греческие слова *πρυμνός* ‘коренной, крайний’, *πρέμνον* ‘пень’, *πρεμνίζω* ‘выкорчевывать’, не имеет надежной индоевропейской этимологии и возводится лингвистами к догреческому субстрату⁶. Это важное свидетельство наличия догреческого этапа в развитии морского дела, восходящего к 3-му тысячелетию до н.э.

Упоминается о наличии на крупном судне спасательной шлюпки (Деян. 27:30–31). Он обозначается термином *σκάφος*, обозначающим нечто выдолбленное (от глагола *σκάλλω* ‘копать, ковырять’, возможно, из догреческого субстрата); этимология отсылает к древнейшему пласту судостроительных технологий, предполагавших буквальное выдалбливание всего судна или его остова из цельного ствола дерева⁷. Шлюпка размещалась на носу и могла вместить весь экипаж, но не

² См. Виноградов, Ткаченко и др. 2016, 553–556.

³ Встречается в греческом тексте Нового Завета 66 раз: во всех четырех Евангелиях, в Деяниях апостолов, в Послании Иакова и в Откровении Иоанна Богослова.

⁴ Beeks 2010, 999.

⁵ Frisk 1972/2, 609; Beeks 2010, 1245.

⁶ Frisk 1972/2, 606; Beeks 2010, 1242–1243.

⁷ Beeks 2010, 1342–1343.

пассажиров; опускалась она на тросах (τὰ σχοινία – от σχοῖνος ‘камыш, тростник; плетеная тростниковая веревка’, слова догреческого происхождения)⁸.

Неоднократно упоминается термин ἄγκυρα – прямой предок русского слова ‘якорь’ (Деян. 27:29, 30, 40; Евр. 6:19). Его происхождение загадочно: с одной стороны, в нем можно увидеть индоевропейский корень *h₂enk- со значением «угол», однако Роберт Бикс указывает на типичный для догреческого субстрата суффикс -иγ-⁹.

Два родственных, но совершенно различных по значению термина обозначают «багаж» (σκεύη) (Деян. 27:19) и «оснастку, такелаж судна» (τὸ σκεῦος) (Деян. 27:17). Оба слова связаны с глаголом σκευάζω ‘снаряжать, готовить, вооружать, украшать’. Происхождение этих слов не установлено¹⁰.

Не менее загадочно происхождение термина σάνις ‘доска’, которая упоминается как элемент конструкции корабля (Деян. 27:44).

Из парусного вооружение в Новом Завете упоминается ἀρτέμων (от ἀρτάω ‘придельывать, приставлять’) – малый парус, кливер или марсель, с помощью которого большой корабль маневрирует, причаливая к берегу. Выражение «поднять парус по ветру» звучит как «ἐλαίρω ... τῆ πνεούσῃ» (Деян. 27:40). Здесь под ἡ πνεούσῃ (причастие женского рода от глагола πνέω ‘дуть’), буквально «дующая» (эллипсис слова αἴρα), понимается не простой ветер, а порыв ветра со стороны моря.

В Новом Завете мы встречаем редкий в источниках пример названия корабля. Автор «Деяний апостолов» Лука среди многих судов, на которых ему пришлось путешествовать вместе с апостолом Павлом, по какой-то причине выделяет лишь один корабль: тот, на котором они добрались с Мелиты (Мальты), куда их принесло штормом, в Италию: сообщается, что его название (παράσημον) было «Диоскуры» (Διόσκουροι) (Деян. 28:11). Корабль шел из Александрии в Рим, очевидно, с грузом египетского хлеба, но, в отличие от того судна, которое попало в шторм и потерпело крушение, успел дойти до Мальты, где и зазимовал.

Поставки зерна из Египта, от которых критически зависело продовольственное снабжение столицы Римской империи, были сложной логистической задачей¹¹. Сезон сбора урожая в Египте длился с марта по май. В июне-июле хлеб доставлялся в Александрию, где перегружался с речного на морской транспорт. В августе зерновые корабли выходили в плаванье и за месяц успевали достичь берегов Италии. Но если судовладелец решал по пути зайти в порты Сирии и Малой Азии (например, с целью продать часть хлеба по выгодной цене), то он рисковал попасть на начало осенних штормов, как это и случилось с кораблем, на котором везли в Рим апостола Павла.

Управление кораблем представлено в Новом Завете как образец управления вообще: «Вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий» (Иак. 3:4). Термин «кормчий», по-гречески выраженный субстантивированным причастием ὁ εὐθύων (от

⁸ Beeks 2010, 1438.

⁹ Beeks 2010, 13.

¹⁰ Beeks 2010, 1348–1349.

¹¹ Cf.: Geraci 1994, 279–294; Rossi 2011.

εὐθύς ‘прямой’) буквально «ведущий прямо», выражает семантику управления через ведение «прямым путем».

Упомянут и инструмент управления кораблем – руль (Иак. 3:4), греч. πηδάλιον (от πηδόν ‘лопасть рулевого весла’, восходящее к индоевропейской основе *ped- ‘ступать, наступать, пинать’)¹². Характер семантической связи между рулевым веслом и давлением ноги не вполне ясен. Эта связь может отражать как сходство лопасти весла с человеческой стопой (подобное родство прослеживается между русскими словами «лопасть» и «лапа»)¹³, так и развитие рулевого весла из рычага с поверхностью для давления ногой (это значение имеет современное русское слово «педаль», которое, впрочем, восходит к латинскому pedālis ‘ножной’, а не к греческому πηδάλιον). Следует отметить, что название рулевого весла в греческом языке отличается от названия гребных весел.

От πηδάλιον происходит термин *πηδότης ‘рулевой’; это слово не зафиксировано в письменных памятниках, однако было настолько популярно, что в византийскую эпоху стало источником для итальянского pedota > pilota ‘рулевой’, которое в наше время широко разошлось по всем европейским языкам. Любопытно, что впоследствии термин «рулевое весло» проделал обратный путь: в современном новогреческом языке исконное πηδάλιο вытеснено итальянским заимствованием τιμόνι (от венецианского диалектного timón ‘руль’)¹⁴. Подобные «передвижения» технических и профессиональных терминов, прослеживаемые иногда только на лингвистическом материале, служат важным источником для истории развития техники и технологий. На грузовом корабле имелись скрепы, связывающие два рулевых весла (ζευκτήρια τῶν πηδαλίων), которые устанавливались во время шторма (Деян. 27:40).

МАРШРУТЫ

Важную информацию о морских маршрутах сообщает Лука, автор книги «Деяний», часто сопровождавший в путешествиях апостола Павла. Намередаясь воспользоваться морским транспортом, путешественники приходили в порт и искали грузовой корабль, идущий в нужном им направлении («и, найдя корабль, идущий в Финикию, вошли на него и отплыли». – Деян. 21:2). Если финальный пункт маршрута не совпадал с желаемым, приходилось совершать пересадки (Деян. 21:3–7).

Таблица 1. Перечень морских переездов, совершенных Павлом
1-е путешествие (ок. 45–46 гг. н.э.) (Деян. 13:4, 13; 14:25–26)

Пункт отправления	Пункт прибытия	Расстояние ¹⁵	Время
Селевкия Пизиря (Сирия)	Саламин (Кипр)	210 км	
Паф (Кипр)	Перга (Памфилия)	290 км	
Атталия (Памфилия)	Селевкия Пизиря	525 км	

¹² Beeks 2010, 1185.

¹³ ЭССЯ 14 (1989), 26–27 (*lapa); 16 (1990), 77 (*lorъ).

¹⁴ <https://en.wiktionary.org/wiki/τιμόνι>. (обращение 01.01.2023).

¹⁵ Расстояния измерены по усредненной траектории при помощи ресурса «Maps & Directions» (<https://www.mapsdirections.info/ru/>).

2-е путешествие (ок. 50–53 гг. н.э.) (Деян. 16:11; 18:18–19, 22; 20:1)

Троада (Мисия)	Самофракия	110 км	
Самофракия	Неаполь (Македония)	110 км	1 день
Кенхрей (Коринф)	Эфес	400 км	
Эфес	Кесария (Палестина)	1070 км	

3-е путешествие (ок. 54–58 гг. н.э.) (Деян. 20:6, 13–16; 21:1–3, 7)

Эфес	Филиппы (Македония)	450 км	
Филиппы	Троада	220 км	5 дней
Троада	Асс (Мисия)	70 км	
Асс	Митилина (Лесбос)	50 км	
Митилина	Кисс (Эритры)	100 км	1 день
Кисс	Самос	100 км	1 день
Самос	Милет	80 км	
Милет	Кос	85 км	
Кос	Родос	120 км	1 день
Родос	Патара (Ликия)	100 км	
Патара	Тир (Финикия)	670 км	
Тир	Птолемаида (Финикия)	50 км	

Поездка в Рим (ок. 60 г. н.э.) (Деян. 27:2–5, 15–41; 28:13)

Кесария (Палестина)	Сидон (Финикия)	130 км	1 день
Сидон	Миры (Ликия)	660 км	
Миры	Хорошие Пристани (Крит)	625 км ¹⁶	
Хорошие Пристани (Крит)	Мальта	1000 км ¹⁷	15 дней
Мальта	Сиракузы (Сицилия)	160 км	
Сиракузы	Ригий (Калабрия)	125 км	
Ригий	Путеолы (Кампания)	340 км	2 дня

Обобщение данных показывает, что среднее расстояние одного морского перехода составляет 300 км (минимальное – 50 км, максимальное – 1070 км).

Скорость плавания составила приблизительно 87 км в день (от 44 до 130 км). Попавший в шторм корабль двигался со скоростью около 70 км в день.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА

Особенно подробно Лукою описано плавание в Рим. Как известно, арестованный в Иерусалиме по навету иудеев апостол Павел запросил, как римский гражданин, суда Кесаря и был препровожден римским наместником Палестины в столицу империи. В сопровождении апостолов Луки и Аристарха Павел вместе с другими арестантами выехал под охраной конвоя из Кесарии в Миры Ликийские. Корабль двинулся вдоль финикийского берега к Сидону, преодолев за день рекордное расстояние в 130 км. Затем путь шел на запад, но из-за встречного ветра пришлось плыть, обгибая остров Кипр (Деян. 27:5), и далее двигаться вдоль берега Малой Азии, используя прибрежные течения и бризы¹⁸. Аналогичный маршрут

¹⁶ Мимо Книда и мыса Капо-Сидеро на Крите.

¹⁷ Расстояние приблизительно, т.к. точная траектория неизвестна.

¹⁸ White 2019, Ch. 5, pt. 1.

из Сидона в Миры, занявший девять дней, описан у Лукиана¹⁹. В Мирах путники пересели на александрийский корабль, направлявшийся в Рим. Судя по тому, что на корабле было 4 кормовых якоря и он вмещал 276 человек (Деян. 27:29, 37), это был тяжелый грузовой корабль, доставлявший хлеб из Египта. Однако весь его экипаж, который мог управлять судном, помещался в одну лодку (Деян. 27:30). Отсутствие упоминаний о гребцах и гребных веслах и, напротив, упоминание о снастях и парусах позволяет заключить, что судно было парусным, а не гребным. Медленно продвигаясь вдоль берега на запад, корабль за Книдом повернул на юг и, «с трудом пробравшись» мимо мыса Салмон (северо-восточная оконечность Крита, совр. Капе-Сидеро), продолжил движение на запад вдоль южного берега острова, причалив в Хороших Пристанях (Καλαὶ Λιμῆνες) близ города Ласея (Λασαία). Наступил конец сентября (Деян. 27:9: «ибо уже прошел пост»)²⁰, что считалось концом навигации, и Павел настоятельно рекомендовал воздержаться от дальнейшего плавания. Но место не подходило для зимовки, и было решено добраться до лежащего в 85 км к западу порта Финик (Φοίνιξ, совр. Лутро), гавань которого и сейчас считается самой безопасной на всем критском побережье, где переждать период зимних штормов.

При первом же южном ветре корабль отплыл на запад, держась берега, но внезапно поднявшийся сильный северо-восточный ветер эвраквилон (εὐρακίλων, от лат. euro-aquilo)²¹ понес «схваченный» (συναρπασθέν) корабль в юго-западном направлении. У острова Кавда (Καῦδα, Κλαῦδα)²², в 110 км к западу от Хороших Пристаней и в 40 км к юго-востоку от Финика, с корабля едва не сорвало шлюпку.

Лука описывает действия экипажа и пассажиров во время шторма (Деян. 27:17–19): они «начали пользоваться вспомогательными средствами» (βοηθείας ἐχρῶντο), возможно, пробковыми поясами; начали «подпоясывать» судно (ὑποζώννυτες τὸ πλοῖον), вероятно, стягивая корпус ремнями; «отпустили снасти» (χαλάσαντες τὸ σκεῦος), то есть спустили паруса; на второй день «начали совершать сбрасывание» (ἐκβολὴν ἐλοιοῦντο), т.е. постепенный сброс за борт груза, а на третий – «выкинули багаж» (τὴν σκευὴν ἔριψαν).

Шторм продолжался 15 дней в условиях полной потери ориентации. Из-за непрерывного стресса люди не принимали пищу (πολλὴ ἀσītία). Но когда «начала исчезать надежда на спасение», апостол Павел ободрил своих спутников, сообщив, что Бог обещал ему, что никто не погибнет. В 14-ю ночь корабельщики определили приближение суши: замеры глубины (которые, по всей видимости, делались регулярно) показали, что глубина на коротком расстоянии уменьшилась с 20 до 15 оргий (с 37 до 28 м), и экипаж спустил 4 кормовых якоря; под видом опускания носовых якорей моряки попытались спустить шлюпку, чтобы в темноте покинуть судно, но Павел сказал командиру конвоя, что бегство команды лишает всех шансов на спасение; солдаты обрубали тросы, и шлюпка упала. Затем

¹⁹ Ramsay 314–318, Smith 61–73.

²⁰ Имеется в виду Йом-Киппур, 10 тишри, который в 60 г. по современному иудейскому календарю попадает на 24 сентября. Календарь той эпохи мог отличаться на несколько дней.

²¹ В ряде рукописей – эвроклидон (εὐροκλύδων, εὐροκλύδων), от греческих корней εὐρύς ‘широкий’ и κλύδων ‘волнение, буря’. По-видимому, осмысление латинского термина в духе народной этимологии.

²² Cauda у Помпония Мелы, Gaudos у Плиния, Κλαῦδος у Клавдия Птолемея, Gotzo в венецианских источниках. Совр. остров Гавдос.

Павел успокоил людей и убедил их принять пищу. После этого началась полная разгрузка корабля от груза зерна. Днем показался залив с отлогим берегом (αἰγιαλόν), к которому было решено попытаться пристать. «Подняв со всех сторон якоря» (τὰς ἀγκύρας περιελόντες), «сняв сопряжения рулевых весел» (ἀνέντες τὰς ζευκτηρίας τῶν πηδαλίων) и подняв малый парус по ветру (ἐπάραντες τὸν ἀρτέμωνα τῇ πνεύσῃ), моряки взяли курс к берегу (Деян. 27:40). Но, наткнувшись на косу (εἰς τόπον διθάλασσον, букв. «в место двух морей»), судно село на мель (ἐπέκειλαν), так что его нос судна оказался неподвижным (ἀσάλευτος), а корму начали разбивать удары волн. Центурион остановил своих солдат, собравшихся было перебить узников во избежание их бегства, и велел умеющим плавать (δυναμένους κολυμβᾶν) вплавь добираться до берега, а неумеющим – воспользоваться досками (ἐπὶ σανίσιν) или «чем-нибудь от корабля» (ἐπὶ τινῶν τῶν ἀπὸ τοῦ πλοίου).

Выяснилось, что это остров Мелита (Μελίτη), современная Мальта. Традиционно считается, что местом высадки апостола и его спутников стала бухта Св. Павла (San Pawl il-Baħar) в северо-западной части острова. Однако в 2010 г. специалисты из американского Института библейской археологии, поиска и исследований (Bible Archaeology, Search and Exploration, BASE) объявили, что более вероятным местом крушения корабля, на котором плыли Павел и Лука, является бухта Св. Фомы (Id-daħla ta' San Tumas) на крайней восточной оконечности Мальты: ее пологий берег и отмели точно соответствуют библейскому описанию, а в ее водах ныряльщиками были обнаружены 4 древних якоря; один из них, исследованный археологами из Университета Мальты, оказался типичным римским якорем I в. н.э.²³

КУПЦЫ И ТОВАРЫ

В 18-й главе Откровения Иоанна Богослова, где повествуется о наказании «Вавилонской блудницы», особое внимание уделено морской торговле. Когда Господь Бог «вспомынет неправды» Вавилона, Он пошлет «казни, смерть и плач и голод» на этот символ всемирного развращения и нравственного падения. И над пепелищем сожженного великого города-блудницы²⁴ будут рыдать две группы лиц: «цари земли, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею», и «купцы земные» (ἔμποροι τῆς γῆς), которые получили свое богатство благодаря «великой роскоши ее» (τοῦ στρήνους, букв. «высокомерия»). Горе последних Ангел, от лица которого ведется повествование, описывает с особенной подробностью:

«И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров их никто уже не покупает, товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих деревьев, из меди и железа и мрамора, корицы и фимиама, и мира и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и тел и душ человеческих. И плодов, угодных для души твоей, не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось от тебя; ты уже не найдешь его. Торговавшие всем сим, обогатившиеся от нее,

²³ Paul's shipwreck//BASE Institute – URL: <https://baseinstitute.org/pages/pauls-shipwreck> (обращение 09.03.2023).

²⁴ В еврейском и греческом слово город женского рода.

станут вдали от страха мучений ее, плача и рыдая и говоря: “Горе, горе [тебе], великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом, ибо в один час погибло такое богатство!” И все кормчие, и все плывущие на кораблях, и все корабельщики, и все торгующие на море стали вдали и, видя дым от пожара ее, возопили, говоря: “Какой город подобен городу великому!” И посыпали пеплом головы свои, и вопили, плача и рыдая: “Горе, горе [тебе], город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море, ибо опустел в один час!”» (Откр. 18:11–19).

Нарисованная в видении картина, несомненно, отражает представления жителей Восточного Средиземноморья I в. н.э., а потому заслуживает внимания. Сразу же отметим, что хотя из русского перевода не вполне ясна связь всего этого фрагмента с мореплаванием, первое же греческое слово в перечне предметов роскоши определенно указывает на морскую торговлю: термин ῥόμος является специальным обозначением корабельного груза, фрахта, клади или товара, перевозимого на судне (ср. глагол ἔμω ‘наполнять, нагружать’, а также латинское слово *gutia* ‘обжора’). Поэтому выражение «купцы земные» (οἱ ἔμποροι τῆς γῆς) следует понимать в смысле «торгующие по всей земле, по всему миру». Это подтверждается финалом всего фрагмента, где в качестве скорбящих по Вавилону выступают «всякий кормчий» (κυβερνήτης), «всякий плывущий на кораблях» (ὁ ἐπὶ τόπων πλέων, букв. «плывущий к [заданному] месту»), «корабельщики» (ναῦται) и «все те, кто торгуют на море» (ὅσοι τὴν θάλασσαν ἐργάζονται, букв. «обрабатывают море, ведут дела, трудятся на море»).

В этой связи отметим, что основной греческий термин для обозначения купечества – ἔμπορος – имеет этимологию, связанную с преодолением трудного пути: вместе со словами λόρος ‘путь’, πείρα ‘опыт, испытание, предприятие’, πειράω ‘пробовать, стараться, пытаться’, а также πείρω ‘пронзать’, πειρά ‘острие’ он восходит к праиндоевропейской основе *per-, имеющей семантику преодолевания, прохождения через препятствие²⁵. Купец – буквально тот, кто пускается в путь (λόρος), преодолевая трудности и набираясь опыта (πείρα). Кстати, те, кто превратили этот накопленный в рискованных предприятиях опыт в главное средство для жизни, именуется по-гречески πειραταί – именно так греки, а вслед за ними и другие европейские народы назвали морских разбойников-пиратов.

Рассмотрим перечень товаров (букв. «грузов»), представленных как символы роскоши:

1) «золото» (греч. χρυσός – древнее семитское заимствование, вероятно, от финикийского 𐤇𐤍𐤅𐤃 *hrš*)²⁶. Основными источниками золота в Древнем мире выступали Эфиопия, Верхняя Месопотамия, Аравия, Южная Индия. Золотые монеты, впервые появившиеся в VII в. до н.э. в Малой Азии (Фригия, Лидия, Кария), а затем принятые в качестве валюты в Персидской державе, на все времена стали главным символом богатства. В греко-римском мире золота всегда было намного меньше, чем на Востоке. Греческие мифы называют первооткрывателем золота финикийца Кадма, который обнаружил этот драгоценный металл в горах Пангея (Strabo. Geogr. 14. 5. 28; Clemens Alex. Stromata, 1. 75. 8). Финикийцы первыми начали добычу золота на островах Эгеиды, и именно у них греки заимствовали на-

²⁵ Beeks 2010, 1652.

²⁶ Beeks 2010, 1652.

звание этого металла. В V в. до н.э. были открыты фракийские рудники, ставшие основой могущества Македонии. Приток золота в Средиземноморье произошел после захвата Александром Великим сокровищниц Ахеменидов. Римляне, позже других народов приобщившиеся к золоту, активно добывали его в Испании, но уже в I в. н.э. эти месторождения начали оскудевать²⁷. К новозаветной эпохе золото прочно утвердилось в качестве символа могущества и роскоши, связанным преимущественно с Востоком;

2) «серебро» (ἄργυρος – от праиндоевропейской основы *h₂erǵ- со значением ‘белый, блестящий’; ср. латинское слово *argentum* ‘серебро’, древнеиндийские रजत *rajata* ‘серебро’ и अर्जुन *árjuna* ‘яркий’)²⁸. Месторождения серебра в античном мире встречались намного чаще, чем золота, что обусловило «классическое» соотношение ценности этих благородных металлов – 13½:1. Из серебра чеканились монеты большинства греческих полисов и государств Древнего Востока. Огромные запасы серебряной монеты, захваченные Александром Македонским в Персии, стали основой экономического процветания эпохи эллинизма. В Римской империи, валютная система которой также основывалась на серебряной монете, главными источниками серебра были испанские, галльские и британские, а также альпийские и фракийские рудники. Серебро, особенно позолоченное, широко использовалось в ювелирном деле; высоко ценилась серебряная посуда, обладавшая антисептическими свойствами²⁹;

3) «камни драгоценные» (λίθος τίμιος, где слово λίθος, обозначающее камень как материал и предмет, имеет, скорее всего, догреческое происхождение, как и синонимичное πέτρος, обозначающее чаще горную породу)³⁰. С глубокой древности драгоценные и полудрагоценные камни, отличавшиеся красотой, долговечностью и редкостью, считались символом могущества и богатства и наделялись как символическим смыслом, так и магическими свойствами. Самыми дорогими камнями были и остаются алмаз (бриллиант), рубин, сапфир, изумруд, гиацинт, берилл. Они, наряду с самоцветами (аметист, агат, оникс, хризолит, яшма, халцедон, сердолик, топаз, хризопраз), неоднократно упоминаются как в Ветхом, так и в Новом Завете, в том числе и в книге Откровения (как столпы Небесного Иерусалима) (Откр. 21: 19–20). Основными регионами добычи драгоценных камней были Аравия, Индия и Африка, а их поставщиками – финикийские и южноаравийские купцы³¹;

4) «жемчуга» (μαργαρίται, заимствование из древнеиранского *mǝga-ahri-ita- ‘раковина, букв. рожденная из скорлупы’; ср. фарси مروارید *marvārīd*, согдийское *marjārt*, древнеиндийское मञ्जरी *mañjarī* ‘жемчужина’)³². В древности жемчуг добывался ныряльщиками из раковин моллюсков, обитающих на глубинах до 30 м, главным образом в Персидском заливе, а также у берегов Шри-Ланки. В Китае добывался также пресноводный жемчуг. Трудность добычи и выдающиеся

²⁷ Ирмшер 1989, 215–216.

²⁸ Beeks 2010, 126–127.

²⁹ Ирмшер 1989, 521.

³⁰ Frisk 1972/2, 122; Beeks 2010, 861.

³¹ IBD, 781–789.

³² Gershevitch 1989; cf. Beeks 2010, 904–905.

эстетические качества делали жемчужины очень дорогим украшением, стоявшим по ценности на втором месте после бриллиантов³³;

5) «виссон» (βύσσινος) – дорогая ткань, изготавливавшаяся, судя по этимологии, из тонкого льна (греч. βύσσος является заимствованием из семитского *būs- ‘лен, волокнистая трава’, откуда еврейское בִּיֶּז *būz* и арамейское ܒܝܙܐ *būšā*; ср. древнеармянское բիհիզ *behez* ‘лен’). Существует также гипотеза о производстве виссона из нитей, вырабатываемых биссусовой железой моллюска *Pinna nobilis* (обитает в прибрежной зоне Средиземного моря). Изделия из виссона (секрет изготовления которого был утрачен уже в средние века) сочетали прочность с поразительной тонкостью (например, фуляром для перчаток мог служить грецкий орех); из них изготавливались одеяния для царей, первосвященников и патрициев. Судя по порядку перечисления, виссон ценился автором Апокалипсиса выше порфиры и шелка;

6) «порфира» (πορφύρα – загадочное слово, иногда сопоставляемое с φύρω ‘месить’ и πορφύρω ‘бурлить’, но, возможно, имеющее субстратное догреческое происхождение)³⁴, или пурпур (лат. *purpura* от греч. πορφύρα) – дорогая ткань, окрашенная темно-фиолетовым красителем, получаемым из морских моллюсков семейства Иглянок (*Muricidae*). Родиной пурпура считалась Финикия, само название которой связано с другим греческим термином для обозначения пурпура – φοίνιξ (также ‘пальма; финик; финикообразный музыкальный инструмент типа лиры’; омоним со значением ‘птица феникс’ восходит к древнеегипетскому *bjn*), а также с эпитетом φοινός / φοίνιος ‘кроваво-красный’. Этимологи ищут источник этих слов либо в семитских языках (ср. арабское فُوَّة *fuwwā* ‘марена, красильное растение’), либо в доиндоевропейском субстрате³⁵. В зависимости вида моллюсков краситель мог иметь различную густоту и оттенки; лучшим пурпуром считался «истинно тирский». Многократное окрашивание с последующим травлением квасцами давало пурпурной ткани шелковистый блеск. В Римской империи производство пурпурных тканей было государственной монополией, т.к. этот цвет был закреплен за одеяниями императоров и высших должностных лиц³⁶;

7) «шелк» (σῆρικός, или σῆρικός, производное от Σῆρ ‘торговец шелком, китаец’; источник видят в китайском обозначении шелка, 絲 *ci*, древнекитайское *slu; ср. древнекорейское *slli ‘шелковая нить’; арамейское ܫܝܪܐ *širā’ā*, ܫܝܪܐ *širā’* ‘шелк, шелковая одежда’; арабское سيرا *sirā* ‘шелковое одеяние’). Технология производства ткани из нитей кокона тутового шелкопряда (*Bombyx mori*) появилась в Китае еще в эпоху неолита, но держалась в строгой тайне и долгое время оставалась неизвестной другим народам. Лишь в V в. н.э. разведение шелкопряда началось в пограничном с Китаем Хотанском царстве, а спустя век этот секрет стал известен в Византии, где появилась развитая индустрия шелкоткачества. В новозаветную эпоху шелковые ткани были либо привозными, либо производились из импортного шелка-сырца (метаксы) в Сирии и Финикии. Шелковые одежды имеют красивый отлив, прочны и обладают уникальными гигиеническими свойствами;

³³ Ирмшер 1989, 204.

³⁴ Weeks 2010, 1224.

³⁵ Weeks 2010, 1584.

³⁶ Ирмшер 1989, 471.

8) «багряница» (κόκκινος ‘пурпурно-красный, червлённый’, от слова κόκκος ‘семечко, ягода; червец’, субстратного происхождения), т.е. ткань, окрашивавшаяся в темно-красный цвет при помощи т.н. кошенильного червца – самок насекомых, которых древние из-за их неподвижного образа жизни принимали за ягоды. Из различных видов кошенили в Античности были наиболее известны средиземноморский дубовый червец (*Kermes vermilio*) и живущий на корнях злаков арабатский червец (*Porphyrophora hamelii*), распространённый на Кавказе, в Малой Азии и Иране. Краска, добываемая из червца, кармин, с древнейших времен использовалась для окрашивания тканей и пряжи. Красные одежды были символом престижа, их носили, в частности, римские офицеры;

9) «благовонное дерево» (ξύλον θύϊνον, буквально «дымящееся дерево»). Благовония являются не только источником приятного запаха, но и важнейшим гигиеническим средством. Они широко использовались в храмах и других помещениях, а также на открытом воздухе в местах скопления людей. Среди древних благовоний особо ценилось алойное дерево (агар, *Aquilaria*), целебный афродизиак, растущий на Ближнем Востоке и в Индии;

10) «изделия из слоновой кости» (σκεῦος ἐλεφάντινον, от ἐλέφας ‘слоновая кость; слон’, слово неясного происхождения, зафиксированное уже в микенский период как *e-re-pa*; ср. хеттское название слоновой кости $\text{𐎠𐎢𐎣} \text{ } \text{𐎠𐎢𐎣} \text{ } \text{𐎠𐎢𐎣} \text{ } \text{𐎠𐎢𐎣}$ — *lahpaš* и древнеегипетское $\text{𓆎} \text{ } \text{𓆎}$ / $\text{𓆎} \text{ } \text{𓆎}$ ‘слон / слоновая кость’ (откуда латинское *ebur*), возводимое к протоафразиатской основе **leb-*)³⁷. Слоновая кость, то есть бивни – один из древнейших поделочных материалов, широко использовавшийся как для создания малых форм, так и для облицовки. Его источниками были Африка и Индия;

11) «изделия из дорогих деревьев» (σκεῦος ἐκ ξύλου τιμιωτάτου), буквально «из самой ценной древесины». Особо ценными породами дерева, отличающимися красивой фактурой и прочностью, считались (и считаются): эбен (произрастает в Африке, Южной Индии и на Шри-Ланке), африканское черное дерево (гренати, мпинго; растёт в Западной Африке от Кении до Мозамбика); красное дерево (сандал, *Santalum*; насыщенное эфирными маслами тропическое дерево, растущее в Индии и Индонезии);

12) «изделия из меди» (χαλκός ‘медь, бронза’, микенское *ka-ka-re-a* – загадочное слово, заимствованное из доиндоевропейского субстрата и означавшее, вероятно, «красный металл» (ср. κάλχη/χάλκη ‘пурпурная улитка’); к тому же неизвестному языку могут восходить и хеттское *hapalki-*, и латинское *ferrum*, и русское *железо*)³⁸. Медь и бронза (по-гречески и по-латыни названия этих металлов не различаются) имели настолько важное значение в жизни древних обществ, что ими маркируются целые археологические эпохи. В Средиземноморье медные рудники эксплуатировались настолько интенсивно, что были истощены уже в классическую эпоху; стабильным источником меди оставался остров Кипр (название которого дало латинское слово *cyprium* ‘медь’, от которого происходят английское *соррег* и немецкое *Kupfer*). Бронза широко применялась для изготовления украшений и предметов роскоши;

³⁷ Beeks 2010, 409–410; Orel, Stolbova 1995, 360 (# 1662).

³⁸ Beeks 2010, 1611, 629.

13) «изделия из железа» (σίδηρος – слово загадочного происхождения; лингвисты видят в нем либо связь с латинским *sīdus* ‘созвездие’, что может указывать на метеоритное происхождение раннего железа, либо сравнивают с удинским *zido* ‘железо’, предполагая заимствование из кавказских языков; не исключено также происхождение из доиндоевропейского субтрата и связь со словом σίδη ‘гранат’ – через семантику красного цвета ржавчины). Железо было основным металлом античной эпохи, из которого изготавливались оружие, сельскохозяйственные орудия, инструменты. Древнейшими мастерами кузнечного дела были халибы (народ на северо-востоке Малой Азии), умевшие делать легированную сталь (греч. χάλυψ). В Греции лучшим считалось железо из Лакедемона и Лидии, в больших количествах этот металл производился на Кипре и в Испании. Известностью на Ближнем Востоке пользовалось индийское железо³⁹. Упоминание железных предметов среди дорогих товаров может относиться к каким-то престижным стальным изделиям (оружию, сосудам, мебели и т.п.);

14) «изделия из мрамора» (μάρμαρος – слово неясного, возможно, доиндоевропейского происхождения)⁴⁰. Перекристаллизованные в результате процесса метаморфизма известняки, получившие высокую прочность, красивый рисунок и способность принимать полировку, издавна ценились как прекрасный отделочный камень и материал для мозаик, рельефов и скульптуры. Самые известные в древности месторождения, дававшие мрамор разных оттенков, находились в Аттике (Пентеликон и Гиметт), на островах Эгеиды (Эвбея, Парос, Фасос) и Мраморного моря (Прокопнес), а также в Испании и Италии (Луни, Каррара)⁴¹;

15) «корица и амомум» (κιννάμωμον καὶ ἄμωμον – внешне схожие, но разные по происхождению слова: первое является заимствованием финикийского слова, родственного еврейскому קינמון *qinnāmōn*, а второе взято из неизвестного восточного языка, откуда происходят сирийское ܚܛܡܐ *ḥatāmā* и арабское حاتم *ḥatāmā* ‘амомум’). Пряности, производившиеся из растений с устойчивым приятным ароматом и бактерицидными свойствами, с глубокой древности добавлялись в пищу как с целью улучшения вкуса, так и для предотвращения порчи, что было особенно актуально в условиях жаркого климата. Также пряности применялись в медицинских и ритуальных целях. Среди дорогих привозных пряностей в Античности особой известностью пользовались корица (*Cinnamomum*) и амомум (*Amomum*, черный кардамон и другие имбирные), произрастающие в основном в Индии и на Шри-Ланке. В русском переводе НЗ по какой-то причине амомум не упомянут;

16) «фимиам» (θυμίατα, ед. ч. θυμίαμα – от θυμιάω ‘дымить, кадить, воскурять’, слово из общего индоевропейского фонда, родственное латинскому *fūmus* и русскому «дым»). «Дымящими» веществами назывались ароматические смеси, которые применялись путем раскуривания. Разные виды фимиама составлялись из всевозможных благовонных растений, растиравшихся в смеси в определенных пропорциях. В Библии приводится рецепт священного фимиама для воскурений перед Ковчегом Завета: «И сказал Господь Моисею: Возьми себе благовонных веществ (ἡδύσματα): стакти, ониха, халвана душистого и чистого ливана, всего поровну, и сделай из них искусством составляющего масти курительный состав

³⁹ Ирмшер 1989, 203–204.

⁴⁰ Frisk 1972/2, 176–177; Beeks 2010, 907.

⁴¹ Ирмшер 1989, 364.

($q\bar{t}óret$ = $\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\mu\alpha$), стертый, чистый, святой, и истолки его мелко, и полагай его пред ковчегом откровения в скинии собрания, где Я буду открываться тебе: это будет святыня великая для вас; курения, сделанного по сему составу, не делайте себе: святынею да будет оно у тебя для Господа; кто сделает подобное, чтобы курить им, [душа та] истребится из народа своего» (Исх. 30:34–38);

17) «миро» ($\mu\acute{\upsilon}\rho\upsilon\omicron\nu$ – возможно, от семитского названия мирры: еврейское $\bar{m}ór$, арабское $\bar{m}urr$, аккадское $murrū$). Ароматическое масло, изначально изготавливавшееся из мирры (по другой версии, из мирта), но впоследствии имевшее множество разновидностей. Рецепт священного мира приводится в Ветхом Завете: «И сказал Господь Моисею, говоря: Возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны $\square$ самоточной пятьсот [сиклей]⁴², корицы благовонной – половину этого, двести пятьдесят, тростника благовонного – двести пятьдесят, касии – пятьсот [сиклей], по мере сикля священного, и масла оливкового – гин; и сделай из сего миро для священного помазания, масть составную, искусством составляющего масти: это будет миро для священного помазания» (Исх. 30:22–25);

18) «ладан» ($\lambda\acute{\iota}\beta\alpha\nu\omicron\varsigma$ – семитское заимствование, ср. названия ладана в еврейском: $l\bar{a}b\bar{o}n\bar{a}$ и арабском: $lub\bar{a}n$, из празападносемитского *laban – ‘белый’, по цвету свежей смолы). Одна из самых знаменитых ароматических смол, добываемая из деревьев, растущих в Южной Аравии (*Boswellia sacra*), на Африканском Роге (*Boswellia papyrifera*), в Иране и Индии (*Boswellia serrata*). Со времен Древнего Египта широко использовалась в религиозных культах. Ладан ($\lambda\acute{\iota}\beta\alpha\nu\omicron\nu$), наряду с золотом и смирной (миррой), подносят младенцу Иисусу волхвы (Матф. 2:11);

19) «вино» ($\omicron\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, прагреческое *wóinos – вместе с латинским *vīnum*, древнеармянским $gini$, грузинским $ghvino$, протозападносемитским *waun и др. словами из средиземноморских языков разных семей восходит, предположительно, к какому-то субстратному культурному термину; впрочем, лингвисты не исключают и исконное индоевропейское происхождения от основы со значением «витья, завиваться»)⁴³. Виноградарство и виноделие развиваются в Закавказье и Передней Азии с эпохи неолита; в Античности эта отрасль считалась самой рентабельной из всех видов сельскохозяйственной деятельности, однако требовала больших трудозатрат. Особо ценными сортами среди греческих вин считалось хиосское, а среди италийских – фалернское. Виноторговля, приносившая значительные доходы, в имперское время до 2-й половины III в. была привилегией Италии⁴⁴.

20) «елей» ($\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ ‘оливковое масло’ – от $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\iota}\alpha$ ‘олива’, вероятно, заимствование из догреческого средиземноморского субстрата; ср. армянское ewl ‘масло’; латинское *oliva* и *oleum*, в свою очередь, происходят из греческого языка)⁴⁵. Разведение оливок играло огромную роль в античной экономике. В греческом мире торжества по случаю сбора оливок уступали по пышности только сбору винограда. Считалось, что олива находится под покровительством Афины (Минер-

⁴² Т.е. мирры.

⁴³ 1 священный сикль – около 15 г.

⁴⁴ Weeks 2010, 1059.

⁴⁵ Ирмшер 1989, 104–105.

вы) и Зевса (Юпитера), а также связана с Аполлоном и Гермесом (Меркурием). Оливковое масло составляет важнейшую часть средиземноморской диеты, оно использовалось как средство гигиены, а также для освещения и при отправлении религиозных обрядов, в т.ч. иудейских⁴⁶. Основными регионами для производства оливок и оливкового масла в раннеримское время были Левант, Греция, Италия, Испания, Северная Африка, Малая Азия. Международная торговля этими продуктами велась уже финикийцами;

21) «мука» (σeμίδαλις – слово заимствовано через хеттский из аккадского samīdu ‘крупа, мука’)⁴⁷. Этим термином называется мука наивысшего качества (крупчатка), получаемая из мягких сортов пшеницы путем отсеивания смолотой муки, чтобы осталась только часть, полученная из сердцевинки зерна. Отличается прекрасными вкусовыми и хлебопекарными свойствами, но из-за высокого процента отходов в современной пищевой промышленности не производится, а во многих странах Европы даже запрещена;

22) «хлеб», в синодальном переводе «пшеница» (σῖτος ‘хлеб в зерне’, от того же индоевропейского корня, что и русские слова «сеять, сито, просеивать»). Злаковые культуры, а именно – пшеница и ячмень, являлись основным продуктом питания во всех цивилизациях Древнего мира и Античности, начиная с эпохи «неолитической революции». Хлеб в зерне, удобный для транспортировки и хранения, становится стратегическим товаром в связи с ростом населения в крупных городах. Его поставки приобретают политический характер. Главными житницами античного мира были Сицилия, Северное Причерноморье, Северная Африка и, особенно, Египет;

23) «скот» (κτῆνη, мн. ч. от κτήνος, ср. κτάομαι ‘владеть’, от индоевропейского корня, давшего, в частности, персидское شاه *šāh* «царь, владыка» и древнеиндийское कृषयति *kṛṣyati* «владеть, управлять, править»). Как и древнерусское «скотъ», греческое κτήνος изначально обозначало «владение, приобретение, накопление», т.е. имущество как таковое, и лишь позднее получает специальное значение «домашний скот, голова скота» (при этом латинское pecus и прагерманское *fehu претерпели прямо противоположную эволюцию, от «скота» к «имению»)⁴⁸. Именно обладание стадами служило в древнем обществе признаком большого богатства, поскольку этот вид имущества был более доступен для накопления и преумножения, чем земельные владения. В Средиземноморье интенсивно развивалось постыбищное разведение как крупного, так и мелкого рогатого скота, а также свиноводство;

24) «овцы» (πρόβατα, мн. ч. от πρόβατον, буквально – ‘бредущее впереди’, от προβαίω ‘идти вперед’). Древнегреческий термин πρόβατον в старых ионийском и дорийском диалектах обозначал все виды стад, но позднее, в аттическом и койнэ, начинает обозначать преимущественно овец. В данном перечне сочетание «κτῆνη καὶ πρόβατα» обозначает всю совокупность мясного и молочного скота, торговля которым занимала важное место в античной экономике⁴⁹;

⁴⁶ Beeks 2010, 400–401.

⁴⁷ Ирмшер 1989, 393.

⁴⁸ Beeks 2010, 1320.

⁴⁹ Фасмер 1987/3, 655; Beeks 2010, 789.

25) «кони» (ἵπποι, ед. ч. ἵππος – общеиндоевропейское слово, от основы со значением «быстрый, стремительный»; ср. древнеиндийское अश्व *áśva* и латинское *equus*). После одомашнивания лошадь стала важнейшим и самым престижным транспортным средством, сперва как гужевое, а позднее как верховое животное. До изобретения стремян и сложной упряжи, которые получили распространение только в средние века, кони играли ограниченную роль в военном деле и сельском хозяйстве, но выступали одним из символов богатства и социального статуса. В римское время особенно славились скакуны североафриканского и испанского происхождения⁵⁰;

26) «колесницы» (ρέδαи, ед. ч. ρέδα – чаще ρῆδα или ραῖδα, слово галльского происхождения, заимствованное в языки Средиземноморья, ср. латинское *gaeda / rheda / reda* ‘4-колесная повозка’; лежащее в основе протокельтское **rēdo-* восходит к индоевропейской основе **reyd^h-* «ехать на лошади»; с лошадьми связаны и другие латинско-греческие термины кельтского происхождения: *pagaveredus* ‘конь’ (давнее немецкое *Pferd* и арабское *abic*: ديارب *barīd* ‘почта’), *epigaedium* ‘коляска, конная тележка’) ⁵¹. Употребление редкого термина говорит о том, что речь идет не о простых повозках, а о дорогих экипажах типа карет;

27) «тела и души человеческие» (σώματων καὶ ψυχὰς ἀνθρώπων). Характерно, что для обозначения рабов автор Откровения не использует «технические» термин δοῦλοι ‘рабы, слуги’ (вероятно, заимствование из ханаанского **dō’ēlu* ‘слуга’; ср. арамейское דַּוְיָלָה *dayyālā* ‘прислуга’) ⁵² или ἀνδράποδα, гибрид из слов ἀνὴρ ‘мужчина, человек’ и τετράποδον ‘четвероногое, домашнее животное’. Апостол Иоанн, с присущим христианскому мировоззрению обостренным вниманием к человеческой личности, как представляется, осознанно акцентирует тот факт, что в процессе работорговли продаже подлежали тело и душа человека, которые, согласно Библии, сотворены Богом в особом акте творения ⁵³. Тем самым подчеркивается аморальность самого феномена рабства;

28) «плоды, угодные для души» (τὰ ὄψωρα τῆς ἐπιθυμίας τῆς ψυχῆς). Слово ὄψωρα (родственное русскому «осень» и английскому *earn* ‘урожай’) обозначает как сезон сбора урожая (с конца июля по середину сентября), так и плоды, в особенности те, которые сейчас принято называть фруктами.

Для понимания истории международной торговли может быть полезным представить статистику происхождений греческих названий вышеперечисленных товаров:

Происхождение	термин	перевод
праиндоевропейское – от 8 до 10	ἄργυρος, ξύλον, σίδηρος (?), θυμίαμα, οἶνος (?), σῖτος, κτήνος, πρόβατον, ἵππος, ὄψωρα	серебро; дерево; железо; фи-миам; вино; хлеб; скот; овца; конь; фрукт
догреческий субстрат – 6 или 7	λίθος, πορφύρα, κόκκινος, χαλκός, σίδηρος (?), μάρμαρος, ἔλαιον	камень; порфира; багряница; медь/бронза; мрамор; елей
семитское – 6	χρυσός, βύσσινος, κιννάμωμον, μύρον, λίβανος, σερμίδαλις	золото; виссон; корица; миро; ладан; мука

⁵⁰ Ирмшер 1989, 531.

⁵¹ Ирмшер 1989, 322.

⁵² См.: Ullmann 1997.

⁵³ Beeks 2010, 249–250; Rosól 2013, 18.

древневосточное 1 или 2	ἄμωμον, οἶνος (?)	амомум; вино
кавказское – до 2	σίδηρος (?), οἶνος (?)	железо; вино
иранское – 1	μαργαρίτης	жемчуг
китайское – 1	σίκκος	шелк
протоафризиатское – 1	ἐλεφάντινος	из слоновой кости
кельтское – 1	ῥέδα	карета

Таким образом, из числа товаров, представлявших в начале римской имперской эпохи символами богатства и предметами прибыльной международной торговли, лишь около 1/3 обозначаются словами исконно греческого, индоевропейского происхождения, тогда как 2/3 заимствованы, прежде всего – доиндоевропейского лингвистического субстрата и семитских языков. Это лишний раз свидетельствует как о значительном уровне развития древнейшей догреческой материальной культуры Средиземноморья, скрытой для нас во мраке бесписьменной эпохи, так и о сильнейшем влиянии Востока на развитие античной цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозный характер текстов Библии не лишает их значения ценнейшего исторического источника, содержащего информацию о самых различных сторонах жизни и деятельности людей. Ветхозаветные тексты представляют собой богатый источник ценных исторических сведений о многих сторонах жизни на Ближнем Востоке на протяжении более чем тысячи лет, с конца 2-го тысячелетия до н.э. до II в. до н.э. В частности, проливается свет на эволюцию мореплавания, особенности кораблестроения, развитие морских коммуникаций в бассейнах Средиземного и Красного моря. В текстах книг Нового Завета не только упоминаются многочисленные практические и бытовые предметы, обычаи и действия, но и весьма подробно, со слов очевидца, описывается практика морского плавания. Даже самая «мистическая» новозаветная книга, Откровение Иоанна Богослова, оказывается содержащей важную информацию об организации международной морской торговли в эпоху ранней империи.

Данные Библии имеют особую ценность для археологии, так как помогают определять направления поисковых и полевых исследований. Последние, в свою очередь, позволяют верифицировать информацию письменных источников, уточнить и скорректировать понимание отдельных терминов и выражений. Комплексный подход с привлечением данных библеистики, филологии, лингвистики и подводной археологии позволяет поднять изучение цивилизаций Древнего Востока на качественно новый научный уровень.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Beeks, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek: 2 vols.* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 10). Leiden–Boston.
- Fasmer, M. 1986–1987: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [*Etymological Dictionary of the Russian Language*]: 4 vols. Vol. 4. Moscow.

- Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. Т. 4. М.
- Feuser, S. 2009: *Der Hafen von Alexandria Troas*. Bonn.
- Frisk, H. 1972: *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 2. Heidelberg.
- Geraci, G. 1994: L'Égitto: provincia frumentaria. In: *Le ravitaillement en blé de Rome et des centres urbains des débuts de la république jusqu'au Haut-Empire* (Collection de l'École Française de Rome. T. 196). Naples, 279–294.
- Gershevitch, I. 1989: Margarites the Pearl. In: C.-H. de Fouchecour, Ph. Gignoux (eds.), *Etudes irano-aryennes offertes à Gilbert Lazard*. Paris, 113–136.
- Irmsher, I. 1989: *Slovar' Antichnosti* [Dictionary of Antiquity]. Moscow.
- Ирмшер, Й. 1989: *Словарь Античности*. М.
- Kuzenkov, P.V., Lebedinskiy, V.V. 2024: Sea and Ships: Development of Marine Affairs in the Ancient Near East According to the Biblical Texts. Part 1. The Old Testament. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 108–133.
- Кузенков, П.В., Лебединский, В.В. Море и корабли: развитие морского дела на Ближнем Востоке по библейским текстам. Часть I. Ветхий завет. ПИФК 1, 108–133.
- Lorukhin, A.P. (ed.) 2009: *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* [Explanatory Bible, or Commentaries on all the Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]: 7 vols. Vol. 7. Moscow.
- Лопухин, А.П. (ред.). *Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*: в 7 т. Т. 7. М.
- Orel, V.E., Stolbova, O.V. 1995: *Hamito-Semitic Etymological Dictionary: Materials for a Reconstruction*. (Handbuch der Orientalistik; I.18). Leiden, New York, Köln: Brill.
- Rapske, B. 1994: Acts, Travel, and Shipwreck. In: D.W.J. Gill, C. Gempf (eds.), *The Book of Acts in Its Graeco-Roman Setting*. Grand Rapids, 1–47.
- Rosól, R. 2013: *Frühe Semitische Lehnwörter im Griechischen*. Frankfurt am Main.
- Rossi, L. 2011: *D'Alexandrie à Pouzzoles: les rapports économiques entre l'Égypte et Rome du IIe siècle avant J.C. au Ier siècle après J.C.* Marseille.
- Smith, J. 1880: *The Voyage and Shipwreck of St. Paul*. London.
- Ullmann, M. 1997: *Zur Geschichte des Wortes barīd "Post"* (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 1997/1). München.
- Vinogradov, A.Yu., Tkachenko, A.A., Kalinin, M.G., Ponomarev, M.V., Zaigaykina, S.P., Loseva, O.V., Makhanko, M.A., Makarov, E.E., Kvlividze, N.V. 2016: Лука, апостол и евангелист [Luke, Apostle and Evangelist]. In: Kirill, patr. of Moscow and all Russia (ed.), *Pravoslavnyaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XLI. Moscow, 552–585.
- Виноградов, А.Ю., Ткаченко, А.А., Калинин, М.Г., Пономарев, М.В., Заиграйкина, С.П., Лосева, О.В., Маханько, М.А., Макаров, Е.Е., Квливидзе, Н.В. Лука, апостол и евангелист. В кн.: Кирилл, патр. Московский и всея Руси (ред.), *Православная энциклопедия*. Т. XLI. М., 552–585.
- White, J. 2019: *Evidence and Paul's Journeys: An Historical Investigation into the Travels of the Apostle Paul*. Hilliard.

SEA AND SHIPS: THE DEVELOPMENT OF MARITIME AFFAIRS IN
THE NEAR EAST ACCORDING TO BIBLICAL TEXTS.
PART II. THE NEW TESTAMENT

Pavel V. Kuzenkov¹, Viktor V. Lebedinskiy^{1, 2}

¹ *Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

² *Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: pk407@mail.ru*   ² *E-mail: v_lebedinski@mail.ru*

The article examines references in the New Testament to navigation and sailors, various types of ships and maritime communications of the Near East. The original ancient Greek terms and names are analyzed and compared with archaeological data. Of all the books of the New Testament, the most information about navigation is contained in the Acts of the Apostles, written by St. Luke, who accompanied the Apostle Paul on his missionary journeys. The writings of the Apostle Luke are distinguished by their artistic style, scholarly manner of presentation and attention to detail, which makes them an important historical source. Particular attention is paid to maritime trade in the 18th chapter of the Revelation of John the Theologian.

Keywords: New Testament, Middle East, ancient navigation and trade, communications and shipbuilding

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-139–149

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПОБЕРЕЖЬЯ САМБИИ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: drkulakov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7482-5070

В статье впервые за историю археологии Балтии рассматривается проблема формирования древним и средневековым населением п-ова Самбия центра прусского племенного ареала, береговых ориентиров. На западном побережье полуострова ими являлись средневековые городища. На северном побережье основаниями для «маяков» Нового времени могли служить одиночные курганы. Эти курганы, сооруженные в непосредственной близости к береговому обрыву на северо-западной оконечности п-ова Самбия, не обладают уверенной датировкой. Лишь курган Отрадное-1, судя по керамическим находкам, может быть отнесен к раннему железному веку. Близость параметров одиночных курганов позволяет с некоторой осторожностью предполагать их культурную и хронологическую близость. Они могли являться погребальными сооружениями или же были созданы как кенотафы. В таком случае их использование (в Новое время или ранее) как основы береговых знаков или же береговых ориентиров вторично. В любом случае этот уникальный для Балтии (да и для всего балтийского побережья) феномен нуждается в последующем изучении.

Ключевые слова: археология Балтии, п-ов Самбия, прусский племенной ареал, городища, курганы, береговые ориентиры

Общеизвестен факт наличия необходимых для безопасности каботажного (прибрежного) плавания береговых ориентиров. В современном мореплавании они, как правило, имеют искусственное происхождение и представлены маяками и створными (и прочими) знаками, облегчающими каботажное судовождение и служащими обеспечению его безопасности. Как показывают данные старой прусской картографии, на пороге Нового времени западное и северное побережья Самбии обладали ориентирами для мореплавателей и имели вид вышек конической формы (рис. 1). Эти «маяки» (термин вполне условен), располагавшиеся на мысовых выступах преимущественно северного побережья Самбии, существовали здесь на протяжении XVI–XVII вв.¹. Логично предположить, что и в более раннее время

Данные об авторе. Владимир Иванович Кулаков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН.

¹ Jäger 1982, Karte 4.

Рис. 1. Западная Самбия на карте Пруссии К. Хеннебергера (1656 г.) (По: Schlicht 1922, 83).
Fig. 1. Western Sambia on the map of Prussia by K. Henneberger (1656) (After: Schlicht 1922, 83).

указанные полосы побережья обладали некими ориентирами, необходимыми для успеха каботажного плавания древних мореходов.

Очертания береговой линии юго-восточной Балтии и п-ова Самбия (ныне – Калининградский п-ов) в том числе окончательно сформировались в четвертичную эпоху – примерно семь–шесть тысяч лет тому назад². Результатом ухода ледника валдайской эпохи являются финальные моренные возвышенности на северо-западе и на севере (район Neu-Kuhren/Пионерский) Западной Самбии³. Именно эти участки суши были использованы при сооружении береговых знаков в Новое время и, как будет показано ниже, были задействованы при сооружении поселенческих и погребальных объектов в более раннее время. Эти объекты, расположенные непосредственно на краю высоких западного (высотой до 35 м) и северного (высотой до 12 м) берегов Западной Самбии⁴ представлены в перечне памятников археологии на побережье Самбии. В Зеленоградском р-не известны следующие памятники:

² Жиндарев, Кулаков 1996, 57.

³ Schlicht 1922, 368.

⁴ Наиболее заселенная в древности часть полуострова, так наз. «Янтарный берег» (нем. Bernsteinufer).

1. Балтийск/Pillau, городище, X–XIII вв.(?), располагалось в 1,5 км к северу от города, в урочище Schwedenschanze, на берегу моря, к началу XX в. считалось уничтоженным⁵.

2. Окунево/Nodemns, городище, XII–XVI вв., расположено в 1 км к югу от Wach-Berg/Обзорный, на высоком останце морского берега, в урочище Schwedenschanze. В XVII в., судя по гравюре К. Харткноха, городище имело две площадки: цитадель и, восточнее – форбург. К настоящему времени цитадель городища практически полностью уничтожена береговой эрозией. Сохранившийся форбург имеет размеры 30 x 16 м и находится на высоте от уровня моря 35 м. С востока форбург укреплен рвом глубиной 2 м, с севера и юга – соединяющимся с естественными оврагами, имеющими уклон к западу, в сторону моря. Кроме того, площадка форбурга по периметру (за исключением западной стороны) ограничена валом высотой 0,4 м. Остатки цитадели сохранили с востока вал высотой 5 м и отделены от форбурга рвом глубиной до 4 м. Раскопками 1975 г. на форбурге обнаружен культурный слой мощностью 0,5 м, в его северной части открыта каменная кладка с двумя кусками каленого янтаря и обломками большемерных кирпичей⁶. Севернее этого городища было расположено городище в урочище Hausenberg/Schwedenschanze к северо-востоку от Kraxterellen/Синявино. Этот памятник археологии расположен в 0,5 км к востоку от края берегового обрыва и мог служить береговым ориентиром лишь по дымовым сигналам. Судя по обнаруженной в раскопе грубой лепной керамики различного характера городище датируется временем от раннего железного века вплоть до эпохи Великого переселения народов⁷. Это укрепленное поселение к настоящему времени не сохранилось.

3. Донское/Wachbudenberg bei Klein-Kuhren, городище, XI–XIII вв., расположено в 4 км к северо-востоку от Groß-Dirschkeim/Донское, на северо-восточной окраине пос. Филино, на мысу левого берега ручья Finkenfließ, образованного при его впадении в море, имеет площадку размерами 170 x 150 м в урочище Wachbudenberg (ныне – гора Вахтенная), высота от уровня моря – 61 м. С напольной, юго-западной стороны городище до разрушения его в конце XIX в. карьером было ограничено валом, остатки которого ныне достигают высоты 3 м⁸.

4. Zipfelberg/Приморье, городище, XI–XIII вв. (?), к началу XX в. уничтожено береговой эрозией.

5. Отрадное-1/Georgenswalde, курган, ранний железный век. Расположен на берегу Балтийского моря, в 0,3 км к северо-западу от поселка Georgenswalde/Отрадное, в 0,1 км к северу от территории бывшей усадьбы поместья Georgenswalde, возможно, на территории усадебного парка, в урочище Amalienhöhe, в лесу, вытянутом вдоль уреза морского берега. Высота насыпи кургана около 1,8 м, диаметр – 25,7 м. В послевоенное время насыпь кургана была повреждена многочисленными грабительскими ямами, борта четырех из которых в 2007 г. зачистил А.В. Белешев. Были обнаружены фрагмент бронзовой фибулы «латенской серии» и фрагменты лепных сосудов⁹.

⁵ Crome 1940, 98.

⁶ Кулаков 1975.

⁷ Bartsch 1974, Abb. 1.

⁸ Кулаков 1987.

⁹ Белешев 2007.

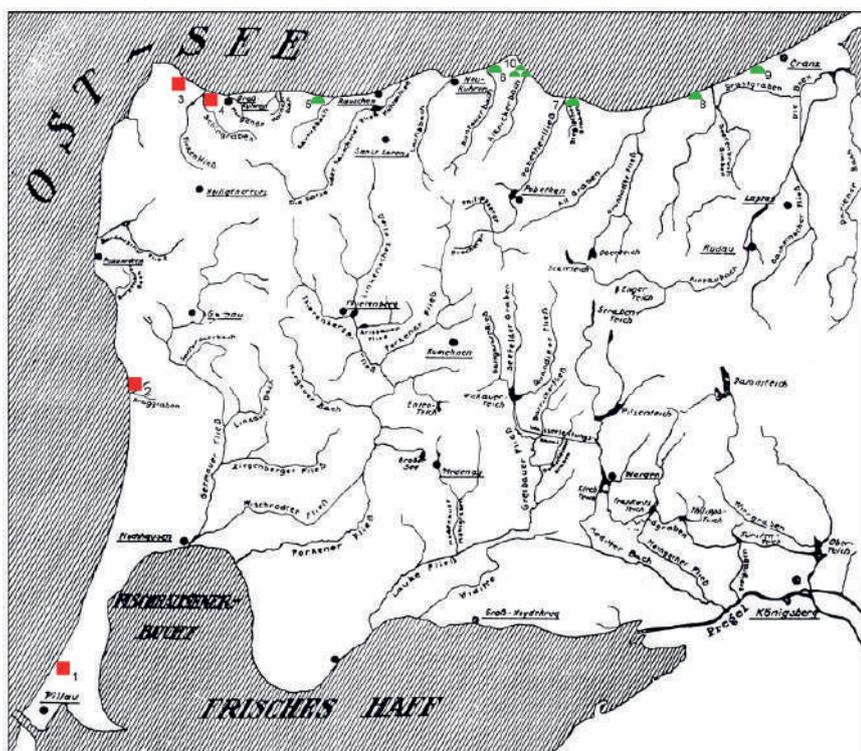

Рис. 2. Расположение береговых ориентиров раннего железного века и эпохи раннего средневековья на карте речной системы Западной Самбии (По: Schlicht 1922, 374).

Fig. 2. Location of coastal landmarks from the Early Iron Age and the Early Middle Ages on the map of the river system of Western Sambia (After: Schlicht 1922, 374).

6. Резиденция, курган, датировка не ясна. Расположен на возвышенном морском берегу, к востоку от устья ручья Rantauer Bach. Диаметр насыпи кургана ок. 10–12 м, высота до 1,6 м.

7. Хелле/Hölle-Mündung, курган, датировка не ясна, расположен в 0,12 км к востоку от устья р. Забавы, на высоком морском берегу, имеет диаметр 20 м, высоту 0,6 м. В обнажениях грунта насыпи кургана видны отдельные валуны¹⁰.

8. Прибой/Seebad, курган, эпоха бронзы, расположен в 1 км к юго-западу от поселка, в 0,3 км от берега моря, на моренной возвышенности, имеет насыпь диаметром 39 м, высоту 2,2 м, с южной стороны которой прослеживается ровик глубиной до 0,4 м¹¹.

9. Малиновка/Wargenau, курган-2, эпоха бронзы (?), расположен в 0,3 км к северу от поселка, на возвышенности левого берега р. Тростянки, перекрыт старой дорогой, ведущей на север от поселка, в сторону моря. Диаметр насыпи – 12 м, высота – 0,7 м¹².

¹⁰ Кулаков 1987.

¹¹ Кулаков 1977.

¹² Кулаков 1982.

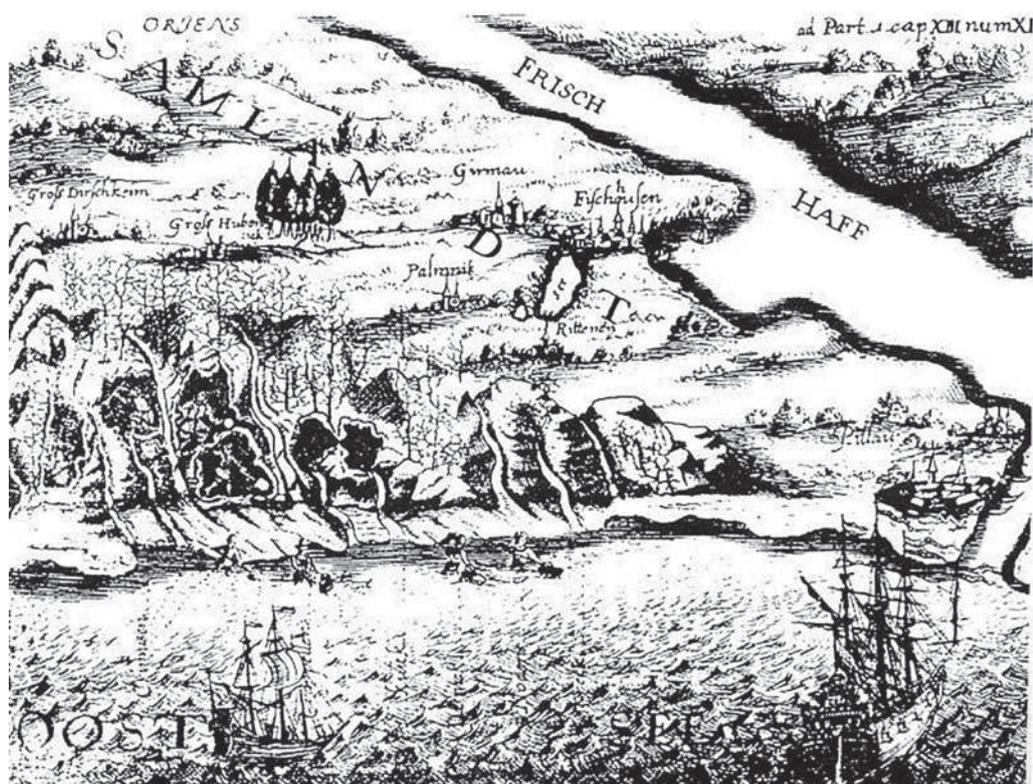

Рис. 3. Городище Окунево/Nodems на гравюре К. Хеннебергера (1684 г.) (По: Кулаков 2002, 138).

Fig. 3. The Okunevo/Nodems settlement on the engraving by K. Henneberger (1684) (After: Kulakov 2002, 138).

10. Заостровье/Alknicken, курганный могильник-2 эпохи поздней бронзы и раннего железа (ок. VII–II вв. до н.э.), располагался к северо-востоку от поселка, на морском берегу. В нескольких насыпях могильника раскопками во второй половине XIX в. были обнаружены труположения и трупосожжения¹³.

Как следует из представленного выше Перечня памятников археологии на побережье Самбии, основной их массив расположен на возвышенных участках и без того высокого морского побережья в непосредственной близости от устьев рек (рис. 2). Оба эти признака, свойственные представленным в Перечне памятникам археологии, свидетельствуют об их возможном использовании в древности и в эпоху средневековья в качестве береговых ориентиров, указывающих (прежде всего – в туманную погоду) как на близость береговой линии с ее мелями и банками (в случае расположения на этих городищах или же курганах святилищных объектов – «маяков»), так и на присутствие здесь источников пресной воды (рис. 3), что крайне актуально для мореходов.

¹³ Hollack 1908, 127.

Рис. 4. Ситуационный план городища Nodems/Окунево (По: Mestißblatt der Karte Deutschlands 1928).

Fig. 4. Situational plan of the Nodems/Okunevo settlement (After: Mestißblatt der Karte Deutschlands 1928).

Рис. 5. Городища Wachbudenberg и Zipfelberg. Вид с востока. Почтовая открытка начала XX в.

Fig. 5. The Wachbudenberg and Zipfelberg settlements. View from the east. Postcard from the early 20th c.

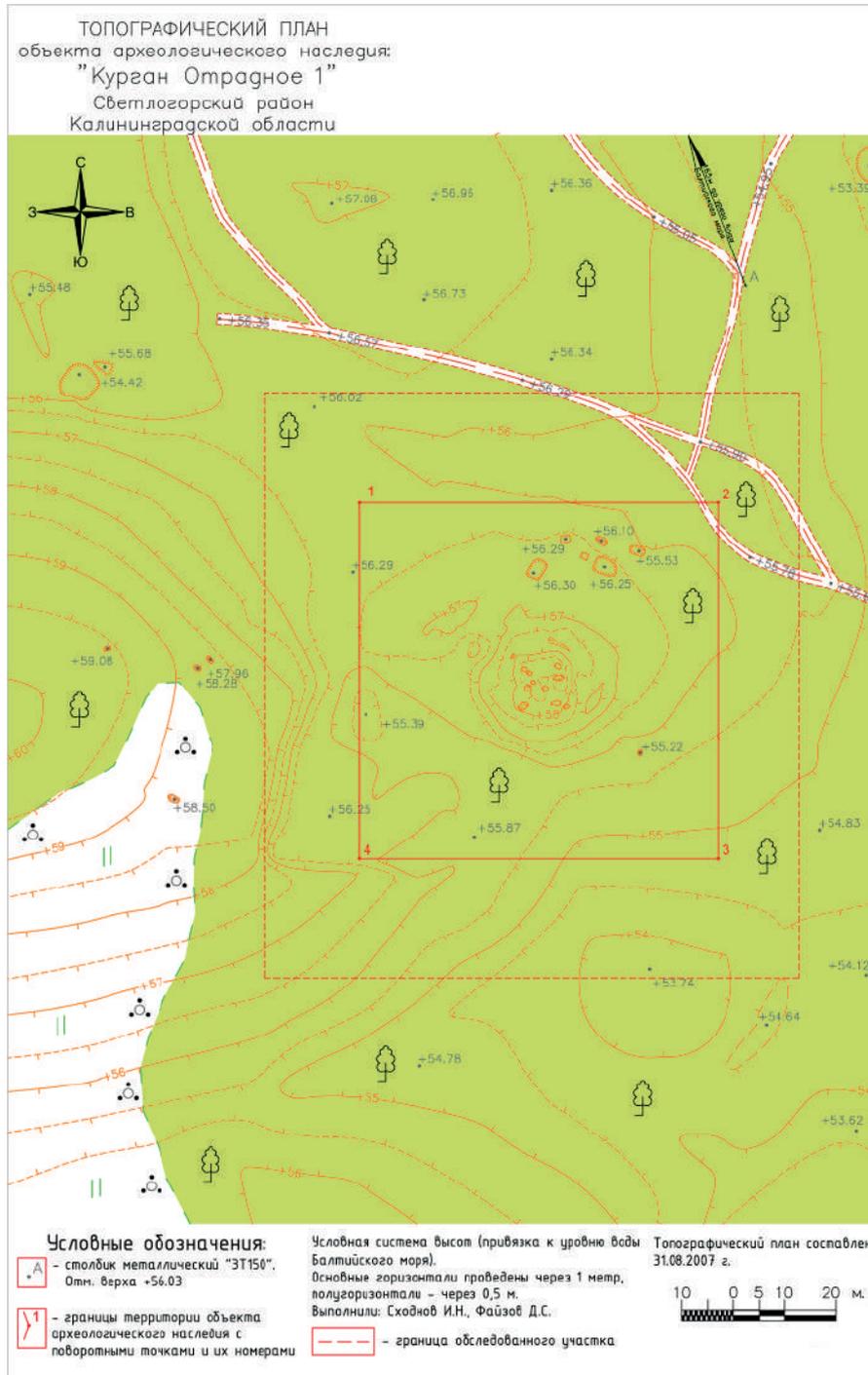

Рис. 6. План кургана Отрадное-1 (По: Белешев 2007).

Fig. 6. Plan of the Otradnoye-1 Barrow (After: Beleshev 2007).

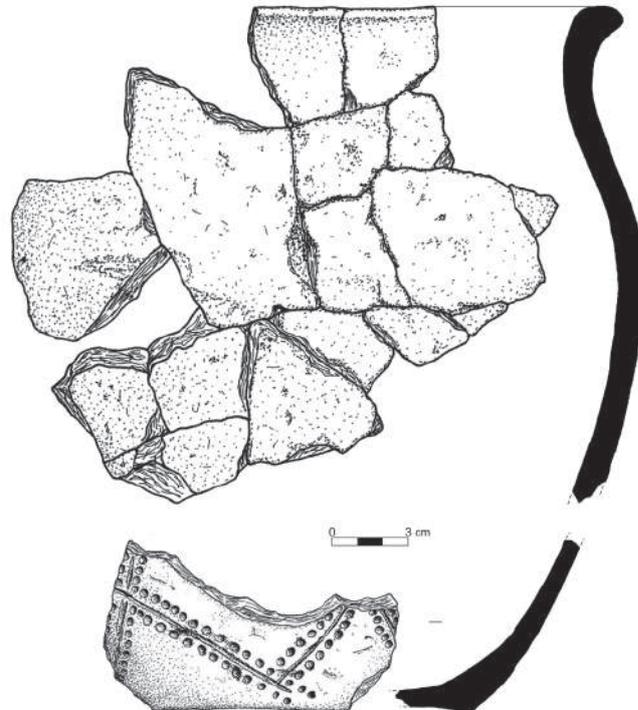

Рис. 7. Фрагменты сосудов, обнаруженные в шурфах в насыпи кургана Отрадное-1 (Белешев 2007).

Fig. 7. Fragments of vessels found in the pits in the embankment of the Otradnoye-1 Barrow (Beleshev 2007).

Косвенное подтверждение расположения на памятниках археологии морского побережья или же в их непосредственной близости святилищ и прочих береговых знаков следует из береговой топонимики (рис. 4, 5), где присутствует корень *Wach-* («бодрствующий», «находящийся на посту»). Относительно городища Донское/*Wachbudenberg bei Klein-Kuhren* местная легенда прямо сообщает об использовании его площадки в качестве подножия маяка¹⁴. Городища, представленные в Перечне, предварительно отнесены к эпохе раннего средневековья. Курганы, сооруженные в непосредственной близости к береговому обрыву на северо-западной оконечности полуострова Самбия, не обладают уверенной датировкой. Лишь курган Отрадное-1 (рис. 6), судя по керамическим находкам (рис. 7), может быть отнесен к раннему железному веку. Правда, близость параметров, представленных в Перечне одиночных курганов (рис. 6, 8, 9), позволяет с некоторой осторожностью предполагать их культурную и хронологическую близость. Они могли являться погребальными сооружениями или же были созданы как кенотафы. Факт глубокого почтения эстиев и пруссов к погребенным в их земле соплеменникам доказан археологическим материалом¹⁵. В таком случае их использование (в Но-

¹⁴ Кулаков 2002, 148.

¹⁵ Кулаков 2017, 248.

Рис. 8. Курган на территории Государственной резиденции «Янтарь» на восточной окраине Neu-Kuhren/Пионерский. Вид с севера.

Fig. 8. Barrow in the Yantar State Residence on the eastern outskirts of Neu-Kuhren/Pionersky. View from the north.

Рис. 9. Курган Хелле-1. Вид с северо-запада.

Fig. 9. The Helle-1 Barrow. View from the northwest.

вое время или ранее) как основы береговых знаков или же береговых ориентиров вторично. В любом случае этот уникальный для Балтии (да и для всего балтийского побережья) феномен нуждается в последующем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

- Белешев, А.В. 2007: *Отчет об археологических разведках на территории Светлогорского района Калининградской области в 2007 г.* Архив ИА РАН. Р-И. №
- Жиндарев, Л.А. Кулаков, В.И., 1996: Уровненный режим Балтийского моря в голоцене. *Известия РАН. Серия географическая* 5, 55-66.
- Кулаков, В.И. 1975: *Отчет о работе Балтийского отряда в 1975 г.* Архив ИА РАН. Р-И. № 5362.
- Кулаков, В.И. 1977: *Отчет о работе Балтийского отряда в 1977 г.* Архив ИА РАН. Р-И. № 6184.
- Кулаков, В.И. 1982: *Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1982 г.* Архив ИА РАН. Р-И. № 9166.
- Кулаков, В.И. 1987: *Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1987 г.* Архив ИА РАН. Р-И. № 11895.
- Кулаков, В.И. 2002: *От Восточной Пруссии – до Калининградской области. Исторический путеводитель.* Калининград.
- Кулаков, В.И. 2017: *Меморативная традиция у эстиев и пруссов. Археологические вести* 23, 241–249.
- Bartsch, Ch. 1974: *Palmnicken und sein Bernstein.* Münster.
- Crome, H. 1940: Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreussens. *Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde* 34, 83–143.
- Hollack, E. 1908: *Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen.* Glogau–Berlin.
- Jäger, E. 1982: *Prussia-Karten, 1542–1810: Geschichte der kartographischen Darstellung Ostpreussens vom 16. bis zum 19. Jahrhundert: Entstehung der Karten, Kosten, Vertrieb: bibliographischer Katalog* (Schriften des Nordostdeutschen Kulturwerks Lüneburg). Weibenhorn.
- Mestißblatt der Karte Deutschlands 1928. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/search?ie=UTF-8&q=Mesti%C3%9Fblatt%20der%20Karte%20Deutschlands%201928>.
- Schlicht, O. 1922: *Das westliche Samland. Ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen.* Bd. 1. Dresden.

REFERENCES

- Bartsch, Ch. 1974: *Palmnicken und sein Bernstein.* Münster.
- Beleshev, A.V. 2007: *Отчет об археологических разведках на территории Светлогорского района Калининградской области в 2007 году* [Report on Archaeological Exploration in the Svetlogorsk District of the Kaliningrad Region in 2007]. Archive of the Institute of Archaeology RAS. R-I.
- Crome, H. 1940: Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreussens. *Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde* 34, 83–143.
- Hollack, E. 1908: *Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen.* Glogau–Berlin.
- Jäger, E. 1982: *Prussia-Karten, 1542–1810: Geschichte der kartographischen Darstellung Ostpreussens vom 16. bis zum 19. Jahrhundert: Entstehung der Karten, Kosten, Vertrieb:*

---

bibliographischer Katalog (Schriften des Nordostdeutschen Kulturwerks Lüneburg). Weihenhorn.

- Kulakov, V.I. 1975: *Otchet o rabote Baltiyskogo otryada v 1975 g.* [Report on the Work of the Baltic Expedition in 1975]. Arkhiv IA RAN. R-I. No. 5362.
- Kulakov, V.I. 1977: *Otchet o rabote Baltiyskogo otryada v 1977 g.* [Report on the Work of the Baltic Expedition in 1977]. Archive of the Institute of Archaeology RAS. R-I. No. 6184.
- Kulakov, V.I. 1982: *Otchet o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1982 g.* [Report on the Work of the Baltic Expedition in 1982]. Arkhiv Instituta arkheologii RAN. P-I. No. 9166.
- Kulakov, V.I. 1987: *Otchet o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1987 g.* [Report on the Work of the Baltic Expedition in 1987]. Archive of the Institute of Archaeology RAS. R-I. No. 11895.
- Kulakov, V.I. 2002: *Ot Vostochnoy Prussii – do Kaliningradskoy oblasti. Istoricheskiy putevoditel* [From East Prussia to the Kaliningrad Region. Historical Guide]. Kaliningrad.
- Kulakov, V.I.: 2017. Memorativnaya traditsiya u estiyev i prussov [Memorial Tradition of the Aestians and Prussians]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News] 23, 241–249.
- Mestißblatt der Karte Deutschlands 1928. <https://www.google.ru/search?ie=UTF-8&q=Mesti%C3%9Fblatt%20der%20Karte%20Deutschlands%201928>.
- Schlicht, O. 1922: *Das westliche Samland. Ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen*. Bd. 1. Dresden.
- Zhindarev, L.A. Kulakov, V.I., 1996: Urovennyy rezhim Baltiyskogo morya v golotsene [Baltic Sea Level Regime in the Holocene]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series] 5, 55–66.

HISTORICAL LANDMARKS OF THE SAMBIA LITTORAL

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: drkulakov@mail.ru

For the first time in the history of Baltic archaeology, the article discusses the problem of the formation of the center of the Prussian tribal area and coastal landmarks by the ancient and medieval population of the Sambia Peninsula. On the western coast of the peninsula, these were medieval settlements. On the northern coast, single barrows could have served as the basis for the “beacons” of the New Age. These mounds, built in the immediate vicinity of the coastal cliff at the northwestern region of the Sambia Peninsula, do not have a reliable dating. Only the Otradnoye-1 Barrow, judging by the ceramic finds, can be attributed to the Early Iron Age. The proximity of the parameters of single burial mounds allows us to assume with some caution their cultural and chronological proximity. They could have been burial structures or created as cenotaphs. In this case, their use (in the New Age or earlier) as a basis for coastal signs or coastal landmarks is secondary. In any case, this phenomenon, unique for the Baltics (and the entire Baltic coast), requires further study.

Keywords: Baltic archaeology, Sambia Peninsula, Prussian tribal area, hillforts, barrows, coastal sites

---

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 150–164
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 150–164
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-150–164

ХРАМ ЗЕВСА ГЕНАРХА ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН: ПРОБЛЕМА АСТРОНОМИЧЕСКОГО И ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

Н.И. Винокуров¹, Д.В. Мацнев², А.В. Фесенко³

¹ *Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

² *Планетарий Центрального Дома Российской Армии им. М.В. Фрунзе, Москва, Россия*

³ *Московский государственный институт культуры, Москва, Россия*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru* ² *E-mail: dmatsnev@dmatsnev.ru* ³ *E-mail: eimmart@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-7787-6527* ² *ORCID: 0009-0008-3979-9784*
³ *ORCID: 0000-0002-1629-1442*

В 2023 г. на городище Артезиан в Крымском Приазовье были открыты остатки храма Зевса Генарха. Храм основан, по-видимому, при Митридате VI и восстановлен после землетрясения 63 г. до н.э. его сыном Фарнаком II. В состав храмового комплекса входили также западный и восточной алтари, ориентированные по оси равноденствий на точку восхода, отмеченную реперным зольником № 2, и точку захода Солнца. Храм Генарха в Артезиане, как любой культовый центр, являлся моделью космоса, что выражалось в пространственной ориентации, прочно связанной не только со сторонами света, но и с важнейшими небесными календарно-культовыми объектами.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Артезиан, храм Зевса Генарха, Митридат VI, Фарнак II, скульптура Зевса, астрономия, Спика, Виндемиатрикс

Данные об авторах. Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова, директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН; Дмитрий Владимирович Мацнев – заведующий планетарием ЦДРА им. М.В. Фрунзе, преподаватель астрономии Предуниверсария РГГУ; Андрей Васильевич Фесенко – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии МГИК.

Рис. 1. Общий вид храма Зевса Генарха
Fig. 1. Temple of Zeus Genarch. General view

В 2023 г. на раскопе II за пределами акрополя городища Артезиан, включая линию оборонительных рвов, обнаружены остатки южного теменоса городища начала – середины I в. до н. э. Комплекс его построек состоял из храма Зевса Генарха дорического ордера, восточного беломраморного монументального алтаря 2022 г. в ионическом стиле и западного малого алтаря, выстроенных на одной террасе точно по линии В–З, по одной оси с большим зольником № 2¹. По всей видимости, первый храм появился здесь при Митридате VI Евпаторе (рис. 1). Второй храм, построенный после катастрофы во второй половине I в. до н.э. его сыном Фарнаком II почти точно на фундаментах раннего, не столь массивен. Название храма и дата его основания стали известны благодаря находке фрагментов надписи на его фронтоне в позднем захоронении 20/2023 на этом месте. Блоки архитрава с надписью были использованы в каменном закладе входного колодца могилы, причем все они уложены специально лицом вниз. Такой магический прием хорошо известен по другим лапидарным находкам на городище, связанным с постройкой поздней цитадели. Обнаружены начало надписи и ее завершение, переведенные В.П. Яйленко²:

¹ Факт, что пространственное расположение зольников отмечает сакральных направления на точки восхода и захода Солнца в дни солнцестояний и равноденствий, (т. е., являясь пригоризонтной обсерваторией) и связаны с календарными ритуалами был подтвержден полевыми измерениями в 2008 г. Более того, они были связаны не только с фазами годового движения Солнца, но и с отдельными звездами, являющимися календарными маркерами, наблюдение за которыми регулировало сельскохозяйственную деятельность и культовую практику. В ходе исследований выяснилось, что все культовые объекты в Артезиане либо ориентированы по сторонам света (алтари и все городище), либо привязаны к зольникам, отмечая определенные астрономические моменты. См. Винокуров и др. 2010, 411–435.

² Винокуров, Яйленко 2024 (в печати).

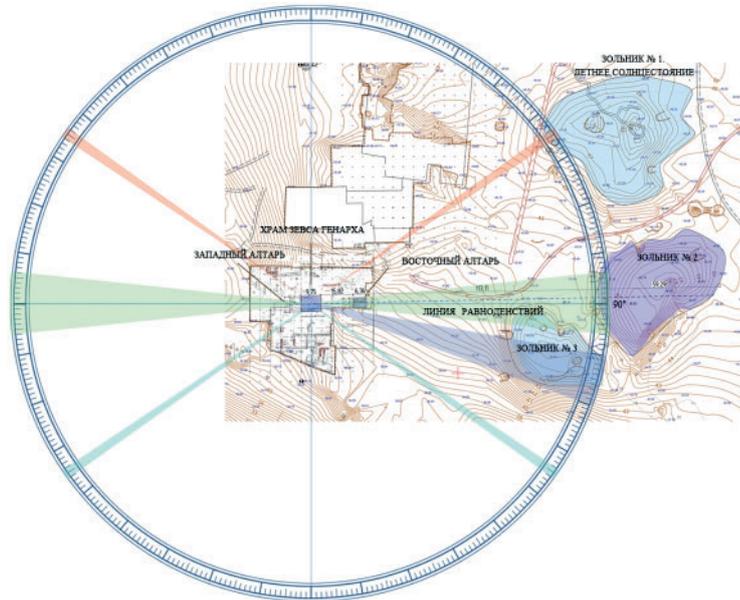

Рис. 2. Астрономическая ориентация храма Зевса Генарха
Fig. 2. Astronomical orientation of Temple of Zeus Genarch

[βασιλεὺς βασιλέων μέγας καὶ Σωτήρ]ρ Фарνάκης κρατή[σας Σκύθας,
e.g. ὑπὲρ τῶν Κοιρανέων (?)³ ἀνέθηκε
Διὶ Γενάρχη καὶ Σωτ[ήρι]

«Великий царь царей и Спаситель Фарнак, победив скифов, за краонеян (?) посвятил храм Зевсу Родоначальнику и Спасителю».

Храм, как важный культовый объект, ожидаемо ориентирован в пространстве в определенной связи с актами восходов и заходов календарных и культовых светил. Этот факт, некогда оспаривавшийся в научных кругах, в наши дни является уже общим местом при рассмотрении символических смыслов античной архитектуры, т.к. храм, как место поклонения божеству, является т.н. «намоленным местом» сгустка божественных космических потенций. В храме, как в точке фокуса, соединяется, сливается земное и небесное. Храм – место присутствия бога⁴. А.В. Подосинов отмечает: «В том, что храм при своем планировании и возведении должен был быть тщательно сориентирован по странам света, нет никаких сомнений. Храм как модель космоса не мог не воспроизводить этой важнейшей составляющей пространственной структуры мира»⁵.

Принципы астрономического ориентирования основных объектов городища и некрополя Артезиан, его зольников и коммуникаций, уже были предметом спе-

³ Как полагает В.П. Яйленко, вариант [-- ὑπὲρ Κοιρανέων (?) «за койранеонян». При дополнении [Σκύθας, e.g. ὑπὲρ τῶν Κοιρανέων в правой части стк. 1 дополняется 29 букв, столько же, сколько слева в титулатуре. С этниконом [-- Κοιρανέων 31 буква, но без артикля τῶν будет 28; оба варианта приемлемы. В таких выражениях член может и быть (например, Syll.³ 317, стк. 11: ὑπὲρ τῶν Ἑλλήνων), и отсутствовать (Ib. 173, стк. 19: ὑπὲρ Αθηναίων).

⁴ Подосинов 1999, 556.

⁵ Подосинов 1999, 559.

циальных исследований⁶. Не подлежит сомнению, что при проектировании храма, сакральные направления архитекторы определяли из центра, т.е. из наоса. В нашем исследовании азимуты отсчитываются от точки севера. Причем азимуты, расположенные к западу от этой точки, принятой за ноль, считались отрицательными, а к востоку – положительными. Прежде всего отметим, что храм Зевса Генарха (как и весь теменос) ориентирован точно по линии равноденствий, т.е. по направлению З–В. При этом пронаос смотрел строго на точку восхода Солнца, азимут которой составляет +89° (рис. 2). Правильнее даже сказать, храм ориентирован математически точно, что свидетельствует о высочайшей квалификации архитекторов и строителей. Этот астрономический момент маркирует зольник № 2, отмечающий восход Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий. Соответственно опистодом смотрел на точку захода. Такая ориентация характерна для множества культовых и профанных сооружений разных культур и эпох в связи с важнейшими календарными событиями хозяйственного и сакрального характера. Каноны храмового строительства приводит Витрувий: «Стороны, куда должны быть обращены священные храмы бессмертных богов, устанавливаются так: если никакие обстоятельства не препятствуют и предоставляется свобода выбора, то храм вместе с изваянием, помещающимся в целле, должен быть обращен к вечерней стороне неба, чтобы взоры приходящих к алтарю для жертвоприношений или совершения богослужения обращены были к восточной части неба и к находящемуся в храме изваянию, и таким образом дающие обеты созерцали храм и восток неба, а самые изваяния представлялись внимающими и взирающими на просящих и молящихся, почему и представляется необходимым, чтобы все алтари богов были обращены на восток» (Vitruv. IV. 5). Таким образом, Витрувий говорит все о той же равноденственной линии. Обратим внимание на тот факт, что на восток обращен больший из двух алтарей.

Исследования 2023 г. приводят к заключению, что в наосе храма стояла большая беломраморная статуя Зевса Генарха, от которой осталась голова в одной из позднеантичных ям и обломки рук, торса, складок одежды. Высота статуи божества была более двух метров, если исходить из обычной пропорции головы к туловищу 1:7. Изваяние разбито на мелкие и крупные обломки, разбросанные во множестве по всему храмовому участку, рядом с алтарем и фундаментом храма. Голова же Зевса, похоже, была позднее намеренно спрятана или захоронена в яме. Вероятно, согласно канону, статуя была обращена лицом в сторону большого беломраморного алтаря, открытого в 2022 г., на восток, на зольник № 2, над которым поднималось Солнце в равноденственные дни.

Находка храма Зевса Генарха и головы статуи ставят вопрос о возможности актов обожествления царя в Артезиане. А. И. Болтунова в своей статье, посвященной культуре Зевса Отчего и Зевса Спасителя, упомянула и вопрос о смысле ипостаси Зевса Генарха. «Почитание Зевса Спасителя было достаточно распространенным на Боспоре и глубоко проникло в религиозное сознание и не только в сфере домашней, частной жизни, но и в жизни общественной и государственной. Почитание Зевса Отчего засвидетельствовано на Боспоре в традициях домашних культовых обрядов всего двумя надписями-граффити IV–III вв. на сосудах

⁶ Винокуров и др. 2007, 171–190; 2010, 411–435; Винокуров, Фесенко 2021, 59–97.

для питья вина. Что же касается общественной жизни, то Зевс Отчий отступает окончательно перед Зевсом Спасителем как хранителем и защитником государства, покровителем общественных организаций и даже небесным заступником и опорой в семейном быту. В качестве покровителя родовой основы государства на Боспоре упоминается Зевс с другой эпитетом – Γενάρχης, т.е. «родоначальник». Это фрагмент посвященной надписи на постаменте статуи от имени боспорского царя, согласно дополнению В. В. Латышева, – Фарнака (CIRB 29 – прим. гл. ред.). Но остается неясным, назван ли Зевс Генархом потому, что царь возводил к нему свое происхождение, или в том смысле, что Зевс был общим праотцом и владыкой»⁷.

Строительство храма Зевса Генарха в Артезиане велось, несомненно, под руководством царского архитектора, обладающего знаниями всех предметов, включая астрономию, для выполнения таких задач. Если это так, то не вызывает сомнений, что астрономический аспект при возведении храма имел очень важное значение. Каковы же были сакральные астрономические задачи, решенные при реализации этого проекта? Рассмотрим астрономическую ситуацию той эпохи.

С начала нашей эры главные точки небесной сферы располагаются следующим образом: весеннее равноденствие – в Рыбах; летнее солнцестояние – в Близнецах; осеннее равноденствие – в Деве; зимнее солнцестояние – в Стрельце.

В моменты равноденствий Солнце находится на небесной сфере в точках пересечения эклиптики – видимого годичного пути Солнца среди неподвижных звезд – и небесного экватора – проекции земного экватора на небесную сферу. Небесный экватор пересекается с математическим (идеальным) горизонтом в точках востока и запада. Очевидно, что равноденственное Солнце восходит строго на востоке и скрывается за горизонтом на западе. Однако это лишь математическая модель, не учитывающая ряда принципиальных практических факторов. В реальности любое наблюдение за небесными светилами проводится со дна воздушного океана. Земная атмосфера преломляет лучи, идущие от объекта, и его видимая высота оказывается больше действительной. Это явление носит название атмосферной рефракции. Ее влияние тем больше, чем ниже расположен наблюдаемый объект. На горизонте влияние максимально и может достигать полуградуса, т.е. быть сравнимым с угловым диаметром солнечного диска. Фактически атмосфера позволяет нам заглянуть под горизонт на эту величину. Кроме того, она смещает азимуты наблюдаемых восходов и заходов небесных светил по отношению к расчетным, полученным без учета рефракции.

Для восхода Солнца в дни равноденствий это смещение не будет зависеть от эпохи наблюдений. Как было сказано выше, Солнце находится в равноденствии на небесном экваторе, т.е. его склонение (угловое расстояние от небесного экватора до светила) $\delta = 0^\circ$. Азимут равноденственного Солнца при восходе и заходе с учетом рефракции вычисляется по формуле⁸:

$$\sin A = \sin t / \sin (90^\circ + \rho + R),$$

где t – часовой угол Солнца,

$\rho = 35'$ – величина рефракции на горизонте,

$R = 16'$ – угловой радиус солнечного диска.

⁷ Болтунова 1977, 182.

⁸ Бакулин 1962, 52.

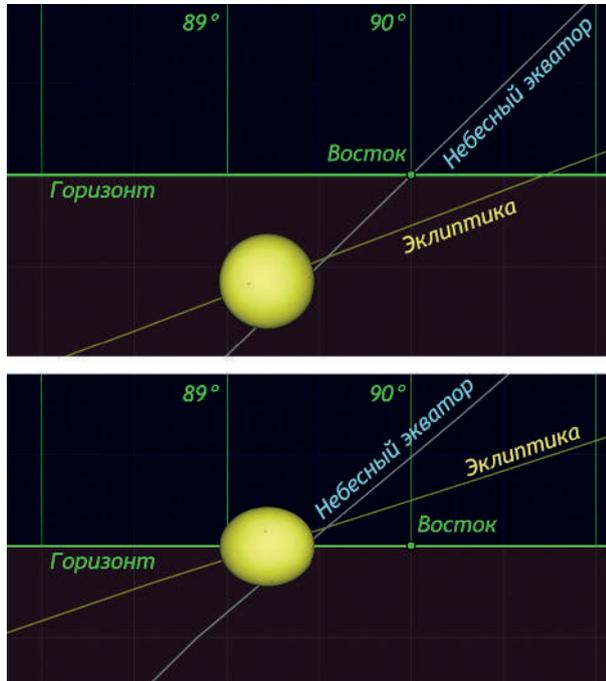

Рис. 3. Восход Солнца на широте Артезиана в день весеннего равноденствия: без учета атмосферной рефракции (вверху), с учетом атмосферной рефракции (внизу)
 Fig. 3. Sunrise at the Atezian latitude on the Vernal Equinox Day: without atmospheric refraction (above), with atmospheric refraction (below)

Часовой угол Солнца при тех же условиях наблюдений определяется из выражения:

$$\cos t = -\sin(\rho + R) / \cos \varphi,$$

где φ – широта места наблюдения.

После преобразований искомый азимут восхода может быть найден из равенства $\sin A = (\sqrt{1 - \sin^2(\rho + R) / \cos^2 \varphi}) / \cos(\rho + R)$.

Приняв в пределах достаточной точности вычислений широту Артезиана, равной $\varphi = 45^\circ 32'$, получим азимут восхода равноденственного Солнца $A = 89^\circ 10'$.

Таким образом, вследствие атмосферной рефракции в дни весеннего равноденствия на широте Артезиана Солнце появляется над горизонтом примерно на 1° к северу от точки востока – как раз там, куда был направлен пронаос храма. Это может служить свидетельством того, что при ориентации храма строители руководствовались не расчетами (эффект рефракции в ту эпоху еще не был известен и описан математически), не гномоническими построениями, а наблюдаемыми моментами восхода Солнца над зольником № 2. Вообще весь комплекс зольных холмов представлял собой пригоризонтную обсерваторию, в первую очередь – солнечную, позволявшую решать практические задачи с надлежащей точностью (рис. 3).

Расстояние между зольником № 2 и храмом сопоставимо с одним стадием. На рассветном небе у наблюдателей не было иных эталонов угловых величин, кроме солнечного и лунного дисков, видимый диаметр которых равен примерно $0,5^\circ$. На дистанции в один стадий ошибка в определении азимута на половину солнечного диска приведет к погрешности линейных измерений около 80 см, т.е. $1/9$ ширины храма. Можно смело утверждать, что при строительстве была достигнута как минимум вдвое более высокая точность.

Зольник № 1 (азимут $+65^\circ$) отмечает точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Через нее проходит суточная параллель Солнца в этот день – его видимый путь по небу от восхода до заката, которая представляет собой малый круг небесной сферы (т.е. окружность, центр которой не совпадает с центром сферы, а смещен на некоторое расстояние к одному из полюсов). Арат Солийский пишет об этом круге (Arat. Phenomena. 507–508):

Если его разделить на восемь частей, то при свете
Дня над Землей обращаются пять, а три – в Океане.
Летом коснувшись его, назад поворачивается Солнце⁹.

Описанное Аратом восьмичастное деление «летнего круга» позволяло античным астрономам определять продолжительность дня. Наличие таких реперов, как зольники, давало возможность решать эту задачу гораздо быстрее и эффективнее. Видимо, с этой или подобной задачей связана ориентация северо-восточного угла храма на отмеченную зольником № 1 точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. При этом не задействован остается зольник № 4. Если наши предположения верны, то мы можем объяснить эту ситуацию тем, что при астрономических расчетах архитекторы использовали оба реперных зольника, причем № 4 служил своего рода опорным или проверочным ориентиром, что подтверждается высокой точностью ориентировки строений. В культовом же плане акцентировали именно символику восточной стороны. Не случайно именно здесь располагался самый роскошный и монументальный алтарь. Все это свидетельствует о развитых измерительных и вычислительных методиках, базирующихся на обширных астрономических и математических познаниях, которыми обладали царский архитектор и его подручные (рис. 4).

В середине I в. до н.э. Солнце, находящееся в весенние равноденственные дни в созвездии Рыбы, поднималось над зольником № 2 и его лучи, проникая через открытые двери пронаоса храма, освещали статую Зевса. На первый взгляд здесь некоторое несоответствие, т.к. Рыбы, древнейшее созвездие, заимствованное (как и многие другие) из месопотамской традиции, символизировали нижнюю область Зодиака, стихию загробного мира. Об этом напоминают многочисленные индоевропейские ритуалы и сохранившиеся до античности клятвы «водами смерти». Воды загробного мира, возможно, не располагали поначалу своим собственным антропоморфным символом, вследствие чего для них и мог послужить основной животный символ нижнего мира – Рыбы¹⁰.

Однако это противоречие можно снять тем фактом, что на противоположной стороне небесной сферы находится созвездие Дева, в котором Солнце пребывает в день осеннего равноденствия. А.А. Гурштейн отмечал, что русское название со-

⁹ Цит. по: Федоров, Щеглов 1992, 41.

¹⁰ Цит. по: Федоров, Щеглов 1992, 41.

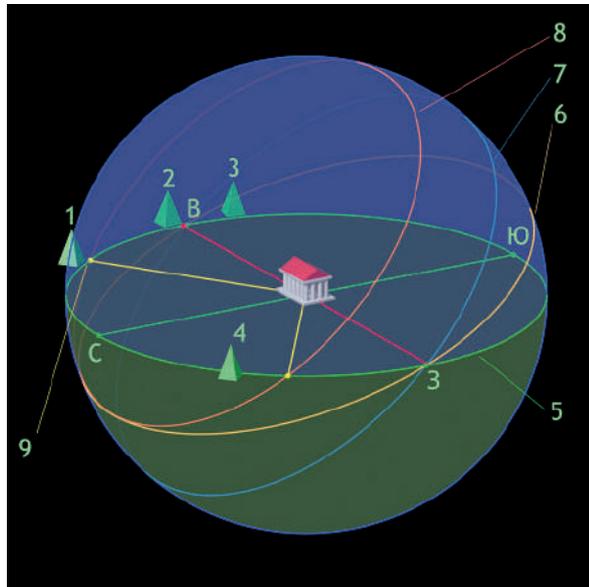

Рис. 4. Основные линии и точки небесной сферы. Артезиан. День весеннего равноденствия. I в. до н.э. 1–4 – зольники № 1–4; 5 – горизонт; 6 – эклиптика; 7 – небесный экватор; 8 – летний круг – тропик Рака; 9 – точка восхода Солнца в день летнего солнцестояния
 Fig. 4. Main points and lines of the celestial sphere. Artezian. Vernal Equinox. 1st century BC. 1–4 – cinder heaps Nos. 1–4; 5 – horizon; 6 – ecliptic; 7 – Celestial equator; 8 – Summer Circle – Tropic of Cancer; 9 – sunrise on the Summer Solstice Day

звезда Дева допускает этимологическое сближение с терминами, обозначающими божество у многих индоевропейских народов¹¹. В Артезиане бытовал культ Деметры-Персефоны. На небесной сфере образ Деметры как раз и был представлен созвездием Дева. Самой яркой звездой в Деве является Спика (Колос, лат. Spica; греч. Στάχυς)¹². Спика – навигационная звезда. Она обладает достаточным блеском, чтобы быть видимой в навигационных сумерках. Навигационные сумерки соответствуют погружению Солнца под горизонт на высоту от 6° до 12°. В это время на небе видны только наиболее яркие звезды и планеты. На широте Артезиана в дни равноденствий навигационные сумерки заканчиваются примерно за полчаса до восхода Солнца.

В I в. до н.э. Спика располагалась практически на небесном экваторе. В день весеннего равноденствия перед появлением Солнца на востоке, в противоположной стороне небосвода, почти точно в точке запада, скрывается звезда-колос Спика. В символическом плане это означает падение семени в землю, его символическую смерть и в то же время начало воскресения, которое непременно последует осенью. В сельскохозяйственном смысле это означало начало полевых работ.

В день осеннего равноденствия Солнце находится в созвездии Дева. В Артезиане, как и на всем Боспоре, использовался македонский календарь, в первое но-

¹¹ Гурштейн 1992, 37.

¹² Гурштейн 1992, 34.

волуние после осеннего равноденствия, т. е. в конце сентября – начале октября¹³. Спустя же некоторое время после новогодья наступал гелиакический восход Спика (первое появление звезды в утренних сумерках после периода невидимости). Она поднималась над горизонтом именно там, где в день весеннего равноденствия появлялось Солнце, – над зольником № 2.

В это время Спика находилась в соединении с Солнцем. Наступление нового года в архаическом мышлении означало начало нового цикла жизни. Умершее полгода назад семя, возрождается к новой жизни в виде спелых колосьев. В этом ключе отметим, что образ Девы характерен для культовой пластики от палеолита до раннеземледельческих обществ: по археологическим находкам широко известны фигурки обнаженных беременных и рожающих женщин (символика плодородия и продолжения жизни). В астрономической иконографии Дева и по сей день изображается с колосом.

Другой важной календарной звездой в Деве является звезда Виндемиатрикс. Название этой звезды является феминизированной формой слова *Vindemiator*, латинского перевода ее древнегреческого названия *Προτρυνήτης*, «Сборщик винограда» (в феминизированной форме – *Vindemiatrix* «Виноградница»). Эта звезда восходила незадолго до поры сбора винограда (*Schol. Arat.* 137). Здесь можно заподозрить скрытую отсылку к царскому когномену отца Фарнака II Митридата Евпатора, т. к. виноград и звезда Виноградарь находятся в сакральном поле дионисийского культа.

Дополнительный материал для астроархеологических и историко-астрономических исследований предоставляет зольник № 3, ориентация которого не совпадает с кардинальными точками положения Солнца на горизонте в дни равноденствий и солнцестояний. Появление солнечного диска над зольником № 3 происходило в начале весны. В день весеннего равноденствия над вершиной зольника в конце ночи появлялись звезды, соответствующие рыбе, находящейся в западной части созвездия Рыбы.

Эту часть созвездия составляют звезды 4–4,5 звездной величины. Они обладают блеском в 20–30 раз меньшим, чем Спика, и в навигационные сумерки уже не видны. Но в начале астрономических сумерек, когда высота Солнца составляет минус 18° – минус 16°, эти звезды еще можно заметить над горизонтом на начинающем светлеть небе.

В комментарии к стрк. 242 «Явлений» Арата отмечается, что одна из двух Рыб обладает головой ласточки и называется халдеями Ласточкиной Рыбой¹⁴. Г.Е. Куртик отождествляет ее как раз с западной частью созвездия и переводит шумерское название созвездия ^{mul}SIM.MAH как Ласточка¹⁵. В месопотамской традиции ласточка была связана с морем, т.е. водной стихией¹⁶. Современное созвездие Рыбы именовалось так же и Хвосты – лента с узлом соединяла за хвосты рыбу и ласточку. Они связывались с жатвой, завершением одного цикла и пере-

¹³ Винокуров и др. 2010, 411–435.

¹⁴ Перл 1969, 58.

¹⁵ Цит. по: Федоров, Щеглов 1992, 155.

¹⁶ Куртик 2007, 438.

ходом к другому¹⁷. Упоминание этого созвездия встречается в греческих предсказаниях конца I в. н.э.

В I в. до н.э. влияние месопотамской традиции хоть и ослабевало, и видоизменялось, но было еще весьма значительным. В свете вышесказанного предрасветное время наступающего дня весеннего равноденствия можно трактовать следующим образом. На западе символически умирает, падая в землю, зерно-Спика. На востоке, предвывая появление Солнца, взмывает и растворяется в свете сумерек Рыба-Ласточка, возвещая начало нового цикла. А в центре – сам Зевс Генарх пребывает в своем храме и весь космос движим вокруг него от смерти к возрождению.

В целом символично-астрономическая схема храма Зевса Генарха может представлять собой идею смерти-возрождения¹⁸. Имеет ли это обстоятельство отношение к обожествлению Фарнака II, могла ли статуя Зевса пониматься как образ царя или его предка? На первый взгляд – мысль крамольная. Однако правителя в образе верховного бога можно увидеть, например, в искусстве Рима, правда, уже в императорское время.

Стоит вспомнить, что обожествление правителей имеет глубокие корни. Общеизвестен, к примеру, факт обожествления фараонов Египта. В эллинистическом мире эта традиция была охотно воспринята.

Но в греческом мире, еще до эпохи эллинизма, первым случаем прижизненного обожествления человека явились оказания божественных почестей спартанскому полководцу Лисандру, разбившему афинскую армию при Эгоспотамах в 405 г. до н.э. Плутарх писал: «Ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу, и он был первым, в честь кого стали петь пэаны. Начало одного из них таково:

Сына спартанских равнин,
Эллады прекрасной вождя,
Мы песней прославим своей –
Ио, Пэан!

Самосцы постановили, чтобы праздник в честь Геры, справляющийся у них, назывался Лисандриями» (Plut. Lys. 18).

Обожествление человека – не единственный случай воздаяния подобных почестей до Александра Великого. Установлению культа правителя предшествовали, к примеру, Аминта III и Филипп II¹⁹. Александр Великий при жизни был признан богом, оракулом Амона-Ра в оазисе Сива в Ливийской пустыне. И.А. Ладынин отмечает, что, как следствие, «... в рамках системы царского культа Александра произошло фактическое отождествление либо сближение лежащих в ее основе египетских прототипов с конкретными образами, топосами и стилистикой греческой мифологической и эпической традиции»²⁰. А посмертная судьба Александра Великого «должна была стать моделью для апофеозов более поздних

¹⁷ Куртик 2007, 437.

¹⁸ Емельянов 1999, 189.

¹⁹ Особое место в храме занимает любопытный объект – мельничный жернов, расположенный в наосе. Об этом интересном артефакте пока еще рано говорить в привязке к храму, т.к., несмотря на то, что жернов лежит на предматериковом грунте, он может быть связан не с храмом, а со средневековыми реалиями. Но в этом нет твердой уверенности.

²⁰ Джарман 2013, 169.

эллинистических правителей (... «восхищение» богами на небо Береники и... Арсиной Филадельфы и римских императоров...)²¹.

О боспорских правителях из династии Спартокидов упоминает Страбон. При этом он говорит, что Перисад I почитался как бог (Strabo. VII. 4. 4)²².

Таким образом, есть все основания думать, что храм Зевса Генарха в Артезиане, включая его глубокую астрально-символическую символику, вполне мог быть местом не только поклонения божеству, но и церемониальных актов воздания божественных почестей Фарнаку.

Обожествление правителя всегда имеет конкретные причины и преследует отчетливые цели. Прежде всего это касается политических амбиций и подтверждения легитимности власти. Так, придворные историки Митридата Евпатора создали полупоэтический образ богоизбранного правителя. И эта богоизбранность проявилась еще при рождении. В частности, среди их рассказов есть и упоминание о благоволении небесных сил. Предвещая будущее величие Митридата в год его рождения и в год его восшествия на престол, в небе в течение семидесяти дней светила комета, занимала четвертую часть небесной сферы и затмевала Солнце своим сиянием. До наших дней сохранились понтийские монеты с изображением кометы в виде шестилучевой звезды, закрывающей Солнце²³.

Филэллин Митридат Евпатор всецело способствовал сохранению эллинских религиозных культов и традиций. В период его правления на Боспоре совершались празднования в честь Деметры, что ярко выражено и в Артезиане, Сам Митридат, как богоизбранный правитель, был объявлен новым Дионисом и исполнял функции наследственного жреца культа Диониса Категемона²⁴. А Фарнак II стремился подражать образу своего божественного отца и соотносил себя с Аполлоном²⁵.

Итак, отец – Дионис, сын – Аполлон. И Дионис, и Аполлон – *дети Зевса*, который является не просто верховным божеством, а единой космической энергией, мировой движущей силой. Примечательно, что Арат Солийский начинает свою поэму «Явления» не с традиционного обращения к Музе, а к Зевсу, озвучивая его сущность (Arat. Phenom. 1–6):

С Зевса начнем. Никогда мы, смертные, не оставляем
Неназванным его – он всюду: им полны дороги,
Полны собранья людей всевозможные, полно им море
И берега – мы все и везде обращаемся к Зевсу:
Мы ведь порода его, – а он, опекая потомство,
Знаменья верные шлет и к труду понуждает народы²⁶.

Храмы и святилища Зевса, в разных его ипостасях, располагались в самых священных культовых центрах: Олимпия, Додона, Пирей...

Предположительно, в Пантикапее, на северо-восточном склоне горы Митридат, находился храм Зевса Спасителя. В 1908 г. во время раскопок был найден обломок карниза с частично сохранившейся надписью Σω]τηρος²⁷.

²¹ Ладынин 2001, 225.

²² Ладынин 2001, 223.

²³ Πατρσάδης δέ καί θεός νερόμισται (букв. «воспринимался и как бог»).

²⁴ Сапрыкин 1996, 126.

²⁵ Сапрыкин 2002, 65.

²⁶ Сапрыкин 2009, 330.

²⁷ Цит. по: Федоров, Щеглов 1992, 24.

Таким образом, обнаружение храма Зевса Генарха в Артезиане возводит этот объект в иной статус, представляя Артезиан не как рядовую крепость, а как значительный административный и культовый центр. Если это действительно так, мы вправе предположить, что здесь размещались не только царская резиденция и военный контингент царских наемников, но и важный культовый центр, возможно, связанный с мистериями обожествленного боспорского правителя.

Восточный и западный алтари у пронаоса и опистодома храма, расположенные на линии равноденствий, позволяют нам предположить, что в равноденствие жертвенные возжигания на восточном алтаре совершались в момент восхода Солнца над реперным зольником № 2, а на западном алтаре при закате.

При этом западный алтарь мог содержать и дионисийскую календарную семантику. У Плутарха есть сообщение о том, что «большую часть года при жертвоприношениях исполняют пеан, а с наступлением зимы пробуждают дифирамб и, прекратив пеан на три месяца, призывают вместо Аполлона Диониса» (Plut. De E arud Delph. 9).

Таким образом, зимние месяцы (преддверием которых является осеннее равноденствие) посвящены Дионису. Помня о том, что Митридат Евпатор своей политикой сохранял греческие традиции и культы, а Фарнак продолжал дело отца в этой области, следует полагать, что нечто подобное можно видеть в артезианском храме Зевса Генарха, как в некоем намеке в том числе и на Дельфийские мистерии.

Итак, культовые астрономические аспекты ориентации храма и двух алтарей указывают на исключительно важную функцию этого памятника.

Очевидно, что ритуальные акты, совершаемые в храме, были тесно связаны и с политической подоплекой. Все культы обожествленных особ должны служить внедрению в сознание масс не только богоизбранности, но и святости власти правителя. Поэтому имя Фарнака «Великого царя царей и Спасителя», победившего своих врагов, построивший храм с двумя алтарями «Зевсу Родоначальнику и Спасителю», может звучать как посвящение сына-Аполлона отцу-богу богов. Два эпитета – Родоначальник и Спаситель – задают вопрос: в каком контексте они звучат? Указание на победу над врагами Боспорского царства, конечно, подразумевает спасение всего государства. Но, быть может, речь идет и о спасении самого Фарнака!

И, наконец, символика смерти-возрождения, прочитываемая в астрономической культовой ориентации храма Зевса Генарха (алтари восток-запад, зольник № 2), связь с созвездиями Дева, Рыбы, звездами Спика (Колос) и Виндемиатрикс (Сборщик винограда) могут быть связаны с некими мистериями с целью перерождения царя или обновления его силы. Если сам царь участвовал в религиозных ритуалах в культовых локусах Артезиана, то, несомненно, в качестве верховного жреца. А поскольку царская власть сакральна и, соответственно, легитимна, то общался с богами земли и неба напрямую, выступая гарантом плодородия и изобилия, возможно, чем-то очень отдаленно напоминая некоторые особенности царского праздника Хеб-сед в Древнем Египте²⁸.

²⁸ Болтунова 1977, 182.

По-видимому, какая-то память о теменосе с храмом Зевса Генарха как священной территории сохранялась веками. Удивительным моментом этого сложно объяснимого для нас явления оказались не только погребально-жертвенный комплекс IV в. н. э., но и выстроенный на террасе ниже руин храма Зевса Генараха раннехристианская церковь VI–VII вв. (1997 г.), от которой остались часть основания апсиды и небольшого баптистерия. Генеральная линия ориентации по оси В–З не изменилась. Но если языческий храм ориентирован на восток, то христианский алтарной частью смотрит на запад. Эта странность может быть объяснена не только особенностями культа, но и стремлением христиан по каким-то веским причинам построить церковь абсидой на запад, вероятно, чтобы не быть ничем похожими на зевсовых идолопоклонников.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакулин, П.И. (ред.) 1962: *Астрономический календарь. Постоянная часть*. М.
- Болтунова, А.И. 1977: Зевс Отчий и Зевс Спаситель. *ВДИ* 1, 176–183.
- Винокуров Н.И., Мацнев, Д.В., Фесенко, А.В. 2007: Сириус, созвездие Близнецов и сюжет божественной охоты в Крымском Приазовье (на примере некрополя городища Артезиан). *БИ XVI*, 171–190.
- Винокуров, Н.И., Мацнев, Д.В., Фесенко, А.В. 2010: Календарные аспекты пространственного расположения зольных холмов античных городища Артезиан и Багерово-Северное в Крымском Приазовье. *БИ XXIV*, 411–435.
- Винокуров, Н.И., Фесенко, А.В. 2021: Зольная траншея с захоронением поросенка и черепя свиньи – новый жертвенный комплекс античного времени городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ПИФК* 1, 59–97.
- Винокуров, Н.И., Яйленко, В.П. 2024: Храм Зевса с посвятительной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье. *ПИФК* 4 (в печати).
- Гурштейн, А.А. 1992: Реконструкция происхождения зодиакальных созвездий. *Историко-астрономические исследования XXIII*, 19–63.
- Джарман, О.А. 2013: Некоторые аспекты культа правителя в эллинистическом культурном обществе. *Христианское чтение* 1, 165–234.
- Емельянов, В.В. 1999: *Ниптурский календарь и ранняя история Зодиака*. СПб.
- Крол, А.А. 2005: *Египет первых фараонов. Хеб Сед и становление древнеегипетского государства*. М.
- Куртик, Г.Е. 2007: *Звездное небо Древней Месопотамии: шумеро-аккадские названия созвездий и других светил*. СПб.
- Ладынин, И.А. 2001: Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов. В сб.: *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 200–225.
- Перл, Г. 1969: Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств. *ВДИ* 3, 39–69.
- Подосинов, А.В. 1999: *Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Федоров, Н.А., Щеглов П.В. (ред.) 1992: *Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их восходах, заходах и приметах погоды*. М.

REFERENCES

- Bakulin, P.I. 1962: *Astonomocheskiy kalendar` . Postoyannaya chast` [Astronomical Calendar: Permanent Part]* Moscow.
- Boltunova, A.I. 1977: Zevs Otchiy i Zevs Spasitel' [Zeus Patroös and Zeus Soter]. *Vestnik drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 1, 176–183.
- Dzharman, O.A. 2013: Nekotorye aspekty kul'ta pravatelya v ellinisticheskom kul'turnom obshchestve [Some Aspects of the Cult of the Ruler in Hellenistic Cultural Societies] *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]* 1, 165–234.
- Emelyanov, V.V. 1999: *Nippurskiy kalendar' i rannyya istoriya Zodiaka [Nippur Calendar and the Early History of Zodiac]* Saint Petersburg.
- Fedorov, N.A., Shcheglov, P.V. (eds.) 1992: *Nebo, nauka, poeziya. Antichnye avtory o nebesnykh svetilakh, ob ikh voskhodakh, zakhodakh i primetakh pogody [Sky, Science, Poetry. Ancient Authors about the Heavenly Bodies, Their Rising, Setting and Weather Signs]*. Moscow.
- Gurshteyn, A.A. 1992: Rekonstruktsiya proiskhozhdeniya zodiakal'nykh sozvezdiy [Reconstruction of the Origin of the Zodiac Constellations] *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya [Historical and Astronomical Studies]* XXIII, 19–63.
- Krol, A.A. *Egipet pervykh faraonov. Kheb Sed i stanovlenie drevneegipetskogo gosudarstva [Egypt of the First Pharaohs. Sed-Festival and Emergence of the Ancient Egyptian State]*. Moscow.
- Kurtik, G.E. 2007: *Zvezdnoe nebo Drevney Mesopotamii: shumero-akkadskie nazvaniya sozvezdiy i drugikh svetil [The Star Heaven of Ancient Mesopotamia: The Sumero-Akkadian Names of Constellations and Other Heavenly Bodies]*. Saint Petersburg.
- Ladynin, I.A. 2001: Prizhiznennyy tsarskiy kul't Aleksandra Velikogo: k probleme sootnosheniya egipetskikh i grecheskikh komponentov [The Lifetime Royal Cult of Alexander the Great: on the Problem of the Relationship between Egyptian and Greek Components]. In: *Drevniy Vostok: obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy [Ancient East: Commonality and Uniqueness of Cultural Traditions]*. Moscow, 200–225.
- Perl, G. 1969: Ery Vifinskogo, Pontiyskogo i Bosporskogo tsarstv. [The Eras of the Bithynian, Pontic and Bosporan Kingdoms]. *Vestnik drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 3, 39–69.
- Podosinov, A.V. 1999: *Ex oriente lux. Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Ex oriente lux. Orientation by cardinal points in archaic cultures of Eurasia]*. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e [The Pontic Kingdom: State of Greeks and Barbarians in the Black Sea]*. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni [Religion and Cults of Pontus in Hellenistic and Roman Times]*. Moscow–Tula.
- Saprykin, S.Yu. *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh [The Kingdom of Bosphorus on the verge of two epochs]* Moscow. 271 p.
- Vinokurov, N.I., Matsnev, D.V., Fesenko, A.V. 2007: Sirius, sozvezdie Bliznetsov i syuzhet bozhestvennoy okhoty v Krymskom Priazov'e (na primere nekropolya gorodishcha Artezian) [Sirius, the Constellation Gemini and the Plot of the Divine Hunt in the Crimean Azov Region (Based on the Example of the Necropolis of the Artesian Settlement)]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* XVI, 171–190.
- Vinokurov, N.I., Matsnev, D.V., Fesenko, A.V. 2010: Kalendarnye aspekty prostranstvennogo raspolozheniya zol'nykh kholmov antichnykh gorodishch Artezian i Bagerovo-Severnoe v Krymskom Priazov'e [Calendar Aspects of the Spatial Arrangement of the Cinder Heap of the Artesian and Bagerovo-Severnoe settlements, the Crimean Azov Sea Region]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* XXIV, 411–435.

- Vinokurov, N.I., Matsnev, D.V., Fesenko, A.V. 2021: Zol'naya transheya s zakhoroneniem porosyenka i cherepa svin'i – novyy zhertvennyy kompleks antichnogo vremeni gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [The Cinder Heap Trench with the Burial of Piglet and Pig Skull: A New Sacrificial Complex of Antique Time at the Artezian Settlement in the Crimean Azov Region] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 59–97.
- Vinokurov, N.I., Yailenko, V.P. 2024: Temple of Zeus with a Dedicatory Inscription of King Pharnaces at the Artesian settlement in the Crimean Azov region. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4 (forthcoming).

TEMPLE OF ZEUS GENARCH AT THE ARTEZIAN SETTLEMENT:
THE PROBLEM OF ASTRONOMICAL AND SPATIAL ORIENTATION

Nikolay I. Vinokurov¹, Dmitriy V. Matsnev², Andrey V. Fesenko³

¹ *Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

² *Planetarium of Central House of Russian Army, Moscow, Russia*

³ *Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru* ² *E-mail: dmatsnev@dmatsnev.ru* ³ *E-mail: eimmart@mail.ru*

In 2023, the remains of the temple of Zeus Genarch were discovered in the Artezian settlement (Crimean-Azov region). The temple was apparently founded under Mithradates Eupator and rebuilt by his son Pharnaces II after the earthquake of 63 BC. The temple complex also includes the western and eastern altars oriented along the axis of the equinoxes to the sunrise point marked by cinder heap No. 2 and the sunset point. The Temple of Genarch in Artezian, like any cult center, was a model of the Cosmos, which was expressed in spatial orientation, firmly connected not only with the cardinal directions, but also with the most important celestial calendar and cult objects.

Keywords: Bosphorus, Artezian settlement, temple of Zeus Genarch, Mithridates VI, Pharnaces II, sculpture of Zeus, astronomy, Spica, Vindemiatrix

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-165–189

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИРИЙСКО-РОССИЙСКОЙ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В АКВАТОРИИ ПРОВИНЦИИ ТАРТУС И О. АРВАД В 2021–2022 гг.

В.В. Лебединский¹, М.И. Тюрин², Ю.А. Пронина³

^{1, 2, 3} *Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ *Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия*

¹ *E-mail: v_lebedinski@mail.ru* ² *E-mail: tyurin.m.i@mail.ru* ³ *E-mail: julia_pronina@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0002-6801-0497* ² *ORCID: 0000-0002-1126-287X*

³ *ORCID: 0000-0002-5169-8598*

Представлены результаты подводно-археологических исследований Международной сирийско-российской экспедиции в акватории Сирийской Арабской Республике в 2021–2022 гг. Задачами проводимых работ стали поиск, обследование, фиксация и идентификация подводных археологических объектов в акватории провинции Тартус. Была проведена масштабная разведка морского дна в восточной части Средиземного моря, в ходе которой было выявлено значительное количество перспективных для дальнейших изысканий подводных объектов. Были обследованы сохранившиеся фрагменты крепостных и портовых сооружений о. Арвад, морской крепости Маракли у пос. Хараб Маркия, побережья древнего города Амрит, островов Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд и глубоководных районов между ними. Было поднято 40 археологических предметов. Это керамический материал, каменные ядра, изделия из базальта, которые были переданы в Департамент древности и музеев провинции Тартус. Результатом исследований стало создание цифровых планов и 3D-моделей сооружений о-ва Арвад, остатков крепости Маракли, фотограмметрические планы и цифровые модели вышеназванных островов и находящихся на них древних некрополей и каменоломен, проведено обследование с применением георадара побережья городища Амрит.

Ключевые слова: подводная археология, Сирия, Тартус, Арвад, гидролокатор бокового обзора, профилограф, морской магнитометр, кораблекрушения

Данные об авторах. Виктор Викторович Лебединский – кандидат исторических наук, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья ИВ РАН, ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой «Востоковедение» СевГУ; Максим Игоревич Тюрин – научный сотрудник ИВ РАН; Юлия Александровна Пронина – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

В 2019 г. на основании Договора №13/2019 от 08.10.2019 г., подписанного между СевГУ и Департаментом древностей и музеев министерства культуры Сирийской Арабской Республики (САР), была организована совместная Сирийско-российская экспедиция, целью которой стало проведение научно-исследовательской работы в акватории г. Тартус САР. Результаты работ в сезоне 2019–2020 гг.¹ показали перспективность продолжения изысканий в данном районе. Побережье Сирии на протяжении тысячелетий было одним из ключевых мест на морских торговых маршрутах Восточного Средиземноморья. Особенно это относится к району о. Арвад и древнего города Тартус, который упоминался еще в ветхозаветных библейских текстах и являлся крупным торговым городом-государством в финикийский, греческий и римский периоды наравне с Тиром и Сидоном, а в эпоху средневековья – важным опорным пунктом крестоносцев, часто являясь ареной столкновения различных культур и цивилизаций. Подводно-археологические исследования этого региона начались в середине XX в., ровно 60 лет назад. О. Фрост стала первым подводным археологом, которая совместно со Службой древностей Сирии организовала здесь полномасштабные археологические изыскания, проводившиеся в 1963–1965 гг.² После перерыва с 1985 по 1987 гг., в провинции Тартус на месте кораблекрушения XIII в. работала сирийско-японская экспедиция во главе с Ш. Танабе³. Затем, ввиду сложной политической и экономической ситуации в стране, исследования вновь приостановились. Создание совместной международной Сирийско-российской экспедиции в 2019 г. стало новым этапом в истории подводно-археологических исследований побережья Сирии.

В сезонах 2021 и 2022 гг. работы экспедиции проводились с 29 декабря 2020 по 21 января 2021 г., с 14 по 31 января и 7 по 30 сентября 2022 г. Исследования осуществлялись и финансировались в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030». Работы осуществлялись СевГУ и ИВ РАН совместно с Департаментом древностей и музеев Министерства культуры САР при поддержке Русского географического общества и Экспедиционного центра Министерства обороны РФ в территориальных водах САР в акватории мухафазы (далее провинция) Тартус, в соответствии с рабочими планами полевых сезонов. Руководили работами с российской стороны – В.В. Лебединский, с сирийской – директор Службы Древностей и музеев провинции Тартус д-р М. Хассан.

Объектом проводимых исследований стали памятники подводного культурного наследия в акватории провинции Тартус, портовые сооружения и морские коммуникации античного и средневекового периодов в восточной части Средиземного моря. Цели работ: анализ развития мореплавания, судостроения, морской торговли и связанной с ними портовой инфраструктуры в контексте исторических процессов и особенностей древних культур народов Востока на основе письменных и археологических источников; изучение памятников материальной культуры древности и средневековья, находящихся под водой; введение в научный оборот новых археологических источников. Задачами исследовательских работ 2021–2022 гг. стали поиск, обследование, фиксация и идентификация подводных архе-

¹ Подробнее см.: Лебединский и др. 2020; 2022, 55–62.

² Frost 1964, 67–74; 1966, 13–28.

³ Tanabe 1989.

ологический объектов в акватории г. Тартус, о-вов Арвад, Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд, г. Хараб Маркия, побережья городища Амрит.

Выбор технических средств для проведения исследований был обусловлен результативностью их применения в предыдущие сезоны. Для работ были задействованы как арендованные сирийские суда, так и водолазные суда, спасательный буксир Черноморского флота Минобороны РФ. Для высадки на острова использовалась моторная лодка Nissamaran 420. Для проведения подводно-археологической разведки использовались гидролокаторы бокового обзора различных типов. Разведка морского дна проводилась с использованием гидролокаторов бокового обзора (гидролокатор бокового обзора «Гидра»). Для привязки пройденных профилей и обнаруженных целей к карте применялись приемники спутниковых навигационных систем GPS, ГЛОНАСС и BeiDou. Так использовался комплект приемников навигации NovAtel (точность позиционирования 1 м) – основной источник планового позиционирования, а также приемник навигации U-blox Gns, как дополнительный (резервный) источник позиционирования. Привязка и картографирование объектов осуществлялась с помощью приборов спутниковой навигации GPS и ГЛОНАСС, в формате WGS 84. Для проведения исследований побережья городища Амрит использовался георадар «Лоза В» ПРд 5кв, с антеннами 250, 150 и 50 МГц. Для проведения аэрофотосъемки применялись квадрокоптеры DJI Mavic Pro Platinum Fly More Combo, и DJI Fly 2 More Combo (производитель DJI, КНР), а также морской квадрокоптер SplashDrone 2 (производитель Swellpro, КНР). Для работы водолазов использовались комплекты индивидуального водолазного снаряжения. Для определения глубины и рельефа дна непосредственно с плавсредств применялись эхолот Garmin 176. Для фото- и видеофиксации памятников под водой использовались фотоаппараты Canon EOS 550d с боксом, рабочей глубиной до 60 м, видеокамера GoPro 10 с водонепроницаемым боксом с рабочей глубиной до 200 м.

Обследования глубоководных объектов проводилось с помощью телеуправляемый обитаемый подводный аппарат ТНПА «Марлин-350» (производитель АО «Тетис Про», Россия), максимальная рабочая глубина 350 м, а также телеуправляемый обитаемый подводный аппарат ТНПА Chaising M2 (производитель, Chasing Inn. КНР), максимальная рабочая глубина 100 м.

Обнаруженный в ходе работ археологический материал был изучен и после камеральной обработки сдан в Департамент древностей и музеев министерства культуры Сирийской Арабской Республики (САР) в г. Тартус.

Районы исследований 2021–2022 гг. в акватории провинции Тартус: 1) акватория г. Хараб Маркия (район TN Mar); 2) район акватории напротив устья р. Эль Хсейн (район TN); 3) о. Арвад и акватории вокруг него (район T Arw); 4) о-ва Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис, Макруд и акватория вокруг них (район T Abb); 5) береговая линия в районе портовой части городища Амрит (рис. 1).

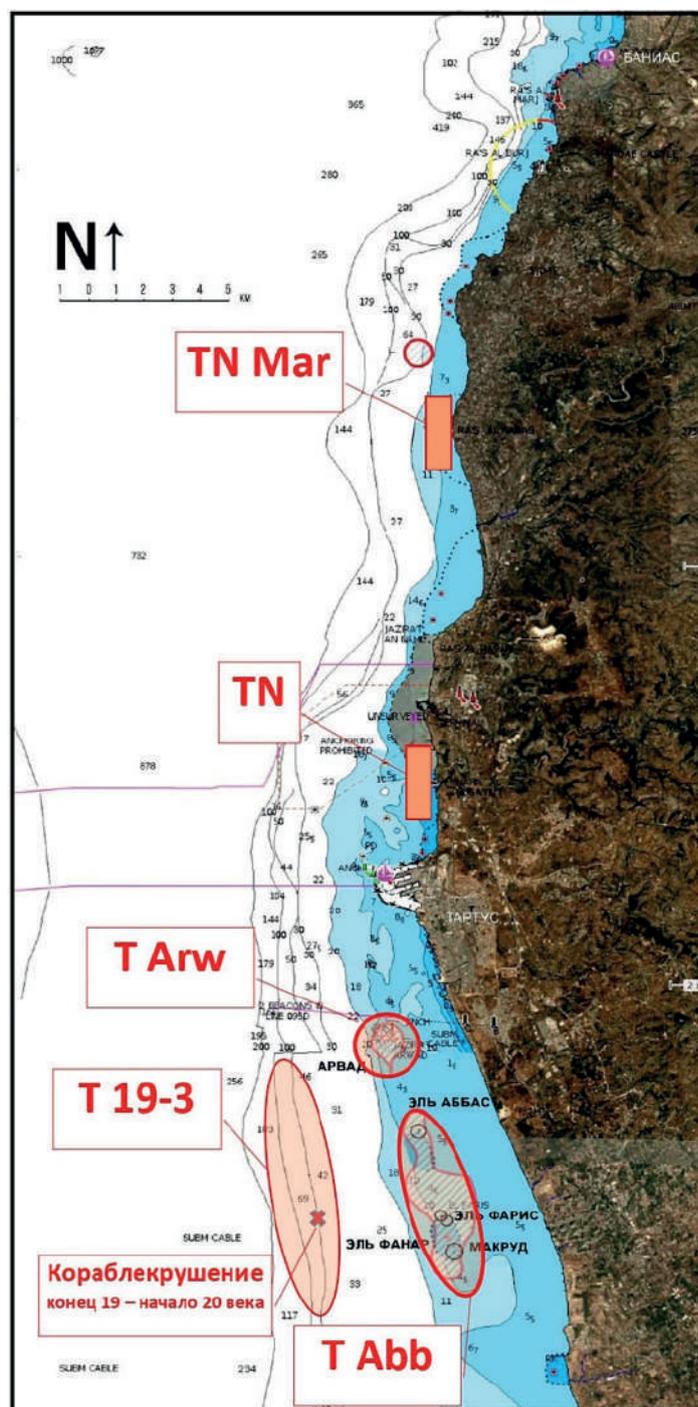

Рис. 1. План-схема районов проведения исследований в САР
Fig. 1. Scheme of research areas in the SAR

В результате проведенных в 2020–2021 гг. подводно-археологических исследований в акватории Тартуса были получены следующие результаты (районы исследований описаны с севера на юг).

АКВАТОРИЯ ХАРАБ МАРКИИ

В данном районе были обследованы и зафиксированы под водой сохранившиеся фрагменты сооружения (размерами 16,7×17,4×16×17 м и 19×19,5×19,7×18,9 м), по всей видимости, маяка. Рядом были обнаружены фрагменты архитектурных деталей (ствол колонны из серого базальта (?)) (длина 3 м, диаметр 0,5 м) и фрагменты двух колонн длиной 1,8 м и 2,6 м. С помощью метода фотограмметрии была создана 3D модель данного объекта.

РАЙОН АКВАТОРИИ НАПРОТИВ УСТЬЯ Р. ЭЛЬ ХСЕЙН

Разведка морского дна здесь проводилась для уточнения информации, полученной от местных жителей о встречающихся на морском дне в этом месте фрагментах керамики. Методом радиального поиска обследовано морское дно на глубинах 4–5 м – поверхность ровная, грунт: ил, песок, кораллы. Обнаружен обильный подъемный материал, преимущественно фрагменты керамической тары (рис. 2).

Среди находок отметим фрагмент верхней части амфоры типа LRA 1, по типологии Дж. Райли⁴, или типа 5, по Дж. Хейсу⁵ (рис. 2, 1), граффити на плечах Ка(...) и (на противоположной стороне) Ко(...) (рис. 2, 1а, 1б). Подобные амфоры производились в нескольких центрах: в Киликии, Селевкии, Карию, на западе Кипра, Родосе, Хиосе, в Помпейополисе, Сиро-Палестинском регионе⁶. Это наиболее распространенный тип амфор ранневизантийского времени для всего Средиземноморского региона⁷, бытование которого датируется в пределах конца IV – середины VII в. В Восточном Средиземноморье эти амфоры перестают использоваться в VIII в.⁸ Сосуды применялись для транспортировки вина и оливкового масла⁹. Фрагмент горла (рис. 2, 4), возможно, принадлежит другому варианту амфоры этого же типа¹⁰.

Один фрагмент (рис. 2, 2), вероятно, относится к амфоре типа «Самосской цистерны», которые датируются концом V – серединой VII в.¹¹ Верхняя часть другого сосуда (рис. 2, 3) широко датируется в пределах от VII до X вв.: типы 30, 36/37 по Дж. Хейсу¹² или типы 27–28 по классификации А.В. Сазанова¹³. Здесь же найден известняковый пест (рис. 2, 5) конической формы.

⁴ Riley 1979, 212–216.

⁵ Hayes 1992, 63–64.

⁶ Голофаст 2020, 56–57.

⁷ Reynolds 2008, 70–71.

⁸ Голофаст 2020, 56.

⁹ Reynolds 2008, 70–71, fig. 3, n, o.

¹⁰ Reynolds 2008, 61–88, fig. 2.

¹¹ Reynolds 2010, 97, fig. 6, c, e, f.

¹² Hayes 1992, 71, fig. 23, 14.

¹³ Sazanov 1997, 94.

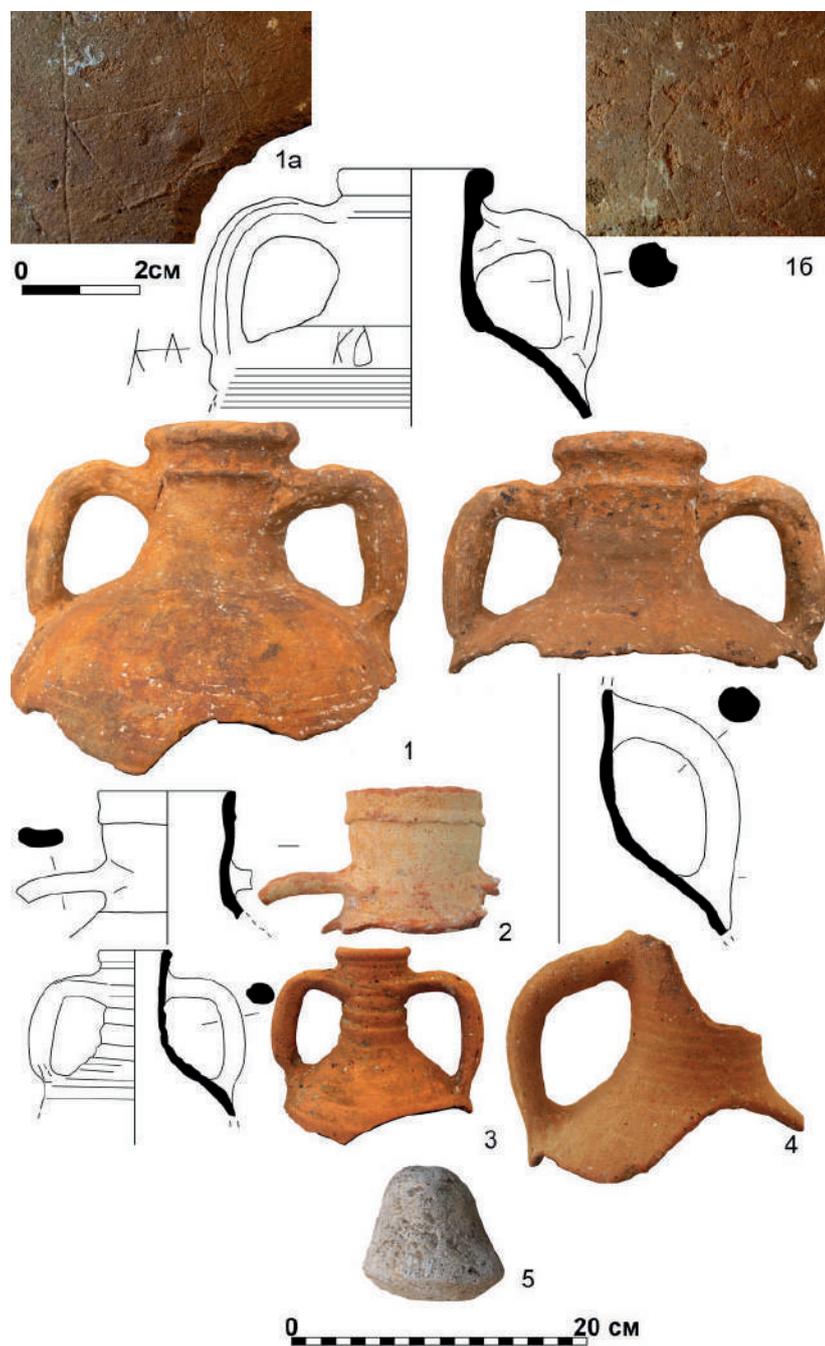

Рис. 2. Подъемный археологический материал из акватории напротив устья реки Эль Хсейн

Fig. 2. Surface finds from the water area opposite the mouth of the Al Hsain River

Таким образом, полученный из района устья р. Эль Хсейн материал относится к раннесредневековому периоду. По всей видимости, в это время здесь находилась якорная стоянка и осуществлялась перегрузка товаров с крупных морских судов на лодки для доставки на берег и далее по реке вглубь материка.

Небольшая коллекция подъемного керамического материала собрана в 2,4 км южнее р. Эль Хсейн, в акватории, прилегающей с севера к порту Тартус (рис. 3). Здесь, скорее всего, находилась гавань, связанная с крупным поселением античного и средневекового периодов, остатки которого хорошо прослеживаются на берегу. В воде на спутниковых снимках хорошо виден каменный мол, ограничивающий акваторию с запада. Отсюда происходит верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры раннего варианта IIIA, по классификации С.Ю. Монахова¹⁴ (рис. 3, 1). Данный сосуд датируется последней четвертью VI в. до н.э.¹⁵

Здесь также найдена верхняя часть финикийской *carinated-shoulder* амфоры ахеменидской эпохи (рис. 3, 2). Развитие амфор этой группы происходило в течение длительного периода, начавшегося в РЖВ, хотя основные морфологические черты появляются еще на ханаанских амфорах позднего бронзового века¹⁶. Верхняя граница этой группы амфор относится к рубежу III–II вв. до н.э., когда они сменяются тарой типа «baggy jar»¹⁷. По типологии Э. Беттлз, данный сосуд относится к варианту C2, связанному с поздней стадией развития типа¹⁸. Сосуд этого варианта, найденный в Газе, датируется второй половиной IV в. до н.э.¹⁹ Верхняя часть сосуда с морфологически близкой профилировкой венца происходит из нестратифицированного контекста в Шаар-ха-Амакима (Галилея) в Южной Финикии, будучи отнесена к персидскому этапу существования памятника²⁰. В целом *carinated-shoulder* амфоры использовались в ахеменидский период для транспортировки вина. Точное место производства различных вариантов этой тары не установлено, но наиболее вероятным является Южная Финикия, зона влияния Тира и Сидона²¹. К эллинистическому периоду также относится полный профиль чернотерракотовой миски с загнутым краем (рис. 3, 5).

Отметим находку тулова тонкостенной красноглиняной амфоры-кувшина (рис. 3, 3) типа *Agona M 334*, по типологии Дж. Робинсона²². Такие сосуды распространены в сиро-палестинском регионе от римского до омеядского периодов включительно²³. Данный сосуд близок варианту *h*, по классификации П. Рейнолдса²⁴, и датируется первой половиной V в. н.э.

С раннесредневековым периодом связан и фрагмент красноглиняной кастрюли (рис. 3, 4). В сиро-палестинском регионе близкие формы известны с конца III до середины IX в. включительно, пик их бытования приходится на V – первую половину VII вв.²⁵

¹⁴ Монахов 2003, 17, 24, табл. 3, 6.

¹⁵ Монахов и др. 2019, 78.

¹⁶ Sagona 1982, 73–78; Finkielsztein 2006, 254–255.

¹⁷ Finkielsztein 2006, 255; Michniewicz, Młynarczyk, 2017, 9.

¹⁸ Bettles 2013, 178, 194.

¹⁹ Bettles 2013, 248.

²⁰ Michniewicz, Młynarczyk, 2017, 13, fig. 1, 5.

²¹ Bettles 2013, 29.

²² Robinson 1959, 115, pl. 33, *M 334*.

²³ Reynolds 2008, 68–71, fig. 2.

²⁴ Reynolds 2008, 68–70, fig. 2, *h*.

²⁵ Голофаст 2020, 103–104.

Рис. 3. Подъемный керамический материал из акватории южнее реки Эль Хсейн, прилегающей с севера к порту Тартус

Fig. 3. Surface finds from the water area to the south of the Al Hsain River, adjacent to the north of the port of Tartus

АКВАТОРИЯ О. АРВАД

Общая площадь острова (не считая насыпи молов в северо-восточной, портовой, части) составляет 0,1947 км². Он вытянут по оси СЗ–ЮВ, имеет размеры около 706×382 м. Обследованная береговая линия острова (не считая портовые сооружения в северо-восточной части) составляет 1,365 км (полная длина, с учетом порта, но без учета молов – 2,085 км). Исследованная береговая линия условно разделена на три района (1-й – юго-восточный; 2-й – юго-западный; 3-й – северо-западный) (рис. 4).

В древности Арвад был защищен мощной крепостной стеной, сложенной из крупных каменных блоков, которая не только препятствовала нападениям неприятеля, но и прикрывала постройки острова от ветра и волн, особенно с западной и северо-западной стороны, в период зимних штормов. В настоящее время крепостные стены частично обрушились в море, по-видимому, вследствие землетрясения; также под водой находятся древние причальные сооружения. В сезоне 2021–2022 гг. было продолжено обследование оборонительных и портовых сооружений Арвада, а также гидроакустических целей, выявленных в ходе разведки 2019 г.²⁶ Проведение исследований стен под водой было сосредоточено в юго-восточной части острова (район 1). Здесь на берегу, на урезе воды сохранилась кладка крепостных стен из крупных каменных блоков размерами 3–3,5×1,3–1,7 м. Грунт в данном месте – песок и камни. Кладка прослежена на протяжении 80 м и является, по всей видимости, основанием крепостных стен острова или мощным молотом и причальными сооружениями. В юго-восточной части острова (район 1а) по изобате 4–4,4 м выделяется небольшой свал до глубины 5,5–6 м, очерченный каменной грядой. Возможно, он является маркером древней береговой линии (рис. 5, 6).

Остатки древних крепостных стен опоясывают остров с северной – северо-западной, западной, южной и юго-восточной стороны острова. Методом фотограмметрии были сделаны общие цифровые, графические планы крепостных и портовых сооружений острова, а также прилегающих строений.

В ходе разведки 2019 г. были обнаружены объекты, относящиеся к новому и новейшему времени. Восточнее современного северного мола острова на глубине 7 м были обнаружены останки судна конца XIX – начала XX в.: паровая машина и фрагменты обшивки. В защищенной гавани острова, в северной части, на глубине 5 м найдены остовы трех сгоревших деревянных судов; древесина сохранила следы масляной краски. Также был найден железный якорь-кошка XIX – начала XX в.²⁷

В восточной и юго-восточной части акватории острова, наиболее защищенной от опасных северо-западных и западных ветров, дующих из открытого моря, в сезоне 2021–2022 гг. зафиксировано место древней якорной стоянки с многочисленными находками фрагментов керамических и мраморных сосудов, фрагментов черепиц, базальтовых снарядов металлического оружия, архитектурных деталей из базальта. Обнаруженные предметы имеют широкий хронологический диапазон и относятся к античному и средневековому периодам. Они свидетельствуют также об активных торговых контактах и жизнедеятельности города-государства как транзитного пункта морской торговли.

²⁶ подробнее см.: Лебединский и др. 2020.

²⁷ Подробнее об этом см.: Лебединский и др. 2020.

Рис. 4. Общий план о. Арвад с указанием, районов исследований и точек сбора подъемного материала

Fig. 4. General plan of Arwad Island with indication of research areas and points of collection of surface finds

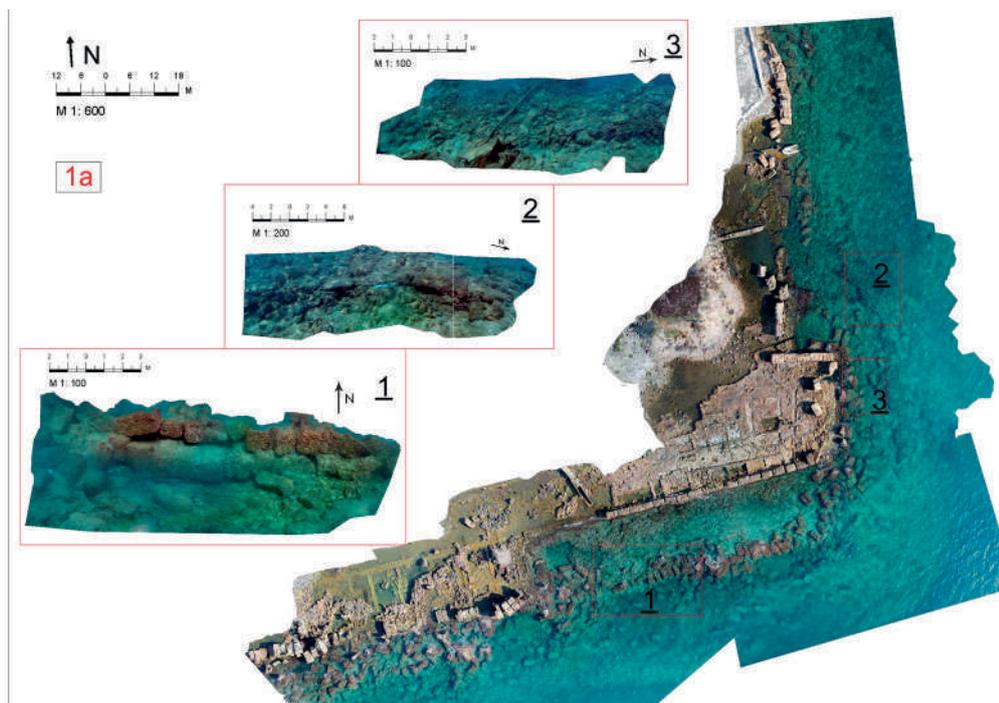

Рис. 5. Арвад, ЮВ часть острова (район 1а) с затопленными остатками оборонительных и портовых сооружений

Fig. 5. Arwad Island, SE part (area 1a) with remains of defensive and port structures visible under water

Из юго-восточной акватории острова происходит верхняя часть амфоры типа Lamboglia 2 (класс 8)²⁸ (рис. 7, 1). Место производства сосудов данного типа локализовалось в Апулии. Существует предположение об изготовлении подобных сосудов в материковой Далмации, которое, впрочем, дискутируется²⁹. Доказанным является изготовление амфор этого типа не менее чем в десяти в центрах Адриатического побережья Апеннинского п-ова от Модены на севере до Бриндизи (Апулия) на юге³⁰. Амфоры типа Lamboglia 2 широко распространены в Средиземноморье³¹. На западе находки этих сосудов известны вплоть до атлантического побережья Испании³². Еще более характерны они для восточного Средиземноморья: отметим находки амфор данного типа в Эфесе³³. Они особенно многочисленны на памятниках Далмации, преимущественно на островах³⁴, наибольшее число экземпляров происходит из подводных местонахождений.

²⁸ Peacock, Williams 1986, 98.

²⁹ Carre et al. 2014, 426–428.

³⁰ Carre et al. 2014, 419–422; Cipriano, Stefania 2017, 40.

³¹ Peacock, Williams 1986, 100.

³² Blanco Arcos et al. 2022, 15–16.

³³ Bezeczky 2010, 352.

³⁴ Kirigin et al. 2006, 200–202.

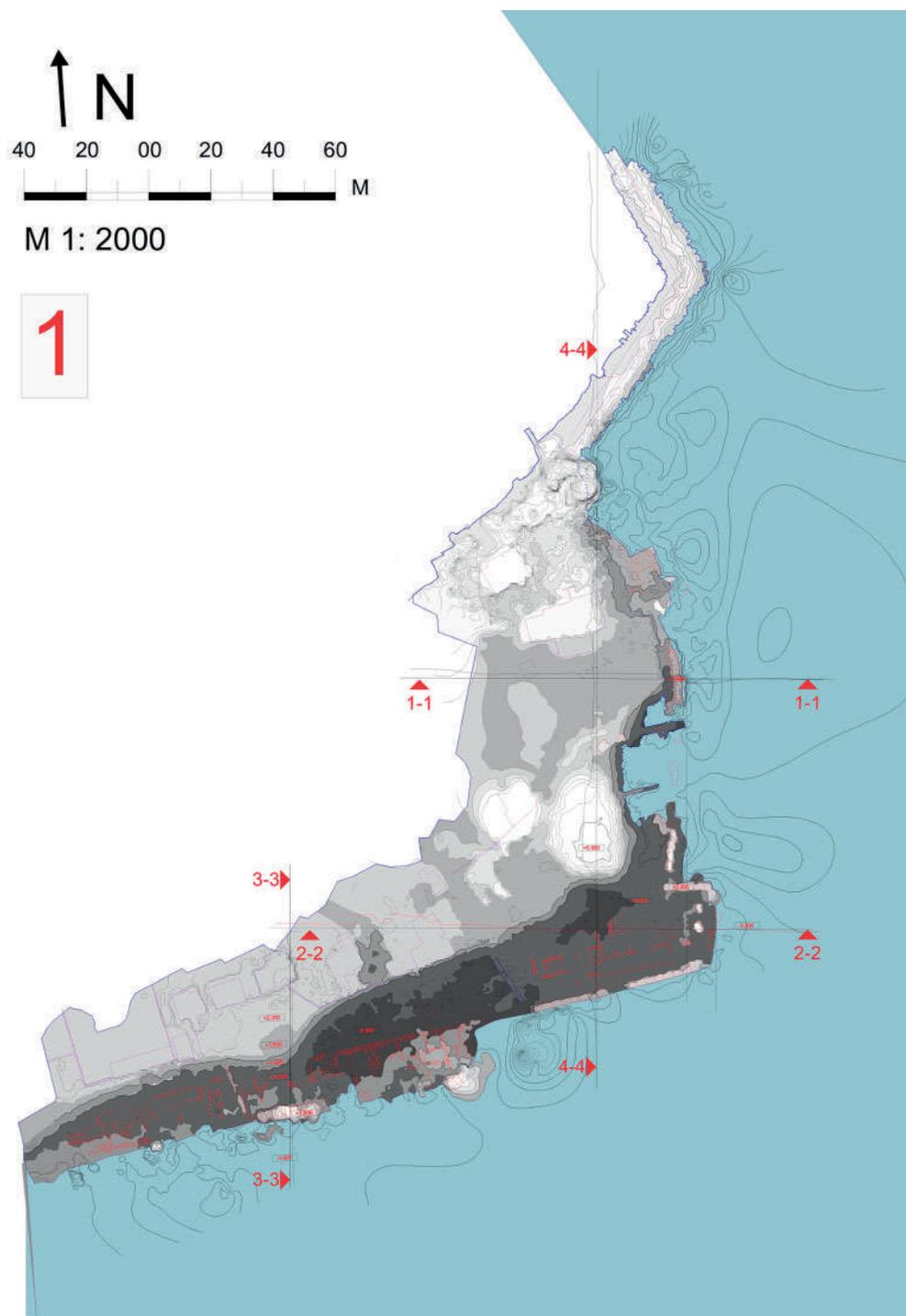

Рис. 6. План-схема ЮВ части о. Арвад (район 1).
Fig 6. Plan of the SE part of Arwad Island (area 1).

Рис. 7. Находки из акватории о. Арвад.
 Fig. 7. Finds from the water area of Arwad Island

Содержимое сосудов Lamboglia 2 определялось исследователями по-разному. Первоначально предполагалось, что основным грузом, который транспортировался в амфорах данного типа было оливковое масло³⁵. В настоящее время общепризнано, что таким товаром было вино³⁶. Сосуды данного типа датируются серединой II – серединой I в. до н.э. Имеются аргументы в пользу омоложения датировки до последней трети II в. до н.э. – первых десятилетий августовского времени³⁷.

В 60 м к западу (рис. 7, 2) обнаружен фрагмент ручной мельницы из пористого вулканического туфа. Подобный хозяйственный инвентарь широко распространен в средиземноморском регионе. Зернотерки типа «Olynthus mill» появляются здесь в классический период и выходят из употребления в позднеэллинистическое время, когда получают распространение мельницы, работавшие по роторному принципу (т.н. «Rompeian mill»)³⁸.

В восточной акватории острова обнаружены многочисленные фрагменты амфорной тары античной эпохи. В частности, это ножки сосудов, которые можно предположительно связать с так называемыми basket-handle (или loop-handle) амфорами (рис. 7, 3). Среди таких сосудов, например, амфора из Телль-Акко, хранящаяся в музее Хехта (Хайфа), которая датируется V–IV вв. до н.э.³⁹, а также амфора из раскопок Келендериса (Киликия)⁴⁰. Основным регионом, в котором производились сосуды данного типа, был Кипр, однако предполагается, что они могли также изготавливаться в некоторых центрах Киликии⁴¹ и Леванта⁴².

В южной акватории о. Арвад обнаружен фрагмент верхней части родосской амфоры со стертым прямоугольным клеймом. По всей видимости, сосуд относится к вариантам «Вилланова» или «александрийский»⁴³ и датируется концом III – II в. до н.э. Из этого скопления материала происходит также ножка амфоры в виде конуса, профилированного ребрами (рис. 7, 4), датируемая V–VII вв.⁴⁴ Закрытые конические ножки характерны и для подтипа LRA 3A, бытовавшего в V–VI вв. н.э.⁴⁵ Производство этих амфор связывается с западным берегом Малой Азии (район Эфеса, Сард, Милета, Пергама, Кушадасов). Использовались эти сосуды для транспортировки оливкового масла, гарума, мазей.

К северо-востоку от острова обнаружено скопление находок средневекового времени. Отметим археологически целую красноглиняную чашу (рис. 7, 7), которую предположительно следует связать с группой Fine Byzantine Ware, варианта E, по классификации Дж. Магнессис, датируемого VIII–IX вв. Не исключена и более поздняя дата – X–XII вв. Найдены также кухонный горшок с шарообразным туловом и отогнутым венчиком (рис. 7, 5) и профиль сковороды (кухонной миски)

³⁵ Lamboglia 1955.

³⁶ Peacock, Williams 1986, 100; Carre et al. 2014, 426.

³⁷ Cipriano, Stefania 2017, 40.

³⁸ Takaoglu 2008, 676.

³⁹ Wolff 2011, 16, fig. 4.

⁴⁰ Zoroglu 2013, 45, fig. 15.

⁴¹ Zoroglu 2013, 45.

⁴² Sagona 1982, 90.

⁴³ Монахов 2003, 122, табл. 81–84.

⁴⁴ Hayes 2003, 486–487, 511, fig. 21, 235; 33, 372.

⁴⁵ Голофаст, Ольховский 2016, 61.

(рис. 7, б) с заостренным бортиком, на плоском дне. Подобные сковороды бытуют с римского времени вплоть до конца VII в.⁴⁶

ОСТРОВА ЭЛЬ АББАС, ЭЛЬ ФАРИС, ЭЛЬ ФАНАР, МАКРУД И ПРИЛЕГАЮЩАЯ АКВАТОРИЯ

К югу от о. Арвад протянулась группа необитаемых островов, которая входила в систему древней морской навигации. Эти острова являлись естественной защитой от ветров западных направлений. Кроме этого, на островах Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд выявлены остатки древних каменоломен и некрополей.

О. Эль Аббас

Этот скальный останец общей площадью 12504,4 м² (не затапливаемой – около 8037 м² и протяженностью с севера на юг около 218 м, с запада на восток (в южной части) – 79 м, выступает над уровнем моря примерно на 3,5 м. На его восточном берегу – песчаные отложения. Единственный из четырех небольших островов гряды имеет грунтовые напластования и растительный покров (южная часть острова). В южной части сконцентрированы следы человеческой деятельности античного и средневекового времени. Вдоль западного берега острова расположена каменоломня: группа из трех соединенных между собой карьеров общей длиной 88 м, вытянута по направлению С–Ю (рис. 8).

Остатки выборки камня фиксируются аэрофотосъемкой на восточном берегу острова (предполагаемый карьер Е). По большей части они скрыты песчаными наносами. В юго-восточной части острова расположена цистерна прямоугольной формы (размеры – 1,32×2,87 м, видимая глубина – 1,45 м). Борта цистерны вертикальны, частично сохранилась обмазка из цемянкового раствора розового цвета (визуально в составе раствора выделяются известь, песок, толченая керамика). По всей видимости, цистерна использовалась для аккумуляции дождевой воды. В этой же части острова обнаружены следы недавнего антропогенного нарушения культурного слоя. В бортике грабительской ямы (?) видны многочисленные фрагменты керамических изделий. Непосредственно около уреза воды, в размыве берега, – обнажение каменно-черепичного развала. Здесь также встречаются многочисленные фрагменты амфор и столовых сосудов. В прибойной полосе острова зафиксирован обильный подъемный материал (рис. 9).

Найден фрагмент вертикальной валикообразной закраины миски, профилированной ребром с косыми стенками (рис. 9, 1). По морфологии сосуд может быть отнесен к концу VI в.⁴⁷ и вероятно является подражанием краснолаковой посуде, которая была распространена в регионе в рассматриваемый период⁴⁸. Фрагмент другой миски, краснолаковой, относится к форме 87 В, по типологии Дж. Хейса⁴⁹, и датируется началом VI в. (рис. 9, 2). Здесь же обнаружен фрагмент венчика кувшина (?) с профилированной стенкой горла (рис. 9, 3). Текстура глины сосуда,

⁴⁶ Hayes 1992, 103, fig. 46., dep. 30, 150.

⁴⁷ Slane, Sanders 2005, 266, fig. 3, 1–6.

⁴⁸ Голофаст 2020, 77.

⁴⁹ Hayes 1972, 125, fig. 24, B.

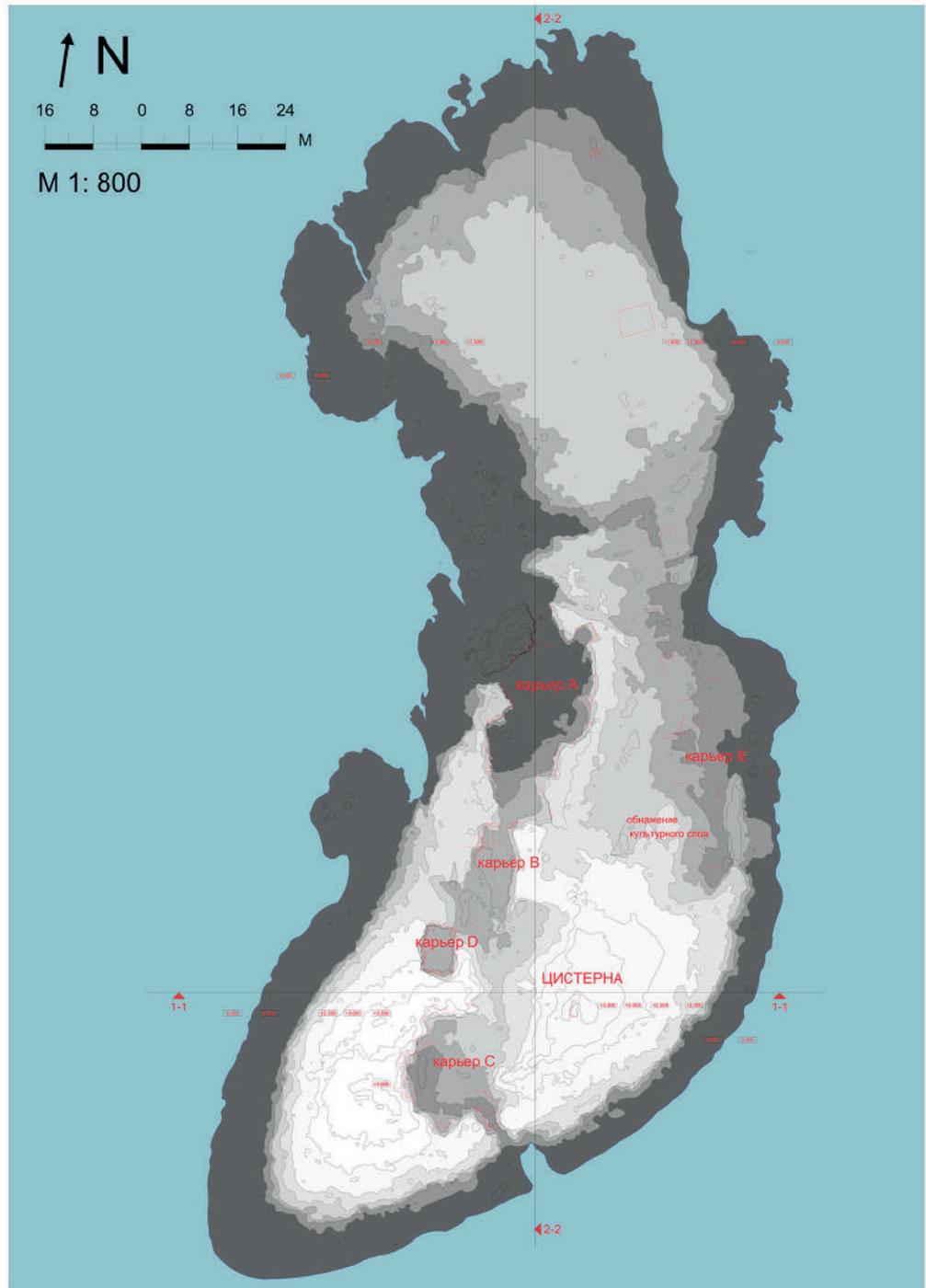

Рис. 8. План-схема о. Аббас
Fig. 8. Plan of Al-Abbas

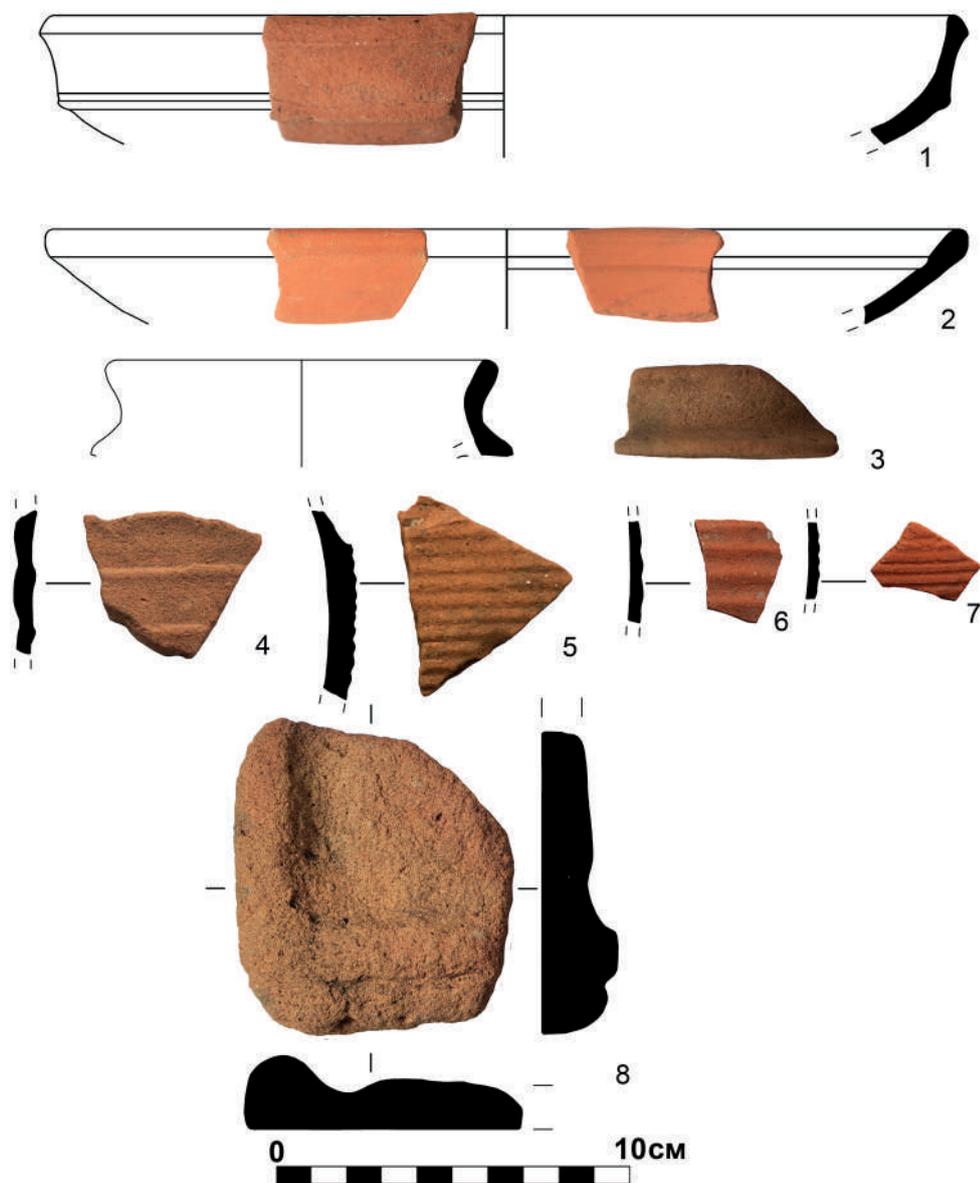

Рис. 9. Подъемный материал из прибойной полосы о. Эль Аббас
 Fig. 9. Surface finds from the surf of Al-Abbas

Рис. 10. О. Эль Фарис. Скальный оссуарий, вид с СВ.

Fig. 10. Al-Faris. Rocky ossuary, view from NW.

сходная с амфорами LRA 4–5/6, позволяет предполагать его сиро-палестинское происхождение. Возможно, эта форма соотносится с кувшинами VI–VII вв. из Бейрута⁵⁰. Отметим стенки амфоры с рифлением типа «набегающая волна» (рис. 9, 4) (тип LRA 1, по классификации Дж. Райли⁵¹, тип 5, по Дж. Хейсу⁵²), стенку амфоры с глубоким частым рифлением (типа LRA 4–5/6, по Дж. Райли⁵³, тип 6, по Дж. Хейсу⁵⁴) римского / ранневизантийского времени⁵⁵ (рис. 9, 5), стенки кухонных сосудов (рис. 9, 6–7). Фрагмент керамики римского периода профилирован поперечным валиком для упора (рис. 9, 8). В подъемном материале также зафиксирован необработанный фрагмент проконнеского мрамора.

О. Эль Фарис

Остров имеет общую площадь 3547 м², не затапливаемую – около 1165 м². Протяженность с севера на юг составляет 47 м, с запада на восток – 65 м. Остров выступает над уровнем моря примерно на 2,9 м, представляя собой скальный останец. В северной части расположен карьер сложной формы размерами

⁵⁰ Reynolds, Waksman 2007, 64, fig. 4, 75–79.

⁵¹ Riley 1979, 212–216.

⁵² Hayes 1992, 63–64.

⁵³ Riley 1979, 222.

⁵⁴ Hayes 1992, 64.

⁵⁵ Голофаст 2020, 58–62.

Рис. 11. О. Эль Фанар, вид на карьер с востока (фотограмметрическая 3D модель).
Fig. 11. Al-Fanar, view of the quarry from E (photogrammetric 3D model)

19×14,5 м. Зафиксированы следы выборки блоков с гранями различных размеров, в том числе – 0,55×0,25×0,3 и 1,05×0,5×0,45(?) м. В западной части острова найдена вырубленная в скальном грунте могила прямоугольной формы размерами 2,42×1,04 м, ориентированная по оси СЗ–ЮВ (140°), с выступами-запличиками перекрытия. В центральной части острова расположено округлое углубление диаметром 0,37 м. Оно перекрыто квадратной вырубкой для перекрытия размерами 0,54×0,53 м, с каждой стороны которой имеются пироны в форме «ласточкиного хвоста». По всей видимости, данное сооружение – оссуарий для совершения погребения по обряду кремации в урне (рис. 10). В 2021–2022 гг. методом фотограмметрии были выполнены общие цифровые, а также графические планы острова.

О. Эль Фанар

Общая площадь острова – 2571 м², не затопляемая – около 1321 м². Протяженность с СЗ на ЮВ составляет 71 м, с ЮЗ на СВ 45 м. Выступает над уровнем моря примерно на 2,4 м, представляя собой скальный останец. В восточной части острова расположен карьер сложной формы, в котором выделяются два участка: большой (27×11 м) и малый (9,3×4,4 м) (рис. 11). В центральной части острова расположен некрополь, состоящий из 13 вырезанных в скале вырубов. Из них 12 являются могильными ямами (размеры 2,2–2,3×0,8–0,95 м), одна имеет малые размеры (0,82–0,35 м) и вероятно предназначалась для детского захоронения или погребения по обряду кремации (?). Все скальные могилы кроме последней имеют выруб для установки перекрытий. Ориентация могильных ям различается. Преобладают расположенные по оси З–В (8 могил, считая малый выруб), другие могилы ориентированные по осям СВ–ЮЗ (3), СЗ–ЮВ (1) и С–Ю (1). Ориентация некоторых из них, по всей видимости, продиктована конфигурацией расположенного к востоку от некрополя карьера. Таким образом, очевидно, что некрополь сформировался в то время, когда карьер для добычи камня на острове уже существовал.

О. Макруд

Скальный останец общей площадью 3296 м², не затапливаемой – около 1994 м², протяженностью с СЗ на ЮВ – 81 м, с ЮЗ на СВ – 60 м, выступает над уровнем моря примерно на 3,05 м. Центральную часть острова занимает карьер сложной формы. Удаётся зафиксировать следы выборки блоков с гранями следующих размеров: 1,12×0,6, 0,84×0,52 и 1,74×1,2 м. В северо-восточной части острова зафиксированы заготовки под крупные каменные блоки размерами около 3,5×1,5×2,2 м. У о. Макруд (по линии о. Макруд – о. Эль Фанар) на глубине 5 м найдены обработанные каменные блоки размерами 3,5×1,5×2,0 м, оказавшиеся под водой вследствие неудачной транспортировки.

Глубины между островами Эль Фанар и Макруд составляют 5–8 м. Очевидно, что на протяжении всей истории существования города-государства Арад и древнего города Амрит эти острова посещались и активно использовались местным населением в разные периоды, являясь местами добычи камня и организации некрополей.

На каждом из островов имеются места (следы выравнивания берега) для причаливания судов, устроенные, по всей вероятности, одновременно с каменоломнями. Название Эль Фанар говорит о том, что на острове некогда располагался маяк. Между островами Эль Аббас и Эль Фарис зафиксирован затопленный объект на глубинах от 0 до 4–6 м, вероятно, некогда представлявший собой остров размерами 30×35 м. Образования, напоминающие затопленные острова, зафиксированы под водой между островами Эль Фарис и Эль Фанар. Затопление этих объектов явилось, возможно, следствием изменения уровня моря в Восточном Средиземноморье, как это произошло, например, с прибрежными сооружениями Александрии⁵⁶. Детальное изучение этих объектов было запланировано на 2023–2025 гг.

ГЛУБОКОВОДНЫЙ РАЙОН АКВАТОРИИ ЗАПАДНЕЕ ОСТРОВОВ АРАД, ЭЛЬ АББАС, ЭЛЬ ФАНАР, ЭЛЬ ФАРИС И МАКРУД

В данном районе проводилось обследование гидроакустических целей, выявленных в результате разведки 2019 г. Обследование производилось с помощью телеуправляемого необитаемого подводного аппарата (ТНПА) «Марлин 350». В результате исследований были выявлены следы кораблекрушения (фрагменты железного корпуса корабля), относящегося, вероятно, к концу XIX – первой половине XX в. Они расположены на глубине 31 м, грунт в данном месте – песок, кораллы.

ОБСЛЕДОВАНИЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕОРАДАРА ПОБЕРЕЖЬЯ В РАЙОНЕ ПОРТОВОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА АМРИТ

Было проведено обследование береговой полосы портового района городища Амрита. Этот крупный финикийский город – порт, религиозный и культурный центр – был основан выходцами с о. Арад. В настоящее время городище является археологическим заповедником. Геофизические исследования проведены

⁵⁶ Goddio et al. 1998.

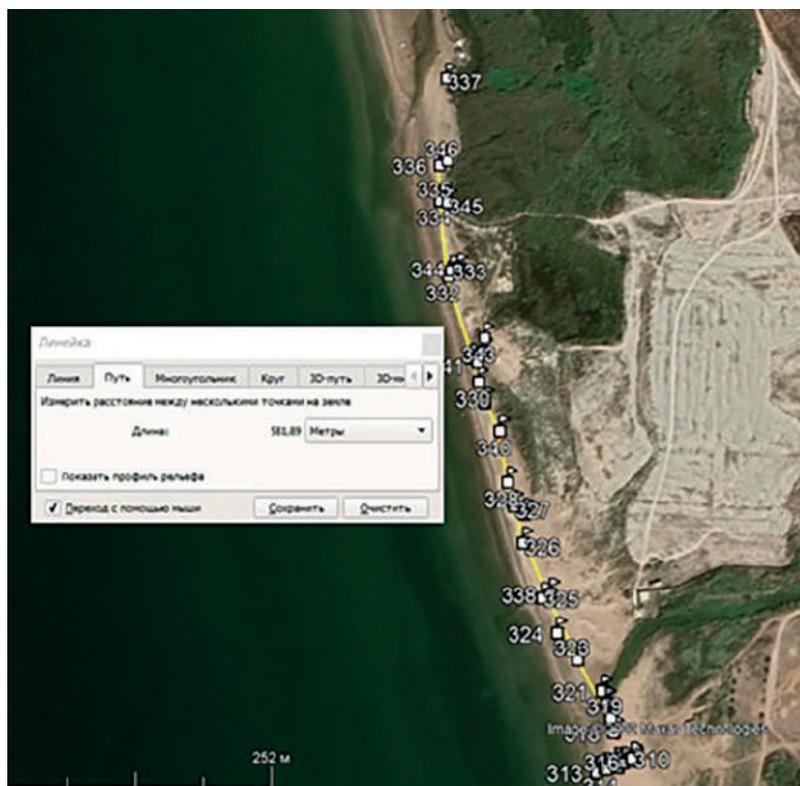

Рис. 12. План-схема места работ с использованием георадара в прибрежной части Амрита.
Fig. 12. Scheme of the site using the ground penetrating radar in the coastal part of Amrit

непосредственно на урезе воды с применением современного георадарного комплекса (GPR). Работы проводились вдоль береговой полосы на протяжении 580 м. В результате под песчаными напластованиями была выявлена предположительно древняя береговая линия, которая в настоящий момент находится на суше, в 7–8 м от современного уреза воды (рис. 12). Это позволяет говорить о том, что портовые сооружения древнего города в настоящий момент находятся на суше под слоем песка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом проведенных подводно-археологических работ в акватории провинции Тартус САР стало получение целого массива новых данных по объектам подводного культурного наследия и прибрежному морскому культурному ландшафту. Было поднято 40 археологических предметов: керамический материал, каменные ядра, изделия из базальта, которые были переданы в Департамент древности и музеев провинции Тартус. Важными находками стали фрагменты амфор из акватории островов Арвад и Эль Аббас, а также напротив устья р. Эль Хсейн.

Не менее важные открытия дало обследование у пос. Хараб Маркия остатков средневековой крепости. Собранные многочисленные данные в ходе обследования древних сооружений на островах Арвад, Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фанар и Макруд, а также остатков под водой крепостных и причальных сооружений в акватории о. Арвад позволили выделить новое направление работ. Была создана геоинформационная система (ГИС) морской акватории провинции Тартус в контексте проведенных морских археологических исследований. ГИС создана на языке HTML, css, javascript, для картографии использован Google Maps Api, информация представлена в PDF формате с привязкой к географическим координатам в системе WGS.

Впервые были созданы цифровые планы и 3D-модель остатков крепостных и портовых сооружений о. Арвад и морской крепости Маракли у г. Хараб Маркия. Кроме того, созданы фотограмметрические планы и цифровые модели островов Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд с находящимися на них древними некрополями и каменоломнями. Проведено обследование с применением георадара побережья городища Амрит. Также, по результатам исследований была разработана музейная цифровая 3D экспозиция, которая в дальнейшем может экспонироваться в музеях России и зарубежных стран.

На 2023–2025 гг. планировалось продолжение и расширение исследований, а также создание 3D-моделей расположения остатков крепостных и портовых сооружений о. Арвад. Будет предпринята попытка на основе этих данных реконструировать оборонительные и портовые сооружения Арвада. Кроме того, будут созданы 3D модель укреплений и портовой инфраструктуры у пос. Хараб Маркия. Будут продолжены обследования подводных объектов, выявленных разведкой с использованием гидролокаторов бокового обзора (ГБО) в сезоне 2019 г., и объектов, обнаруженных в 2020–2022 гг.

Дальнейшее проведение подводно-археологических и полевых исследований, изучение и анализ письменных источников, данных картографии, гидрологии и цифровое моделирование береговой линии Сирийской Арабской Республики позволит расширять созданную геоинформационную систему (ГИС), интерактивную карту, базу данных древних портовых сооружений, мест кораблекрушений, якорных стоянок и других объектов, связанных с историей и развитием навигации в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bettles, E.A. 2013. *Phoenician Amphora Production and Distribution in the Southern Levant. A Multi-Disciplinary Investigation into Carinated-Shoulder Amphorae of the Persian Period (539–332 BC)* (BAR IS 1183). Oxford.
- Bezczky, T. 2010: Trade Connections Between Ephesus and the Adriatic Region. *Histria Antiqua* 19, 351–358.
- Blanco Arcos, F.J., Reinoso del Río, M.C., Gutiérrez López, J.M., Vargas, E.G., Fernández Sánchez, D.S., Sáez Romero, A.M. 2022: Un conjunto de ánforas tardorrepublicanas procedentes del yacimiento de Mesas de Asta (Campaña 1945–46): viejos datos para nuevas interpretaciones. *Revista de Historia de Jerez* 25, 9–47.
- Carre, M.-B., Monsieur, P., Pesavento Mattioli, S. 2014: Transport Amphorae Lamboglia 2 and Dressel 6A: Italy and/or Dalmatia? Some Clarifications. *Journal of Roman Archaeology* 27, 417–428.

- Cipriano, S., Stefania, M. 2017: Western Adriatic Amphorae Productions: The Research Status. In: G. Lipovac Vrkljan, I. Radić Rossi, A. Konestra (eds.), *ADRIAMPHORAE. Amphorae as a Resource for the Reconstruction of Economic Development in the Adriatic Region in Antiquity: Local Production*. Zagreb, 33–47.
- Finkielsztejn, G. 2006: Some Remarks on Amphora Productions and Trade in the Southern Levant: Territories. and Ethnicity. In: D. Malfitana, J. Poblome, J. Lund (eds.), *Old Pottery in a New Century. Innovating Perspective on Roman Pottery Studies. Atti del Convegno Internazionale di Studi, Catania, 22–24 aprile 2004*. Catania, 253–263.
- Frost, H. 1964: Rouad, ses récifs et mouillages. *AAS* 14, 67–74.
- Frost, H. 1966: *The Arwad Plans 1964. A Photogrammetric Survey of Marine Installations*. *AAS* 16, 13–28.
- Goddio, F., Bernard, A., Bernand, E., Yoyotte, J. 1998: *Alexandria. The Submerged Royal Quarters*. London.
- Golofast, L.A. 2020. *Keramika Iyerikhona posdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.)*. *Spravochnik-opredelitel [Pottery of Jericho. Late Antique and Medieval Periods (5th–15th Centuries). Guide-determinant]*. Moscow.
- Голофаст, Л.А. 2020: *Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.)*. *Справочник–опредетель*. М.
- Golofast, L.A., Olkhovskiy, S.V. 2016: Kompleks kermiki iz podvodnogo fundamenta v akvatorii Fanagorii (Ceramic Complex from Underwater Foundation in the Water Area of Phanagoria). In: *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the Archaeology and History of Phanagoria]* 2 (Fanagoriya. Resultaty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of Archaeological Research] 4). Moscow, 46–82.
- Голофаст Л.А., Ольховский С.В. 2016: Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории. В сб.: *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория. Результаты археологических исследований 4). М., 46–82.
- Hayes, J.W. 1972: *Late Roman Pottery*. London.
- Hayes, J.W. 1992: Excavations at Saraçhane in Istanbul. In: *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. *The Pottery*. Princeton.
- Hayes, J.W. 2003: Hellenistic and Roman Pottery Deposits from the ‘Saranda Kolones’ Castle Site at Paphos. *Annual of the British School at Athens* 98, 447–516.
- Kirigin, B., Katunarić, T., Šešelj, L. 2006: Preliminary Notes on Some Economic and Social Aspects of Amphorae and Fine Ware Pottery from Central Dalmatia, 4th–1st BC. In: F. Lenzi (ed.), *Rimini e l’Adriatico nell’età delle guerre puniche*. Bologna, 191–226.
- Lamboglia, N. 1955: *Sulla cronologia delle anfore romane di età repubblicana (II–I secolo A.C.)*. *Rivista di Studi Liguri* 21, 241–270.
- Lebedinskiy, V.V., Tatarkov, D.B., Dvoukhsherstnov, V.I., Marwan, H., Alaa, H. 2020: *Podvodnye arkheologicheskie issledovaniya sovmestnoy siriysko-rossiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v akvatorii g. Tartus i ostrova Arwad Siriiskoy Arabskoy Respubliki v 2019 godu [2019 Underwater Archaeological Research by the Joint Syrian-Russian Archaeological Mission at the Water Area of Tartus and Arwad Island, The Syrian Arab Republic]*. Moscow.
- Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Двухшерстнов В.И., Марван, Х., Алаа, Х. 2020: *Подводные археологические исследования совместной сирийско-российской археологической экспедиции в акватории г. Тартус и острова Арвад Сирийской Арабской Республики в 2019 году*. М.
- Lebedinskiy, V.V., Tatarkov, D.B., Pronina, Yu.A. 2022: Rezultaty issledovaniy mezhdunarodnoy siriisko-rossiyskoy podvosno-arkheologicheskoy ekspeditsii v akvatorii provintsii Tartus v sezone 2020–2021 gg. (Results of Research of the International Syrian-Russian Underwater Archaeological Mission in the Water Area of the Tartus Governorate in the 2020–2021 Season). *Vostok. Afro-asiatskie obshchestva: istoria i sovremennost’ [Oriens. Afro-Asiatic Societies: History and Modernity]* 3, 55–62.

- Лебединский, В.В., Татарков, Д.Б., Пронина, Ю.А. 2022: Результаты исследований международной сирийско-российской подводно-археологической экспедиции в акватории провинции Тартус в сезоне 2020–2021 гг. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 3, 55–62.
- Michniewicz, J., Młynarczyk, J. 2017: *Archaeometry and Archaeology of Levantine Jars Used in Western Galilee/Southern Phoenicia (Sha'ar-Ha'Amakim, Tell Keisan) between the Persian and the Late Roman Period*. Poznań.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae of the Leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019: *Antichnaya amfornaya kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI–II vv. do n.e. Katalog* [The Ancient Amphorae Collection of the 6th – 2nd cc. BC in the State Hermitage Museum. Catalogue]. Saratov.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чистов, Д.Е., Чурекова, Н.Б. 2019: Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов.
- Peacock, D.P.S., Williams, D.F. 1986: *Amphorae and the Roman Economy: An Introductory Guide* (Longman Archaeology Series). London–New York.
- Reynolds, P., Waksman, Y. 2007: Beirut Cooking Wares, 2nd to 7th Centuries: Local Forms and North Palestinian Imports. *Berytus: Archaeological Studies* 50, 59–81.
- Reynolds, P. 2008: Linear Typologies and Ceramic Evolution. *FACTA. A Journal of Roman Material Culture Studies* 2, 61–88.
- Riley, J.A. 1979: The Coarse Pottery from Berenice. In: J.A. Lloyd (ed.), *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice)*. Vol. 2 (Supplement to Libya Antiqua, V). Tripoli, 91–467.
- Robinson, H.S. 1959: *The Athenian Agora*. Vol. V: *Pottery of the Roman Period, Chronology*. Princeton.
- Sagona, A. 1982: Levantine Storage Jars of the 13th–4th Centuries B.C. *Opuscula Athiensia* 14, 73–110.
- Sazanov, A.V. 1997: Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire. In: *La Céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIIe congrès de l'AIECM2 Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence, 87–102.
- Slane, K.W., Sanders, G.D.R. 2005: Corinth: Late Roman Horizons. *Hesperia. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 74, 243–297.
- Takaoglu, T. 2008: Archaeological Evidence for Grain Mills in the Greek and Roman Tread. In: E. Winter, R. Habelt (eds.), *Vom Euphrat bis zum Bosporus, Kleinasien in der Antike, Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag* (Asia Minor Studien 65). Bonn, 673–679.
- Tanabe, S. 1989: *Excavation of a Sunken Ship Found off the Syrian Coast: An Interim Report*. Kyoto.
- Wolff, S.W. 2011: Basket-Handled Amphoras in the Hecht Museum. *Michmanim (Bulletin of the Reuben Hecht Archaeological Museum, Haifa)* 23, 15–19.
- Zoroglu, L. 2013: Cypriot Basket-handle Amphora from Kelenderis and its Vicinity. In: M.L. Lawall, J. Lund (eds.), *The Transport Amphorae and Trade of Cyprus* (Gösta Enbom Monographs. Vol. 3). Aarhus, 36–45.

RESULTS OF THE RESEARCH OF THE INTERNATIONAL SYRIAN-
RUSSIAN UNDERWATER ARCHAEOLOGICAL MISSION IN THE WATER
AREA OF TARTUS GOVERNORATE AND ARVAD ISLAND IN 2021–2022

Viktor V. Lebedinskiy¹, Maksim I. Tyurin², Yuliya A. Pronina³

^{1, 2, 3} *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

¹ *E-mail: v_lebedinski@mail.ru* ² *E-mail: tyurin.m.i@mail.ru*

³ *E-mail: julia_pronina@mail.ru*

The article presents the results of underwater archaeological research conducted by the International Syrian-Russian Mission in the Syrian Arab Republic water area in 2021–2022. The objectives of the work were to search for, survey, record and identify underwater archaeological sites in the water area of the Tartus Governorate. A large-scale study of the seabed in the eastern Mediterranean Sea was carried out, during which a significant number of underwater objects were identified that were promising for further study. The surviving fragments of fortifications and port facilities of Arwad Island, the Maraclea fortress near Kharab Maraqiyah, the coast of the ancient town of Amrit, the islands of Al-Abbas, Al-Faris, Al-Fanar and Makhrut and the deep-water areas between them were examined. 40 archaeological items were raised. These are ceramics, throwing stones, basalt items, which were handed over the Department of Antiquities and Museums of Tartus Governorate. The results of the research are the creation of digital plans and 3D models of the structures of Arwad Island, the remains of the Maraclea fortress, photogrammetric plans and digital models of the above-mentioned islands and the ancient necropolises and quarries located on them, as well as a survey of the coast of Amrit using the ground penetrating radar.

Keywords: underwater archaeology, Syria, Tartus Governorate, Arwad, side-scan sonar, profiler, marine magnetometer, shipwrecks

---

В МУЗЕЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 190–207
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 190–207
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-190–207

РЕПЛИКИ ТЕАТРАЛЬНЫХ МАСОК И СТАТУЭТКИ АКТЕРОВ ИЗ ЕГИПЕТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ В.С. ГОЛЕНИЩЕВА (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А.С. ПУШКИНА)

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: veretragna@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-6199-8319

В статье публикуются реплики театральных масок и статуэтки актеров из египетской коллекции В.С. Голенищева (ГМИИ им. А.С. Пушкина). Терракотовые театральная комическая маска (или ее реплика для украшения курильницы?) и статуэтки актеров отражают распространение интереса к античному театру и греческой Новой комедии в Египте в эллинистический период. Украшения деревянных саркофагов в виде уменьшенных комической и трагической масок демонстрируют приобщение населения эллинистического и римского Египта к хтоническому культу Диониса, почитавшемуся как защитник душ усопших в потустороннем мире. Использование театральной атрибутики, в частности комических масок, с изобразительными мотивами погребального ритуала объясняется верой древних в магическую силу смеха, который, по их убеждениям, способен был нейтрализовать силы зла.

Ключевые слова: Древний Египет, эллинизм, римская эпоха, ГМИИ, коллекция В.С. Голенищева, театральные маски, терракотовые статуэтки актеров, персонажи комедий и комосов

Данные об авторе. Сергей Владимирович Обухов – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина и архивных источников)».

Хранящаяся в ГМИИ коллекция В.С. Голенищева, собранная им в Египте в 1880–1890-е гг., включает большое количество египетских древностей различных эпох вплоть до арабского времени (VII в. н.э.). В основном они происходят из Фаюма, апогей процветания которого приходится на эллинистическую и римскую эпохи. Значительную часть данной коллекции составляют артефакты I тыс. до н.э. – первых веков н.э. Отдельную группу в ней образуют артефакты, связанные с театральной атрибутикой: терракотовая театральная маска или реплика таковой¹, два украшения деревянных саркофагов в виде комической и трагической масок – терракотовая² (эллинистического времени) и гипсовая³ (римского периода), а также четыре терракотовых статуэтки актеров⁴, которые являются привозными, скорее всего из Греции. В настоящей статье эта группа египетских древностей из коллекции В.С. Голенищева впервые публикуется и анализируется в стилистическом и историческом аспектах в контексте распространения античной культуры на территории Египта и синкретизма античных и местных культурных элементов в эллинистическое и римское время.

ТЕАТРАЛЬНАЯ КОМИЧЕСКАЯ МАСКА И УКРАШЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ САРКОФАГОВ В ВИДЕ МАСОК

Публикуемые образцы из коллекции В.С. Голенищева относятся к разным хронологическим периодам. К эллинистическому времени принадлежат терракотовая театральная комическая маска и украшение деревянного саркофага в виде уменьшенной комической маски, римскому – гипсовое украшение саркофага в виде трагической маски. Театральная комическая маска (или ее реплика для украшения курильницы?) отражает интерес населения эллинистического Египта к греческой Новой комедии, которая потеряла свой острую политическую актуальность, присутствующую Древней комедии, и став сугубо бытовой и погружившись в мелочи частной жизни, в гораздо большей степени отражала реалии жизни античного общества⁵, пережившего кризис греческого полиса. Маска является свидетельством распространения интереса к античному театру среди населения эллинистического Египта. Реплики комической и трагической масок демонстрируют приобщение населения эллинистического Египта к заупокойному культу Диониса⁶.

1. Театральная комическая маска (или украшение для курильницы?)

(Рис. 1)

Инв. I, 1a 2947

Происхождение: из собрания В. С. Голенищева (1911 г.)

Датировка: III–II вв. до н.э.

---

¹ ГМИИ. Инв. I, 1a 2947.

² ГМИИ. Инв. I, 1a 2938.

³ ГМИИ. Инв. I, 1a 2939

⁴ ГМИИ Инв. I, 1a 2743, 2918, 6198, 6201.

⁵ Варнеке 1940, 83–95; Каллистов 1970, 147–157.

⁶ Маски могли служить и апотропеями, отгоняя злые силы. Упомянем, что некоторые здания Хатры I–II вв. н.э. также украшались крупными терракотовыми театральными масками. См.: Sagar 1923, 28, Abb. 59–60. Применительно к Хатре замечен синтез парфянских архитектурных форм парфянского с античными театральными масками.

Рис. 1.

Сохранность: утрачены верхняя, нижняя и боковая части, сколы и загрязнения поверхности

Высота 11,8 см, ширина 8,9 см, толщина 0,3–1,3 см

Способ изготовления: оттиск в односторонней форме хорошего качества, с дополнительной проработкой деталей; зрачки проколоты до обжига (диаметр отверстий 0,65 см); задняя сторона подрезана и заглажена; края подрезаны

Материал: глина тонкая плотная бежево-коричневая (5YR6/4), со средним количеством серебристой слюды и черного камня; небольшой примесью белого и серого камня, железистых окислов и растительных частиц

Цвет внешней поверхности: серо-бежевый (7.5YR6/3)

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание

Обжиг: неравномерный окислительный

Примечание: по глине неегипетская

Аналогии: Schmidt 1994, 124, Taf. 36, 188; 138–139, Taf. 40, 218–219; Kriseleit, Zimmer 1994, 139, Abb. 69; Ewigleben, Grumbkow 1991, 80, Abb. 85; Bailey 2008, 149, pl. 103, 3559; 150, pl. 104, 3565; Bayer-Neimeier 1988, Taf. 125, 5–6 (Nr. 734–735); Ходза 2018, 225, рис. 93.

Моделировка тщательная, все черты лица и особенности внешности – складки на лбу, тяжелые надбровья, глубоко посаженные, широко раскрытые глаза с прорезанными зрачками под рельефными веками, крупный нос с круглыми кры-

льями, улыбающийся рот, высокий узкий лоб – тщательно проработаны. Маска сохранилась не полностью: утрачены верхняя, нижняя и боковая части. Возможно, это фрагмент театральной маски раба или парасита из греческой Новой комедии эллинистического времени. Судя по составу глины, маска сделана не в Египте и происходит, вероятно, из Греции или Малой Азии.

Имеются многочисленные аналогии. Так, подобные маскароны III–II вв. до н.э. получили распространение в Греции⁷ и Кампании этой эпохи⁸. Очень схожа с публикуемой маска раба (или парасита?) из Музея искусств и ремесел (Гамбург), датируемая III–II вв. до н.э.⁹ В Британском музее хранится терракотовая головка актера в аналогичной театральной маске раба или парасита, датируемая II–I вв. до н.э., возможно, сделанная мастером-греком (или эллинизированным египтянином?) в Александрии¹⁰. Другая подобная маска эллинистического времени имеется в коллекции Вюрцбургского университета¹¹. В римском Египте курьезницы декорировались подобными комическими театральными масками, о чем свидетельствует находка группы таких фимиатериев¹². Такие маски, украшавшие фимиатерии, копируют эллинистические прототипы.

Наиболее близкой аналогией публикуемому экземпляру является найденная при раскопках в Навкратисе глиняная модель комической маски III–II вв. до н.э. (Британский музей)¹³. Очевидное сходство с публикуемым образцом из ГМИИ имеет и фрагментированная терракотовая маска раба или парасита из Новой комедии из коллекции П.Н. Сабурова (ГЭ), изготовленная мастерами из Смирны во II в. до н.э.¹⁴.

Наконец, следует отметить определенный «стандарт» и массовость производства терракотовых театральных масок в эллинистическом Египте, где, возможно, наряду с мастерами-греками их изготовлением занимались и художники смешанного (греко-египетского) происхождения, вдохновляющиеся привозными масками, попадавшими в страну, по-видимому, через Навкратис. Одной из таких импортных масок (моделью маски или украшением фимиатерия) является и публикуемый экземпляр из коллекции В.С. Голенищева.

2. Украшение деревянного саркофага (рис. 2, I)

Инв. I, 1а 2938.

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911 г.). В карточке Голенищева ИГ-3199 указано сравнение с Навкратисом, раскапываем Питри

Датировка: III–II вв. до н.э.

Сохранность: сколы на боковых сторонах и в нижней части

Высота 7,8 см; ширина 2,6 см; толщина 0,6–3,6 см

Способ изготовления: оттиск в односторонней форме хорошего качества, с дополнительной доработкой деталей

⁷ Schmidt 1994, 138–139, Taf. 40, 218–219.

⁸ Kriseleit, Zimmer 1994, 139, Abb. 69.

⁹ Ewigleben, Grumbkow 1991, 80, Abb. 85.

¹⁰ Bailey 2008, 149, pl. 103, 3559.

¹¹ Schmidt 1994, 124, Taf. 36, Abb. 188.

¹² Bayer-Neimeier 1988, Taf. 125, 5–6 (Nr. 734–735).

¹³ Bailey 2008, 149–150, pl. 104, 3565.

¹⁴ Ходза 2018, 225, рис. 93.

1

2

Рис. 2.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная светло-красно-коричневая (2.5YR5/3) и светло-коричневая (5YR5/3), со средним количеством слюды, небольшой примесью кварцевого песка и растительных частиц

Цвет внешней поверхности: светло-коричневый (5YR5/3)

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание

Обжиг: равномерный окислительный

Примечание: следы белой гипсоподобной субстанции на лицевой стороне, среды розового пигмента на верхней губе

Аналогии: Nielsen, Østergaard 1997, 103, fig. 85; Ходза 2018, 224, рис. 92; Spier et al. 2018, 272–273, fig. 172; Poole 2016, 146, fig. 108; Кошеленко 1977, 100, рис. 39; Пугаченкова 1977, 183–184.

Реплика представляет уменьшенную театральную комическую маску раба (?) или сатира (?) из Новой комедии (рис. 2, 1). Рельеф четкий, хорошо проработан. Моделировка тщательная, реалистичная, характерная для эллинистического времени¹⁵: тщательно проработаны улыбающийся большой рот, четко очерченные крылья носа, массивный подбородок, толстые щеки, выразительные глаза, заче-

¹⁵ Подобная трактовка глаз, в частности, в античной скульптуре является распространенной особенно в римское время. См. ряд портретов из Эрмитажа: Вальдгауэр 1923. Но есть примеры из эллинистической эпохи. Мы имеем ввиду терракотовые головы львов, украшающие метопы селевкидского (?) дворца в Старой Нисе (III–II вв. до н.э.). См.: Пилипко 1996, 59, табл. 19,

санные назад волосы, тяжелый венок, надвинутый на лоб. Последний косвенно намекает на связь с сатиром из свиты Диониса. Реплика сделана из неегипетской глины и, соответственно, является привозной.

Аналогий много. В первую очередь, это терракотовые маски из Танагры, преимущественно III в. до н.э., хранящиеся в Новой глипготекке Карлсберга¹⁶. Очень схожая маска раба из Новой комедии имеется в коллекции П.Н. Сабурова в Государственном Эрмитаже; она изготовлена в Аттике в III–II вв. до н.э.¹⁷. Из Италии (коллекция Кампаны) происходит барельеф времени Домициана (81–96) с изображением эллинистического сюжета, переданного в псевдоегипетской «иератической» манере: представлен комический актер в похожей маске¹⁸. Очевидно, что это подражание более ранним изображениям комических актеров в специфическом «египтизированном» стиле. К римскому времени (I в. н.э.) относится и найденная в Помпеях мраморная статуэтка сидящего Эрота, опирающегося левой рукой на театральную комическую маску, вероятно, раба или парасита¹⁹. Аналогии маске сатира в венке представляют и терракоты из Берлинского музея²⁰, а также эллинистический маскарон II в. до н.э. из раскопок Старой Нисы²¹ и римский маскарон I в. до н.э. – I в. н.э. из раннекушанской Бактрии, являющийся подражанием эллинистическим образцам²².

По нашему мнению, публикуемый экземпляр изготовлен в одном из полисов Греции или Малой Азии в III–II вв. до н.э. и завезен в Египет, по-видимому, через Навкратис.

Одно из объяснений связи театральной атрибутики, особенно комических персонажей и масок, с изобразительными мотивами погребального ритуала кроется в вере древних в магическую силу смеха, который, по их убеждениям, способен был нейтрализовать силы зла²³.

3. Украшение деревянного саркофага (рис. 2, 2)

№ I, 1a 2939

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911 г.)

Датировка: I–II вв. н.э.

Сохранность: небольшие сколы на нижней части оборотной стороны маски

Высота 11, 2 см, ширина 7,9 см

Материал: гипс

Цвет внешней поверхности: светло-серый

Примечание: следы черной краски на глазах маски, на бровях – синей

Аналогии: Bragantini, Samraolo 2011, 136, fig. 26; 164, fig. 47; 174, fig. 54; 194–195, fig. 66 a–c; 198 fig. 68; 199, fig. 69; 307, fig. 135; Ломтадзе, Фирсов

1. В.Н. Пилипко в подтверждении того, что данный скульптурный прием появляется еще в эллинистическое время приводит ряд аналогий.

¹⁶ Nielsen, Østergaard 1997, 103, fig. 85.

¹⁷ Ходза 2018, 224, рис. 92.

¹⁸ Spier, Potts, Cole 2018, 272–273, fig. 172.

¹⁹ Poole 2016, 146, fig. 108.

²⁰ Варнеке 1940, 87.

²¹ Кошеленко 1977, 100, рис. 39.

²² Пугаченкова 1977, 183–184.

²³ Жижина 2015, 135.

2010, 34, рис. 10; 79, рис. 68; Bailey 2008, 149, pl. 104, 3564; Bayer-Neimeier 1988, Taf. 115, Abb. 5 (Nr. 662); Schmidt 1994, 156–157, Taf. 45, fig. 256; Неве-ров 1980, 87, рис. 360, цв. вклейка № 360; Сокольский 1969, 60–63, табл. 48, 9–11; Жижина 1997, 158, 162–165, рис. 18, 21–22.

Гипсовое украшение деревянного саркофага в виде театральной трагической маски (рис. 2, 2) с высокой прической и ниспадающими волосами, прорезным раскрытым в окрике ртом и большими глазами, патетически закатанными вверх, представляет уменьшенное изображение маски трагического персонажа. Моделировка небрежная. Изначально маска была раскрашена: на глазах сохранились остатки черной краски, а на бровях – синей.

Главные аналогии образцу из ГМИИ представляют, например, гипсовые украшения боспорских деревянных саркофагов второй половины I – первой половины II в. н.э., такого же размера, в виде театральной трагической маски с высокой прической²⁴, с чертами лица, исполненными различным способом — при помощи только росписи (с закрытым ртом) и росписи с резьбой (с открытым ртом) (к последнему типу принадлежит и экземпляр из коллекции В.С. Голенищева). Очертаниям боспорских масок придана форма, близкая треугольнику, вершиной которого служит округлое завершение шапки (онкос); роспись на них нанесена черной и голубой красками по грунтовке из тонкозернистого чисто белого гипса: черной краской обведен разрез глаз и показан зрачок, широкой голубой полосой обозначены глазные впадины²⁵.

Использование театральных атрибутов в декоре саркофагов объясняется связью театрального искусства с культом Диониса, который, как всякий земледельческий культ, является также и культом загробным, хтоническим. Дионис был наделен особой властью божества, почитавшегося как защитник душ усопших в потустороннем мире. Присущие дионисийской обрядности театрализованные празднества и шествия, изображения театрального космоса и предметов имели в глазах древних оберегающую от зла силу и потому, наряду с другими апотропейческими мотивами, широко применялись в декоре погребальных сооружений²⁶. Подобные налесты на саркофаги выполняли функцию апотропея, защищающего ее владельца от злых сил – духов, враждебных умершему²⁷. Таким образом, публикуемый экземпляр из коллекции В.С. Голенищева также представляет элемент декора деревянного саркофага, на что указывает отверстие на его тыльной стороне.

Что касается стиля маски, то он подражает римским театральным маскам I в. н.э.²⁸. Подобные трагические маски изображались на стенах частных домов

²⁴ Сокольский 1969, 60–63, табл. 48, 9–11; Жижина 1997, 158, 162–165, рис. 18, 21–22; 2015.

²⁵ Жижина 2015, 139–140.

²⁶ Жижина 2015, 135.

²⁷ О связи античных театральных масок с миром сакрального см.: Кулишова 2013, 317–324.

²⁸ Отметим, что трагические маски эллинистического времени отличаются по своей иконографии от описываемой выше отсутствием высокой прически. Ср., например, с терракотовой трагической маской II в. до н.э. из Неаполя (Vaforoulou-Richardson 1991, 37, fig. 40) или с маской из Новой глиптотеки Карлсберга (Schmidt 1994, Taf. 45, 253–254). Отметим также, что они становятся и более реалистическими, по сравнению с масками эпохи классики (V–IV вв. до н.э.) (Каллистов 1970, 149).

Помпей и Геркуланума²⁹ 62–79 гг. н.э. и относятся к IV стилю помпейской живописи, т.н. «иллюзионистскому». Эти изображения имеют сугубо декоративное, жанровое значение, будучи вплетены в замысловатые художественные конфигурации, сочетающие в себе архитектурные элементы, мифологические персонажи, театральную атрибутику и т.д. Они отражают интерес горожан к греческому театральному искусству, в частности, к жанру трагедии, который после смерти Еврипида в 406 г. до н.э. постепенно деградирует, но продолжает оставаться на театральной сцене в эллинистических государствах. Об этом свидетельствует, в частности, изображение сцены из трагедии из Помпей, которое, относится к более позднему времени – к началу I в. н.э. Особо подчеркнем, что на лица актеров надеты маски именно данного типа – с высокой прической³⁰. Подобные маски украшали и ремесленные изделия, например, мраморный медальон из Помпей с геральдической композицией, состоявшей из двух театральных трагических масок с высокой прической, датируемый 62–79 гг. н.э.³¹

Аналогии образцу из ГМИИ известны и в ряде музеев: в Британском музее хранится маска египетского происхождения, аналогичная публикуемой, датируемая I–II вв. н.э.³²; Музее скульптуры «Либигхауз» (Франкфурт-на-Майне) – глиняная лампа первых веков нашей эры, украшенная театральной трагической маской с высокой прической³³; музейной коллекции Вюрцбургского университета – театральная маска начала нашей эры³⁴, происходящая, вероятнее всего, из Южной Италии³⁵.

Следует отметить, что наряду с римской Италией и поздним Египтом театральные терракотовые трагические маски с высокой прической получили распространение и в Северном Причерноморье. Так, в XIX в. две подобные маски были обнаружены при исследовании раннеримских (I–II вв. н.э.) слоев Пантикапея³⁶. Там же была найдена и трагическая театральная маска также римского времени более традиционного типа³⁷, очевидно, восходящего еще к эллинистическим образцам.

Таким образом, публикуемый гипсовый элемент декора деревянного саркофага из коллекции В.С. Голенищева датируется I–II вв. н.э. и свидетельствует о влиянии античной культуры на население Фаюма этой эпохи. Он не несет никаких египетских черт в иконографии и был создан либо мастером-греком, возможно, местным, подражающим популярному образцу, либо римлянином (римское население появляется в Египте уже с последних десятилетий I в. до н.э.). Можно также полагать, что публикуемый налест на саркофаг был привезен в Египет из Италии, Греции или восточных провинций империи, либо с Боспора, где данный тип гипсовых украшений деревянных саркофагов получил широкое распространение в I–II вв. н.э.

²⁹ Bragantini, Sampaolo 2011, 136, fig. 26; 164, fig. 47; 174, fig. 54; 194–195, fig. 66 a–c; 198, fig. 68; 199, fig. 69; Ломтадзе, Фирсов 2010, 79, рис. 68.

³⁰ Bragantini, Sampaolo 2011, 307, fig. 135. О римских театральных масках см.: Beare 1968, 184–195.

³¹ Ломтадзе, Фирсов 2010, 34, рис. 10.

³² Bailey 2008, 149, pl. 104, 3564.

³³ Bayer-Neimeier 1988, Taf. 115, 5 (Nr. 662).

³⁴ Schmidt 1994, 156–157, Taf. 45, 256.

³⁵ Schmidt 1994, 157.

³⁶ Неверов 1980, 87, рис. 360, цв. вклейка № 360.

³⁷ Белов 1976, 100, рис. 314. Исследователи полагают, что это – изделие гончарных мастерских римской Малой Азии.

Рис. 3.

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ АКТЕРОВ

4. Головка статуэтки актера (рис. 3)

Инв. I, 1а 2743

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911 г.)

Датировка: III в. до н.э. (?)

Сохранность: целая, небольшие потертости и загрязнения поверхности

Высота 5 см, ширина 4,2 см, толщина 4,4 см

Способ изготовления: оттиск в форме хорошего качества, с долепами головного убора и шеи

Материал: глина тонкая плотная светло-коричневая (5YR6/3), со средним количеством слюды, небольшой примесью кварцевого песка и растительных частиц

Цвет внешней поверхности: светло-коричневый (5YR6/3)

Способ отделки внешней поверхности: без отделки

Обжиг: равномерный окислительный

Примечание: по глине неегипетская; остатки светлооранжево-розового пигмента на лице и головном уборе, красного пигмента на головном уборе

Аналогии: Bailey 2008, 148, pl. 103, 3554; 150, pl. 104, 3561.

Очевидно, что представлен один из персонажей греческой Новой комедии эллинистического времени – раб или паразит. Моделировка тщательная, с проработкой индивидуальных черт: толстые щеки, крупный нос, большой улыбающийся рот, глаза под рельефными веками, узкий лоб со складками над бровями.

Из аналогий следует назвать, прежде всего, найденное в Египте терракотовое украшение сосуда в виде головки актера в театральной маске сатира, датируемого

III–II вв. до н.э.³⁸. К более раннему времени (конец IV в. до н.э.) относится фрагментированная статуэтка актера в маске раба или парасита, также египетского происхождения, из Британского музея³⁹. Подобные находки в Египте свидетельствуют, что уже в раннеэллинистическое время в стране распространяется интерес к греческой комедии, которая, возможно, ставилась еще раньше на театральных подмостках Александрии, Навкратиса или Птолемаиды.

Рис. 4.

5. Фигурка актера в маске Силена? (рис. 4)

Инв. I, 1а 2918

Происхождение: из собрания В. С. Голенищева (1911)

Датировка: III–II вв. до н.э.

Сохранность: утрачена нижняя часть статуэтки, загрязнения поверхности

Высота 6,5 см, ширина 3,5 см, толщина 3,1 см

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; оттиск лицевой стороны высокого качества; оттиск задней стороны среднего качества; головной убор подправлен вручную; соединительные швы подрезаны и заглажены

Материал: глина аллювиальная тонкая плотная светло-красно-коричневая (2.5YR5/3), со средним количеством целых и измельченных речных раковин

³⁸ Bailey 2008, 150, pl. 104, 3561.

³⁹ Bailey 2008, 148, pl. 103, 3554.

(одна крученая раковина видна на сколе), небольшой примесью слюды и растительных частиц

Цвет внешней поверхности: светло-красно-коричневый (2.5YR5/3)

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание

Обжиг: равномерный окислительный

Примечание: следы белой гипсоподобной субстанции на лицевой и задней сторонах, среды красно-коричневого пигмента на лице

Аналогии: Vaforoulou-Richardson 1991, 46, fig. 53; Ходза 2018, 237–240, рис. 104–106; Ewingleben, Grumbkow 1991, 31, 68, Abb. 57; Nielsen, Østergaard 1997, 109, fig. 90; Fjeldhagen 1995, 111–112, fig. 93–94; Ewingleben, Grumbkow 1991, 37, 100, Abb. 148; Griesbach 2013, 119, fig. 13.

Фрагментированная терракотовая статуэтка, изображающая обнаженного актера в комической маске со скрещенными руками на груди. Моделировка тщательная, проработаны все детали фигуры – большой живот, слегка склоненная вправо голова, руки на груди, а также черты комической маски: лукавая улыбка, массивный подбородок, складки на лбу, пышные брови над большими глазами без зрачков под рельефными веками, зачесанные назад волосы. На голову надет массивный венок из плюща. Переданы динамизм и экспрессия, характерные для эллинистического искусства. Вместо развитой мускулатуры (для периода эллинизма характерна уже ее гиперболизация⁴⁰) показано щедрое тело с отвисшим животом. Скорее всего, статуэтка представляет актера в роли силенна, на что указывает венок из плюща, связанный с культом Диониса⁴¹ и являющийся атрибутом божества и представителей его свиты – сатиров, силенов⁴². Подобный венок украшает, например, терракотовую головку молодого Диониса из Смирны, датированную ок. 100 г. до н.э.⁴³, серию терракотовых голов Диониса позднеэллинистического или римского времени из коллекции П.Н. Сабурова (ГЭ)⁴⁴, терракотовую голову юного Диониса позднеэллинистического времени, найденную в Египте, из Музея искусств и ремесел (Гамбург)⁴⁵, позднеэллинистическую маску персонажа дионисийского круга из Мирины⁴⁶, терракотовые статуэтки сатира⁴⁷ и силенна⁴⁸ римской эпохи (I–II вв. н.э.) из Новой глипготеки Карлсберга (обе статуэтки происходят из Египта). Аналогичная театральная маска украшает светильник эллинистического времени из Музея искусств и ремесел (Гамбург), происходящий из Египта⁴⁹.

Вряд ли это изображение актера сатирической драмы, которая тесно примыкает к трагедии и одновременно с ней заканчивает свое существование уже к концу IV в.

⁴⁰ Вальдгауэр 1923, 28. См. также изображение сатира с подчеркнутой мускулатурой на мраморном медальоне из Помпей, датированный ок. 62–79 гг. н.э. См.: Ломтадзе, Фирсов 2010, 45, рис. 20.

⁴¹ Кагаров 1913, 166–168.

⁴² Кагаров 1913, 168.

⁴³ Vaforoulou-Richardson 1991, 46, fig. 53.

⁴⁴ Ходза 2018, 237–240, рис. 104–106.

⁴⁵ Ewingleben, Grumbkow 1991, 31, 68, Abb. 57.

⁴⁶ Nielsen, Østergaard 1997, 109, fig. 90.

⁴⁷ Fjeldhagen 1995, 112, fig. 94.

⁴⁸ Fjeldhagen 1995, 111, fig. 93.

⁴⁹ Ewingleben, Grumbkow 1991, 37, 100, Abb. 148.

до н.э.⁵⁰, поскольку публикуемая статуэтка датируется III–II вв. до н.э. Полагаем, что изображенный актер в маске сатира – участник сельских комосов, празднеств в честь Диониса. Возможно, публикуемый образец свидетельствует о том, что подобные празднества справлялись и в среде греческого и смешанного населения птолемеевского Египта.

Можно также допустить, что публикуемая статуэтка изображает актера в маске силена (сатира) с чертами Гарпократа: в коллекции египетских древностей Вюрцбургского университета имеется стела римского времени с фигурой Гарпократа, с толстым животом и в венке, идентичном венку статуэтки из собрания В.С. Голенищева⁵¹. Возможно, что это Гарпократ с чертами Диониса. Если это так, то в эллинистическом Египте существовал синтез культов дионисийского круга и культа Гарпократа. В любом случае, статуэтка актера из коллекции В.С. Голенищева интерпретируется нами как изображение участника празднеств в честь Диониса, которые могли быть «окрашены» в осирические тона⁵².

6. Статуэтка актера в театральной маске, закутанного в плащ (рис. 5, 1)

Инв. I, 1а 6198

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911 г.)

Датировка: III (?) в. до н.э.

Сохранность: утрачены ноги, загрязнения поверхности

Высота 11,9 см, ширина 6,0 см, толщина 4,2 см

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; оттиск лицевой стороны среднего качества; оттиск задней стороны низкого качества; соединительные швы подрезаны и заглажены; на задней стороне технологические отверстие диаметром 2,2 см, прорезанное до обжига

Материал: глина средне-тонкая плотная бежево-оранжевая (5YR6/6, 5YR7/6), с большим количеством черного камня (гематит?), средним количеством слюды и кварцевого песка, небольшой примесью растительных частиц

Цвет внешней поверхности: бежево-оранжевый (5YR6/6, 5YR7/6)

Без отделки внешней поверхности

Обжиг: неравномерный окислительный

Примечание: по глине неегипетская

Аналогии: Варнеке 1915, 5–6; Белов 1976, 36, рис. 117; Fjeldhagen 1995, 134, fig. 117; 150, fig. 139.

⁵⁰ Варнеке 1940, 63–65.

⁵¹ Griesbach 2013, 119, fig. 13.

⁵² Об отождествлении Осириса и Диониса см. у Геродота (Hdt. II. 48, 130). Впрочем, наше объяснение можно дополнить. Не связана ли наша статуэтка еще и с погребальным культом? Учитывая, что Осирис, отец Гарпократа, был владыкой царства мертвых, это вполне можно допустить. В ряде культур погребальные церемонии превращались в настоящее театральное действие, сопровождающееся пантомимой и танцами. На пример, при раскопках некрополя Мунон-депе (Маргиана) парфянского времени (I–II вв. н.э.) были обнаружены фрагменты оссуария с наклепными изображениями, представляющими танцующих обнаженных женщин и козлоподобных существ, напоминающих сатиров, т.е., очевидно, представлено дионисийское действие. См.: Кошеленко, Оразов 1965, 42–56.

Рис. 5.

Изображен полулежащий актер, полностью укутанный с головы до ног в женский плащ; его голова в комической маске слегка приподнята и склонена вправо, правая и левая руки согнуты в локтях, кисти рук обломаны. Ноги от коленей обломаны. Моделировка тщательная, проработаны детали: крупная голова, толстый живот. Переданы движение и экспрессия. Маска – с довольно толстыми щеками, крупным носом, улыбающимся ртом, большими глазами со зрачками под рельефными веками, высоким узким лбом. Очевидно, что воспроизведен образ актер в роли раба или парасита из Новой комедии, либо представлена сцена непосредственно из какой-то античной комедийной театральной постановки. Мы полагаем, что актер одет в женскую одежду, исходя из аналогий. Например, из Северного Причерноморья происходит эллинистическая терракотовая статуэтка актера в образе дряхлой старухи⁵³. К IV в. до н.э. относится терракотовая статуэтка актера Средней комедии, играющего старуху или гермафродита(?)⁵⁴. Но если у этих статуэтках костюмы актеров и маски соответствуют женскому образу, то у публикуемого образца – маска мужская, а костюм определенно женский, что, по-видимому, должно было усиливать комичность образа: поза актера напоминает возлежащую женщину. Например, в Новой глипготекке Карлсберга хранится терракотовая ста-

⁵³ Варнеке 1915, 5–6; Белов 1976, 36, рис. 117.

⁵⁴ Fjeldhagen 1995, 134, fig. 117.

туэтка эллинистического времени египетского происхождения, изображающая лежащего актера в аналогичной позе⁵⁵. В Древней комедии известны подобные примеры переодевания мужских персонажей: так, в комедии Аристофана «Женщины в Народном собрании» в женскую одежду облачается трагик Еврипид, в его же комедии «Лисистрата» – один из второстепенных персонажей. В Новой комедии (в пьесах Менандра и Плавта⁵⁶) такие образы не встречаются. Однако, возможно, в каких-то недошедших произведениях греческих комедиографов такой сюжет вполне мог иметь место. Поскольку публикуемая статуэтка из коллекции В.С. Голенищева сделана не из египетской глины и является привозной, возможно, из Греции, это только подкрепляет наши предположения.

5. Статуэтка обнаженного актера в плаще и комической маске (рис. 5, 2)

Инв. I, 1а 6201

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911 г.)

Датировка: эллинистическое время

Сохранность: утрачена голова и ноги ниже колена, потертости и загрязнения поверхности

Высота 6,7 см, ширина 4,7 см, толщина 3,1 см

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме, низкого качества, детали смазаны; соединительные швы подрезаны и заглажены

Материал: глина мергельная тонкая плотная светло-коричневая (7.5YR6/4), с небольшим количеством слюды и кварцевого песка, редкими включениями растительных частиц

Цвет внешней поверхности: бежевый (7.5YR6/2)

Способ отделки внешней поверхности: без отделки

Обжиг: неравномерный окислительный

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и задней сторонах

Аналогии: Vafopoulou-Richardson 1991, 38, fig. 42–43; Schmidt 1994, 32, Abb. 14; 156, Abb. 254; Nielsen, Østergaard 1997, 102, fig. 84; Griesbach 2013, 189, Abb. 70.

Обнаженный актер представлен стоящим, держа в правой руке комическую маску и левой придерживая перекинутый через плечо плащ. Актер имеет толстый живот и подчеркнутый фалл – возможно, накладные, т.е. это театральный реквизит. Аналогии – две статуэтки актеров Средней и Новой греческой комедии аттической работы, датируемые IV–III вв. до н.э.⁵⁷ Голова и ступни статуэтки не сохранились, частично обломана также театральная маска. Видны остатки достаточно массивной шеи и крупного подбородка. По-видимому, голова у персонажа была очень большой, что свидетельствует о карикатурном характере изображения. Полагаем, что мастер представил актера в момент после постановки, когда тот только что снял маску и плащ, придав образу преувеличенно гротескные черты.

⁵⁵ Fjeldhagen 1995, 150, fig. 139.

⁵⁶ О комедийных типах комедий Плавта см.: Варнеке 1905.

⁵⁷ Vafopoulou-Richardson 1991, 38, fig. 42–43; Schmidt 1994, 32, Abb. 14.

Маска имеет длинные волосы, юное безбородое лицо с высоким лбом, крупными подбородком и носом, открытым ртом, небольшие глаза. Черты лица, скорее, нежные, не грубые. Судя по всему, это образ богатого молодого человека, влюбленного в бедную, добродетельную девушку. Следует, в частности, вспомнить комедию Менандра «Брюзга».

В Новой глипготекке Карлсберга хранится терракотовая театральная маска эллинистического времени (III в. до н.э.) из Танагры, аналогичная публикуемому образцу⁵⁸. Другая похожая маска найдена в Египте и также датируется III в. до н.э.⁵⁹ Ко II–I вв. до н.э. относится терракотовая театральная маска молодого человека, опубликованная в каталоге античных терракот Музея Мартина фон Вагнера в Вюрцбургском университете⁶⁰.

Примечательно, что терракотовая статуэтка стоящего актера Новой комедии из коллекции В.С. Голенищева сделана из местной, египетской глины, возможно, греческим мастером из Навкратиса или Александрии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, публикуемые артефакты из египетской коллекции В.С. Голенищева, связанные с театральной атрибутикой, свидетельствуют о том, что элементы античной культуры получили широкое распространение в позднептолемеевском и римском Египте, население которого приобщалось к такому важному феномену культурной жизни античного общества как театр, в первую очередь, к Новой комедии, расцвет которой как раз и пришелся на эллинистическое время. Что же касается реплик комической и трагической масок из коллекции, то они являлись элементом декора деревянных саркофагов и выполняли функции апотропеев, защищающих от злых сил.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов, Г.Д. 1976: *Античная короластика. Каталог выставки*. Л.
 Вальдгауэр, О.Ф. 1923: *Лисипп*. Берлин.
 Вальдгауэр, О.Ф. 1923: *Римская портретная скульптура в Эрмитаже*. Петербург.
 Варнеке, Б.В. 1905: *Наблюдения над древнеримской комедией. К истории типов*. Казань.
 Варнеке, Б.В. 1915: *Новые древности из Керчи*. Одесса.
 Варнеке, Б.В. 1940: *История античного театра*. М.–Л.
 Жижина, Н.К. 1997: Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени. *ТГЭ XXVIII*, 149–166.
 Жижина, Н.К. 2008: Гипсовые трагические маски как элемент декора боспорских деревянных саркофагов I–II веков (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа). В сб.: *Маски: от мифа к карнавалу. Материалы научной конференции «Витперовские чтения – 2007»*. Вып. XXXVIII. М., 90–104.
 Жижина, Н.К. 2015: Ещё раз о театральных масках в гипсовом декоре боспорских деревянных саркофагов I–II веков. В сб.: Е.А. Савостина (ред.), *Маска и театр в зрелищ-*

⁵⁸ Nielsen, Østergaard 1997, 102, fig. 84.

⁵⁹ Griesbach 2013, 189, Abb. 70.

⁶⁰ Schmidt 1994, 156, Abb. 254.

- ной культуре античного мира (Труды Исторического факультета СПбГУ. Т. 23). СПб., 134-148.
- Кагаров, Е.Г. 1913: *Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции*. СПб.
- Каллистов, Д.П. 1970: *Античный театр*. Л.
- Кошеленко, Г.А. 1977: *Родина парфян*. М.
- Кошеленко, Г.А., Оразов О. 1965: О погребальном культе в Маргиане в парфянское время. *ВДИ* 4, 42–56.
- Кулишова, О.В. Маска в древнегреческом театре: ее происхождение и сакральные основы. В сб.: *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 13, 317–324.
- Ломтадзе, Г.А., Фирсов, К.Б. *Помпеи. Тайны погребенного города. Каталог выставки*. М.
- Неверов, О.Я. 1980: *Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки*. Л.
- Пилипко, В.Н. 1996: *Старая Нуса. Здание с квадратным зданием*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1977: Римский маскарон из Северной Бактрии. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *История и культура античного мира*. М., 183–184.
- Сокольский, Н.И. 1969: *Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья (САИ Г1-17)*. М.
- Ходза, Е.Н. 2018: *Античные терракоты из собрания П.А. Сабурова*. СПб.
- Bailey, D.M. 2008: *Catalogue of Terracottas in the British Museum. Vol. IV. Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London.
- Bayer-Niemeier, E. 1988: *Griechisch-römische Terrakotten*. (Liebighaus-Museum alter Plastik. Bildwerke der Sammlung Kaufmann. Bd. 1). Frankfurt am Main.
- Beare, W. 1968: *The Roman Stage*. London.
- Bragantini, I., Sampaolo, V. 2011: *La Pittura Pompeiana*. Napoli.
- Ewigleben, C., Grumbkow, J. von. 1991: *Götter, Gräber und Grottesken. Tonfiguren aus dem Alltagsleben im römischen Ägypten*. Hamburg.
- Fjeldhagen, M. 1995: *Graeco-Roman Terracottas from Egypt by Ny Carlsberg Glyptotek*. Copenhagen.
- Griesbach, J. 2013: *Griechisch-Ägyptisch Tonfiguren vom Nil*. Würzburg.
- Kriseleit, I., Zimmer, G. 1994: *Hellenistische Tonfiguren und Nachschöpfungen im 19. Jh. Mainz am Rhein*.
- Nielsen, A.M., Østergaard, J.S. 1997: *Catalogue the Eastern Mediterranean in the Hellenistic Period Ny Carlsberg Glyptotek*. Copenhagen.
- Poole, F. 2016: *Il Nilo a Pompei. Visioni D'Egitto nel mondo Romano*. Torino.
- Schmidt, E. 1994: Martin-von-Wagner-Museum der Universität Würzburg. Katalog der antiken Terrakotten. Teil I. Die figürlichen Terrakotten. Mainz.
- Sarre, F. 1923: *Die Kunst des alten Persien*. Berlin.
- Spier, J., Potts, T., Cole, S.E. 2018: *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Los Angeles.
- Vafopoulou-Richardson, C.E. 1991: *Ancient Greek Terracottas*. Oxford.

REFERENCES

- Bailey, D.M. 2008: *Catalogue of Terracottas in the British Museum. Vol. IV. Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London.
- Bayer-Niemeier, E. 1988: *Griechisch-römische Terrakotten*. (Liebighaus-Museum alter Plastik. Bildwerke der Sammlung Kaufmann. Bd. 1). Frankfurt am Main.
- Beare, W. 1968: *The Roman Stage*. London.
- Belov, G.D. 1976: *Antichnaya koroplastika. Katalog vystavki [Antique Coroplast. An Exhibition Catalogue]*. Leningrad.
- Bragantini, I., Sampaolo, V. 2011: *La Pittura Pompeiana*. Napoli.

- Ewigleben, C., Grumbkow, J. von. 1991: *Götter, Gräber und Grottesken. Tonfiguren aus dem Alltagsleben im römischen Ägypten*. Hamburg.
- Fjeldhagen, M. 1995: *Graeco-Roman Terracottas from Egypt by Ny Carlsberg Glyptotek*. Copenhagen.
- Griesbach, J. 2013: *Griechisch-Agyptisch Tonfiguren vom Nil*. Würzburg.
- Kagarov, E.G. 1913: *Kul't fetishey, rasteniy i zivotnykh v Drevney Gretsii* [*The Cult of Fetishes, Plants and Animals in Ancient Greece*]. Saint Petersburg.
- Kallistov, D.P. 1970: *Antichnyy teatr* [*Antique Theater*]. Leningrad.
- Khodza, E.N. 2018: *Antichnye terrakotty iz sobraniya P.A. Saburova* [*Antique Terracottas from the P.A. Saburov Collection*]. Saint-Petersburg.
- Koshelenko, G.A. 1977: *Rodina parfyan* [*Homeland of the Parthians*]. Moscow.
- Koshelenko, G.A., Orazov, O. 1965: O pogrebal'nom kul'te v Margiane v parfyanskoe vremya [About the Funeral Cult in Margiana during the Parthian Period]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 42–56.
- Kriseleit, I., Zimmer, G. 1994: *Hellenistische Tonfiguren und Nachschöpfungen im 19. Jh.* Mainz am Rhein.
- Kulishova, O.V. 2013: Maska v drevnegrechskom teatre: ee proiskhozhdenie i sakral'nye osnovy [Mask in the Ancient Greek Theater: Its Origin and Sacred Foundations]. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [*Mnemon. Research and Publications on the History of the Ancient World*] 13, 317–324.
- Lomtadze, G.A., Firsov, K.B. 2010: *Pompei. Tayny pogrebennogo goroda. Katalog vystavki* [*Pompeii. Secrets of the Buried City. An Exhibition Catalogue*]. Moscow.
- Neverov, O. YA. 1980: *Khudozhestvennoe remeslo epokhi Rimskoy imperii (I v. do n.e. – IV v. n.e.)*. Katalog vystavki [*Artistic Craft of the Roman Empire Era (1st century BC – 4th century AD). An Exhibition Catalogue*]. Leningrad.
- Nielsen, A.M., Østergaard, J.S. 1997: *Catalogue the Eastern Mediterranean in the Hellenistic Period Ny Carlsberg Glyptotek*. Copenhagen.
- Pilipko, V.N. 1996: *Staraya Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom* [*Old Nisa. A Building with the Square Hall*].
- Poole, F. 2016: *Il Nilo a Pompei. Visioni D'Egitto nel mondo Romano*. Torino.
- Pugachenkova, G.A. 1977: Rimskiy maskaron iz Severnoy Baktirii [Roman Mascaron from Northern Bactria]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Istoriya i kul'tura antichnogo mira* [*History and Culture of the Ancient World*]. Moscow, 183–184.
- Sarre, F. 1923: *Die Kunst des alten Persien*. Berlin.
- Schmidt, E. 1994: Martin-von-Wagner-Museum der Universität Würzburg. Katalog der antiken Terrakotten. Teil I. Die figürlichen Terrakotten. Mainz.
- Sokolskiy, N.I. 1969: *Antichnye derevyannye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya* [*Antique Wooden Sarcophagi of the Northern Black Sea Region*] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–17). Moscow.
- Spier, J., Potts, T., Cole, S.E. 2018: *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Los Angeles.
- Vafopoulou-Richardson, C.E. 1991: *Ancient Greek Terracottas*. Oxford.
- Varneke, B.V. 1905: *Nablyudeniya nad drevnerimskoy komediy. K istorii tipov* [*Observations on Ancient Roman Comedy. To the History of Types*]. Kazan.
- Varneke, B.V. 1915: *Novye drevnosti iz Kerchi* [*New Antiquities from Kerch*]. Odessa.
- Varneke, B.V. 1940: *Istoriya antichnogo teatra* [*History of the Ancient Theatre*]. Moscow; Leningrad.
- Waldhauer, O.F. 1923b: *Rimskaya portretnaya skul'ptura v Ermitazhe* [*Roman Portrait Sculpture in the Hermitage*]. Petersburg.
- Waldhauer, O.F. 1923a: *Lisipp* [*Lisipp*]. Berlin.
- Zhizhina, N.K. 1997: Kompleks gipsovykh rel'efov iz zemlyanogo sklepa nekropolya Nimfeya i voprosy rekonstruktsii dekora bosporskikh derevyannykh sarkofagov rimskogo vremeni

---

[The Assemblage of Plaster Reliefs from the Underground Vault in the Necropolis of Nymphaeus and the Issues of Reconstruction of the Decor of Bosporan Wooden Sarcophagi of Roman Times]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Transactions of the State Hermitage]* 28, 149–166.

Zhizhina, N.K. 2008: Gipsovye tragicheskie maski kak element dekora bosporskikh derevyannykh sarkofagov I–II vekov (po materialam kollektzii Gosudarstvennogo Ermitazha) [Plaster Tragic Masks as an Element of Decor of Bosporan Wooden Sarcophagi of the 1st–2nd Centuries (Based on Materials from the Collection of the State Hermitage Museum)]. In: *Maski: ot mifa k karnavalu. Materialy nauchnoy konferentsii «Vipperovskie chteniya – 2007» [Masks: from Myth to Carnival. Proceedings of the Scientific Conference “Vipper Readings – 2007”]*, 38. Moscow, 90–104.

Zhizhina, N.K. 2015: Eshchyо raz o teatral’nykh maskakh v gipsovom dekore bosporskikh derevyannykh sarkofagov I–II vekov [Once Again about Theatrical Masks in the Plaster decoration of Bosporan wooden sarcophagi of the 1st–2nd centuries AD]. In: E.A. Savostina (ed.), *Maska i teatr v zrelishchnoy kul’ture antichnogo mira (Trudy Istoricheskogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Mask and Theatre in the Spectacular Culture of the Ancient World (Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University)]*, 23). Saint Petersburg, 134–148.

REPLICAS OF THEATRICAL MASKS AND STATUETTES OF ACTORS FROM THE V.S. GOLENISHCHEV EGYPTIAN COLLECTION IN THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: veretragna@rambler.ru

The article publishes replicas of theatrical masks and figurines of actors from the Egyptian collection of V.S. Golenishchev (Pushkin State Museum of Fine Arts). The terracotta theatrical comic mask (or its replica for decorating a thymiaterion) and figurines of actors reflect the spread of interest in the ancient theater and Greek New Comedy among the population of Hellenistic Egypt. Decorations of wooden sarcophagi in the form of small comic and tragic masks demonstrate the involvement of the population of Hellenistic and Roman Egypt in the chthonic cult of Dionysus, revered as the protector of the souls of the deceased in the other world. The use of theatrical attributes, in particular comic masks, with pictorial motifs of the funeral ritual is explained by the belief of the ancients in the magical power of laughter, which, according to their beliefs, was able to neutralize the forces of evil.

Keywords: Ancient Egypt, Hellenism, Roman period, Pushkin State Museum of Fine Arts, V.S. Golenishchev collection, theatrical masks, terracotta figurines of actors, characters from comedies and kōmos

---

Круглый стол
«Изучение памятников наскального искусства»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 208–227
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 208–227
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-208–227

ИЗОБРАЖЕНИЕ СУЩЕСТВА С ТУЛОВИЩЕМ ВЕРБЛЮДА НА
«ЧЕРНОМ ПЛАФОНЕ» ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ
(ЮЖНЫЙ УРАЛ)

В.Н. Широков¹, Н.А. Широкова²

¹ *Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия*

² *Средняя общеобразовательная школа № 184 «Новая школа», Екатеринбург, Россия*

¹ *E-mail: hvn-58@yandex.ru*

² *E-mail: lastochka65@list.ru*

¹ *ORCID: 0000-0002-5308-2025*

² *ORCID: 0009-0006-6784-0452*

На Южном Урале известны три пещеры с изображениями верхнего палеолита – Капова (Шульган-Таш), Игнatieвская (Ямазы-Таш) и Серпиевская 2 (Колокольная). Бестиарий изображений Серпиевской 2 представлен рисунками северного оленя и головы годовалого олененка. В пещерах Каповой и Игнatieвской изображены преимущественно мамонты и лошади. Дополнительными к ним являются носорог и зубр (Капова), носорогообразное и мамонтообразное фантастические создания, композитное существо в виде лошади с рогом полорогого (Игнatieвская). Кроме того, в Игнatieвской пещере обнаружен рисунок с

Данные об авторах. Владимир Николаевич Широков – старший научный сотрудник центра археологии каменного века ИИиА УрО РАН; Наталия Александровна Широкова – учитель изобразительного искусства, педагог дополнительного образования МАОУ СОШ № 184 «Новая школа».

туловищем верблюда в профиль и примыкающей к нему эллипсовидной фигурой. У некоторых специалистов это изображение вызвало недоумение и недоверие к его датировке поздним плейстоценом. Однако в октябре 2017 г. в Каповой пещере на «панно с лошадьми и знаками» была расчищена из-под кальцита фигура двугорбого верблюда. Стало ясно даже для скептиков, что и фигура с туловищем верблюда из Игнatieвской пещеры также относится к позднему плейстоцену в контексте всего изобразительного ансамбля, радиоуглеродных анализов слоя посещения этой карстовой полости и U-th датировок кальцита, перекрывающего рисунки. Поскольку до сих пор это изображение не характеризовалось детально, а по поводу его интерпретации высказывались различные суждения, в данной статье восполняется этот пробел вместе с новым описанием «Черного плафона» в Дальнем зале Игнatieвской пещеры. В результате компьютерной цветовой фильтрации обсуждаемой фигуры и приведенных аналогий делается вывод, что на потолке Дальнего зала Игнatieвской пещеры воспроизведено, с большой степенью вероятности, композитное существо с туловищем верблюда бактриана (*Camelus bactrianus*) и головой лошади анфас.

Ключевые слова: Южный Урал, Игнatieвская пещера, верхний палеолит, пещерная живопись, композитное существо с туловищем верблюда бактриана

ВВЕДЕНИЕ

В Каповой пещере, в зале Хаоса, в период археологических исследований экспедиций О.Н. Бадера, а затем В.Е. Щелинского было открыто и охарактеризовано панно с лошадьми и знаками¹. В левой части этого панно в 2008 г. из-под кальцита были расчищены две конечности; некоторыми специалистами предполагалось наличие здесь композитного антропоморфного существа². В октябре 2017 г. в пещере проводилась плановая очистка стен под руководством специалиста по консервации и сохранению древних изображений Э. Гуилламета. Каково же было удивление всех, кто принимал участие в этой работе, когда в результате снятия кальцитового коры проявилась реалистически выполненная двугорбая фигура верблюда бактриана с обращенной влево небольшой удлиненной мордой. Рисунок красного цвета с различными оттенками. Широкая линия проходит от углубления между горбами к животу, шея и голова проработаны силуэтно, показаны слившиеся в одну передние конечности и две раскинутые в ходьбе задние, а также небольшой хвост. Все характерные особенности вида *Camelus bactrianus* отчетливо различимы³. Голова частично окрашена черным цветом, на туловище, а также в анализированных образцах пигмента выявлен древесный уголь⁴. Это открытие вызвало широкий резонанс в мировом научном сообществе.

Однако ранее в Игнatieвской пещере в 1984 г. были открыты изображения черного цвета, среди которых присутствовал рисунок с туловищем верблюда, об-

¹ Бадер 1977, 130; 1979, 157; Щелинский 1987, 5–16; Ščelinskij, Širokov 1999.

² Сергиеня, Черемисин 2008.

³ Дэвлет и др. 2018а, 141–150.

⁴ Дэвлет и др. 2018б, 19–32.

ращенного влево⁵. Как и в Каповой пещере, верблюд в Игнatieвской двугорбый (*Camelus bactrianus*), но на месте шеи и головы изображена близкая к эллипсу фигура, восприятие которой неоднозначно и вызывает ряд вопросов и предположений. Изображение выявлено на «Черном панно» (так назван В.Т. Петриным – первым исследователем декорированного ансамбля Игнatieвской пещеры – этот участок карстовой полости с рисунками черного цвета) в Дальнем зале. Представляется, что названия «Черное панно», а также «Черный фриз», встречающиеся в текстах некоторых специалистов, следует заменить на «Черный плафон» соответственно его размещению в пространстве карстовой полости – на потолке Дальнего зала. В словарях и энциклопедиях потолок или его участок с росписями определяется термином «плафон»⁶.

В настоящей статье приводятся авторские фотографии В.Н. Широкова, выполненные в 2015 и 2016 гг. (кроме взятых из Интернета). Съемка осуществлялась камерой Canon EOS 6D с объективом Tokina 16-28/2,8. Двухмерное представление фотограмметрической модели «Черного плафона» создано им же по результатам работ 2018 г.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Пещера находится в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу р. Сим, в 7 км к северо-западу от сел. Серпиевка, в 8 км к западу от сел. Аратское (рис. 1, 1, 3). Согласно схеме спелеологического районирования⁷, она расположена в пределах Уральской спелеостраны, Центрально-Уральской спелеопровинции, спелеообласти Башкирского мегаантиклинория, Каратауского спелеорайона, Верхнесимского спелеоподрайона. Общая длина ходов пещеры 801 м, амплитуда 13 м, средняя ширина ходов 2,5 м, средняя высота 2,3 м; площадь пола ок. 2000 м²; объем полости более 3000 м³. Игнatieвская карстовая полость относится к коридорно-зальному типу с разветвленной системой ходов и элементами лабиринта. Пещера заложена в массиве темно-серых доломитизированных известняков верхнего силура – нижнего девона⁸.

Округлый вход в пещеру близок 12 м в поперечнике, открывается в западной оконечности скального обнажения правого берега реки на высоте около 12 м от уреза воды, ориентирован на юго-восток (рис. 1, 2). Поперечные сечения ходов преимущественно прямоугольные и аркообразные. Основное направление ходов – северо-западное. В дальней части пещеры, в межпластовой трещине, образовался круто уходящий вверх, почти к дневной поверхности, слепой, забитый щебнем и глиной лаз-камин.

По отобраным в первой половине 1980-х гг. образцам кости и древесного угля из слоя посещения Игнatieвской пещеры получено 6 конвенциональных радиоуглеродных дат⁹. Калибрование этих дат позволяет заключить, что наи-

⁵ Петрин 1992, 63.

⁶ Ушаков 1939 (3), 145; Прохоров 1993, 1016.

⁷ Лавров, Андрейчук 1992, 3.

⁸ Петрин 1992; Широков, Петрин 2013; Кадебская и др. 2019; см. также: Баранов 1987, 95–98; Руденко 1914.

⁹ Петрин 1992, 138.

Рис. 1. Игнatieвская пещера. 1, 3 – местоположение памятника; 2 – вход в пещеру.
 Fig. 1. The Ignatievka Cave. 1, 3 – location of the site; 2 – entrance to cave.

более вероятным периодом посещения/использования святилища в Игнatieвской пещере является время между 18.3 и 15.4 кал. тыс. л. н. Это время соответствует началу дегляциации, последовавшей за максимумом последнего оледенения¹⁰. Взятые в 2020 г. образцы угля из слоя посещения пещеры дали четыре AMS даты с плотным распределением возрастов 17.4–16,3 кал. тыс. л. н.¹¹. U-th датировки

¹⁰ Дублянский, Широков 2020.

¹¹ Дублянский и др. 2021.

кальцита, перекрывающего рисунки, подтвердили их плейстоценовый возраст¹². Климат в это время оставался холодным.

Возможно, Игнатиевская пещера посещалась древними людьми также и между 13.2 и 11.1 кал. тыс. л. н. Это предположение основано на калибровании единственной «старой» даты (СОАН-2468). Она может отражать финальный этап использования верхнепалеолитического святилища в Игнатиевской пещере¹³.

С 1980 по 1986 гг. памятник изучался экспедицией В.Т. Петрина. С 1995 г. по настоящее время исследования в пещере с перерывами продолжаются В.Н. Широковым. В 1992 г. в итоговой монографии В.Т. Петрина на русском языке были опубликованы только черно-белые фотографии, контактные копии и зарисовки древних рисунков по масштабной сетке¹⁴. Позднее, в 1997 г., в зарубежном издании этой монографии на французском языке дополнительно было опубликовано несколько цветных фотографий¹⁵. С середины 1990-х гг. съемка на цветные негативную и позитивную пленки стала доступнее. Подборка значительного количества покадровых слайдов В.Н. Широкова и В.Е. Щелинского из Игнатиевской, Каповой и Мурадымовской 2 пещер была опубликована в 1999 г. в Германии в книге о палеолитическом пещерном искусстве Южного Урала¹⁶. В 2013 г. в России появилась монография с цветными иллюстрациями, посвященная южноуральским декорированным пещерам верхнего палеолита. Однако в ней изданы лишь результаты покадровой съемки. Копии больших участков, таких как «Красное» и «Черное панно» (названия даны В.Т. Петриным) из Дальнего зала пещеры также приведены по зарисовкам с использованием масштабной сетки¹⁷. В настоящее время имеется возможность исправить недостатки этих копий с помощью монтажа покадровой мозаичной и фотограмметрической съемки участков потолка Дальнего зала Игнатиевской пещеры.

Характеристика «Черного плафона». Поскольку в первоначальном описании «Черного панно» допущены некоторые погрешности¹⁸, уместно охарактеризовать его вновь под новым названием. Нами также осуществлены подсчеты изобразительных мотивов и графических единиц на этом участке потолка Дальнего зала, что отсутствовало в предыдущих публикациях.

Площадь «Черного плафона» составляет около 8,5 м², он имеет пологий наклон к южной стене и примыкает к восточной стене Дальнего зала. Рисунки нанесены на скальный субстрат и покрыты тончайшей пленкой кальцита и кальцитовыми гребешками (рис. 2, 1, 2). Слева направо на нем воспроизведены следующие мотивы. Пять горизонтальных отрезков различной длины, максимальная длина предпоследнего снизу около 15 см (рис. 2, 1-1). Далее следует фигура фантастического мамонтообразного создания, обрамленного на три четверти снизу и справа субпараллельными изогнутыми линиями (рис. 2, 1-2). Линии справа пересечены наклонной, раздваивающейся внизу линией. Спина слабопокатая, голова куполообразная, линия живота почти горизонтальная. Фигура обращена головой вправо.

¹² Dublyansky et al. 2021.

¹³ Дублянский, Широков 2020.

¹⁴ Петрин 1992.

¹⁵ Petrin 1997.

¹⁶ Scelinskij, Širokov 1999.

¹⁷ Широков, Петрин 2013.

¹⁸ Петрин 1992 58–64.

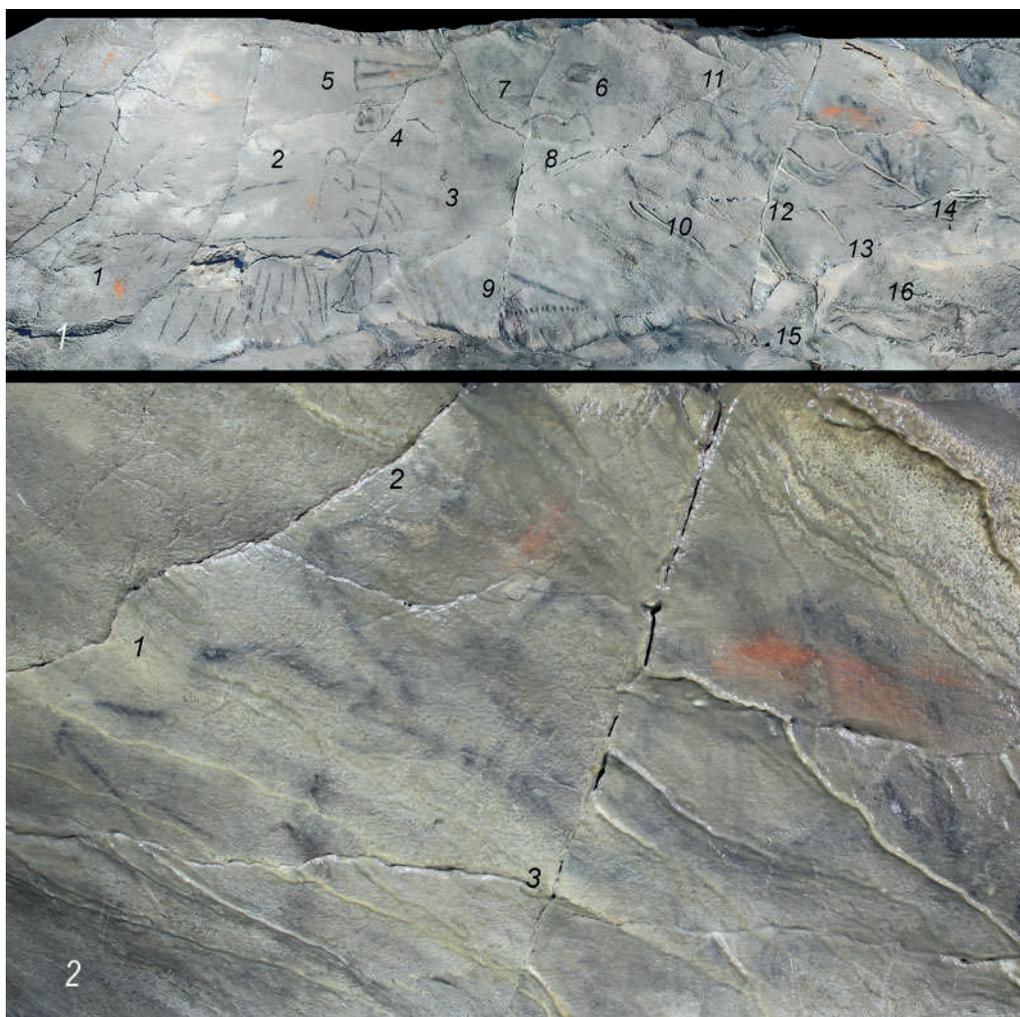

Рис. 2. 1 – «Черный плафон» в Дальнем зале Игнatieвской пещеры. 2 D представление фотограмметрической съемки. Трассировка рисунков выполнена в программе Adobe Photoshop®; 2 – часть «Черного плафона» с рисунками лошадей (1, 2) и композитного существа с туловищем верблюда (3). Полевой снимок 2016 г.

Fig. 2. 1 – “Black plafond” in the Far Chamber of the Ignatievka Cave. 2 D representation of photogrammetric photography. Tracing of the drawings by Adobe Photoshop®. 2 – part of the “Black plafond” with drawings of horses (1, 2) and a composite creature with a camel body (3). Photo 2016.

Размеры рисунка 88×135 см, ширина всех линий около 1 см. В 20 см справа небольшой неопределенный мотив, напоминающий незаконченный контур головы животного (около 7×5 см) (рис. 2, 1-3). В 14 см выше головы фантастического мамонтообразного создания антропоморфный мотив – так называемый «фантом», в советской и российской научной литературе обычно описываемый как «личина». Форма изображения «сердцевидная», очерчена линией около 0,5 см; внутри

контура три размытых пятна, условно воспроизводящих глаза и рот. Размеры мотива, развернутого по длинной оси плафона, приблизительно 20×21 см (рис. 2, 1-4). В 7 см над ним нефигуративный мотив в виде треугольника размерами около 50×16 см, очерчен линией шириной до 1,2 см. На основании треугольника во внутренней части опущен отрезок длиной приблизительно 20 см (рис. 2, 1-5). Следующий мотив на уровне треугольника, в 60 см справа от него – параллелограмм размерами 10×17 см, площадь которого расчерчена субпараллельными полосами (рис. 2, 1-6). Ширина линий близка 1 см. В 18 см ниже параллелограмма неполный рисунок лошади. Размеры фигуры 9×30 см, ширина линии контура около 0,8 см. Изображены хвост, задняя часть крупа и изогнутая спина, высоко воздвигнутая грива с пятном челки, нависающей над маленькой клювовидной головой, обращенной вправо. Краска линии спины исчезла, в этом месте виден непатинизированный известняк (рис. 2, 1-8). Над задней частью крупа лошади начертана изогнутая линия (рис. 2, 1-7). Примерно в 50 см ниже неполной лошади диагональная линия шириной около 2 см. От ее нижнего конца начинается горизонтальный ряд штрихов, образуя тем самым вместе с линией своеобразную фигуру в виде острого угла размерами 24×38 см (рис. 2, 1-9). В 25 см вправо от неполной лошади нанесен законченный рисунок лошади с одной передней и одной задней конечностями, головой, обращенной вправо от зрителя. Размеры рисунка 44×60 см, ширина линии контура 1–1,5 см. Спина слабоизогнутая, шея круто воздвигнута, изображено торчащее вверх ухо, голова узкая и удлиненная, брюхо отвислое. Хвост, насколько можно судить, вееровидный, показан двумя тонкими линиями (рис. 2, 1-10). Над этим мотивом нарисована безголовая лошадь (возможно, голова размыта потеками воды?) размерами 23×30 см, контур обрисован линией шириной около 1 см, живот также отвислый (рис. 2, 1-11). Непосредственно вблизи двух предыдущих изображений находится фигура существа с туловищем верблюда бактриана (рис. 2, 1-12), которой посвящена данная статья. Подробнее ее описание будет приведено ниже. Под животом этого создания виден рисунок, выполненный линией шириной приблизительно 0,3 см (рис. 2, 1-13) и размерами примерно 13×12 см. Он напоминает птичью голову и одновременно «шаржированное» лицо человека в профиль (?). Справа от туловища верблюда находится рисунок мамонта крайне плохой сохранности из-за потеков воды. У него куполообразная голова, прямой опущенный вниз хобот, два торчащих вверх бивня и длинный хвост (на приводимой иллюстрации «Черного плафона» эта фигура почти не видна из-за плохой сохранности изображения). Размеры фигуры близки 39×45 см. С большой степенью вероятности рисунок был контурный; из-за потеков воды, образовавших кальцитовый натек, выглядит легко тонированным (рис. 2, 1-14). В 10 см от мамонта длинная, до 70 см, горизонтальная линия с загнутыми вверх концами – скоба (на приводимой иллюстрации рисунков «Черного плафона» отсутствует из-за брака фотографий этого участка). Примерно в 30 см под фигурой существа с туловищем верблюда изображение животного, ранее охарактеризованного как первобытный бык. Казалось, что на это, в первую очередь, указывает изогнутый и направленный вперед рог¹⁹. Размеры рисунка близки 17×64 см, ширина линии контура около 1 см. Однако очевидно, что туловище, голова и признак

¹⁹ Петрин 1992, 64.

пола самца принадлежат лошади (рис. 2, 1-16). Кроме того, кости первобытного быка (*Bos primigenius* Vojanus, 1825) не найдены в позднеплейстоценовых отложениях на Урале²⁰. На наш взгляд, здесь представлено композитное животное с туловищем лошади и рогом полорогого, что подтверждается присутствием данного мотива (рогатая лошадь) в пещерном искусстве верхнего палеолита Западной Европы²¹. Слева от головы этого композитного животного виден фрагмент овала размерами 12×6 см (рис. 2, 2-15). Помимо рисунков черного цвета, в некоторых местах видны 8 пятен красного цвета. Всего, таким образом, на «Черном плафоне» идентифицировано сейчас не менее 25 изобразительных мотивов (учитывая горизонтальную скобу, отсутствующую на иллюстрации из-за неудавшихся фотографий). Под изобразительным мотивом в искусстве понимается повторяющаяся идея, шаблон, рисунок или тема. Мотивы могут иметь важное иконографическое значение в произведениях изобразительного искусства, в том числе и палеолитическом. Изобразительный мотив – фигуративный или нефигуративный – рассматривается здесь как законченное изображение, одиночное или состоящее из нескольких графических единиц, неотделимых друг от друга с точки зрения их восприятия и интерпретации. Например, один мотив – в виде острого угла, созданного наклонной линией и горизонтальными штрихами (около 17), состоит из 18 графических единиц. Подсчитано, что на «Черном плафоне» имеется около 52 графических единиц, которые объединены в 25 мотивов.

ФИГУРА С ТУЛОВИЩЕМ ВЕРБЛЮДА

Данное изображение, по В.Т. Петрину, «...крайне своеобразно, его можно охарактеризовать как контурный рисунок. Создается впечатление, что голова повернута в фас, по этой причине, возможно, отсутствует шея. По длинной оси голова 33 см при ширине 14 см. Голова приставлена к туловищу, которое изображено несколькими линиями. Так, низ живота передан четырьмя линиями, одна из которых загнута вверх. Изображение передней ноги сохранилось очень плохо, задней – четкое, частично перекрыто кальцитовый корочкой. Своеобразна линия спины в виде двух горбов, хвост небольшой. Вполне возможно, что здесь изображен верблюд»²². Из цитируемого описания следует, что автор считал этот рисунок воспроизведением верблюда с головой, показанной анфас.

Размеры рисунка примерно 54×70 см. Живот отвислый, выполнен, как и грудь животного, тремя линиями, сходящимися в одну в верхней части первого горба. Внутренняя, четвертая, линия живота загнута вверх и направлена к межгорбовому прогибу. Ранее высказывалось мнение о воспроизведении здесь раны²³, что крайне сомнительно, поскольку этот вертикальный отрезок не является изолированным. Изгиб между горбами и задний горб моделированы двумя линиями, в основании заднего горба имеется уступ. Задняя часть туловища и задняя нога с выделенным скакательным суставом обрисованы четко, двумя линиями, показан небольшой хвост. На месте передней конечности плохо различимые две тонкие

²⁰ Косинцев, Бачура 2010, 42–48.

²¹ Широков 2017.

²² Петрин 1992, 63.

²³ Есин и др. 2019, 54; Esin et al. 2020, 89.

Рис. 3. 1 – фигура композитного существа с туловищем верблюда на «Черном плафоне», снимок 2015 г. 2 – верблюд бактриан с головой анфас, фото из Интернета.

Fig. 3. 1 – figure of a composite creature with the camel body on the “Black plafond”. Photo 2015; 2 – a Bactrian camel with a full-face head. Internet photo.

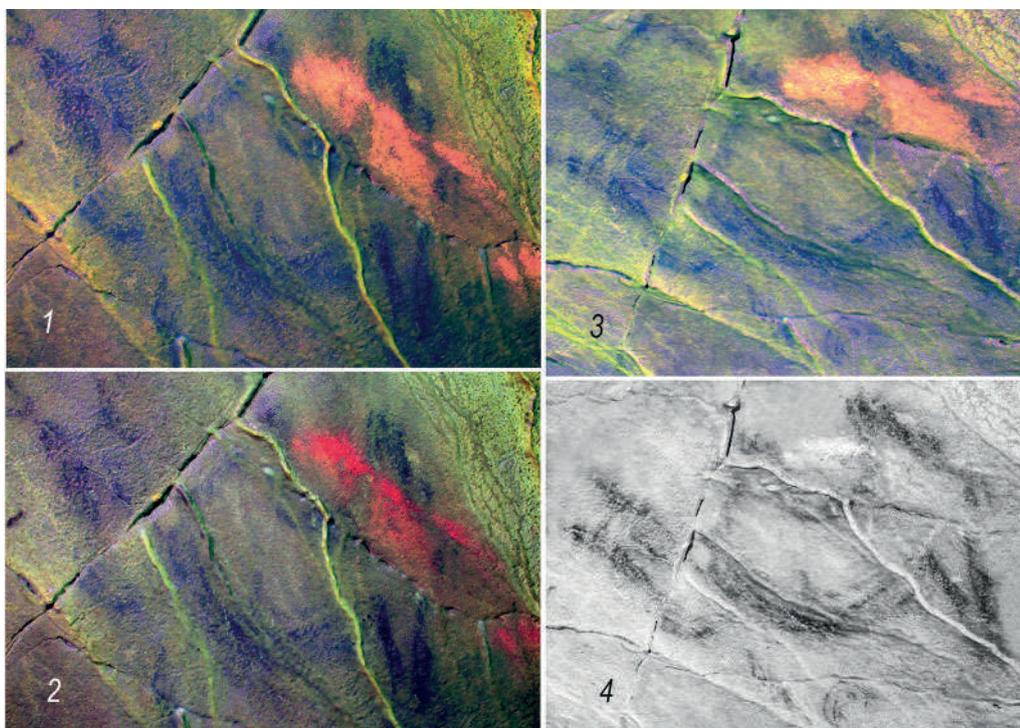

Рис. 4. 1–4 – примеры цветовой фильтрации фигуры существа с туловищем верблюда бактриана на «Черном плафоне» Игнatieвской пещеры с помощью плагина Dstretch® (Harman 2005) для программы ImageJ. 1, 2 – снимок 2015 г., 3, 4 – снимок 2016 г.

Fig. 4. 1–4 – examples of colour filtering of the figure of a creature with the trunk of a Bactrian camel on the “Black plafond” in Ignatievka Cave using the Dstretch® plugin (Harman 2005) for the ImageJ program. 1, 2 – photo 2015, 3, 4 – photo 2016.

черные линии шириной около 0,4 см, сходящиеся в одну с загибом под живот. Вместо головы и шеи нарисована фигура, напоминающая неправильный эллипс. Две длинные боковые стороны почти прямые, нижняя сторона дугообразная, верхняя прямая. Фигура не является продолжением линий туловища зверя, что достаточно хорошо видно на обработанных фотографиях с цветовой фильтрацией (рис. 4; 6, 2, 3). Здесь важно отметить, что скальная поверхность и в этом, и в других местах подвергалась воздействию текущей воды, приведшей к образованию кальцитовых пленки и тонких гребешков, затрудняющих восприятие рисунков и представляющих значительные трудности для фотографирования из-за бликующей поверхности. Нижняя дугообразная часть выполнена несколькими линиями. Левая от зрителя боковая линия максимально подверглась эрозии, правая выглядит прерывисто. Сверху фигуру ограничивает прямой отрезок, над которым отчетливо видны два выступа, являющиеся продолжением боковых линий. Внутри фигуры нанесены два отрезка, параллельные боковым. На приводимых в статье вариантах фотографий данные отрезки не соприкасаются с перпендикулярной им верхней прямой линией. Приведенные характеристики позволяют признать эту

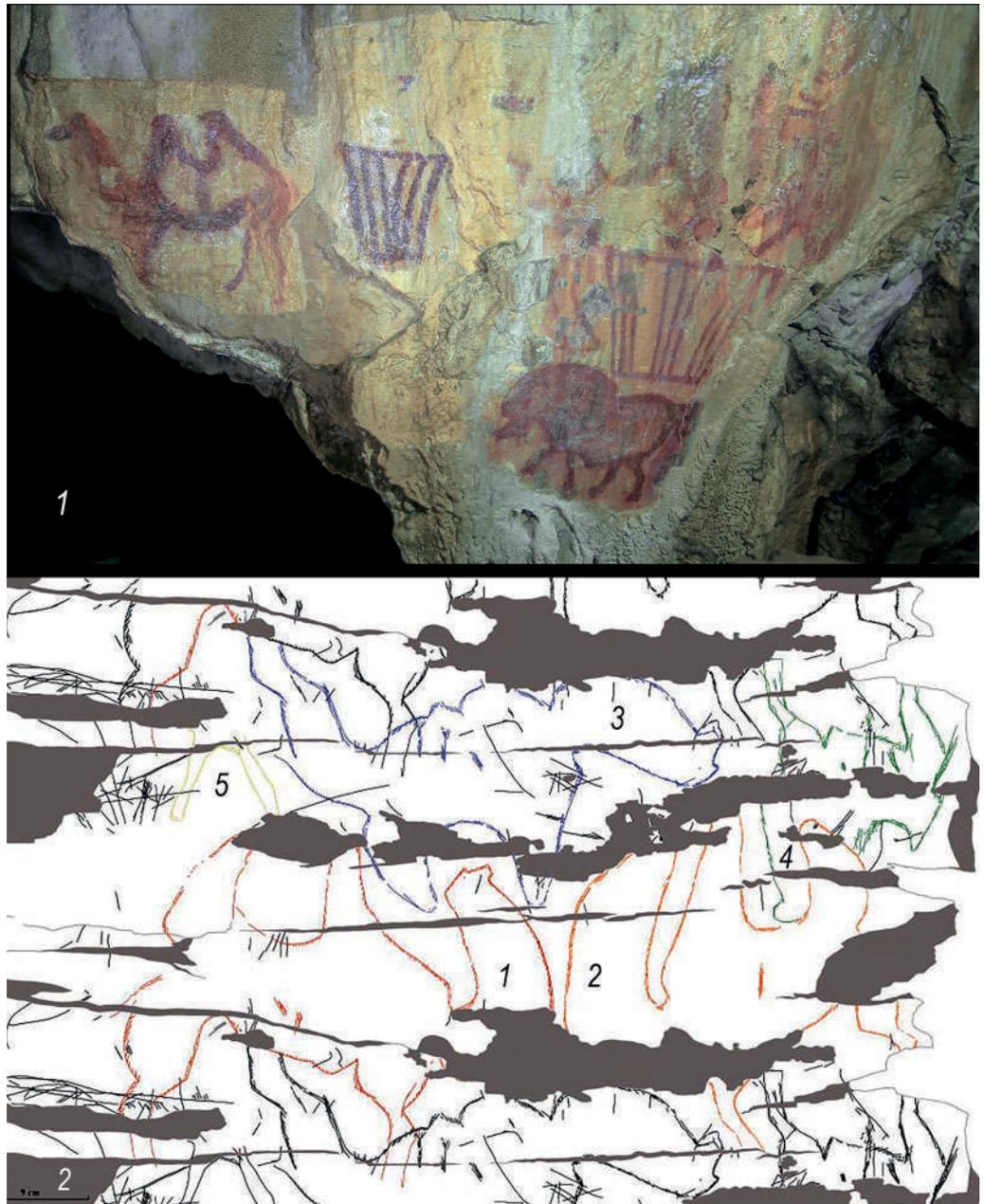

Рис. 5. 1 – панно «Лошади и знаки» из пещеры Каповой (Шульган-Таш) с реалистичным рисунком верблюда бактриана; 2 – гравированные изображения верблюдов бактрианов на бивне из-под г. Томска. Прорисовка Ю.Н. Есина (по: Есин 2019).

Fig. 5. 1 – panel “Horses and signs” in the Kapova (Shulgan-Tash) Cave showing a realistic image of a Bactrian camel; 2 – engraved images of Bactrian camels on a tusk found near Tomsk. Drawing by Yu.N. Esin (After: Yesin 2019).

фигуру намеренно пририсованной или «приставленной» к туловищу верблюда, а не рассматривать в следующих ракурсах: 1) шея и голова в профиль – именно так в одной из статей парадоксально охарактеризована данная часть рисунка – «шея загнута вверх и завершается маленькой головой с гребнем шерсти сверху, густая свисающая шерсть специально выделена на шее»²⁴; 2) шея в профиль, голова повернута анфас; 3) шея и голова анфас (версия В.Т. Петрина). Верблюд с головой, «повернутой в фас», выглядит иначе (рис. 3, 2): на фото голова занимает менее 1/3 длины шеи, глаза маленькие, а небольшие уши выступают горизонтально в стороны от головы, что характерно именно для бактриана – двугорбого верблюда (у драмодера они острые и подняты кверху). У существа из Игнатиевской пещеры условные «уши» крупные и выступают вверх, а отрезок между «ушами» прямой, а не выпуклый, как у живого зверя (рис. 3, 1; 6, 2-3). Очевидно, что это не «голова» верблюда. Таким образом, с большой долей вероятности мы можем сделать вывод: перед нами композитное, или составленное, гибридное создание с туловищем верблюда.

ОБСУЖДЕНИЕ

В огромном корпусе изображений верхнего палеолита Западной Европы имеются фигуры, расходящиеся с природными моделями. Это ирреальные и композитные анималистические и антропоморфные создания. Под фигурами ирреальных животных понимаются мотивы в форме животных с одним или множеством морфологических признаков, которых не существует в природе.

Композитные анималистические мотивы включают в себя сегменты частей тела различных животных. Р. Бегуэн выявил десять таких. Четыре из них находятся в пещере Труа Фрэр, два – в Комбель, один – в Рок-де-Сер, один – в Габийю, по одному – в Комбарель и пещере Эль Пиндаль. К ним М. Гроенен добавляет еще двух животных в пещере Труа Фрэр: первое имеет особенности, напоминающие козлов и оленей, второе – хвост лошади и ноги оленя. Особенный мотив – лошади с раздвоенными копытами. Хотя этот мотив и редок, он отмечен на обширной территории от Дордони до Кантабрии. Его присутствие зафиксировано в пещере Габийю, в нефе Ляско, а также в Пергузе. Есть также черный конь в левой части панели Большого Панно лошадей в галерее Залдеи пещеры Экаин и гравюра лошади в конце пещеры Хорнос де ля Пенья²⁵.

Большинство композитных животных существует в единичных экземплярах. На взгляд М. Гроенена, лошади с копытами полорогих являются важным мотивом, потому что они, хотя и имеют все формальные характеристики лошадиных, отличаются наличием одного или нескольких копыт полорогих, что ни в коем случае нельзя отнести к небрежности. Отсюда следует допущение существования некоего «шаблона» лошадь-полорогое в сознании «художника». Этот шаблон обнаруживается и в наличии рогатых лошадей. Поскольку данная модель существует в нескольких копиях, она также считается иконографической темой. Две рогатые лошади установлены в пещере Комбарель. Интересно, что на копыте одной из фигур есть небольшая черта, разделяющая копыто на две части. Эта особенность

²⁴ Есин и др. 2019, 54.

²⁵ Groenen 2004, 31–39.

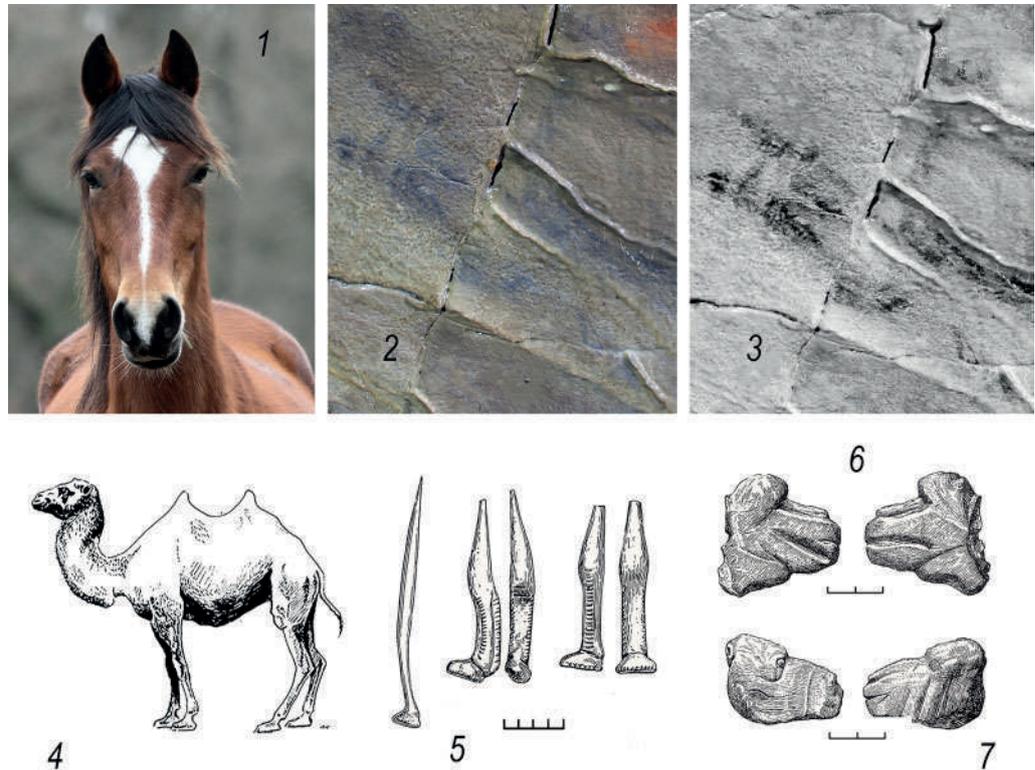

Рис. 6. 1 – голова лошади анфас. Фото из Интернета; 2 – передняя часть рисунка композитного существа с туловищем верблюда бактриана из Игнatieвской пещеры. Полевой снимок 2016 г.; 3 – то же, с цветовой фильтрацией с последующей конвертацией в градации серого в программе Adobe Photoshop®; 4 – верблюд бактриан. Рисунок из интернета; 5 – острия в форме «ножек верблюда» со стоянки Авдеево (острия со шляпкой); 6, 7 – изделия из мергеля в форме головок верблюда со стоянки Костенки 1 (5–7 – по: Абрамова 1962).
 Fig. 6. 1 – horse head facing. Internet photo; 2 – front part of the drawing of a composite creature with a Bactrian camel body from Ignatievka Cave. Photo 2016; 3 – at last, with colour filtering followed by conversion to grayscale by Adobe Photoshop®; 4 – Bactrian camel. from Internet drawing; 5 – points in the form of “camel legs” from the Avdeev site (points with a hat); 6, 7 – marl products in the form of camel heads from the Kostenki 1 site (5–7 – After: Abramova 1962).

отмечена также в Габийю, Ляско и Пергузе. Одна фигура из Комбарель, определенная как композитная «лошадь-бизон» или «лошадь-бык», есть на фрагменте стены, хранящемся в отделе палеонтологии Музея естественной истории в Париже. В пещере Эль Кастильо также изображена красная лошадь с рогами полорогого, показанными в фас²⁶. Напомним, что такая же рогатая лошадь имеется и на «Черном плафоне» Игнatieвской пещеры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что перед нами не реалистичный рисунок верблюда, а именно композитное

²⁶ Groenen 2004, 36.

существо с туловищем верблюда. Встает вопрос, к какой из тем это создание можно отнести – композитным анималистическим или композитным антропоморфным. Последние обычно имеют туловище и ноги человека, а голову зверя. Но в Каповой пещере задние конечности антропоморфного композитного существа принадлежат лошади, судя по скакательному суставу и расплывшимся копытам. У существа с туловищем верблюда из Игнatieвской пещеры задняя конечность, безусловно, звериная, а вот переднюю не удается охарактеризовать в силу ее плохой сохранности. В том месте, где должна находиться голова животного, мы видим черты некоей «маски», показанной анфас с выступающими вверх отрезками (ушами или рогами) и двумя отрезками, напоминающими глаза. Этот элемент фигуры имеет также большое сходство с головой лошади анфас своими удлиненными пропорциями и торчащими вверх ушами (рис. 6, 1). Любопытно, что рисунок находится в непосредственной близости с изображениями лошадей. Поэтому с большой степенью вероятности эту часть фигуры можно интерпретировать как воспроизведение головы лошади фронтально.

Как известно, помимо Игнatieвской пещеры, верхнепалеолитические изображения двугорбого верблюда обнаружены в Каповой пещере, а также на фрагменте бивня мамонта, найденном под Томском на местонахождении «Парусинка» (удивительно, что во всех трех случаях горбы у зверей высокие, напоминающие горбы домашних животных, в отличие от диких, у которых горбы низкие). Нам же хочется привлечь внимание специалистов к весьма любопытным находкам мобильного искусства восточного граветта. Среди многочисленных поделок на памятниках костенковско-авдеевской культуры найдены костяные изделия – острия со шляпкой, интерпретированные в качестве шильев или фибул-застежек, ранее описываемые как изделия в форме «верблюжьей ножки» (рис. 6, 5). По мнению исследователей, «этот тип специфичен для ряда памятников костенковско-виллендорфской культуры»²⁷ (в последнее время виден скептицизм в отношении правомерности использования данного термина; специалисты склонны выделять в отдельную таксономическую единицу костенковско-авдеевскую, или просто костенковскую культуру)²⁸. Кроме них, в слое I стоянки Костенки 1 обнаружены скульптурные головки, которые З.А. Абрамова отнесла к категории антропоморфных. Но при этом она, вслед за П.П. Ефименко, писала об одной из находок следующее: «Головка № 1 найдена в 1934 г. <...> Она изготовлена из мергеля <...> Левая сторона воспроизводит <...> морду, в которой странным образом *сочетаются одновременно черты человека и верблюда* <...> Правая сторона, очевидно, должна была повторить левую, но иначе переданные детали *делают ее более похожей на верблюда* <...> а сохранившаяся часть мощной, направленной вперед шеи и общая посадка головы снова вызывает в памяти *характерные черты верблюда* [курсив наш – В.Ш., Н.Ш.]²⁹. Близки этой и головки № 2 и 3 в каталоге З.А. Абрамовой³⁰. И хотя в рецензии на монографию В.Т. Петрина об Игнatieвской пещере З.А. Абрамова не считала возможным учитывать данные предметы в качестве аналогий рисунку композитного существа с туловищем верблюда из этой

²⁷ Праслов, Рогачев 1982, 58.

²⁸ См. Синицин 2013; Лисицин, Дудин 2019.

²⁹ Абрамова 1962, 15, табл. XII, 1.

³⁰ Абрамова 1962, 15–16, табл. XII, 5, 6.

пещеры³¹, мы видим, что ранее и П.П. Ефименко, и она сама находили существенное сходство находок из Костенок 1, I именно с образом верблюда (рис. 6, 5–6). Что касается условности, как она писала, интерпретации «острий со шляпкой» в качестве ножек верблюда, заметим, что они все же имеют сходство именно с его передней конечностью (рис. 6, 4) (хотя у одного из таких изделий обнаружили сходство с ногой мамонта)³².

В этой связи уместно также вспомнить работы М.Д. Гвоздовер, посвященные орнаментированным костяным изделиям костенковско-авдеевской культуры, в которых ею уделено внимание и «предметам с фигурной головкой». К ним она относила в том числе и острия со шляпкой³³. По мнению исследователя, по своей орнаментации эти предметы семантически тождественны женским образам. Тем не менее она не отвергала и зооморфной символики данных поделок, к которым относятся лопаточки с зооморфным навершием и зооморфные треугольные предметы: «... для палеолита вообще неоднократно указывалось на сложное переплетение двух центральных образов – женщины и зверя»³⁴. Поэтому невозможно категорически отвергать сходство острий со шляпкой с передней ногой верблюда.

Верблюды (наряду с мамонтом, шерстистым носорогом, бизоном и др.) были одними из представителей так называемой мамонтовой фауны, существовавшей в северной Евразии вплоть до окончания последнего оледенения. Крайне показательным, что проект по восстановлению такой фауны в заповеднике «Плейстоценовый парк» в Восточной Сибири включает, помимо прочего, и завоз туда двугорбых верблюдов. Известна устойчивость бактриана к низким температурам, они использовались в прошлом даже в крайне суровых и холодных условиях Якутии для зимней транспортировки грузов на приисках³⁵. Верхнепалеолитический человек, видевший этих зверей с их крайне своеобразными внешними характеристиками и поведением, включил его в свой изобразительный репертуар и, судя по композитному образу из Игнatieвской пещеры, в свою мифологию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсуждение вышеприведенных материалов позволяет нам сделать вывод, что в Игнatieвской пещере воспроизведено с большой долей вероятности композитное существо с туловищем верблюда бактриана и головой лошади анфас. В какой-то мере композитный характер существа подтверждается наличием на «Черном плафоне» другого композитного создания – рогатой лошади. Любопытно, что обе фигуры обращены влево, в то время как остальные животные, включая фантастическое мамонтообразное создание, обращены вправо. Сравнение композитного создания с туловищем верблюда из Игнatieвской пещеры с фотографией живого зверя показывает, что перед нами представлено вовсе не реалистичное воспроизведение верблюда, как в пещере Шульган-Таш или на гравированном бивне из-под г. Томск. Участок потолка Дальнего зала Игнatieвской пещеры, где

³¹ Абрамова 1995, 218.

³² Хлопачев 2016, 280.

³³ Гвоздовер 1985а; 1985б.

³⁴ Гвоздовер 1985а, 21.

³⁵ Акимусшкин 1974/6, 268–269.

расположен данный мотив вместе с другими рисунками (около 52 графических единиц, объединенных в 25 мотивов), корректнее называть «Черный плафон», а не «Черное панно».

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы признательны коллегам С.Е. Чаиркину, Е.В. Вилисову и Н.С. Голованову за помощь в полевой фотосессии, а также ведущему специалисту по информационному обеспечению ИИиА УрО РАН Н.А. Смирновой. Особо благодарим палеобиолога П.А. Косинцева за ценные консультации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, З.А. 1962: *Палеолитическое искусство на территории СССР* (САИ А4–3). М.–Л.
- Абрамова, З.А. 1995: [Рецензия на кн.] Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. *РА* 1, 217–221.
- Акимушкин, И.И. 1974: *Мир животных*. Т. 6. М.
- Бадер, О.Н. 1977: Северная палеолитическая и Окская экспедиции. *Археологические открытия 1976 года*. М., 130–131.
- Бадер, О.Н. 1979: Новые работы в пещере Шульган-Таш (Каповой). *Археологические открытия 1978 года*. М., 157–158.
- Гвоздовер, М.Д. 1985а: Орнамент на поделках костёнковской культуры. *СА* 1, 9–22.
- Гвоздовер, М.Д. 1985б: Типология женских статуэток костёнковской палеолитической культуры. *Вопросы антропологии* 75, 27–66.
- Дублянский, Ю.В., Косинцев, П.А., Широков, В.Н., Шпётль, К. 2021: Посещения Игнatieвской пещеры людьми в позднем палеолите: уточнение и расширение радиоуглеродной хронологии. *РА* 3, 7–19.
- Дублянский, Ю.В., Широков, В.Н. 2020: Возраст верхнепалеолитических памятников в пещерах Каповой и Игнatieвской (Южный Урал): ревизия радиоуглеродных дат и их интерпретации. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 3 (50), 5–16.
- Дэвлет, Е.Г., Гуилламет, Э., Пахунов, А.С., Григорьев, Н.Н. 2018а: Предварительные данные об изображении верблюда в зале Хаоса пещеры Шульган-Таш (Каповой). *Уральский исторический вестник* 1 (58), 141–150.
- Дэвлет, Е.Г., Пахунов, А.С., Агаджанян, А.К. 2018б: Пополнение бестиария Каповой пещеры (об изображении верблюда в зале Хаоса). *РА* 2, 19–32.
- Есин, Ю.Н., Магайл, Ж., Монна, Ф., Ожередов, Ю.И. 2019: Изображения верблюдов эпохи палеолита с реки Томь в Западной Сибири. *ПИФК* 2, 41–68.
- Косинцев, П.А., Бачура, О.П. 2010: Фауны млекопитающих в позднем плейстоцене и голоцене на Южном Урале. *Вестник Оренбургского государственного университета* 12 (118), 42–48.
- Лисицин, С.Н., Дудин, А.Е. 2019: Граветт/эпиграветт в Костенковско-Борщевском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация. *Camera Praehistorica* 1 (2), 70–107.
- Петрин, В.Т. 1992: *Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале*. Новосибирск.
- Праслов, Н.Д., Рогачев, А.Н. (ред.) 1982: *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований*. Л.
- Прохоров, А.М. (ред.) 1993: *Большой энциклопедический словарь*. М.–СПб.

- Сергиеня, В.В., Черемисин, Д.М. 2008: *Отчет о реставрационно-исследовательских работах по палеолитическим рисункам пещеры Шульган-Таш (Капова пещера)*. М. Архив Межобластного научно-реставрационного художественного управления.
- Синицин, А.А. 2013: Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы. В сб.: *Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)*. СПб., 4–31.
- Ушаков, Д.Н. (ред.) 1935–1940: *Толковый словарь русского языка: в 4 т.* М.
- Хлопачев, Г.А. (ред.) 2016: *Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН*. СПб.
- Широков, В.Н. 2017: Изображения ирреальных существ в пещерах Урала как свидетельства мифологии ледникового века. *Вестник Пермского Университета* 1 (36), 5–15.
- Щелинский, В.Е. 1987: Некоторые итоги новых исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале. В сб.: *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала*. Уфа, 5–16.
- Dublyansky, Y., Shirokov, V., Moseley, G., Kosintsev, P., Edwards, Lawrence, R., Spötl C. 2021: ²³⁰Th Dating of Flowstone from Ignatievskaya Cave, Russia: Age Constraints of Rock Art and Paleoclimate Inferences. *Geoarchaeology* 36(3), 532–545.
- Esin, Yu., Magail, J., Monna, F., Ozheredov, Yu. 2020: Images of Camels on a Mammoth Tusk from West Siberia. *Archaeological Research in Asia* 22, 100–180.
- Groenen, M. 2004: Thèmes iconographiques et mythes dans l'art du Paléolithique supérieur. In: *Art du Paléolithique et du Mésolithique: 14e Congrès mondial de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques (Liège, 2–8 septembre 2001)*. Oxford, 31–39.
- Petrine, V.L. 1997: *Le sanctuaire paleolithique de la grotte Ignatievskaja d l'Oural du Sud* (Etudes et Recherches Archeologiques de l'Université de Liège, 81). Liège.
- Ščelinskij, V.E., Širokov, V.N. 1999: *Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichem Ural*. Sigmaringer.

REFERENCES

- Abramova, Z.A. 1962: *Paleoliticheskoe iskusstvo na territorii SSSR [Paleolithic Art on the Territory of the USSR]* (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] A4–3). Moscow–Leningrad.
- Abramova, Z.A. 1995: [Review on book] Petrin V.T. *Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere na Yuzhnom Urale*. Novosibirsk, 1992 [Petrin V.T. *Paleolithic Sanctuary in Ignatievka Cave in the Southern Urals*. Novosibirsk, 1992]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 1, 217–221.
- Akimushkin, I.I. 1974: *Mir zhivotnykh [The World of Animals]*. Vol. 6. Moscow.
- Bader, O.N. 1977: Severnaya paleoliticheskaya i Okskaya ekspeditsii [The Northern Paleolithic and the Oka Expeditions]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda [Archaeological Discoveries 1976]*. Moscow, 130–131.
- Bader, O.N. 1979: Novye raboty v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoy) [Recent Works in the Shulgan-Tash (Kapova) Cave]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda [Archaeological Discoveries 1978]*. Moscow, 157–158.
- Devlet, E.G., Guillamet, E., Pakhunov, A.S., Grigoryev, N.N. 2018a: Predvaritel'nye dannye ob izobrazhenii verblyuda v zale Khaosa peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoy) [Preliminary Data on the Image of a Camel in the Chamber of Chaos in the Shulgan-Tash (Kapova) Cave]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Bulletin]* 1 (58), 141–150.
- Devlet, E.G., Pakhunov, A.S., Agadzhanian, A.K. 2018b: Popolnenie bestiariya Kapovoy peshchery (ob izobrazhenii verblyuda v zale Khaosa) [Kapova Bestiary Replenished (on the

- Image of Camel in the Chamber of Chaos)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 19–32.
- Dublyanskiy, Yu.V., Kosintsev, P.A., Shirokov, V.N., Shpetl, K. 2021: Poseshcheniya Ignatievskoy peshchery lyud'mi v pozdnem paleolite: utochnenie i rasshirenie radiouglerodnoy khronologii [Humans in the Ignatievskaya Cave in the Upper Paleolithic: Refining and Expanding the Radiocarbon Chronology]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 7–19.
- Dublyanskiy, Yu.V., Shirokov, V.N. 2020: Vozrast verkhnepaleoliticheskikh pamyatnikov v peshcherakh Kapovoy i Ignatievskoy (Yuzhnyy Ural): reviziya radiouglerodnykh dat i ikh interpretatsii [The Age of the Upper Paleolithic Objects in the Kapova and Ignatievka Caves (the Southern Urals): Revision of Radiocarbon Dates and Their Interpretation]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Archaeological, Anthropological and Ethnographic Bulletin] 3 (50), 5–16.
- Dublyanskiy, Y., Shirokov, V., Moseley, G., Kosintsev, P., Edwards, Lawrence, R., Spötl C. 2021: ²³⁰Th Dating of Flowstone from Ignatievskaya Cave, Russia: Age Constraints of Rock Art and Paleoclimate Inferences. *Geoarchaeology* 36(3), 532–545.
- Esin, Yu., Magail, J., Monna, F., Ozheredov, Yu. 2020: Images of camels on a mammoth tusk from West Siberia. *Archaeological Research in Asia* 22, 100–180.
- Esin, Yu.N., Magail, Zh., Monna, F., Ozheredov, Yu.I. 2019: Izobrazheniya verblyudov epokhi paleolita s reki Tom' v Zapadnoy Sibiri [Images of Paleolithic Camels from the Tom River in Western Siberia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 41–68.
- Groenen, M. 2004: Thèmes iconographiques et mythes dans l'art du Paléolithique supérieur. In: *Art du Paléolithique et du Mésolithique: 14e Congrès mondial de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques (Liège, 2–8 septembre 2001)*. Oxford, 31–39.
- Gvozdover, M.D. 1985a: Ornament na podelkakh kostyonkovskoy kul'tury [Ornament on Products of the Kostenki Culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 9–22.
- Gvozdover, M.D. 1985b: Tipologiya zhenskikh statuetok kostyonkovskoy paleoliticheskoy kul'tury [Typology of Female Figurines of the Kostenki Paleolithic Culture]. *Voprosy antropologii* [Issues of Anthropology] 75, 27–66.
- Khlopachev, G.A. (ed.) 2016: *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN* [The Upper Paleolithic: Images, Symbols, Signs. Catalogue of Small Art Objects and Unique finds of the Upper Paleolithic from the Archaeological Collection in the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 384.
- Kosintsev, P.A., Bachura, O.P. 2010: Fauny mlekopitayushchikh v pozdnem pleystotsene i golotsene na Yuzhnom Urale [Mammalian Faunas in the Late Pleistocene and Holocene in the Southern Urals]. *Vestnik Orenburgskogo gosuniversiteta* [The Orenburg State University Bulletin] 12 (118), 42–48.
- Lisitsin, S.N., Dudin, A.E. 2019: Gravett/epigravett v Kostenkovsko-Borshhevskom rayone na Donu: kriterii razdeleniya, kul'turnaya interpretatsiya i periodizatsiya [The Gravettian / Epigravettian in the Kostenki-Borshhevo Locality on the Don – the Division Criteria, Cultural Interpretation and Periodisation]. *Camera Praehistorica* 1 (2), 70–107.
- Petrin, V.T. 1992: *Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere na Yuzhnom Urale* [The Palaeolithic Sanctuary in Ignatievka Cave in the Southern Urals]. Novosibirsk.
- Petrine, V.L. 1997: *Le sanctuaire paleolithique de la grotte Ignatievskaya d l'Oural du Sud* (Etudes et Recherches Archeologiques de l'Université de Liège, 81). Liège.
- Praslov, N.D., Rogachev, A.N. (eds.) 1982: *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy* [The Paleolithic of the Kostenki-Borshhevo Locality on the Don. 1879–1979. Some Results of Field Research]. Leningrad.

- Prokhorov, A.M. (ed.) 1993: *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar`* [The Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ščelinskij, V.E., Širokov, V.N. 1999: *Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichem Ural*. Sigmaringer.
- Sergienya, V.V., Cheremisin, D.M. 2008: *Otchet o restavratsionno-issledovatel'skikh rabotakh po paleoliticheskim risunkam peshchery Shul'gan-Tash (Kapova peshchera)* [Report on Restoration and Research Work of Paleolithic Drawings in the Shulgan-Tash (Kapova Cave)]. Moscow.
- Shchelinskiy, V.E. 1987: Nekotorye itogi novykh issledovaniy peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoy) na Yuzhnom Urals [Some Results of Recent Studies of the Shulgan-Tash (Kapova) Cave in the Southern Urals]. In: *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urals* [Questions of Ancient and Medieval History of the Southern Urals]. Ufa, 5–16.
- Shirokov, V.N. 2017: Izobrazheniya irreal'ny'kh sushchestv v peshcherakh Urals kak svidetel'stva mifologii lednikovogo veka [Images of Unreal Creatures in the Ural Caves as Evidence of Ice Age Mythology]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [The Perm University Bulletin] 1 (36), 5–15.
- Sinitsin, A.A. 2013: Gravett Kostenok v kontekste gravetta Vostochnoy Evropy` [The Kostenki Gravettian in the Context of the Eastern Europe Gravettian]. In: *Problemy zaseleniya severo-zapada Vostochnoy Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie processy)* [Problems of Settlement of the Northwest of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (Cultural and Historical Processes)]. Saint Petersburg, 4–31.
- Ushakov, D.N. (ed.) 1935–1940: *Tolkovyy slovar` russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4 vols. Moscow.

IMAGE OF A CREATURE WITH THE CAMEL BODY ON THE “BLACK PLAFOND” IN THE IGNATIEVKA CAVE (SOUTHERN URALS)

Vladimir N. Shirokov¹, Natalia A. Shirokova²

¹ *Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia*

² *Secondary Comprehensive School No. 184 “New School”, Yekaterinburg, Russia*

In the Southern Urals, there are three caves with Upper Paleolithic painting: Kapova (Shulgan-Tash), Ignatievka (Yamazy-Tash) and Serpievka 2 (Kolokolnaya). The Serpievka 2 bestiary contains images of a deer and head of a yearling fawn. The Kapova and Ignatievka caves depict mainly mammoths and horses. In addition to these, there is a rhinoceros and a bison (the Kapova Cave), rhinoceros and mammoth-like fantastic creatures, a composite creature in the form of a horse with a bull's horn (Ignatievka Cave). In addition, a drawing with a camel's body in profile and an elliptical figure adjoining it was discovered in the Ignatievka Cave. Some scholars were puzzled by this image and did not trust its dating to the late Pleistocene. However, in October 2017, a figure of a two-humped camel was cleared from under the calcite on the “panel with horses and signs” in the Kapova Cave. Even skeptics realized that the figure with a camel's body from the Ignatievka Cave also dates from the late Pleistocene in the context of the entire pictorial ensemble, radiocarbon analysis of the layer of the visit to this karst cavity and the U-dating of the calcite covering the drawings. Since this image has not been described in detail before, and there have been various opinions about its interpretation, this article fills this gap and also provides a new description of the “Black Plafond” in the Far Chamber of the Ignatievka

Cave. As a result of computer color filtering of the discussed image and the given analogies, it is concluded that the plafond of the Far Hall of the Ignatievka Cave most likely reproduces a composite creature with the body of a two-humped camel (*Camelus bactrianus*) and the head of a horse facing.

Keywords: Southern Urals, Ignatievka Cave, Upper Paleolithic, cave art, composite creature with the body of a Bactrian camel

---

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 228–241
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 228–241
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-228–241

«ОТ НЮАНСОВ ОПИСАНИЯ К ОПИСАНИЮ НЮАНСОВ»: ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ТЕРРАКОТОВОГО МАТЕРИАЛА I ТЫС. Н.Э. В ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

И.Ю. Демичева

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы, Нижний Новгород, Россия*

E-mail: iudem@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5006-0365

В статье впервые проводится комплексный анализ особенностей фиксации терракотового материала в отчетной документации с момента начала проведения официальных археологических изысканий на территории майяских памятников. На основании анализа около трехсот археологических отчетов автор выделяет пять периодов становления и развития системы археологических отчетов, а также их специфические особенности. 1) конец XIX в. до 1920-х гг. Отчетная документация находится на начальной стадии своего оформления. Большое влияние оказывает европейская традиция, которая положительно воспринимается американскими специалистами, проводившими изыскание на территории майя. Художественность описания проектов успешно сосуществует с точной фиксацией материала и нередко со схемами. Появляются сведения о местах обнаружения фигурок. При этом большое значение имеет фактор авторства документа и ведущей организации. 2) 1920–1970 гг. Параллельно существует несколько форм отчетной документации с различной степенью подробности фиксации и описания терракотовых статуэток. Начинают активно публиковаться фотографии фигурок. В ряде случаев терракоты подвергаются первичному анализу. Независимо от различий в описании нюансов к концу периода начинает складываться определенная общая форма отчетов. 3) 1970–1990 гг. Наряду с активным процессом

Данные об авторе. Ирина Юрьевна Демичева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научного центра НИУ – филиала РАНХиГС.

формирования законодательной базы по сохранению памятников историко-культурного наследия идет процесс унификации формы отчетной документации. К концу периода отчеты приобретают вполне современную форму со всем сопутствующим содержательным наполнением. Это позволяет выявить количественный состав терракотового материала большинства полевых сезонов на основных объектах и определить частоту его встречаемости. 4) 1990-е гг. – начало 2000-х гг. Окончательно оформляется стандарт отчета. Целый ряд исследований сопровождается не просто описями, но и каталогами индивидуальных находок, к которым относятся и терракотовые фигурки. 5) 2010-е гг. по н.в.. Активное использование новейших технологий и оборудования, доступность информации с сайтов археологических проектов существенно расширило данные традиционных археологических отчетов. Помимо официальных бумажных отчетов идет процесс формирования гораздо более широких и информативных электронных отчетов, доступных, как правило, онлайн и в свободном доступе.

Ключевые слова: майя, фигурки, терракота, археологические отчеты, фиксация материала

«Легальные» археологические изыскания на территории памятников майя с позиции нормативно-правового обеспечения становятся возможными только с момента формирования соответствующей законодательной базы. Общая характеристика этой базы осложнена тем, что майяские памятники располагаются на территории четырех государств (Мексика, Гватемала, Гондурас и государства Белиз), в которых процесс выстраивания правовой основы сохранения памятников историко-культурного наследия шел различными темпами.

В Мексике эта система начинает складываться с 1939 г., с принятия Национальным институтом антропологии и истории соответствующего «устава» (Instituto Nacional de Antropología e Historia. Далее – ИНАИ). Одна из важнейших задач института – проведение археологических исследований, представляющих интерес для археологии и истории Мексики, антропологии и этнографии населения страны с оформлением всей необходимой документации¹. В Гватемале схожую функцию выполнял Институт антропологии и истории, созданный в 1946 г. (Instituto de Antropología e Historia, IDAЕИ). В Гондурасе эти обязанности были возложены на Национальный институт антропологии и истории, созданный соглашением № 245 в июле 1952 г.² и переименованный в Институт антропологии и истории Гватемалы (Instituto Hondureño de Antropología e Historia, ИНАИ) декретом № 18 Национального конгресса в 1969 г. В статье 5 закона об организации института был прописан перечень возможностей и обязанностей по сохранению памятников историко-культурного наследия, в число которых входили и археологические изыскания³.

Довольно длительное время складывалась система сохранения памятников майя, расположенных на территории нынешнего государства Белиз. Во многом это связано с тем, что окончательно государство становится суверенным только в 1981 г. Функции по защите историко-культурного наследия вошли в перечень

¹ Ley Organica del Instituto Nacional de Antropologia e Historia ARTICULO 2o-II, VIII.

² Acuerdo No. 245. Creacion del Instituto Nacional de Antropologia e Historia de Honduras.

³ Ley organica del Instituto Hondureño de Antropología e Historia. Decreto numero 118 el Congreso Nacional. ARTICULO 5o.

обязанностей Национального института культуры и истории (National Institute of Culture and History, NICH), которые были закреплены в результате окончательного пересмотра в начале 2000-х гг.⁴

Безусловно, археологические работы на майяских памятниках велись и до этого времени. Активно данный процесс шел во второй половине XIX в., когда, собственно, археология и складывается как самостоятельная наука. Правила проведения научных изысканий были далеки от современных представлений о нормах фиксации археологического материала. Большую роль играло механическое извлечение ценностей и формирование тематических коллекций. Таким способом были «исследованы» многие памятники майя, в свете чего значительный интерес представляют записи руководителей таких изысканий, которые чаще всего выступали как частные лица. Нередко основная профессия таких специалистов имела очень отдаленное отношение к археологии. Несмотря на это, оставшиеся после них данные представляют высокую ценность для последующих исследователей.

Довольно представительно в этом отношении выглядят записи бывшего английского врача ирландского происхождения Т. Ганна⁵, который начинает проводить раскопки майяского памятника Санта-Рита на территории нынешнего Белиза, бывшего в то время еще британской колонией и носившего название Британский Гондурас. Результаты своих исследований он публикует в «Ежегодном отчете Бюро американской этнологии секретарю Смитсоновского института» за 1897–1898 гг.⁶ Он довольно подробно описывает результаты исследований, зафиксированных им на плане различных насыпей, с указанием их размеров, параметров стен сооружений, выявленные в ходе раскопок фрески или декоративные элементы. Характеристика находок носит описательный характер и включает в себя информацию о месте обнаружения, их внешнее описание, и иногда встречается указание на количество выявленных артефактов. Довольно детально представлено описание особо примечательных находок, анализ которых автор помещает в отдельный раздел. Найденные изделия из керамики, выполненные в виде животных и антропоморфных существ, проанализированы с указанием размеров, иконографических особенностей, цветовой гаммы и пр. Особо стоит обратить внимание на богатый иллюстративный материал, выполненный в виде как черно-белых, так и цветных прорисовок⁷. Целый ряд фигурок из его коллекции в настоящий момент хранятся в Британском музее⁸.

Примерно в этот же период на территории Мексики и Гватемалы ведут активную деятельность европейские специалисты, заложившие основы отчетной археологической документации, которая впоследствии трансформировалась в полноценные отчеты.

⁴ National Institute of Culture and History Act. Ch. 331 (Revised ed. 2003); Belize National Institute of Culture and History Act. Ch. 331 (Revised ed. 2011).

⁵ Hammond 1983, 19.

⁶ Gann 1900, 661–691.

⁷ Gann 1900. PL. XXXIV, XXXL.

⁸ The British Museum collection. https://www.britishmuseum.org/collection/search?keyword=maya&-object=figurine&object=figure&agent=Dr%20Thomas%20Gann&view=grid&sort=object_name__asc&page=1.

Следует отметить работы известного гамбургского коллекционера Э.П. Дизельдорфа. Его основная деятельность была связана с выстраиванием системы инвестиционных вложений по развитию кофейного бизнеса в Альта-Веррапсе (Гватемала). Он успешно занимался не только собственно плантациями, но и создавал эффективную схему рынка сбыта готового товара. Кроме этого, Э.П. Дизельдорф активно включился в изучении истории, культуры и биологии региона⁹. Причем это был не праздный интерес богатого человека из категории «увлекающихся», а достаточно серьезные для того времени научные исследования. С одной стороны, он начал скупать артефакты, с другой – проводить научные и в том числе археологические изыскания на своих землях. В письмах он подробно рассказывал о проводимых на своих землях разведках и сборе подъемного материала и нередко указывал на планы по проведению раскопок. Так, например, в письме № 9 из Кобана от 22 ноября 1888 г. он упоминает, что во время посещения соседних поместий (одно из которых принадлежало Р. Сапперу) обнаружил каменные наконечники стрел, ножи и фрагменты керамики и планирует провести полноценные раскопки на этих территориях¹⁰. Интересно, что раскопки на территории Кобана были проведены, а зафиксированы еще одним известным немецким исследователем майя того времени Э. Селером в его обширной статье «Древности Гватемалы», опубликованной в 1904 г. в Вестнике Смитсоновского университета¹¹.

Автор упоминает, что на этой территории работали американские исследователи от Бостонского университета и частные лица – мистер Э.П. Дизельдорф совместно с доктором К. Саппером. И если первые на момент выхода статьи результаты работ не опубликовали, вторые активно ввели итоги изысканий в научный оборот. Так, Э.П. Дизельдорф начал публиковать результаты своих раскопок в трудах Берлинского общества антропологии, этнологии и археологии¹². При этом и Э.П. Дизельдорф, и К. Саппер позволяли исследователям работать с собранными ими в результате раскопок коллекциями и частично передавали их в музейные фонды. Часть коллекции в 1894 г. Э.П. Дизельдорф передал в этнографический музей Берлина, где и сейчас хранятся 22 майяские терракоты. Вторая часть довольно внушительного материала, накопленного исследователем, осела в Национальном музее археологии и этнологии Гватемалы. Доступность материала позволила Э. Селлеру проанализировать целый ряд фигурок, найденных коллегами близ Кобана, и сделать их фотографии¹³. К сожалению, исследователи не всегда фиксировали точное место обнаружения терракот по объективным причинам, т.к. нередко они составляли часть подъемного материала. Вместе с тем практика точной фиксации уже существовала, составлялись планы, создавались прорисовки, делались первичные описания.

В начале XX в. процесс активного коллекционирования майяских артефактов продолжился. Именно на рубеже веков серьезно пополнились терракотовым материалом европейские музеи, специалисты которых проводили изыскания на территории майя. Например, в 1905 г. супругами Э. Селер и С. Селер-Сакс в Берлин-

⁹ Jgibbings 2020, 389–420.

¹⁰ Cartas de Erwin P. Dieseldorff Carta #9.

¹¹ Seler 1904, 77–78.

¹² Seler 1904, 78.

¹³ Seler 1904, 102.

ский этнографический музей было передано 148 фигурок из различных областей Гватемалы и Мексики. По большому счету Э. Селер является основоположником американистики в Германии. Его многочисленные научные труды и собранные им археологические, лингвистические и этнографические материалы Старого Света по праву могут считаться одними из самых представительных¹⁴.

В первой четверти XX в. продолжает развиваться несколько направлений в обнародовании информации по итогам проведения археологических работ: публикация научных статей исследователей, публикация отчетов организации (как правило, института или музея), ответственной за проведение раскопок. Естественно, что и авторство, и требования ответственной организации накладывали отпечаток на саму форму отчетной документации. Немаловажным было и то, что опосредованно на форму отчетности оказывало влияние европейское происхождение целого ряда специалистов, проводивших научные изыскания. Их традиции фиксации материала нашли свое отражение в формах подачи данных, вошедших в основу археологических отчетов американских институтов и музеев, выступающих организаторами раскопок.

В это время на больших количествах майяских памятников проводит раскопки целый ряд университетов США (Смитсоновский институт, Пенсильванский университет, Музей Пибоди при Гарвардском университете, Институт Карнеги), Великобритании (Британский музей) и пр.

Большой вклад в археологическое изучение регионов майя внес Институт Карнеги (Вашингтон). Довольно длительное время он выступал главным организатором многочисленных раскопок и иного рода исследований, которые проводил с целью изучения майяской цивилизации. Проекты начинают активно работать с 1914 г. и продолжают вплоть до 1958 г.¹⁵ Результаты раскопок публикуются в ежегодных отчетах института (*Carnegie Inst Wash Year B*), где отдельная глава была посвящена деятельности отдела исторических исследований. За годы работы проекта специалистами института было исследовано около 30 памятников майя на территориях Мексики, Гватемалы, Гондураса и Белиза. По результатам проведения изысканий опубликовано порядка 172 археологических отчета. При этом количественная интенсивность проведения раскопок за несколько десятилетий сохраняется практически без серьезных изменений. Так, в 1920-е гг. опубликовано 34 отчета, в 1930-е гг. – 49 отчетов, в 1940-е (несмотря на участие многих ученых во Второй мировой войне) – 32 отчета, в 1950-е гг. – 48 отчетов.

В большинстве отчетов 1920-х гг. можно условно выделить ряд характерных особенностей. Как правило, они не очень большие по объему. Вначале дается краткое описание целей проведения работ на данном объекте и дата начала исследования. Отличительной особенностью такого «вступления» является определенная художественность стиля. Так, например, в отчете Ф. Блома о начале работ в Вашактуне написано: «Восьмая экспедиция Института Карнеги в департамент Петен (северная Гватемала) отправилась из Белиза (Британский Гондурас), в Эль-Кайо, главный судоходный пункт на реке Белиз, 18 февраля. Целью экспедиции было провести обследование руин Вашактуна, обнаруженных экспедицией 1916 г., и

¹⁴ Dolinski 2018, 39.

¹⁵ Weeks, Hill 2006, 3.

подготовить это место к исследованию в ближайшие годы»¹⁶. Практически в обязательном порядке прописывается легитимность проводимых на чужой территории (для американцев) раскопок. В отчете С. Морли о начале работ в Вашактуне за 1926 г. содержится информация о том, что 28 ноября 1925 г. в городе Гватемала был подписан контракт между представителем правительства Гватемалы в лице министра народного образования дона Р. Ордоньеса Солиси и действующего по доверенности Института Карнеги Дж. Роуча, по которому разрешалось проведение различного рода исследований на памятнике на 5 лет с возможностью продления еще на 5 лет¹⁷. Традиция указания в отчетах законности проведения работ и перечисления партнеров продолжает развиваться на протяжении всего XX в. Так, например, в отчете за 1948 г. содержатся сведения о том, что работу в Бонампаке осуществляли Институт Карнеги совместно с Институтом антропологии и истории (Мехико), при финансовой поддержке компании «Юнайтед Фрут»¹⁸. Интересно упоминание о поддержке, которую оказывал представитель Института Карнеги в Гватемале мистер М.Е. Смит создающемуся в это время Национальному музею археологии и этнологии Гватемалы¹⁹. К сожалению, несмотря на то, что было опубликовано три собственно археологических отчета с подробным описанием объектов с находками, упоминание о находке и фиксации терракотового материала не представлено.

Уже в 1920-е гг. отчеты содержат описания терракотового материала с характеристикой места обнаружения (здания, сооружения, слой шурфов с соответствующей нумерацией), внешним описанием изображенного субъекта, формовочной массы, его цветовых особенностей, повреждений, стыков в местах лепки. Делаются предположения о способе обжига или сушки. Например, в отчете за сезон 1929 г. работ в Вашактуне, помимо указанных выше данных, О. Рикетсон отмечает численность выявленных фигурок (не более полутора десятков фрагментов)²⁰. Нередко встречаются схемы или планы. Иногда присутствует перечисление найденных находок.

В период с 1926 по 1930 гг. на памятнике Лабаантун в Британском Гондурасе (Белиз) проводит раскопки Британский музей. Результаты руководители работ публикуют в «Отчетах об экспедиции Британского музея в Британский Гондурас»²¹. В документах представлены изображения терракотового материала как индивидуальных находок. Например, в Британском музее хранится голова терракоты из Лабаантуна (Am,L.168) со ссылкой на археологический отчет как место первичной публикации²². В отчете за 1927 г. зафиксированы изображения четырех фигурок²³, за 1930 г. – фотографии 15 фигурок и прорисовки 22 терракот, которым также присвоены инвентарные номера Британского музея (Am,G.T.2922, Am,G.T.2827, Am,G.T.2920)²⁴.

¹⁶ Blom 1924, 217.

¹⁷ Morley 1926, 273.

¹⁸ Kidder 1948, 208.

¹⁹ Kidder 1948, 210.

²⁰ Ricketson 1929, 322.

²¹ Joyce 1928, 295–336; Gruning 1930, 477–483.

²² The British Museum collection https://www.britishmuseum.org/collection/object/E_Am-L-168.

²³ Joyce 1928, 309, pl. XVIII–XX.

²⁴ The British Museum collection <https://www.britishmuseum.org/collection/term/BIB9552>.

Некоторые изменения в отчетной документации намечаются с 1930-х гг. В это время, например, в Мексике, складывается очень интересная ситуация. На территории государства работы ведутся под эгидой институтов США, под эгидой Национального института антропологии и истории и реализовываются совместные проекты. Традиция сохраняется и позднее, что приводит к параллельному существованию «американской», «мексиканской» «гватемальской» археологических школ. Только в результате постепенного методологического слияния к концу 1970-х гг. формируется единая форма отчетной документации.

Ярким примером развития подхода к оформлению археологических отчетов являются опубликованные материалы по раскопкам Пьедрас-Неграс, которые с 1931–1939 гг. проводил Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета. Документ имеет четкую структуру. Дается подробное описание всех исследованных объектов и выявленных артефактов с чертежами, рисунками, отображением глубин залегания и пр. При описании по квадратам указано количество фигурок, выявленных в процессе работы²⁵.

Вместе с тем именно с 1940 г. совместно с правительством штата Кампече Национальный институт антропологии и истории (Мексика) начинает проводить полноценные археологические работы на одном из самых интереснейших в плане терракотового материала майяском памятнике – острове Хайна, которые с довольно большими перерывами завершаются полевым сезоном 1964 г.²⁶ При этом археологические отчеты в традиционном виде не издаются. В 1948 г. Р. Пинья Чан пишет «Краткое исследование некрополя Хайна, Кампече» (которое переиздается в 2001 г.²⁷) с описанием обнаруженных в погребениях фигурках. В 1968 г. выходит его монография, посвященная исследованию о-ва Хайна, где подробно анализируется терракотовый материал. При этом в обнародованных отчетах (Анналах) Национального института антропологии и истории, которые на основании устава активно публикуются, эти изыскания не описаны. Только в 1951 г. появляется отдельный раздел, посвященный археологии, где специалисты описывают первичные результаты раскопок, проводимых в различных регионах и культурах Мексики. Так, в Анналах за 1951 г. публикуется статья А.Р. Луилье о раскопках в Паленке 1948–1951 гг.²⁸, которая снабжена информацией об исследованиях архитектурных групп. Присутствует краткое описание найденных фигурок с указанием их типа и техники изготовления, но без упоминания точного количества и без конкретизации локализации. Однако большую ценность имеют фотографии некоторых фигурок из приложения к отчету.

Дальнейшие результаты работ в Паленке за сезоны 1953–1956 гг. опубликованы в Анналах за 1956 г.²⁹ Несмотря на довольно подробное описание, информация по терракотам практически не представлена. Имеется лишь пометка автора о том, что фигурки будут изучены позднее отдельно³⁰. В отчетах о раскопках на

²⁵ Satterthwaite 2005, 44.

²⁶ Piña Chan 1968, 14.

²⁷ Piña Chan 2001 (1948).

²⁸ Lhuillier 1952, 51, 62–63.

²⁹ Lhuillier 1958.

³⁰ Lhuillier 1958, 127.

этом памятнике за 1957–1958 гг. тенденция обзорной характеристики фигурок сохраняется.

Археологические документы 1950-х гг. все больше наполнены детальными сведениями. Параллельно сосуществуют два варианта подачи информации в отчетах. Первый отличается довольно серьезной детализацией и уже вполне современным анализом, сопровождающимся необходимым количеством фотоматериалов, схем, изображений различного рода находок, в том числе майяских терракотовых статуэток. Второй, несмотря на внимание к деталям, прорисовок и схем практически не содержит, чаще просто указывается количество фигурок в контексте места их обнаружения или упоминается, что они выявлены в том или ином месте.

К первому варианту можно отнести серию отчетов по работам в Майяпане указанного временного периода. Институт Карнеги, проводивший раскопки в это время, помимо ежегодных отчетов, публикует еще и текущие. В них часто, кроме общей информации по фигуркам, содержатся их изображения с точной ссылкой к месту обнаружения, указывается размер, прописывается, кто изображен и (или) функциональное назначение (например, свистулька в виде игуаны, длина 16 см)³¹. Например, в отчете по результатам работ на территории Майяпана отмечено, что в некоторых домохозяйствах (Str. AA-103a) были открыты погребения. В качестве погребального инвентаря представлены и фрагменты терракот. В основной части отчета содержится подробная схема прорисовки погребения с указанием наличия фрагментов фигурок³².

В качестве примера второго варианта отчета можно привести документ Э. Томпсона по результатам работ за 1955 г. в Майяпане, где указано наличие двух фигурок в захоронениях близ алтаря, около Строения Q-165³³. В этом же году при исследовании мусорной ямы, расположенной близ кухни (Строение R-86a), Т. Проскуракова лаконично отмечает наличие *нескольких* фигурок³⁴.

Отчетная документация несколько изменяется в 1970-е гг. Характеристика исследуемых объектов становится более детальной. Увеличивается количество фотографий. Публикуются результаты реставрационных работ. Это коснулось и терракотового материала. Например, собранные из многочисленных фрагментов формы для изготовления фигурок, найденных в Паленке во время раскопок 1972 г., описываются подробно, но опять же без указания глубины и места залегания и без сопроводительных чертежей³⁵. Во многом этим изменениям способствовал принятый в 1972 г. Федеральный закон об археологических, художественных и исторических памятниках и зонах³⁶, который изменялся и дополнялся в 1974, 1984, 2014 и 2012 гг. Он определил порядок проведения изысканий и все сопутствующие работы, выполняемые в рамках сохранения историко-культурного наследия Мексики.

В этот период возобновляются работы в Лабаантуне (Белиз). Результаты своих изысканий Н. Хаммонд публикует в монографии, вышедшей в свет в 1975 г. и

³¹ Ruppert, Smith, 1954 (2006), 203.

³² Ruppert, Smith, 1954 (2006), 200–201.

³³ Thompson 1955, 276.

³⁴ Proskouriakoff, Temple 1955, 273.

³⁵ Acosta 1976, 41.

³⁶ Ley Federal Sobre Monumentos y Zonas Arqueologicas, Artisticos e Historicos.

схожей по структуре с археологическим отчетом³⁷. Информация представлена по тематическим блокам, со всеми необходимыми данными, сопровождающимися точной фиксацией и подробным описанием. Отдельная глава посвящена артефактам, в том числе и терракотовым статуэткам. Фиксация терракотового материала представлена несколькими вариантами: точное указание количества с инвентарным номером³⁸, указание количества терракот без отсылки к номеру индивидуальной находки³⁹ и общее указание на наличие фигурок с прописыванием формулировки «несколько сотен»⁴⁰. Примечательно, что находки были переданы в Музей археологии и этнологии Пибоди Гарвардского университета, где и хранятся в настоящее время. Например, фигурка мужчины с барабаном, обозначенная в отчете под рисунком 147⁴¹, значится в коллекции музея под инв. № 973-13-20/25016⁴². В настоящий момент в коллекции музея хранится шесть фигурок и их фрагментов из Лабаантуна⁴³.

Примерно в это же время схожие процессы идут и в Гватемале, на территории которой также располагается большое количество памятников майя⁴⁴. Серьезную работу начинает проводить Институт антропологии и истории, который в 1985 г. вошел в состав Министерства культуры и спорта. Традиционными становятся коллективные проекты, как, например, раскопки Тикаля. Этот памятник планомерно «копали» представители Пенсильванского университета в период с 1956 по 1969 гг. Помимо обычных отчетов, исследования сопровождались съемками, в настоящий момент доступными в архивах⁴⁵. Далее раскопки и реставрация продолжались в Тикале в рамках национального проекта «Тикаль» университета Сан-Карлос в Гватемале и Института антропологии и истории.

Кроме многочисленных исследований памятников, в период 1970–1990-х гг. ведутся реставрационные работы. В соответствующие законы включаются целые реестры памятников, создаются археологические парки и зоны. В 1990–2000-х гг. активно реализуются интеграционные проекты, организованные совместно правительствами, институтами Мексики или Гватемалы и представителями научной общественности США. В этом отношении ярким примером является возобновление в 1997 г. археологических работ на памятнике Пьедрас-Неграс. Археологический проект «Пьедрас-Неграс» реализуется в результате сотрудничества университетов Бригама Янга (Brigham Young University, BYU) и Долины Гватемалы (Universidad del Valle de Guatemala, UVG) при поддержке Института антропологии и истории Гватемалы⁴⁶. Результаты каждого полевого сезона представлены в подробных отчетах по каждому исследуемому объекту. Описание раскопов, траншей, шурфов и пр. сделано с проведением всех необходимых измерений. Вместе с

³⁷ Hammond 1975, 415–428.

³⁸ Hammond 1975, 278.

³⁹ Hammond 1975, 281.

⁴⁰ Hammond 1975, 371.

⁴¹ Hammond 1975, 373.

⁴² Mold-made figurine <https://collections.peabody.harvard.edu/objects/details/317671?ctx=1ee75103114ea279fdf737e2a3ce09081eb45edb&idx=5>.

⁴³ Peabody Museum Collections Online <https://collections.peabody.harvard.edu/objects/table?filter>.

⁴⁴ Compendio de Leyes sobre la Protección del Patrimonio Cultural Guatemalteco.

⁴⁵ Tikal Project 1959. <https://archive.org/search?query=subject%3A%22Tikal+expedition%22>.

⁴⁶ Escobedo, Houston 2001, iii.

тем указание на точное количество терракотового материала с привязкой к схемам квадратов часто отмечается условно, с формулировкой «несколько фигурок»⁴⁷.

С 1999 г. в отчетах стали появляться описи находок по квадратам, которые позволяют выявить количество найденных в ходе работ терракот и их фрагментов. Оформленные таким образом отчеты позволяют определить количественный показатель найденных фигурок и (или) их фрагментов, которые за сезоны 1997–2000-х гг. составили коллекцию порядка 2500 ед.

Начало 2000-х гг. ознаменовано активным использованием новых методов археологических исследований, применением ГИС-технологий, всевозможных химических, физических, биофизических методик анализа и исследований. Археологические отчеты окончательно приобретают четкую структуру. Отличительные особенности, независимо от авторства, не являются существенными. В большинстве своем они прошли стадию определенной унификации с незначительной поправкой на исследуемый памятник и объект изучения. Все они снабжены подробнейшими данными по всем этапам проведения изысканий. Например, археологический проект «Эль-Перу Вака» (El Perú-Waka' Regional Archaeological Project, EPWRAP), который непрерывно реализовывался с 2003 по 2006 гг. и далее с различными временными лагунами в различных вариациях продолжается с 2009 г.⁴⁸ Он организован в рамках сотрудничества и поддержки Министерства культуры и спорта Гватемалы, Института антропологии и истории Гватемалы, Департамента памятников истории и колониализма, Музея антропологии и истории Гватемалы⁴⁹.

При характеристике объектов становится обычным детальное описание с указанием номеров раскопов, погребений, траншей, шурфов, квадратов, глубин и пр. Вместе с тем информация по терракотам не всегда содержит столь подробные данные, хотя в ряде случаев указывается инвентарный (индивидуальный) номер фигурки (фрагмента)⁵⁰.

Современные исследования также организуются в формате археологических проектов. Помимо традиционных отчетов с подробными описаниями, они имеют свои страницы в сети Интернет, где часто представлены изображения артефактов *in situ* и после расчистки. Несомненным плюсом для исследователя, помимо традиционных фотографий и прорисовок, стали 3D-модели терракотового материала.

Таким образом, можно выделить основные этапы формирования отчетной документации. Первый, начиная с конца XIX в. и до 1920-х гг. В этот период отчетная документация находится на начальной стадии своего формирования. Ее особенности связаны с авторством и научной организацией. Американские документы снабжены большим количеством схем, иллюстративного материала, нежели мексиканские и гватемальские. Опосредованное влияние в этот период оказывают европейские специалисты, работавшие на раскопках в рамках реализации проектов американских институтов на территории майяской цивилизации. Трансляция европейского (немецкого и британского) опыта на способ формиро-

⁴⁷ Urquizú, Román 1997, 23.

⁴⁸ Freidel, Escobedo 2014, 18.

⁴⁹ Navarro-Farr, Rich 2014, ix.

⁵⁰ Prera, Martínez 2004, 152.

вания археологических отчетов США позволила оформить правила и нормы американских документов, которые в следующий период начинают влиять на создание номенклатуры документации Мексики, Гватемалы, Гондураса. Специалисты Белиза практически одновременно начинают перенимать опыт исследователей из Великобритании и США.

Второй период можно условно определить 1920–1970 гг. Пока еще отчеты мексиканских и гватемальских исследователей лишь отчасти напоминают современные археологические отчеты. Вместе с тем они подробно описывают процесс разведок и раскопок, есть рисунки, схемы, прорисовки. В Мексике они публикуются в отчетах (Анналах INAH), иногда спустя много лет после изысканий. Информация по терракоте носит очень фрагментарный характер. В отличие от них документация коллег из университетов США уже очень похожа на современные отчеты. Она публикуется отдельными томами вслед за проведением работ или в ежегодных отчетах работы учреждений в рамках отдельных разделов. Часто содержит схемы, прорисовки и фотографии. Терракотовый материал в ряде случаев подвергается первичному анализу. Иногда в документах представлены и изображения фигурок.

Третий период – 1970–1990 гг. Наряду с активным процессом формирования законодательной базы по сохранению памятников историко-культурного наследия, начинается процесс унификации формы отчетной документации. Если в начале 1970-х гг. разница между мексиканскими, гватемальскими документами и отчетами США прослеживалась хорошо, то уже к концу этого периода она почти не видна. Отчеты приобретают вполне современную форму со всем сопутствующим содержательным наполнением. Это позволяет выявить количественный состав терракотового материала большинства полевых сезонов основных объектов изучения и определить частоту встречаемости в слое, погребениях, тайниках, структурах, мусорных ямах и кучах, мастерских по изготовлению и пр. местах их обнаружения.

Четвертый период – 1990-е гг. – начало 2000-х гг. – характеризуется окончательным оформлением стандарта отчета. Все больше появляется цветных фотоматериалов, схем, чертежей и пр. Целый ряд исследований сопровождается не просто описями, но и каталогами индивидуальных находок, к которым относятся и терракотовые фигурки.

Начало пятого периода можно отнести к 2010-м гг. и по настоящее время. Активное использование новейших технологий и оборудования, доступность информации с сайтов археологических проектов существенно расширило данные традиционных археологических отчетов. Работа с ГИС-технологиями, лидарами, 3D-сканерами и принтерами вывела отчетную документацию на новый уровень. Результаты полевых исследований имеют возможность публиковаться и размещаться на сайтах экспедиций и проектов в режиме онлайн. Каталоги и описи становятся общедоступными для широкого круга исследователей. Помимо официальных бумажных отчетов, идет процесс надстройки целого блока информации электронного характера. Изображения фигурок с необходимым минимальным описанием и моделями находятся в свободном доступе.

ЛИТЕРАТУРА

- Acosta, J.R. 1976: Exploraciones en Palenque durante 1972. In: *Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia. 1974–1975: Séptima época (1967–1976)*. T. V. Mexico, 5–62.
- Acuerdo No. 245. Creación del Instituto Nacional de Antropología e Historia de Honduras. Palacio nacional, Tegucigalpa, D.C. 22 de julio de 1952. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.unesco.org/sites/default/files/honduras_decreto_245_22_06_1952_spa_prof.pdf.
- Belize National Institute of Culture and History Act. Ch. 331. Revised Edition 2011. Showing The Substantive Laws as at 31st December, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belizejudiciary.org/download/LAWS-of-Belize-rev2011/Laws-of-Belize-Update-2011/VOLUME%2015B_2/Cap%20331%20National%20Institute%20of%20Culture%20and%20History%20Act.pdf.
- Blom, F. 1924: Report on the Preliminary Work at Uaxactun, Guatemala. In: *Year Book – Carnegie Institution of Washington* 23, 217–219.
- Cartas de Erwin P. Dieseldorff Carta #9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://verapaseando.com/cartas-de-erwin-p-dieseldorff-carta-9>.
- Compendio de Leyes sobre la Protección del Patrimonio Cultural Guatemalteco. 2006: UNESCO, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mcd.gob.gt/wp-content/uploads/2013/07/Recopilacion-compedio-de-leyes.pdf>.
- Dolinski, E., 2018: Eduard Seler y Caecilie Seler-Sachs, fundadores alemanes de los estudios científicos precolombinos. In: R. von Hanffstengel, C.T. Vasconcelos (eds.), *Eduard y Caecilie Seler Sistematización de los estudios americanistas y sus repercusiones*. México, 33–40.
- Escobedo, H.L., Houston, S.D. 2001: La cuarta temporada de campo del Proyecto Arqueológico Piedras Negras, 2000. In: H.L. Escobedo, S.D. Houston (eds.), *Proyecto Arqueológico Piedras Negras Informe preliminar No. 4 Cuarta Temporada, 2000*. Guatemala.
- Freidel, D.A., Escobedo, H.L. 2014: Stelae, Buildings, and People Reflections on Ritual in the Archaeological Record at El Perú- Waka'. In: *Archaeology at El Perú 'Waka': Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power*. Chicago, 18–33.
- Gann, T.W.F. 1900: Mounds in Northern Honduras. In: *Nineteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1897–1898*. Pt. 2 Washington, 661–691.
- Gibbins, J. 2020: Their Debts Follow Them into the Afterlife»: German Settlers, Ethnographic Knowledge, and the Forging of Coffee Capitalism in Nineteenth-Century Guatemala. *Comparative Studies in Society and History* 62.2, 389–420.
- Gruning, Ed.L. 1930: Report on the British Museum Expedition to British Honduras, 1930. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 60, 477–483.
- Hammond, N. 1975: *Lubaantun, a Classic Maya Realm*. Cambridge, 415–428.
- Hammond, N. 1983: The Development of Belizean Archaeology. *Antiquity* 57, 19–27.
- Joyce, T.A. 1928. Report on the British Museum Expedition to British Honduras 1927. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 57, 295–336.
- Kidder, A.V. 1948: Division of Historical Research. *Carnegie Inst Wash Year B* 47, 207–211.
- Ley Federal Sobre Monumentos y Zonas Arqueológicas, Artísticas e Históricas. Nueva Ley publicada en el Diario Oficial de la Federación al 6 de mayo de 1972. Texto vigente. Últimas reformas publicadas DOF 13-06-2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ocol.mx/content/cms/13/file/federal/LEY_FED_SOBRE_MONUMENTOS.pdf
- Ley orgánica del Instituto Hondureño de Antropología e Historia. Decreto número 118 el congreso nacional. Tegucigalpa, D.C. enero de 1969. [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: https://en.unesco.org/sites/default/files/honduras_decret_118_16_10_1968_spa_orof.pdf.
- Ley Organica del Instituto Nacional de Antropologia e Historia. 1939. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://es.unesco.org/sites/default/files/mx_orglawinah1939_spaorof.pdf.
- Lhuillier, A.R. 1958: Exploraciones arqueológicas en Palenque: 1953, 1954, 1955, 1956. *Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia* 1956: *Sexta época (1939–1966)*. Т. X. Mexico, 69–299.
- Morley, S.G. 1926: The Uaxactún Project. *Carnegie Inst Wash Year B* 25, 273–274.
- National Institute of Culture and History Act. Chapter 331. Revised Edition 2003. Showing the subsidiary laws as at 31st October, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yumpu.com/en/document/view/12025069/subsid-nich-cap-331-belizelaworg>.
- National Institute of Culture and History. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20170502143028/http://www.nichbelize.org/ia-general/about-us.html>.
- Navarro-Farr, O.C., Rich, M. 2014: *Archaeology at El Perú 'Waka': Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power*. Tucson.
- Piña Chan, R. 1968. *Jaina. La casa en el agua*. México.
- Piña Chan, R. 2001 (1948): *Breve estudio sobre la funeraria de Jaina, Campeche*. Campeche.
- Prera, A.L.A., Martínez, H. 2004: WK-05: Excavaciones en las Estructuras L13-17 y L13-19. Capítulo 6. In: H.L. Escobedo, D. Freidel (eds.) *Proyecto Arqueológico El Perú-Waka': Informe No. 1, Temporada 2003. Informe Entregado a la Dirección General del Patrimonio y Natural de Guatemala*. Guatemala, 119–144.
- Proskouriakoff, T., Temple, Ch.R. 1955: Excavations in a Large Residence at Mayapán. *Carnegie Inst Wash Year B* 54, 271–273.
- Ricketson, O.G. 1929: Report on the Excavations at Uaxactun. *Carnegie Inst Wash Year B* 28, 316–322.
- Ruppert, K., Smith, L.A. 1954 (2006): Excavations in House Mounds at Mayapán III. Current Reports Carnegie Institution of Washington Department of Archaeology No. 17. September 1954 In: J.M. Weeks, J.A. Hill (eds.), 2006: *The Carnegie Maya: The Carnegie Institution of Washington Maya Research Program, 1913–1957*. Boulder, 193–206.
- Satterthwaite, L. 2005: The South Group Ball Court (Structures R-11-A and R-11-B), with a Preliminary Note on the Westgroup Ball Court (Structures K-6-A and K-6-B). In: J.M. Weeks, J.A. Hill, Ch. Golden (eds.), *Piedras Negras Archaeology, 1931–1939. Piedras Negras Preliminary Papers Piedras Negras Archaeology: Architecture*. Philadelphia, 30–49.
- Seler, E. 1904: Antiquities of Guatemala. Mexican and Central American Antiquities, Calendar Systems, and History. In: W.H. Holmes (ed.), *Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology: Bulletin* 28. Transl. from the Ger. by Ch.P. Bowditch. Washington, 75–123.
- Thompson, D.E. 1955: Excavations at Mayapán. *Carnegie Inst Wash Year B* 54, 275–276.
- Urquizú, M., Román, A.M. 1997: Capitulo 2. PN2: Investigaciones en la Area Habitacional al Este del patio del Grupo Sur. In: H.L. Escobedo, S.D. Houston (eds.), *Proyecto Arqueológico Piedras Negras: Informe Preliminar No. 1, Primera Temporada 1997* (Informe Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala). Guatemala, 21–30.
- Weeks, J.M., Hill, J.A. 2006: *The Carnegie Maya: The Carnegie Institution of Washington Maya Research Program, 1913–1957*. Boulder.

«FROM THE NUANCES OF DESCRIPTION TO THE DESCRIPTION
OF NUANCES»: FEATURES OF THE RECORDING OF TERRACOTTA
MATERIAL OF THE 1ST MILL. AD IN REPORTS ON ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH AT MAYAN SITES

Irina Yu. Demicheva

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia*

E-mail: iudem@mail.ru

For the first time, the paper discusses the features of the fixation of terracotta material in the official documentation since the beginning of official archaeological surveys at the Mayan sites. Based on the analysis of about 300 archaeological reports, the periods of formation and development of the system of archaeological reports, as well as their specific features, are distinguished. 1) the end of 19th century to the 1920s. The documentation is at the initial stage of its registration. The European tradition has a great influence, which is positively perceived by American scholars who conducted research at the Mayan sites. The artistry of describing projects successfully coexists with accurate fixation of the material and often with diagrams. There is information about the places where the figurines are found. At the same time, the factor of authorship of the document and the leading organization is of great importance. 2) 1920–1970. In parallel, there are several forms of accounting documentation with varying degrees of detail of fixation and description of terracotta figurines. Photos of figurines are actively published. In some cases, terracotta is subjected to primary analysis. Regardless of the differences in the description of the nuances, by the end of the period, a certain general form of reports begins to take shape. 3) 1970–1990. Along with the active process of forming the legislative framework for the preservation of historical and cultural heritage monuments, the process of unification of the form of accounting documentation is underway. By the end of the period, the reports acquire a completely modern form with all the accompanying content. This makes it possible to identify the quantitative composition of the terracotta material of most field seasons at the main sites and determine the frequency of its occurrence. 4) 1990s to early 2000s. The final standard of the report. A number of studies are accompanied not only by inventories, but also by catalogues of individual finds, which include terracotta figurines. 5) 2010s to the present. The active use of the latest technologies and equipment, the availability of information from the sites of archaeological projects has significantly expanded the data of traditional archaeological reports. In addition to official paper reports, there is a process of forming much broader and informative electronic reports, which are usually available online and freely available.

Keywords: Maya, figurines, terracotta, archaeological reports, fixation of material

---

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 242–255
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 242–255
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-242–255

БЕРЛИНСКИЕ СТАЖИРОВКИ Н.Д. ФЛИТТНЕР В 1909–1914 гг.: СТУДЕНЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Е.В. Аброськина

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: evgeniia.abroskina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2960-5658

Статья посвящена берлинским стажировкам отечественного египтолога Наталии Давидовны Флиттнер (1879–1957) в период с 1909 по 1914 гг. Основными источниками послужили ранее неизвестные части ее «Воспоминаний» (из бывшего собрания А.Т. Шахтахтинской). Благодаря новым архивным поступлениям, автору статьи удалось реконструировать и описать существовавшую в конце XIX – начале XX в. образовательную традицию – берлинские стажировки востоковедов. Анализируется студенческая повседневность и процесс обучения участников кружка петербургского египтолога Б.А. Тураева: И.М. Волкова, А.Л. Коцейовского, В.В. Струве. Будучи участницей подобных поездок, Н.Д. Флиттнер подробно описывает, каким образом был устроен студенческий быт и организованы занятия, дает подробные психологические характеристики своим преподавателям – А. Эрману, К.Ф. Леман-Хаупту, Г. Мёллеру и др. На протяжении обучения важным процессом было также выстраивание горизонтальных связей между студентами, что позволяло говорить о единой исследовательской школе А. Эрмана. К ней принадлежали российские и зарубежные ученые (Б.А. Тураев, И.М. Волков, А.Л. Коцейовский, В.В. Струве, П.Дж. Бойлан, С. Йорк Стивенсон, А. Херц). Особое внимание уделено изучению влияния политического контекста как на процесс обучения в Берлине, так и на написание «Вос-

Данные об авторе. Евгения Вячеславовна Аброськина – научный сотрудник ИВИ РАН, младший научный сотрудник Отдела Востока ГЭ.

Публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого РНФ «Культура истории и истории культуры: основные аспекты эволюции историко-культурных исследований в СССР в 1931–1941 гг.», № 22-28-00052.

поминаний». Анализируются две существующие в тексте эго-документа темпоральности – одна принадлежит предвоенному времени в Берлине, другая – периоду блокады Ленинграда, когда Н.Д. Флиттнер начала упорядочивать собственные дневниковые записи и создавать текст «Воспоминаний».

Ключевые слова: египтология, Н.Д. Флиттнер, Б.А. Тураев, И.М. Волков, А. Эрман, берлинские стажировки

И радостно мне было думать о том, что скоро я буду опять дома,
и грустно было мне расставаться с Берлином, где я так хорошо ужилась
и где я так много получила, я – внучка этой страны...
(Н.Д. Флиттнер, «Воспоминания», Папка 1. С. 98)

В центре нашего исследования эго-документ – «Воспоминания» египтолога Наталии Давидовны Флиттнер (1879–1957), которые уже становились предметом научного интереса¹. Одна часть текста хранится в Архиве Государственного Эрмитажа (далее – АГЭ), другая – в частном собрании А.Т. Шахтагинской. Материалы, хранящиеся в АГЭ, при работе с ними оставляли ощущение незавершенности мысли автора «Воспоминаний»: так, большая часть текста посвящена разрозненным детским и юношеским воспоминаниям о жизни в Коломне и Перкьярви, обучении в Николаевском институте и на Высших женских курсах². Что же касается обучения в университете, работы в Эрмитаже, то об этом упоминалось вскользь, а о чем-то – например, о заграничных поездках – не говорилось вовсе. Однако в 2023 г. нам удалось познакомиться с материалами из собрания А.Т. Шахтагинской. Наибольший интерес представляли две папки, содержащие текст «Воспоминаний» о трех берлинских поездках Н.Д. Флиттнер в 1909, 1912 и 1914 гг.³. Известно, что традиция берлинских стажировок была важной образовательной практикой для отечественных востоковедов в конце XIX – начале XX в.⁴. Одним из первых на такую стажировку отправился египтолог Б.А. Тураев, а вслед за ним его ученики – Н.Д. Флиттнер, И.М. Волков, В.В. Струве и А.Л. Коцейковский. Подобные поездки являлись важным этапом в процессе профессионального становления исследователей. Следует отметить, что такая образовательная практика была свойственна не только для студентов Петербургского университета: довоенный Берлин был центром научного знания для ученых со всего мира. Особенное значение придавалось «обучению у известных профессоров»⁵, которые распространяли собственные научные идеи и подходы за пределы Германии. Будучи учеником и наследником исследовательской традиции берлинской школы Адольфа Эрмана, Б.А. Тураев стремился направить к нему своих студентов.

¹ Воробьева 2015, 9–34; Секенова, Пушкарева 2021, 132–153; Аброськина 2022, 373–389.

² Подробнее см. Аброськина 2022.

³ В первой папке, которую мы будем обозначать как «Папка № 1», находятся воспоминания о 1909 и 1914 гг., во второй («Папка № 2») – о 1912 г. Мы также сохраняем авторскую числовую пагинацию.

⁴ См. подробнее: Томашевич 2011, 264–268.

⁵ Карнаух 2015, 140.

Как пишет Н.Д. Флиттнер: «Жаль мне, что «политика» не дала возможности помянуть достойно большого ученого, создавшего ведь и нашу школу: Тураев был многолетним учеником его, Струве, Волков, Коцейовский слушали его; о себе, как об ученице его, не говорю или, вернее, хотела бы сказать многое о том, какой большой след оставил он по себе в моей памяти, не как учитель только, но и как человек»⁶.

Однако, несмотря на то, что исследователям было известно о берлинских стажировках, подробного описания их в отечественной историографии не было. «Воспоминания» Наталии Давидовны проливают свет на то, как была устроена студенческая повседневность в Берлине, как проходило обучение, каким образом выстраивались горизонтальные связи между студентами, как влияла политическая обстановка на процесс обучения и на самопознание молодых ученых. Следуя предлагаемой Г. Янке концепции, мы бы хотели также акцентировать внимание не только на описании берлинской повседневности, но и на том, в каком историческом и политическом контексте создавались эти «Воспоминания». В отличие от дневниковых записей, которые Наталия Давидовна вела непосредственно в Берлине и которые стали основой для повествования, сам текст был написан гораздо позднее – в блокаду⁷. Автор называет несколько причин для написания «Воспоминаний»: поручение матери, желание сохранить семейную историю для подрастающих племянников, сформировать правдивое высказывание о себе, выразить собственные мысли. Несмотря на то, что ей удалось встроиться в советскую действительность, как исследователь Н.Д. Флиттнер была сформирована в дореволюционной образовательной традиции, ее умышленный уход в тень и занятия «надстроечными сюжетами» позволяли ей сохранить собственную идентичность в условиях стремительных политических перемен. «Воспоминания» имели «исповедальный»⁸ характер, при помощи этого текста автор стремилась не только реконструировать события прошлого, но и выразить себя в условиях того настоящего, которое окружало ее. Так, она размышляет о своих берлинских документах, которые сохранила: *«Много-много раз за эти последние тяжелые годы, вынимая пакет моих документов, я спрашивала себя, не сжечь ли их лучше? И каждый раз рука не поднималась. Почему бы мне надо было уничтожить их? Что изменилось? Ни Эрман, ни Мейер, ни Леман-Хаупт не перестали быть крупнейшими учеными своего времени, времени до мировой войны. Что преступного было в том, что я стала их ученицей и студенткой Берлинского университета?»*⁹.

На наш взгляд, введение в научный оборот новых архивных материалов позволит решить сразу несколько задач. С одной стороны, микроисторический анализ «Воспоминаний» позволит реконструировать и описать сложившуюся интеллектуальную практику, послужившую формированию единой научной традиции, которая существовала в Петербурге и Берлине в конце XIX – начале XX в. С другой стороны, при помощи выбранного текста мы попытаемся взглянуть на период

⁶ Папка № 1. С. 101.

⁷ Папка № 1 датируется 06.11.1943, у папки № 2 отсутствует датировка, однако можно определить по тексту, что она также содержит текст 1940-х гг.

⁸ Термин, введенный П. Берком (Burke 1997) относительно классификации эго-документов.

⁹ Папка № 1. С. 27.

советской истории, когда создавались «Воспоминания», рассмотрим, каким образом этот контекст влиял на создание текста¹⁰.

БЕРЛИНСКИЙ БЫТ И НАЧАЛО ОБУЧЕНИЯ

Жизнь в Берлине была насыщена научными занятиями и бытовыми хлопотами, которые подробно описывает Н.Д. Флиттнер. По приезду в Германию студенту было необходимо найти квартиру, недорогие места для питания, обменять деньги. Учебные хлопоты включали в себя имматрикуляцию – подачу документов, прием у главы Берлинского университета, получение студенческой карточки, а также знакомство с профессорами. Большую часть забот брал на себя Б.А. Тураев, бывавший в Берлине и обладавший различными полезными знакомствами. Так, из «Воспоминаний» Наталии Давидовны становится ясно, что и в первый, и во второй свой приезд¹¹ она снимала комнату у госпожи Мухс, где годами ранее жил сам Б.А. Тураев¹². Эта квартира на Шиффбауердамм 17 обладала массой достоинств, особенно хорошим было ее местоположение: *«Нельзя было удачнее выбрать места: в центре шумного города, но на тихой набережной, в четверти часа ходьбы и от Университета, и от библиотеки, и от всех моих музеев»*¹³. Занятия в университете начинались рано: *«Вскакиваешь утром спозаранку – ведь в 7 ч. начинаются лекции, а мне надо еще быстро убрать комнату, вынуть цветы из ведра, где они у меня хранились ночью, погруженные «по горло» в воду, поставить их в вазы, мне надо позавтракать, надо еще и еще раз проглядеть за чашкою кофе очередной текст Пирамид для Эрмана или отрывок папируса для Мёллера – поневоле вскочишь в 5 утра»*¹⁴. В этой же квартире в 1912 г. снимал комнату другой участник «тураевского кружка» – Иван Михайлович Волков. В его письмах к Б.А. Тураеву сохранились воспоминания об этом: *«От моего недомогания совсем оправился и чувствую себя вполне здоровым, берлинский климат пришелся по мне. Госпожа Мухс оказывается прекрасною хозяйкою по отношению ко мне: оказывает очень много внимания, заботится о всех, касающихся меня, хозяйских мелочах. Комнату топим через день, и у меня тепло»*¹⁵. Наталия Давидовна в своих «Воспоминаниях» упомянула, что это соседство позволяло им вместе гото-

¹⁰ За границами нашего исследования остался гендерный подход: тема женского письма и женских автобиографий играет важную роль в исследованиях эго-документов. Однако мы умышленно избегаем данного фокуса по той причине, что сама Наталия Давидовна неоднократно подчеркивает в своих воспоминаниях нежелание разделять мужской и женский опыт, отмечая важность каждой персоны, прежде всего, как человека, вне зависимости от его пола.

¹¹ В 1914 г. Наталия Давидовна, не имея возможности остановиться у госпожи Мухс, обратилась за помощью к В.В. Струве, находившемуся в Берлине вместе с А.Л. Коцейовским. Он порекомендовал ей комнату в районе Штеглиц, где неподалеку находился дом А. Эрмана.

¹² В своем письме О.Э. Лемму 25 апреля 1895 г. Б.А. Тураев пишет: «По приезду в Берлин в конце Пасхальной недели мне пришлось по приисканию квартиры, в чем мне помог много здешний многоуважаемый протоиерей [видимо, А.П. Мальцев – О.Т.], приняться за хлопоты и формальности, необходимые для получения права на жительство и обязательные для нас – русских – только». Цит. по: Томашевич 2002, 327.

¹³ Папка № 1. С. 15.

¹⁴ Папка № 1. С. 33–34.

¹⁵ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.

виться по утрам в коридоре, разделявшем их комнаты, что несколько осуждалось хозяйкой квартиры.

Занятия Н.Д. Флиттнер начались со знакомства с Адольфом Эрманом. Как и в случае с арендой квартиры, Борис Александрович заранее уведомил своего учителя и коллегу о прибытии Наталии Давидовны. Важно подчеркнуть, что она была первой из его студентов, приехавших в Берлин на обучение. Так, И.М. Волков прибывает в Берлин в 1911 г., а В.В. Струве и А.Л. Коцейовский – в 1914 г. Знакомство с А. Эрманом состоялось в Новом музее, где располагался Египетский отдел. Н.Д. Флиттнер так описывает свой первый визит: *«Вхожу в залы и тихо ахаю от восторга. Египетский дворик с верхним светом – мне навстречу смотрит желтоликая Хатшепсут, цветные иероглифы змеятся по стволам папироформных колонн, поддерживающих крышу галереи <...> Зеленая саусская голова – вот она какая! Касаюсь осторожно зеркально-гладкой поверхности удивительной скульптуры, бегло провожу пальцами по выпуклостям черепной коробки – до чего он прекрасен, этот египетский старик! А папирусы! Нельзя же пройти мимо! Ведь вот он, Синухет, пробный камень иероглифики для меня! Иератического текста я еще не читала, но он вовсе не труден – я разбираю почти все»¹⁶.*

Знакомство с самим А. Эрманом Н.Д. Флиттнер описала весьма подробно, передавая дословно диалоги на немецком языке: *«– Так-так! Итак, это госпожа Флиттнер, которую я ждал некоторое время» – весело и громко приветствует меня невысокого роста пожилой господин, вставая из-за стола у окна, заваленного книгами. «– Я уже получил письмо от профессора Тураева... Вы хотите у меня работать?» Эрман закидывает меня вопросами, внимательно разглядывая через толстые стекла очков. От его громкого веселого голоса и от простой манеры обращаться проходит вся моя застенчивость, и я обстоятельно и спокойно рассказываю о занятиях у Тураева, о том, что мы – ученики Бориса Александровича – успели сделать у него. Разговор переходит незаметно в настоящий экзамен. Эрман хватая со стола первую попавшуюся книгу, открывает страницу: «– Тогда прочитайте это». Текст знакомый, читаю свободно, на вопросы по грамматике отвечаю правильно. «– У вас был хороший учитель», – удовлетворенно констатирует Эрман»¹⁷.*

Трудно переоценить значение научной работы А. Эрмана, однако, благодаря «Воспоминаниям» Н.Д. Флиттнер, мы имеем возможность также узнать, каким он был преподавателем и человеком, что может стать одним из «ключей» к пониманию популярности «школы Эрмана» по всему миру. Наталия Давидовна дала подробную характеристику А. Эрману на протяжении своего текста, останавливаясь на том, каким образом были выстроены занятия, что в них входило: *«Поработав у Möller-a, посидев в греческом отделе, я торопилась обратно «в Египет» к Эрману. Ни у кого, кажется, не бывало таких веселых и «уютных» занятий как у него, и ни один из профессоров не умел придать им характер именно «совместной» работы»¹⁸. Похожие характеристики дает А. Эрману и И.М. Волков: «Эрман же прямо обворожителен. Такой простой, внимательный, терпеливый по отноше-*

¹⁶ Папка № 1. С. 18.

¹⁷ Папка № 1. С. 21.

¹⁸ Папка № 2. С. 42.

нию к своим слушателям, от которых часто слышит почти детский лепет в ответ на свои вопросы. Его лекции глубоко интересны и содержанием, и формой»¹⁹.

Основной блок занятий представлял собой изучение древнеегипетского языка, чтение и перевод текстов. Эти лекции и семинары проходили в Берлинском университете, в аудитории № 52. В музее два раза в неделю А. Эрман вел занятия по музейному делу: «*Эрмановские Museumsführungen* напоминают мне не столько лекции в Эрмитаже Веселовского, сколько занятия у Штернберга²⁰ в Этнографическом музее. Жизнью живой веет от рассказов Эрмана, вещи в витринах перестают быть музейными экспонатами, а как-то просто и легко вдвигаются в обстановку и быт самой страны»²¹. Занятия в музее А. Эрман сопровождал не только демонстрацией артефактов, но и знакомством студентов с практической стороной музейной работы, например, с реставрацией: «*На занятиях в музее Эрман, прежде чем перейти к чтению папирусов, знакомит нас наглядно с тем, какой сложной обработке подвергается папирус, прежде чем попадет под стекло и на экспозицию. Подымаемся на самый верх музея. Там есть вышка, вся стеклянная, вся светлая. Посредине огромный стол, на столе – пинцеты, иглы, лупы, стекла. У стола, согнувшись над ним сосредоточенно, мастерит что-то невзрачный человечек – реставратор папирусов <...> Скромный Ибшер действительно суций “Zausendkünstler” [мастер на все руки], и его реставрации – настоящее чудо терпения и тонкого умения. Ибшер не знает египетского языка, он не знает иероглифов. Ибшер знает только иератику, знает «руку» разных писцов, а больше и лучше всего он знает папирус, самый материал, эту бумагу египтян. Он знает структуру его волокон, направление их, малейшее отклонение их от нормы. Перед ним стоят ящики с крошевом Кахунских папирусов, лежит большой лист стекла. Ибшер пинцетом извлекает осторожно из ящика отдельные клочки, кладет их на стекло и – клочок к клочку – руководствуясь волокном обрывка, остатками знаков, подбирает и составляет по частям весь папирус, накладывает на него покровное стекло и сдает его на проверку тем, кто знает язык – Эрману, Мёллеру, Грапову и др.»²².*

В музее же проводит свои занятия и другой известный египтолог – Георг Мёллер, стремившийся увлечь своих студентов работой не только с текстами, но и с подлинными музейными артефактами. Так, Наталия Давидовна описала комичную ситуацию, которая произошла в 1912 г., когда они с И.М. Волковым занимались у Г. Мёллера в компании немецких студентов: «*в одно знаменательное утро [Г. Мёллер] с торжественным видом извлек из витрины большой остракон, испитанный с двух сторон. На правах иностранцев мы с Ив. Михайловичем старались вести себя скромно и не лезть вперед, предоставляя инициативу берлинцам; наши компаньоны, однако, нерешительно мялись, несмотря на поощрительные замечания Möller'a: «– Мужественнее, мужественнее, господа, это не будет стоить вам головы». «– Ну, Наталья Давидовна», – сказал вдруг Волков по-русски, – «не*

¹⁹ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.

²⁰ Интересно, что Наталия Давидовна сравнила А. Эрмана с этнографом Львом Яковлевичем Штернбергом, чьи занятия она посещала уже после Октябрьской революции, готовя различные экскурсии по музеям Ленинграда, в том числе – по Музею этнографии и антропологии.

²¹ Папка № 1. С. 51.

²² Папка № 1. С. 98–99.

посралим земли русской – берите-ка текст. Ведь эти олухи Царя Небесного не раскочаются во веки веков»²³.

Помимо занятий у А. Эрмана и Г. Мёллера Наталия Давидовна отметила лекции Эдуарда Мейера – крупнейшего историка, специалиста по египтологии. Эти занятия проходили не в музее, а в университете. Автор акцентировала внимание на особой манере преподавания Эд. Мейера, которая, по ее мнению, была лишена «погони за эффектами»: *«он просто, деловито – “sachlich” [по делу] – сообщает то, что ему самому кажется так просто и понятно, так интересно; вот вчера еще он обдумал все это, сидя вечером за своим письменным столом, а сегодня он торопится сообщить свои домыслы желающим послушать»²⁴.* Н.Д. Флиттнер сравнивала лекции Эд. Мейера с лекциями С.Ф. Платонова и А.А. Шахматова, которые она слушала ранее в Петербурге в университете и на Высших женских курсах. Она нашла схожей манеру подавать материал с «невероятной простотой» и «безыскусственностью речи», за которыми *«чувствуется такой фундамент знания, такая незыблемость исторического построения, что невольно теряешь всякую способность критического раздергивания и просто и безусловно подчиняешься схемам большого ученого. До чего просто все действительно великое!»²⁵.*

Историю Ассирио-Вавилонии и греко-персидских войн Наталия Давидовна слушала у Карла Фридриха Лемана-Хаупта – также крупнейшего специалиста-востоковеда. Как и при описании других преподавателей и коллег, Н.Д. Флиттнер стремилась создать портрет человека: *«Невысокого роста, элегантный господин в высоком цилиндре, который он вешает поверх своего летнего пальто на вешалку рядом с кафедрой (новая для меня берлинская манера тоже – раздеваться в аудитории!), встречает меня также приветливо, как и Эрман»²⁶.* С К.Ф. Леман-Хауптом у Наталии Давидовны сложились такие же теплые и дружеские отношения, как и с А. Эрманом: она нередко гостила в кругу его семьи в Берлине. Тем замечательнее их внезапная встреча, произошедшая уже в СССР в 1938 г., которую Н.Д. Флиттнер подробно описывает. Известный ассириолог был приглашен прочесть цикл лекций в Армении, а на обратном пути в Германию он решил побывать в Эрмитаже. О том, что К.Ф. Леман-Хаупт приехал в Россию, Н.Д. Флиттнер знала, но не подозревала, что он приедет и в Петербург. В один из дней ее вызвали в приемную директора И.А. Орбели, где ей было передано поручение *«встретить на другой день каких-то иностранцев и проводить их по Эрмитажу»²⁷.* На следующий день она пришла на встречу: *«В вестибюле сидели около входа белый, как лунь, старичок с палочкой, такая же старая дама рядом с ним и молоденькая барышня <...> Секунду мы смотрели друг на друга недоумевающими глазами, а в следующую секунду, к удивлению сторожей, все трое обнимались – я в седеньком старичке узнала своего берлинского профессора Л.-Хаупта, в старой даме – его жену, а они оба, несмотря на мою тоже совершенно белую голову, узнали*

²³ Папка № 2. С. 42.

²⁴ Папка № 1. С. 36.

²⁵ Папка № 1. С. 36.

²⁶ Папка № 1. С. 37–38.

²⁷ Папка № 1. С. 39.

бывшую студентку-ученицу его, которую оба они так приветливо встретили в былые дни»²⁸.

Важность этой встречи заключалась в том, что для Наталии Давидовны это была возможность обсудить свои исследовательские находки в области истории искусства Двуречья, которые она «накопила себе в тиши своего полного одиночества»²⁹. Она поделилась с К.Ф. Леман-Хауптом, что на протяжении нескольких лет занимается почти исключительно Передней Азией, что вызвало большой интерес у профессора: «Сущим праздником были для меня те несколько часов, которые мне пришлось провести в подробнейшем просмотре наших эрмитажных памятников Ассирио-Вавилонии с моим старым учителем. Просмотр? Да это для меня было сущим экзаменом, проверкой <...> С юношеской горячностью старик роется, разглядывает, спорит, слушает и возражает, слушает и соглашается, и снова роется в моих цилиндрах, экзаменует меня, смеясь повторяет: «Да, я тебе сразу скажу, ты моя ученица! Как меня это радует!»³⁰. Эта встреча стала важным событием для процесса становления Н.Д. Флиттнер как специалиста по истории и искусству Двуречья.

УЧЕНИКИ ШКОЛЫ А. ЭРМАНА

Обучение в Берлинском университете принесло не только знакомство с преподавателями, но и формирование (и укрепление) связей между слушателями лекций по египтологии. Так, одной из важнейших встреч для Наталии Давидовны стала встреча с ирландским египтологом и священником Патриком Джозефом Бойланом (1879–1974), которого она в своих «Воспоминаниях» называет сокращенно «Бойль». Начиная с 1904 г. он был слушателем Берлинского университета, занимался изучением арабского, персидского, русского языков, под влиянием Германа Юнкера также присоединился к курсу древнеегипетского языка А. Эрмана, впоследствии опубликовав такие работы, как «Тот», «Гермес Египта»³¹. Наталия Давидовна познакомилась с Бойланом в 1909 г., во время своего первого семестра в Берлине. Спустя много лет, в «Воспоминаниях» она описала его так: «И все снова, и снова поражаюсь я, как много и как живо знает этот человек, сколько в нем энергии, жизни, широкого теплого отношения к людям и к миру <...> после каждого нашего разговора я все снова думаю, что хотела бы стать таким человеком как он и что хотела бы оправдать его доброе мнение обо мне»³². Во время второго семестра в 1912 г. «Бойль» и Иван Михайлович Волков стали основным окружением для Наталии Давидовны: она описывала их долгие разговоры на самые различные темы, включающие философские вопросы, литературу, религию. Сложившаяся за границей дружба и грядущий отъезд заставляли Н.Д. Флиттнер острее ощущать значимость этого научного товарищества, частью которого ей удалось стать: «Говорим [с Бойланом] об Епиктете и Марке Аврелии, которых

²⁸ Папка № 1. С. 39–40.

²⁹ Папка № 1. С. 40.

³⁰ Папка № 1. С. 43.

³¹ Cathcart K.J. Boylan, Patrick Joseph. Dictionary of Irish Biography: URL: <https://www.dib.ie/biography/boylan-patrick-joseph-a0841>.

³² Папка № 2. С. 93.

мы оба знаем хорошо, говорим о Спинозе – одном из моих любимых мыслителей, – да не припомню я всех их, писателей, философов, поэтов, художников, о которых шли у нас разговоры, а подчас и горячие споры в эти последние дни... Д-да... Вот этого у меня в Петербурге не будет...»³³. И Н.Д. Флиттнер, и И.М. Волков во время своего обучения старались помочь П.Дж. Бойлану с изучением русского языка, который был необходим ему не только из-за желания расширить свой кругозор, но и из-за конкретной потребности ознакомиться с работами Б.А. Тураева, в частности – с его магистерской диссертацией о боге Тотте: *В музее, в немногие свободные минуты я помогала Бойлю разбираться в Тураевской диссертации «Бог Тот»*; Бойль собирал материалы для своей собственной работы о боге Тотте и заодно хотел познакомиться хотя бы с азами русского языка³⁴. Вспоминает об этом и И.М. Волков, правда, несколько с другим отношением: *Ксендз Бойль, пишущий о Тотте, опять приехал в Берлин. Из Вашей работы он, по моему убеждению, черпает полную горстью: и сам кое-как читает, и г-жа Флиттнер ему в свое время переводила, и я тоже немного перевожу. Но, как кажется мне, он в конце концов схитрит по-ксендзовски и едва-ль должным образом отблагодарит в печати Вас, как автора «Бог Тот»*³⁵. Дружеское общение между Н.Д. Флиттнер и П.Дж. Бойланом продолжилось и во время ее последнего семестра в Берлинском университете в 1914 г.

Во время обучения у Наталии Давидовны завязалась дружба с польской исследовательницей Амелией Херц (1878–1942/1943): *«У Эрмана на его практических занятиях египетским языком появилась высокая, полная брюнетка, вероятно, моего возраста примерно. Мне она понравилась своей внешностью. Одета всегда очень просто, но с какой-то привычной, скромной элегантностью, почти всегда в очень скромном, «легком» черном платье («точно в трауре», отметила я про себя), она и держалась с такой же элегантной простотой человека, привыкшего к хорошему обществу. По-немецки она говорила безукоризненно, но в говоре ея мне все слышался не акцент даже, а какой-то «привкус» другого языка»*³⁶. Амелия Херц была студенткой Берлинского университета на протяжении четырех лет (с 1908 по 1912 гг.), позднее стажировалась в Школе Лувра в 1913 г. После Первой мировой войны она вернулась в Варшаву, где читала лекции по истории письменности, истории древних цивилизаций Ближнего Востока, состояла членом Польского восточного общества. Иоахим Слива, автор биографии А. Херц, утверждал, что «в период между мировыми войнами, в 1930-х гг., Амелия Херц была единственным польским исследователем, интересовавшимся предысторией и ранними периодами истории Египта и его отношениями с Ближним Востоком»³⁷. За свою работу она получила международное признание, в том числе «медаль отличия Сорбонны за расшифровку сложного папируса Е»³⁸. К сожалению, ее судьба сложилась трагически: будучи еврейкой, Амелия Херц была арестована и убита в тюрьме Павьяк в Варшаве в период 1942–1943 гг.

³³ Папка № 2. С. 101–102.

³⁴ Папка № 1. С. 106–107.

³⁵ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 17.

³⁶ Папка № 2. С. 32.

³⁷ Śliwa 2012, 455.

³⁸ Kosicka 2003, 99.

Дружба и совместная работа с А. Херц нашла свое отражение в «Воспоминаниях» Наталии Давидовны: *«уговорились сегодня с Hertz взяться совместно за обработку древнейших египетских текстов, т.е. за ту работу, которую предлагал мне Эрман. В возможность осуществления «сборника», проектируемого им, мне мало верится, но ведь и для экзамена – где бы мне ни пришлось держать его, в Петербурге или все-таки в Берлине – я намеревалась специальным вопросом взять древнейший Египет. А Hertz, с ея Месопотамией, могла бы стать мне отличным компаньоном»*³⁹.

На курсах Наталия Давидовна познакомилась и с Сарой Йорк Стивенсон (1847–1921) – американским египтологом. К моменту появления у А. Эрмана она уже была весьма известной специалисткой, одним из создателей и куратором Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (1890–1905), занималась приобретением предметов для коллекции (в частности, она приобрела первый папирус для музея). Н.Д. Флиттнер так описала их встречу в университете в 1912 г.: *«На другой день я отправилась из Библиотеки к 11 часам в Университет; пришла я рано – аудитория была еще пуста. Через минуту вышла еще дама, молодая, судя по внешности. Осведомилась, здесь ли будут занятия у Эрмана. По акценту я решила, что она англичанка. Разговорились, представившись друг другу, и сразу рассмеялись: «Стивенсон, из Америки», – сказала она. «Флиттнер, из России», – представилась я»*⁴⁰.

Наталия Давидовна назвала всех своих сокурсников и товарищей учениками школы А. Эрмана: *«Мы все были учениками Эрмановской школы с ея мировой славой, мы эту славу должны были нести дальше, мы все должны были, каждый по разумению своему и по способностям своим, развивать дальше его дело, его наука, его школа была великим интернациональным делом – вот чем была она!»*⁴¹.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

За время своего пребывания в Берлине в 1909, 1912 и 1914 гг. Н.Д. Флиттнер оказывалась свидетельницей ряда исторических событий, которые позднее в своих «Воспоминаниях» она стремилась проанализировать. Так, в 1909 г. она случайно оказалась свидетелем отъезда императора Вильгельма II в Шхеры: *«Вильгельм шел немного впереди, за ним шли кронпринц и кронпринцесса в большой шляпе со страусовыми перьями. Император, отвечая на поклоны, прикладывал руки к фуражке. Поклонилась и я, когда он прошел вплотную мимо меня. Успела схватить беглое впечатление от несколько сурового взгляда больших светлых глаз, от строго военной выправки и от строгого же общего облика его фигуры в прусском военном мундире. Лицо его мне показалось красивым и значительным»*⁴². Позднее, в процессе работы над «Воспоминаниями», Н.Д. Флиттнер отметила: *«Не могла я тогда, в 1909 г., предвидеть трагической развязки царствования и жизни Вильгельма II, но я и теперь не жалею, что видела «эту фигуру», видела в*

³⁹ Папка № 2. С. 52.

⁴⁰ Папка № 2. С. 8.

⁴¹ Папка № 1. С. 102–103.

⁴² Папка № 1. С. 83.

его лице и тот большой отрезок мировой истории, в которой ему было суждено сыграть роль»⁴³.

Другим значительным и трагическим событием, свидетелем которого стала Н.Д. Флиттнер, было начало Первой мировой войны. Она подробно описывает то, что предшествовало началу войны, отмечая собственное непонимание всей серьезности сложившейся ситуации, свойственное ей в то время: «С чувством некоторого беспокойства думала я о предстоящих днях до конца семестра. Hertz уехала, Струве уезжает <...> A Möller, как нарочно, объявил, что занятия демотикой поведет в Музее ежедневно. То-то весело будет! Смутное впечатление оставили у меня последние две недели жизни в Берлине. Это был самый канун войны, но только потом уловила я смысл многих признаков надвигающихся событий. Не была ли болезнь невестки Амелии фиктивной? Почему Möller так гнал свой курс? Почему спросил он меня вдруг, подписывая мой зачетный листок: «Их тоже мобилизовали?». «Нет... что?» – удивилась я и вопросу его, и невеселому смешку»⁴⁴. Мобилизация стала одним из тех мрачных событий, которые сопровождали ее воспоминания о семестре 1914 г. Анализируя позднее, почему Г. Мёллер так торопился завершить свой курс по демотике, Н.Д. Флиттнер пишет: «Я не знала тогда, что мобилизация в Германии шла уже полным ходом, что Möller был уже призван... (Гораздо позже, по окончании войны уже, я узнала о том, что Möller был убит; с ним погиб лучший знаток египетской палеографии, особенно демотики, и хороший, добрый и культурный человек)»⁴⁵.

Воспоминания о событиях, предвосхищавших начало Первой мировой войны, резонировали с теми тревожными, блокадными днями, которые автор проводила за написанием текста. Рассуждая о значимости эрмановской школы, она подчеркнула: «И это ее огромное значение я смогла оценить в полной мере только теперь, когда моего учителя не стало больше на свете, и когда безумная политика недоучки-Гитлера погубила и великую интернациональную культуру Германии, и самую-то Германию и опозорила, и погубила...»⁴⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давая подробное описание своей жизни в Берлине, Наталия Давидовна сомневалась в уместности этого: «Не сделала ли я ошибки, описывая так подробно мои случайные встречи в Берлине, моих мимолетных гостей, мои развлечения между делом? Не создается ли впечатление, что за живым потоком жизни, за прихотливой и случайной игрой его, потерялось вот то основное, ради чего я приехала сюда?»⁴⁷. Анализируя свой текст, автор стремилась не только точно передать события, происходившие в Берлине, но и найти в прошлом причины собственных исследовательских выборов. Так, она задается вопросом, почему ее выбор остановился на изучении истории и искусства именно Древнего Царства? Опираясь на свои записи, Н.Д. Флиттнер делает вывод, что у этого выбора было

⁴³ Папка № 1. С. 84.

⁴⁴ Папка № 1. С. 185–186.

⁴⁵ Папка № 1. С. 186.

⁴⁶ Папка № 1. С. 103.

⁴⁷ Папка № 1. С. 94.

две причины, обе из которых проистекают из ее обучения в Берлине. Она сравнивает свою повседневную берлинскую жизнь, полную впечатлений и знакомств, с «калейдоскопической пестротой Нового Царства»⁴⁸. По прошествии лет она склоняется к мнению, что выбрала этот период «в противовес» тому многообразию, которое несет с собой Новое Царство. Она изображает Древнее Царство как спокойное убежище, которого ей иногда не хватало в насыщенном событиями Берлине. Другой причиной ее выбора стала фигура А. Эрмана, «все занятия которого в этот год были построены на грамматике, на языке, на текстах именно Древнего Царства»⁴⁹. Таким образом, дальнейшие исследования Н.Д. Флиттнер были во многом обусловлены тем временем, которое она провела в Берлине.

Завершая, хотелось бы также отметить, что представленные «Воспоминания» Н.Д. Флиттнер, благодаря насыщенному описанию повседневных студенческих практик, передаче диалогов и рассуждений, становятся не только примером определенного частного опыта, но являются важным источником по истории отечественной науки, они демонстрируют повседневность и процесс профессионального становления небольшой группы исследователей, которые по роду своей деятельности принадлежали сразу двум научным традициям – российской и немецкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аброськина, Е.В. 2022: «Я не строила иллюзий на будущее»: путь женщины-ученого в эпоху больших перемен (по материалам воспоминаний Н.Д. Флиттнер). *Диалог со временем* 78, 373–389.
- Воробьева, Н.Н. 2015: Наталия Давидовна Флиттнер – ученый и педагог. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета* 22, 9–34.
- Карнаух, Н.В. 2015: Совершенствование профессионализма выпускников Дерптского Профессорского института в период зарубежной стажировки. *Профессиональное образование в России и за рубежом* 1 (17), 139–147.
- Секенова, О., Пушкарева, Н. 2021: К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых. *Антропологический форум* 49, 132–153.
- Томашевич, О.В. 2011: Возвращение старинной традиции: стажировка по египтологии в Германии. В сб.: *Почему Германия? Перспективы международного сотрудничества в области науки, образования, экономики и политики: Warum Deutschland? Perspektiven internationalen Zusammenarbeit im Bereich Wissenschaft, Ausbildung, Kultur, Wirtschaft und Politik: сборник докладов участников международной междисциплинарной конференции*. СПб.
- Томашевич, О.В. 2002: Объяснение в любви вместо послесловия. В кн.: *Тураев, Б.А. Бог Том. Опыт исследования в области египетской культуры*. СПб.
- Burke, P. 1997: *Representations of the Self from Petrarch to Descartes. Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present*. London.
- Cathcart K.J. Boylan, Patrick Joseph. In: *Dictionary of Irish Biography*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.dib.ie/biography/boylan-patrick-joseph-a0841>

⁴⁸ Папка № 1. С. 94.

⁴⁹ Папка № 1. С. 95.

Śliwa, J. 2012: Amelia Hertz (1878–1942/1943) and Her Contribution to the Research on the Beginnings of the Egyptian Civilization. In: J. Kabaciński, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz (eds.), *Prehistory of Northeastern Africa: New Ideas and Discoveries*. Poznań.

REFERENCES

- Abroskina, E.V. 2022: «Ya ne stroila illyuziy na budushchee»: put' zhenshchiny-uchenogo v epokhu bol'shikh peremen (po materialam vospominaniy N.D. Flittner) ["I Had No Illusions about the Future": the Path of a Woman Scholar in an Era of Great Changes (Based on N.D. Flittner's Memoirs)]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 78, 373–389.
- Burke, P. 1997: *Representations of the Self from Petrarch to Descartes. Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present*. London.
- Cathcart K.J. Boylan, Patrick Joseph. In: *Dictionary of Irish Biography*. URL: <https://www.dib.ie/biography/boylan-patrick-joseph-a0841>.
- Karnaukh, N.V. 2015: Sovershenstvovanie professionalizma vypusknikov Derptsogo Professorskogo instituta v period zarubezhnoy stazhirovki [Improving the Professionalism of Graduates of the Dorpat Professorial Institute during a Foreign Internship]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional Education in Russia and Abroad]* 1 (17), 139–147.
- Sekenova, O., Pushkareva, N. 2021: K istorii povsednevnogo byta pervykh rossiyskikh zhenshchin-istorikov kontsa XIX — nachala XX v.: dosug i otdykh [On the History of Daily Living of the First Russian Women-Historians in the Late 19th – early 20th century: Leisure and Recreation]. *Antropologicheskii forum [Anthropological Forum]* 49, 132–153.
- Śliwa, J. 2012: Amelia Hertz (1878–1942/1943) and Her Contribution to the Research on the Beginnings of the Egyptian Civilization. In: J. Kabaciński, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz (eds.), *Prehistory of Northeastern Africa: New Ideas and Discoveries*. Poznań.
- Tomashevich, O.V. 2011: Vozvrashchenie starinnoy traditsii: stazhirovka po egiptologii v Germanii [Return of an Ancient Tradition: Internship in Egyptology in Germany]. In: *Pochemu Germaniya? Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti nauki, obrazovaniya, ekonomiki i politiki [Warum Deutschland? Perspektiven internationalen Zusammenarbeit im Bereich Wissenschaft, Ausbildung, Kultur, Wirtschaft und Politik. Collection of Papers of Participants of the International Interdisciplinary Conference]*. Saint Petersburg.
- Tomashevich, O.V. 2002: Obyasnenie v lyubvi vmesto poslesloviya [Declaration of Love Instead of an Afterword]. In: *Turaev, B.A. Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti egipetskoj kul'tury [God Thoth. Research Attempt in the Field of Egyptian Culture]*. Saint Petersburg.
- Vorobyeva, N.N. 2015: Nataliya Davidovna Flittner — uchenyy i pedagog [Natalia Davidovna Flittner, Scholar and Professor]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University]* 22, 9–34.

N.D. FLITTNER'S BERLIN INTERNSHIPS IN 1909–1914: STUDENT DAILY LIVING AND PROFESSIONAL FORMATION

Evgeniya V. Abroskina

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia**E-mail: evgeniia.abroskina@gmail.com**Acknowledgments: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00052*

The article discusses the Berlin internships of Natalia Davidovna Flittner (1879–1957), the Russian Egyptologist, in the period from 1909 to 1914. The main sources for the article were previously unknown parts of her “Memoirs”, which until recently were in the private collection of A.T. Shakhtakhtinskaya. Thanks to new archival acquisitions, the author of the article was able to reconstruct and describe what existed at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries educational tradition – Berlin internships for orientalists. Using a microhistorical approach, the author analyses student daily living and the learning process of members of St. Petersburg Egyptologist B.A. Turaev’s Society: I.M. Volkov, A.L. Kotseyovsky, V.V. Struve. Being a member of such trips, N.D. Flittner described in detail how student life and classes were organized, giving detailed psychological characteristics of her professors – A. Erman, K.F. Lehmann-Haupt, G. Möller and others. Throughout the training, an important process was also the building of horizontal connections between students, which made it possible to talk about a single research school, the school of Adolf Erman. It included both Russian scientists (B.A. Turaev, I.M. Volkov, A.L. Kotseyovsky, V.V. Struve) and scholars from all over the world (P.J. Boylan, S. York Stevenson, A. Hertz). A significant part of the article discusses the influence of the political context both on the process of studying in Berlin and on the writing of the “Memoirs”. The author analyses two temporalities existing in the text of the ego-document: one belongs to the pre-war period in Berlin, the other to the period of the siege of Leningrad, when N.D. Flittner began organizing her own diary entries and creating the text of “Memoirs”.

Keywords: Egyptology, N.D. Flittner, B.A. Turaev, I.M. Volkov, A. Ehrman, Berlin internships

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-256–271

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОНЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА (1389–1425)

П.Г. Гайдуков¹, И.В. Гришин²

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: russianchange@yandex.ru   ² E-mail: robert2t@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-6075-6892

В рамках подготовки каталога монет Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича (1389–1425) авторами настоящей статьи был собран значительный нумизматический материал, хранящийся в музейных собраниях, частных коллекциях, а также размещенный на различных сайтах в сети Интернет. В статье рассматривается история изучения и публикации монет Василия I за два столетия: от начала XIX до начала XXI в.

Ключевые слова: Средневековая Русь, Московское княжество, монетная чеканка, монетный тип и вариант, денга, монетный клад, монетный каталог, история изучения

В рамках подготовки каталога монет Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича (1389–1425) авторами настоящей статьи был собран значительный нумизматический материал, хранящийся в музейных собраниях, частных коллекциях, а также размещенный на различных сайтах в сети Интернет. В этот период в Москве и других городах княжества выпускалось большое количество различных типов денег¹. Трудными отечественных нумизматов установлено, что вес московских монет при Василии I не был одинаков и постепенно снижался от 0,98 до 0,70 г.

Существенным рубежом в денежном деле Москвы считается реформа начала 1410-х гг., в результате которой сменились все изготовленные ранее монетные типы и был значительно понижен уставный вес монет². Кроме того, изменился

Данные об авторах. Петр Григорьевич Гайдуков – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИА РАН; Игорь Валерьевич Гришин – специалист ИА РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Монеты великого княжества Московского времени правления Василия Дмитриевича (1389–1425)» (№ 24-18-00269).

¹ Гайдуков 2006, 50, рис. 30.

² Волков 2003, 144; Гайдуков 2006, 59.

и облик денег: они стали меньшими по размеру и более плотными. В связи с этим в последние годы исследователи делят монеты Василия Дмитриевича на две основные группы: ранние и поздние. К настоящему времени авторами включено в исследование около 11 000 монет, разделяющихся на более 150 типов.

Настоящая статья не претендует на подробный историографический обзор всей нумизматической литературы о московских монетах времени правления Василия I. Здесь дана характеристика лишь важнейших публикаций, посвященных изданию как единичных монет, так и кладовых комплексов. В готовящемся к изданию каталоге авторы дают отсылки к тем монетам из этих трудов, описание и воспроизведение которых позволяют их точно атрибутировать.

Отдельные монеты Василия I были известны коллекционерам и любителям отечественной истории еще в конце XVIII в. Так, к примеру, в труде М.М. Щербатова «Опыт о древних российских монетах» в главе 9 имеется раздел «Великого князя Василья Дмитриевича», где дано описание монеты с изображением Самсона со львом и всадника³.

Первое научное издание монет Василия Дмитриевича предпринял А.Д. Чертков в 1830-х – начале 1840-х гг. в книге «Описание древних русских монет» и трех «Прибавлениях» к ней⁴. В своем собрании А.Д. Чертков насчитывал более 50 монет этого князя, причем на 35 экземплярах кроме имени прочитывал и отчество⁵. Раздел именных монет Василия I автор начал с описания общих их признаков, где рассмотрел вес, изображения, надписи (русские и арабские) и форму денег. Всего в разных разделах книг историк представил описание более 40 монет этого князя, большинство из них сопровождается рисунками. Некоторые денги Василия Дмитриевича атрибутированы его сыну Василию Васильевичу Темному и другим князьям. В готовящемся к изданию каталоге даны отсылки к трудам А.Д. Черткова: в 22 типах ранних монет и 19 поздних.

В 1836–1837 гг. на французском языке, а в 1837 и 1841 гг. в русском переводе издан трехтомный капитальный труд С. Шодуара «Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России». Первая часть книги – это исследование русских монет X–XIX вв., вторая – каталог, в котором под 3267 номерами описаны монеты из многих коллекций. В третьей части – «Собрание изображений» – помещены рисунки монет и статистические таблицы⁶. В раздел «Василий Дмитриевич» включено 11 монет, некоторые из них отнесены к этому князю ошибочно⁷. Отдельные денги Василия I атрибутированы, вслед за А.Д. Чертковым, его сыну Василию Васильевичу и другим князьям. В готовящемся каталоге даны отсылки к монетам из книги С. Шодуара: в шести ранних типах монет и пяти поздних.

В компилятивном труде И.И. Сахарова «Летопись русской нумизматики», издававшемся в 1842 и 1851 гг., собраны все опубликованные к тому времени денги Василия I. Приведено описание 16 монет, среди которых оказалось две денги суз-

³ Щербатов 1781, 137. № 1. Описана, вероятно, двуименная денга Василия и Андрея Дмитриевичей.

⁴ Чертков 1834; 1837; 1938; 1842.

⁵ Чертков 1834, 4.

⁶ Шодуар 1837а; 1837б; 1841.

⁷ Шодуар 1837б, 5–7. № 13–25.

дальского князя Василия Дмитриевича Кирдяпы. Несколько поздних монет помещено среди денег Василия Васильевича Темного⁸.

В 1843 г. Ф.Ф. Шуберт в каталоге своей коллекции издал 17 денег Василия Дмитриевича, некоторые из них сопровождаются рисунками⁹. Отдельные монеты этого князя описаны в других разделах книги, в том числе среди денег Василия Васильевича. В готовящемся каталоге даны отсылки к восьми монетам из собрания Ф.Ф. Шуберта: семи ранним и одной поздней.

В каталоге коллекции Я.Я. Рейхеля, изданном на немецком языке в 1847 г., монеты Василия Дмитриевича описаны под 44 номерами. Некоторые из них атрибутированы ошибочно¹⁰. В том же году двумя отдельными выпусками на русском языке автор издал 101 монету из своего собрания, сопроводив их описание качественными рисунками. Здесь представлено 11 монет Василия I¹¹. В готовящемся каталоге даны отсылки к этому изданию: в пяти ранних типах (включая одну полуденгу) и шести поздних (включая одну двуименную денгу).

В книге Д.П. Сонцова описано 14 монет Василия Дмитриевича, некоторые атрибутированы ошибочно¹². В готовящемся каталоге даны отсылки к этому изданию: в четырех ранних типах и шести поздних (включая три двуименные денги).

В книге Э.К. Гуттен-Чапского описана 21 монета Василия I, лишь три сопровождаются рисунками¹³. Как и в трудах других авторов, отдельные денги атрибутированы ошибочно. В одной из них, к примеру, опознается денга Дмитрия Константиновича Нижегородского¹⁴. В готовящемся каталоге даны отсылки к восьми монетам из этой книги: в четырех ранних типах и четырех поздних (включая одну двуименную денгу).

Издавая в 1896 г. собрание средневековых русских монет Российского исторического музея, основой которого послужила коллекция А.Д. Черткова, А.В. Орешников описал и впервые в отечественной нумизматике дал фототипическое воспроизведение денег Василия Дмитриевича¹⁵. В каталоге представлены денги различных типов: с изображением всадников, четвероногих животных, надписей на русском и арабском языках. Одна монета с изображением петуха, на которой имени князя не видно, помещена среди денег Дмитрия Донского. Но автор сделал оговорку, что она может относиться к его сыну¹⁶. Еще несколько монет Василия I описаны автором в других разделах книги. Денга с изображением четвероногого животного и головы человека с круговыми надписями, к примеру, отнесена к суздальскому князю Василию Дмитриевичу Кирдяпе¹⁷. Поздние типы монет автор описал среди денег Василия Васильевича, оговорившись во вводном разделе, что

⁸ Сахаров 1842, 54–59. Табл. IX, 15–28; X, 2–4, 6, 7, 11, 18; Сахаров 1851, 55–59. Табл. IX, 15–28; X, 2–4, 6, 7, 11, 18.

⁹ Шуберт 1843, С. 60–64. № 209–225.

¹⁰ Reichel 1842 [1847], 3–7. № 20–63.

¹¹ Рейхель 1847а, 7–9, 19, 23. № 2, 5, 28, 36; Рейхель 1847б, 5, 6, 9, 16, 18. № 51, 54, 55, 57, 65, 92, 99.

¹² Сонцов 1860, 78–80. № 10–23.

¹³ Гуттен-Чапский 1875, 79–84. № 380–400.

¹⁴ Гуттен-Чапский 1875, 81. № 382.

¹⁵ Орешников 1896, 89–96. № 454–506.

¹⁶ Орешников 1896, 88. № 452.

¹⁷ Орешников 1896, 186. № 874.

часть их вполне могла изготавливаться в период правления его отца¹⁸. В готовящемся каталоге даны отсылки к этой книге: в 25 ранних типах (включая одну гибридную) и 20 поздних (включая пять полуденег и три двуименные денги).

В 1913 г. вышел в свет труд И.И. Толстого «Монеты великого князя Василия Дмитриевича», где впервые каталогизирован и изучен большой нумизматический материал, накопившийся к тому времени. Под 128 номерами описано более 260 монет и на 5 таблицах даны их качественные фототипические воспроизведения. В книгу включены, в основном, монеты из собственного собрания автора, но при описании денег им «были просмотрены и приняты во внимание наиболее крупные коллекции русских монет, а именно: Великого Князя Георгия Михайловича, Эрмитажа, Московского Исторического Музея и П.В. Зубова (в Москве)»¹⁹.

В первой части работы помещен каталог с описанием разных типов монет (с. 1–24), а во второй – их подробное исследование (с. 25–84). Здесь автор дает историческую справку о периоде правления Василия Дмитриевича; рассматривает по группам типы монет, описанных в каталоге; полемизирует с А.В. Орешниковым об атрибуции некоторых типов монет; делится общими соображениями о начале монетной чеканки и общем состоянии монетного дела на Руси в конце XIV–XV в.; анализирует вес и пробу монет.

В каталоге представлены все основные типы именных денег Василия I, известные к тому времени: с изображением воина с топором и саблей, петуха, четвероногих животных (в том числе монета с повышенным весом), русской и арабской надписями, всадников, четвероногого и головы человека, человеческой головы и воина с топором и саблей, головы человека в шапке²⁰. Среди ранних типов монет И.И. Толстой поместил также денги Василия Дмитриевича с арабскими надписями и русской круговой надписью, чеканившиеся в Нижегородско-Суздальском княжестве после подчинения его Москве (1392 г.)²¹. В конце каталога описано несколько типов поздних монет, а также полуденги²². Анализируя вес монет, И.И. Толстой разделил их на три группы. Для первой, самой большой группы (№ 1–105), он вычислил средний вес в 21–22 доли (=0,93–0,98 г). У второй группы монет (№ 106–112) средний вес составил 18,2 доли (=0,81 г), а у последней (№ 113–117) – 17 долей (=0,75 г)²³.

Автор впервые обратил внимание на возможное существование фальшивых монет. «Думаю, что во время княжения Василия Дмитриевича изготовлялись в разных мастерских весьма различного, по внешности, вида деньги, и что, благодаря этому, среди хуже изготовленных, продолговатых, попадались рядом с настоящими, отчеканенными княжескими откупщиками, и “воровские”, т.е. фальшивые деньги. Когда-нибудь, мне-ли, или кому-либо другому, придется заняться выяснением этого вопроса, могущего иметь большое влияние на классификацию русских монет XV века»²⁴.

¹⁸ Орешников 1896, 96–117.

¹⁹ Толстой 1913, 25.

²⁰ Толстой 1913, 1–17, 19–20. № 1–81, 83–88, 98–105.

²¹ Толстой 1913, 17–19. № 90–97.

²² Толстой 1913, 16, 20–24. № 82, 106–128.

²³ Толстой 1913, 79.

²⁴ Толстой 1913, 78.

Как и при издании монет Дмитрия Ивановича Донского, И.И. Толстой очень осторожен в своих выводах²⁵. Он даже не пытается выстроить хронологию монетных типов, откладывая этот вопрос до обработки всех русских монет первой четверти XV в. В конце исследования автор пишет: «Невыясненность целого ряда вопросов, касающихся нумизматического материала, представляемого монетами с именем Василия Дмитриевича, заставила меня <...> отказаться пока от попытки хронологической классификации денег этого княжения: мною и без того высказано по поводу этого материала столько догадок и предположений, что строить классификацию на дальнейших догадках, не имея пока твердой почвы под ногами, мне кажется неосторожным»²⁶.

Работу И.И. Толстого следует признать одной из лучших среди русской нумизматической литературы дореволюционного периода. В готовящемся каталоге даны отсылки к этой книге: в 21 типе ранних монет (включая одну полуденгу и одну гибридную) и в 10 поздних (включая две полуденги).

В 1922 г. издана книга С.И. Чижова о захороненном в начале XV в. и найденном в 1915 г. Дроздовском кладе русских денег. Комплекс состоит из 243 монет, в числе которых насчитывается 50 денег и 10 полуденег Василия Дмитриевича²⁷. Описание монет сопровождается их качественными воспроизведениями на 7 фототипических таблицах. В кладе оказались различные московские денги: с изображением человеческой головы и воина с топором и саблей, всадников, четвероногих животных, четвероногого и головы человека. Среди полуденег типы с изображением всадников и четвероногого. Есть московские монеты и в других разделах книги. В готовящемся каталоге даны отсылки к монетам Дроздовского клада: в 13 типах денег и пяти типах полуденег.

В 1920-х – начале 1930-х гг. А.А. Ильин по изданиям А.В. Орешникова, И.И. Толстого, С.И. Чижова и других нумизматов провел новую систематизацию значительно разросшегося после революции собрания русских монет удельного периода Государственного Эрмитажа. Одновременно с раскладкой коллекции был написан многотомный рукописный научный каталог всего собрания, в том числе и монет Великого княжества Московского²⁸. По этим материалам нумизмат планировал подготовить «Классификацию русских удельных монет» в четырех выпусках. В 1940 г. была опубликована первая книга, включающая описание монет Червонной Руси и великих княжеств Литовского, Рязанского и Нижегородско-Суздальского²⁹. Дальнейшему продвижению этой серии помешала начавшаяся вскоре война и смерть исследователя в июле 1942 г. в блокадном Ленинграде.

О материалах к другим выпускам «Классификации русских удельных монет» ничего не было известно более 50 лет. В 2009 г. в Отделе нумизматики Эрмитажа при обработке архива В.М. Потина обнаружены рукописные материалы А.А. Ильина, переданные его вдовой в Эрмитаж в 1946 г. Вместе с другими документами здесь оказался пакет с машинописным текстом, озаглавленным «Великое княжество Московское», а также тетради с рукописными текстами очерков о

²⁵ Толстой 1910, 148.

²⁶ Толстой 1913, 78.

²⁷ Чижов 1922, 1, 17–26. № 1–47.

²⁸ Сотникова 1998, 251–253.

²⁹ Ильин 1940.

монетах Серпуховского, Ростовского, Галицкого и Можайского княжеств. Обнаружились и авторские фототаблицы к написанным очеркам (Табл. IX–XXV). Эти материалы являются частью неосуществленной второй книги серии, где автор планировал опубликовать монеты великого княжества Московского с уделами и княжеств, вошедших в сферу влияния Москвы. Рукописи прокомментированы и изданы К.В. Орловым³⁰.

Каталог «Великое княжество Московское» насчитывает 91 страницу машинописного текста с многочисленными рукописными вставками. Он не закончен, поскольку содержит только описание монет Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича и Василия Васильевича³¹. При систематизации различных типов монет Василия I А.А. Ильин опирается на труды И.И. Толстого и С.И. Чижова. Приведены основные типы ранних денег и полуденег, а также некоторые типы поздних денег³². Значительное количество типов поздних денег описано автором среди монет Василия Васильевича Темного, а одна ранняя денга – среди монет Ростовского княжества³³. Шесть двуименных денег помещено А.А. Ильиным в Галицком, еще две – в Серпуховском княжествах³⁴. В готовящемся каталоге даны отсылки к очеркам А.А. Ильина: в 20 типах ранних монет (включая три полуденги) и в 33 поздних (включая две полуденги и четыре двуименные денги).

В 1949 г. издано исследование Г.Б. Федорова о происхождении и истории московской монетной системы в ранний период ее существования. В первой, в значительной степени теоретической, части работы рассмотрены русская гривна и рубль, их соотношение, основа монетной стопы³⁵. Во второй части речь идет о московских деньгах времени Дмитрия Ивановича Донского и Василия Дмитриевича, а также о монетах московских удельных княжеств: Серпуховского, Звенигородско-Галицкого, Можайского, Дмитровского и Углицкого. Автор опирался только на изданные монеты, без всякой критической оценки, он не привлек никакого нового нумизматического материала из музейных собраний.

По разным изданиям Г.Б. Федоров собрал сведения о 529 монетах Василия I (511 денег и 18 полуденег). По изображению на лицевой стороне денги разделены на девять типов: воин влево с топором и саблей (I); петух (II); четвероногое животное вправо или влево (III, делится на 3 серии); с русской и подражанием арабской надписями (IV); воин анфас с топором и саблей и голова человека (V); воин вправо, иногда с надписью PAPA I (VI, поздний тип); голова человека вправо, в шляпе (VII); голова человека анфас (VIII, поздний тип); различные всадники вправо или влево (IX, делится на 6 серий). Отдельно рассмотрены полуденги и слитки с клеймами. В виде иллюстраций приведены крайне небрежные прорисовки денег, изготовленные по фототаблицам из работы И.И. Толстого³⁶.

³⁰ Орлов 2012; 2017.

³¹ Орлов 2012, 254.

³² Ильин 2012 (1941), 261–271, 316–317, табл. IX–X.

³³ Ильин 2012 (1941), 275–314, 318–324, табл. XI–XVII; Ильин 2017в (1941), 345, 377. Табл. XXIII, 14.

³⁴ Ильин 2017а (1941), 346, 347, 386. Табл. XXIV, 27, 28; XXV, 4, 6; Ильин 2017б (1941), 342, 361. Табл. XX, 22, 23.

³⁵ Федоров 1949, 144–156.

³⁶ Федоров 1949, 160–161, рис. 13–28; 167–172.

В разделе «Классификация и датировка» автор, опираясь только на оформление денег (изображения и надписи) и вес, разделил все монеты Василия Дмитриевича на три хронологических периода. В первый (1389–1400 гг.) вошли денги типов I, II, III (серия 1), IX (серии 1 и 2); средний вес 0,91 г. Второй период (1400–1410 гг.) представлен денгами типов III (серия 2), IV, V, VII, IX (серии 3 и 4); средний вес 0,87 г. К последнему периоду (1410–1425 гг.) отнесены денги типов III (серия 3), VI, VIII, IX (серии 5 и 6); средний вес 0,82 г. Сюда же вошли полуденги со средним весом 0,48 г.³⁷ Следует отметить, что отдельные серии одного типа попали в разные хронологические периоды. Причем разные серии монет из типа IX (всадники) оказались во всех трех периодах. Одно это заставляет усомниться в правильности предложенной классификации. В готовящемся каталоге даны отсылки к работе Г.Б. Федорова: в 14 типах ранних монет и в трех поздних.

В 1974 г. издана книга Н.Д. Мец, посвященная монетам Василия Васильевича Темного. Кроме исследования в ней представлен каталог денег Василия II и его современников. Среди них описано более 20 монет, датированных в настоящее время последним периодом правления его отца. В первой части каталога – «Монеты великого князя Василия II, чеканенные в 1425–1446 гг.» – таких монет насчитывается около 15³⁸. Кроме этого, в отдельном разделе описано 5 типов денег Василия Дмитриевича, которые до Н.Д. Мец нумизматы относили к периоду правления его сына³⁹. Несколько двуименных (так называемых «союзных») денег, которые автор датировала первым десятилетием правления Василия II, описано в тексте исследования⁴⁰. В готовящемся каталоге даны отсылки к книге Н.Д. Мец в 25 типах поздних монет (включая четыре двуименные денги).

В 1970-х гг. впервые в отечественной нумизматике М.А. Львов предпринял хронологическую систематизацию основных типов денег Василия Дмитриевича на основе их веса⁴¹. Отметив, что за время княжения Василия I весовая норма московской денги существенно снизилась, автор попытался выяснить вес разных групп монетных типов. Он выстроил их в порядке уменьшения веса и предложил хронологическую общую систематизацию московских денег. Материалом для исследования послужила коллекция Государственного Эрмитажа (более 500 экз.) и ее описание, составленное А.А. Ильиным. Для метрологического анализа привлечено 458 монет, разделившихся на 16 типов или групп (А–Р). Проанализировав средний вес монет в отдельных типах, автор объединил их в 5 комплексов (включающих от 1 до 5 типов) и предложил для них конкретные датировки. Распределение среднего веса (и монетных типов) в комплексах следующее: 0,98–0,97 г (типы Г, Д, Е, З, И), 0,91–0,89 г (типы Б, В, К), 0,85 (типы А, Л), 0,775–0,77 г (типы Ж, М, О, П, Р) и 0,72 г (тип Н). Полученные данные позволили сделать заключение, что «снижение весовой нормы московской денги при Василии I происходило не постепенно и отнюдь не стихийно»⁴². Скачкообразное снижение веса монет осуществлялось, по мнению автора, в 1407, 1416, 1419 и 1423 гг.⁴³.

³⁷ Федоров 1949, 172–176.

³⁸ Мец 1974, 84–97. № 1–84.

³⁹ Мец 1974, 123–125. № 233–247.

⁴⁰ Мец 1974, 26–28. Табл. 3, 1, 2, 6, 7; 4, 8–13.

⁴¹ Львов 1981.

⁴² Львов 1981, 100, 103. Табл. 4.

⁴³ Львов 1981, 104. Табл. 6.

Исследование М.А. Львова следует признать большим шагом вперед в вопросе изучения метрологии монет Василия Дмитриевича и попытки их хронологической систематизации. Вместе с тем следует отметить, что среди использованных автором монет оказалось 2 типа, не имеющих отношения к московской чеканке (И и Р). В готовящемся каталоге даны ссылки на статью М.А. Львова: в 9 ранних типах монет и 5 поздних.

В 1980-х гг. Г.А. Федоров-Давыдов в двух монографиях издал клад монет, найденный в 1961 г. в Больше-Березниковском р-не Мордовской АССР и по месту своего основного хранения названный Саранским⁴⁴. По заключению автора, клад был зарыт около 1409 г., он насчитывает 2547 монет: 2438 русских и 109 джучидских. В числе русских монет 429 московских, из них лишь три Дмитрия Ивановича. Остальные денги Василия Дмитриевича, они систематизированы и описаны под 203 номерами⁴⁵. Фотографии и прорисовки даны не ко всем монетам, а их качество невысокое⁴⁶. Некоторые монеты отнесены к московским ошибочно. В кладе находилось много типов денег Василия I, преимущественно с изображением всадников и четвероногих животных. В готовящемся каталоге даны отсылки к монетам Саранского клада в 18 типах: 15 из первой книги и 3 из второй.

Г.А. Федоров-Давыдов по материалам Саранского клада и трех крупнейших монетных собраний (ГЭ, ГИМ, НМ) провел исследование денежной системы Великого княжества Московского и предложил разделить чеканку Василия Дмитриевича на четыре хронологических периода⁴⁷. В первом на одной стороне монет помещались изображения и круговые легенды, а на второй – арабская надпись с именем Токтамыша. Это преимущественно монетные типы с всадниками и четвероногими. Вес таких монет 0,92–0,90 г. На монетах второго периода вместо арабской появляется русская надпись. Таковым является единственный монетный тип с четвероногим животным, его вес 0,90–0,88 г. Появление русской надписи связывается со свержением Токтамыша в 1399 г. Между периодами исследователь располагает «группу монет переходного периода», состоящую из двух типов: с русской и подражанием арабской надписями, с всадником с соколом и русской надписью. Вес монет переходного периода 0,91–0,90 г. В третий период выделены легкие монеты Василия I с весом 0,78–0,70 г. Сюжеты оформления их различны: как чисто «русские» на обеих сторонах, так и с подражаниями арабским надписям на оборотной стороне.

Первый период датирован Г.А. Федоровым-Давыдовым 1389–1399 гг., переходный укладывается в небольшой промежуток времени рубежа XIV–XV вв., второй датируется первым десятилетием XV в., а третий – 1410–1425 гг.⁴⁸. Не со всеми элементами в схеме периодизации чеканки Василия I можно согласиться, и она уже подвергалась критике⁴⁹.

В 2013 г. издан каталог Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина, в отдельных разделах которого представлены средневековые монеты различных русских княжеств.

⁴⁴ Федоров-Давыдов 1981; 1989.

⁴⁵ Федоров-Давыдов 1981, 27–48. № 61–263.

⁴⁶ Федоров-Давыдов 1981, 183–199, 207–216.

⁴⁷ Федоров-Давыдов 1981, 52–68.

⁴⁸ Федоров-Давыдов 1981, 54, 60, 67, 68.

⁴⁹ Волков 2002; 2003; Гайдюков 2006, 57–60.

Авторы задалась целью показать максимальное количество монет, как опубликованных, так и собранных в различных частных коллекциях и Интернете. В каталоге насчитывается 4055 номеров, большей частью это фотографии монет, но есть и прорисовки. Среди монет Московского княжества представлены изображения 236 денег и полуденег Василия I⁵⁰. Кроме этого, некоторые его монеты помещены в разделы «Дмитрий Иванович Донской и/или Василий Дмитриевич» и «Василий Дмитриевич и/или Василий Васильевич»⁵¹. По оформлению материал разделен на группы, внутри которых представлены монеты разных вариантов. Поштемпельный анализ не проводился. Описание монет Василия I, как и монет других княжеств, сопровождается лишь общей исторической и нумизматической информацией. В 2015 г. эта книга с добавлением одного соавтора издана в США на английском языке⁵². Познакомиться с ней авторам не удалось.

Существенно дополненный вариант каталога Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина опубликован в 2017 г. Он увеличен как хронологически (с древнейших русских монет рубежа X–XI вв. до княжеских монет Ивана IV), так и количественно (8300 номеров). В каталог помещены денежные слитки, а также монеты Великого княжества Литовского и Галицкой Руси. В соответствующем разделе монет Великого княжества Московского под 377 номерами опубликованы изображения денег и полуденег Василия I⁵³. Его чеканка разделена на три части: раннюю, до реформы 1412–1413 гг. и пореформенную. Выделяются монеты, изготовленные в Москве и отдельных регионах княжества. Некоторые типы поздних монет, а также двуименные денги помещены в разделах «Василий Дмитриевич и/или Василий Васильевич» и «Василий Дмитриевич и младшие князья»⁵⁴. В готовящемся каталоге даны многочисленные отсылки к этой книге.

Во втором издании этого каталога, опубликованном в 2022 г., сохранена структура подачи материала в трех частях, а количество монет Василия I увеличено: их изображения представлены под 430 номерами⁵⁵. В целом можно положительно оценить стремление Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина в рамках единого каталога представить опубликованный ранее и зарегистрированный ими новый нумизматический материал. Но вместе с тем следует отметить, что источниковедческого исследования авторы каталогов не предприняли. Не проделан поштемпельный анализ монет. Не представлена монетная типология, в типах не показано разделение на варианты, нет количественных и метрологических показателей.

Авторы настоящего историографического обзора в течение многих лет занимались сбором материала и проведением систематизации монет Василия Дмитриевича. Опубликованы отдельные сюжеты по технологии изготовления и метрологии московских монет конца XIV – начала XV в.⁵⁶, а также результаты систематизации пяти типов поздних денег Василия I⁵⁷.

⁵⁰ Гулецкий, Петрунин 2013, 45–78. № 130–391.

⁵¹ Гулецкий, Петрунин 2013, 40–43, 79–86.

⁵² Huletski et al. 2015.

⁵³ Гулецкий, Петрунин 2017, 97–145. № 1200–1630.

⁵⁴ Гулецкий, Петрунин 2017, 146–159.

⁵⁵ Гулецкий, Петрунин 2022, 111–159. № 1200–1630.

⁵⁶ Гайдуков, Гришин 2007; 2009; 2012.

⁵⁷ Гайдуков, Гришин 2013а; 2013б; 2015а; 2015б; 2015в; 2018.

В последнее десятилетие нумизматы проделали большую работу по изучению денежного дела в Московском княжестве в 1420-х гг. В этот период – в последние годы правления Василия Дмитриевича и в начале правления Василия Васильевича – осуществлялся выпуск значительного количества похожих по оформлению монет. Точная их атрибуция затруднена и требует привлечения кладового материала. Публикации о монетах этого периода ряда исследователей, в том числе и авторов, будут подробно рассмотрены в отдельной статье.

Литературы по исследованиям монет Василия Дмитриевича в зарубежной историографии немного. В 1979 г. вышла компилятивная книга Рейнольда Каима о древнерусской монетной истории и чеканке XIV–XVII вв. При характеристике денежного дела великого княжества Московского представлены рисунки трех денег Василия I⁵⁸, одна из них отнесена к нему ошибочно⁵⁹.

В статье Томаса Нунана «Образование национального сознания: Монетная политика в период правления Василия I (1389–1425)» нет нумизматического изучения монет великого княжества Московского⁶⁰. Исторические рассуждения автора основаны на монетах из Саранского клада, опубликованных Г.А. Федоровым-Давыдовым. По изображениям и надписям на монетах автор делает попытку анализа изменения государственной политики Василия Дмитриевича: во-первых, вассальные по отношению к ханам Золотой Орды, во-вторых, господствующие по отношению к подчиненному Москве в 1392 г. Нижегородско-Суздальскому княжеству, а также удельным князьям.

Подводя итог обзору изучения монет Василия Дмитриевича Московского можно заключить, что кроме публикаций отдельных денег предпринимались также попытки классификации их основных типов. Но никогда не ставилась задача систематизации всего имеющегося материала, включая изучение соотношения штемпелей, составление таблиц штемпельных связей и полного описания вариантов в отдельных типах.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков, И.В. 2002: О весовых нормах монет Владимира Андреевича Храброго с изображением кентавра. В сб.: *Нумизматический сборник Московского нумизматического общества* 9. М., 21–25.
- Волков, И.В. 2003: О хронологии монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в. В сб.: *НС ГИМ XVI*, 134–146.
- Гайдуков, П.Г. 2006: *Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв.* М.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2007: Об одном из способов изготовления денежных штемпелей в Великом княжестве Московском в конце XIV – начале XV в. В сб.: *XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 16–21 апреля 2007 г. Тезисы докладов и сообщений.* СПб., 182–184.

⁵⁸ Kaïm 1979, 168. Рисунки монет скопированы из книги Я.Я. Рейхеля (см. Рейхель 1847а. Табл. 1, 2; 1847б. Табл. 4, 51, 52).

⁵⁹ Денга относится к суздальскому князю Василию Дмитриевичу Кирдяпе. См.: Kaïm 1979, 168. Второй сверху рис.

⁶⁰ Noonan 1997.

- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2009: О метрологии денег Москвы времени правления Василия Дмитриевича. В сб.: *XV Всероссийская нумизматическая конференция. Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.* М., 136–139.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2012: Об особенностях изготовления штемпелей в Москве в конце XIV – начале XV в. В сб.: *Нумизматические чтения 2012 года. Материалы докладов и сообщений. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Москва, 4–5 декабря 2012 года.* М., 71–74.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2013а: Об одном типе денег Василия Дмитриевича Московского. В сб.: *XVII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Пушино, 22–26 апреля 2013 г. Тезисы докладов и сообщений.* М., 110–113.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2013б: О типе денег Василия Дмитриевича Московского с изображением всадника с соколом. В сб.: *Нумизматические чтения 2013 года. Москва, 19–20 ноября 2013 г. Материалы докладов и сообщений.* М., 105–110.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2015а: О «новгородском» типе денег Василия Дмитриевича Московского. В сб.: *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Памяти Нины Андреевны Фроловой Москва, 30 ноября – 1 декабря 2015 г. Материалы докладов и сообщений.* М., 163–168.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2015б: О позднем типе анонимных денег Василия Дмитриевича Московского с изображением воина вправо. В сб.: *XVIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна, 20–25 апреля 2015 г. Тезисы докладов и сообщений.* М., 157–160.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2015в: Материалы к Своду «Монеты великого князя Василия Дмитриевича Московского». Тип поздних денег Василия I с изображением всадника с соколом. *НЭ XIX*, 194–207.
- Гайдуков, П.Г., Гришин, И.В. 2018: Материалы к Своду «Монеты великого князя Василия Дмитриевича Московского». Тип денег Василия I с изображением воина и надписью «РАРА» и «РАРАI». *НЭ XX*, 184–197.
- Гулецкий, Д.В., Петрунин, К.М. 2013: *Русские монеты: 1352–1533.* Минск
- Гулецкий, Д.В., Петрунин, К.М. 2017: *Русские средневековые монеты.* М.
- Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2022: *Русские средневековые монеты.* Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.
- Гуттен-Чапский, Э.К. 1875: *Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. Собрание графа Э.К. Гуттен-Чапского.* СПб.
- Ильин, А.А. 1940: *Классификация русских удельных монет.* Вып. 1. Л.
- Ильин, А.А. 2012 (1941): Великое княжество Московское. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (Тр. ГЭ LXI). СПб., 258–328.
- Ильин, А.А. 2017а (1941): Удельное княжество Галицкое. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (Тр. ГЭ LXXXVII). СПб., 345–347, 379–392.
- Ильин, А.А. 2017б (1941): Удельное княжество Серпуховское. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (Тр. ГЭ LXXXVII). СПб., 340–343, 348–367.
- Ильин, А.А. 2017в (1941): Удельное княжество Ростовское. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (Тр. ГЭ LXXXVII). СПб., 343–345, 368–378.
- Львов, М.А. 1981: Опыт хронологической систематизации монет Василия I. В сб.: *Тр. ГЭ XXI. Нумизматика* 5. Л., 99–105.
- Мец, Н.Д. 1974: *Монеты великого княжества Московского. 1425–1462* (НС. Материалы к сводному каталогу [ГИМ]. Ч. III). М.
- Орешников, А.В. 1896: *Императорский Российский Исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников.* Вып. 1: *Русские монеты до 1547 г.* М.
- Орлов, К.В. 2012: Рукопись А.А. Ильина «Великое княжество Московское». В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (Тр. ГЭ LXI). СПб., 254–257.

- Орлов, К.В. 2017: Материалы ко второму выпуску «Классификации русских удельных монет» А.А. Ильина. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (Тр. ГЭ LXXXVII) СПб., 337–339.
- Рейхель, Я.Я. 1847а: *Дополнения к русской нумизматике среднего века*. Вып. 1. СПб.
- Рейхель, Я.Я. 1847б: *Дополнения к русской нумизматике среднего века*. Вып. 2. СПб.
- Сахаров, И.И. 1842: *Летопись русской нумизматики. Отделение первое*. СПб.
- Сахаров, И.И. 1851: *Летопись русской нумизматики. Отделение первое*. 2-е изд. СПб.
- Сонцов, Д.П. 1860: *Деньги и пулы Древней Руси, великокняжеские и удельные*. М.
- Сотникова, М.П. 1998: *О систематизации А.А. Ильиным собрания русских монет XIV–XV веков в Эрмитаже*. В сб.: *Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина*. СПб., 250–261.
- Толстой, И.И. 1910: *Деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского*. ЗНОИРАО. Т. I. Вып. IV. СПб., 139–155.
- Толстой, И.И. 1913: *Монеты великого князя Василия Дмитриевича*. ЗНОИРАО. Т. II. Вып. III–IV. СПб., 1–84.
- Федоров, Г.Б. 1949: *Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425)*. В сб.: *Материалы и исследования по археологии Москвы*. Т. II (МИА 12). М., 144–185.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1981: *Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство)*. М.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1989: *Монеты Нижегородского княжества*. М.
- Чертков А.Д., 1834: *Описание древних русских монет*. М.
- Чертков А.Д., 1837: *Описание древних русских монет. Прибавление первое*. М.
- Чертков А.Д., 1838: *Описание древних русских монет. Прибавление второе*. М.
- Чертков А.Д., 1842: *Описание древних русских монет. Прибавление третье*. М.
- Чижов, С.И. 1922: *Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского* (РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Т. III). Пб.
- Шодуар, С. 1837а: *Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. С рисунками и таблицами. Сочинение барона Станислава де Шодуара*. Пер. с фр. В. А[настасевич]. Ч. I. СПб.
- Шодуар, С. 1837б: *Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. С рисунками и таблицами. Сочинение барона Станислава де Шодуара*. Пер. с фр. В. А[настасевич]. *Собрание изображений*. СПб.
- Шодуар, С. 1841: *Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. С рисунками и таблицами. Сочинение барона Станислава де Шодуара*. Пер. с фр. В. А[настасевич]. Ч. II. СПб.
- Шуберт, Ф.Ф. 1843: *Описание русских монет и медалей*. Ч. I. М.
- Щербатов, М.М. 1781: *Продолжение опыта о древних российских монетах*. В сб.: *Академические известия на 1781 г.* Ч. VII. СПб., 32–47, 134–171, 304–318, 433–442.
- Huletski, D., Petrunin, K., Fishman, A. 2015: *Early Russian coins: 1353–1533*. Middletown.
- Kaim, R. 1979: *Die altrussische Münzgeschichte und Prägungen von 1350–1700*. Hagen.
- Noonan, T.S. 1997: *Forging a National Identity: Monetary Politics During the Reign of Vasilii I (1389–1425)*. In: A.M. Kleimova, G.D. Lenhoff (eds.), *Culture and Identity in Moscow, 1359–1584*. М.-Los Angeles, 494–529.
- Reichel, J. 1842 [1847]: *Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg*. Th. I. St. Petersburg.

REFERENCES

- Chaudoir, S. 1837а: *Obozrenie russkikh deneg i inostrannykh monet, upotrebyavshikhysya v Rossii s drevneyshikh vremen. S risunkami i tablitsami. Sochinenie barona Stanislava de Chaudoir* [*Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours*

- en Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours*]. Transl. by V. A[nastasevich]. Pt. I. Saint Petersburg.
- Chaudoir, S. 1837b: *Obozrenie russkikh deneg i inostrannykh monet, upotrebyavshikhsya v Rossii s drevneyshikh vremen. S risunkami i tablitsami. Sochinenie barona Stanislava de Chaudoir* [*Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours*]. Transl. by V. A[nastasevich]. Saint Petersburg.
- Chaudoir, S. 1841: *Obozrenie russkikh deneg i inostrannykh monet, upotrebyavshikhsya v Rossii s drevneyshikh vremen. S risunkami i tablitsami. Sochinenie barona Stanislava de Chaudoir* [*Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours*]. Transl. by V. A[nastasevich]. Pt. II. Saint Petersburg.
- Chertkov, A.D. 1834: *Opisanie drevnikh russkikh monet* [*Description of Early Russian coins*]. Moscow.
- Chertkov, A.D. 1837: *Opisanie drevnikh russkikh monet. Pribavlenie pervoe* [*Description of Early Russian Coins. Appendix 1*]. Moscow.
- Chertkov, A.D. 1838: *Opisanie drevnikh russkikh monet. Pribavlenie vtoroe* [*Description of Early Russian Coins. Appendix 2*]. Moscow.
- Chertkov, A.D. 1842: *Opisanie drevnikh russkikh monet. Pribavlenie tret'ye* [*Description of Early Russian Coins. Appendix 3*]. Moscow.
- Chizhov, S.I. 1922: *Drozdovskiy klad russkikh deneg vremeni vel. kn. Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo* [*The Drozdovo Hoard of Russian dengas of the Time of Grand Prince Vasily Dmitrievich of Moscow*] (Rossiyskaya akademiya istorii material'noy kul'tury. Trudy numizmaticheskoy komissii [Russian Academy for the History of Material Culture. Proceedings of the Numismatic Commission]. Vol. III). Peterburg.
- Fedorov, G.B. 1949: Den'gi Moskovskogo knyazhestva vremeni Dmitriya Donskogo i Vasiliya I (1359–1425) [Dengas of the Moscow Principality during the time of Dmitry Donskoy and Vasily I (1359–1425)]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [*Materials and Research on the Archaeology of Moscow*]. Vol. II (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 12). Moscow, 144–185.
- Fedorov-Davydov, G.A. 1981: *Monety Moskovskoy Rusi (Moskva v bor'be za nezavisimoe i tsentralizovannoe gosudarstvo)* [*Coins of Muscovite Russia (Moscow in the Struggle for an Independent and Centralized State)*]. Moscow.
- Fedorov-Davydov, G.A. 1989: *Monety nizhegorodskogo knyazhestva* [*Coins of the Nizhny Novgorod Principality*]. Moscow.
- Gaydukov, P.G. 2006: *Russkie poludengi, chetveretsy i polushki XIV–XVII vv.* [*Russian Half-Dengas, Chetveretsas and Polushkas of the 14th–17th Centuries*]. Moscow.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2007: Ob odnom iz sposobov izgotovleniya denezhnykh shtempeley v Velikom knyazhestve Moskovskom v kontse XIV – nachale XV v. [On One Method of Producing Dies in the Grand Principality of Moscow at the End of the 14th – Beginning of the 15th Century]. In: *XIV Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Sankt-Peterburg, 16–21 aprelya 2007 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [*Fourteenth All-Russian Numismatic Conference. St. Petersburg, April 16–21, 2007. Abstracts of Papers*]. Saint Petersburg, 182–184.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2009: O metrologii deneg Moskvy vremeni pravleniya Vasiliya Dmitrievicha [On the Metrology of Moscow Dengas during the Reign of Vasily Dmitrievich]. In: *XV Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Rostov-na-Donu, 20–25 aprelya 2009 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [*Fifteenth All-Russian Numismatic Conference. Rostov-on-Don, April 20–25, 2009. Abstracts and Papers*]. Moscow, 136–139.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2012: Ob osobennostyakh izgotovleniya shtempeley v Moskve v kontse XIV – nachale XV v. [On the Peculiarities of Making Dies in Moscow at the End

- of the 14th – Beginning of the 15th Century]. In: *Numizmaticheskie chteniya 2012 goda. Materialy dokladov i soobshcheniy. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Pavla Vasil'evicha Zubova (1862–1921). Moskva, 4–5 dekabrya 2012 goda* [Numismatic Readings 2012. Materials of Papers and Communities. On the 150th Anniversary of the Birth of Pavel Vasilyevich Zubov (1862–1921). Moscow, December 4–5, 2012]. Moscow, 71–74.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2013a: Ob odnom tipe deneg Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo [On One Type of Dengas of Vasily Dmitrievich of Moscow]. In: *XVII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva–Pushchino, 22–26 aprelya 2013 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Seventeenth All-Russian Numismatic Conference. Moscow–Pushchino, April 22–26, 2013. Abstracts and Papers]. Moscow, 110–113.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2013b: O tipe deneg Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo s izobrazheniem vsadnika s sokolom [On the type of dengas of Vasily Dmitrievich of Moscow with the Depiction of a Horseman with a Falcon]. In: *Numizmaticheskie chteniya 2013 goda. Materialy dokladov i soobshcheniy, Moskva, 19–20 noyabrya 2013 g.* [Numismatic Readings 2013. Moscow, November 19–20, 2013. Materials of Papers and Communications]. Moscow, 105–110.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2015a: O «novgorodskom» tipe deneg Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo [On the “Novgorod” Type of Dengas of Vasily Dmitrievich of Moscow]. In: *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2015 goda. Pamyati Niny Andreevny Frolovoy. Moskva, 30 noyabrya – 1 dekabrya 2015 g. Materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2015. In memory of Nina Andreevna Frolova. Moscow, November 30 – December 1, 2015 Materials of Papers and Communications]. Moscow, 163–168.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2015b: O pozdnem tipe anonimnykh deneg Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo s izobrazheniem voina vpravo [On the Late Type of Anonymous Dengas of Vasily Dmitrievich of Moscow with the Depiction of a Warrior Standing to the Right]. In: *XVIII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva–Kolomna, 20–25 aprelya 2015 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Eighteenth All-Russian Numismatic Conference. Moscow–Kolomna, April 20–25, 2015. Abstracts and Papers]. Moscow, 157–160.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2015c: Materialy k Svodu «Monety velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo». Tip pozdnikh deneg Vasiliya I s izobrazheniem vsadnika s sokolom [Materials for the Corpus of “Coins of the Grand Prince Vasily Dmitrievich of Moscow”. A Type of Late Dengas of Vasily I with the Depiction of a Horseman with a Falcon]. *Numismatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 19, 194–207.
- Gaydukov, P.G., Grishin, I.V. 2018: Materialy k Svodu «Monety velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo». Tip deneg Vasiliya I s izobrazheniem voina i nadpis'yu «RARA» i RARAI» [Materials for the Corpus of “Coins of the Grand Prince Vasily Dmitrievich of Moscow”. A Type of Late Dengas of Vasily I with the Depiction of a Warrior and the Legend “RARA” and “RARAI”]. *Numismatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 20, 184–197.
- Guletskiy, D.V., Petrunin, K.M. 2013: *Russkie monety: 1352–1533* [Russian Coins: 1352–1533]. Minsk.
- Guletskiy, D.V., Petrunin, K.M. 2017: *Russkie srednevekovye monety* [Russian Medieval Coins]. Moscow.
- Gutten-Chapskiy, E.K. 1875: *Udel'nye, velikoknyazheskie i tsarskie den'gi Drevney Rusi. Sobranie grafa E.K. Gutten-Chapskogo* [Appanage and Grand Principalities, and Tsarist Dengas of Old Russia. The Count E.K. Gutten-Chapsky Collection]. Saint Petersburg.
- Huletski, D., Petrunin, K., Fishman, A. 2015: *Early Russian coins: 1353–1533*. Middletown.
- Ilyin, A.A. 1940: *Klassifikatsiya russkikh udel'nykh monet* [Classification of Russian Appanage Coins]. Iss. 1. Leningrad.

- Ilyin, A.A. 2012 (1941): Velikoe knyazhestvo Moskovskoe [The Grand Principality of Moscow]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki [Materials and Research of the Numismatic Department]* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 61). Saint Petersburg, 258–328.
- Ilyin, A.A. 2017a (1941): Udel'noe knyazhestvo Galitskoe [The Appanage Principality of Galich]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki [Materials and Research of the Numismatic Department]* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 87). Saint Petersburg, 345–347, 379–392.
- Ilyin, A.A. 2017b (1941): Udel'noe knyazhestvo Serpukhovskoe [The Appanage Principality of Serpukhov]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki [Materials and Research of the Numismatic Department]* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 87). Saint Petersburg, 340–343, 348–367.
- Ilyin, A.A. 2017c (1941): Udel'noe knyazhestvo Rostovskoe [The Appanage Principality of Rostov]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki [Materials and Research of the Numismatic Department]* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 87). Saint Petersburg, 343–345, 368–378.
- Kaim, R., 1979: *Die altrussische Münzgeschichte und Prägungen von 1350–1700*. Hagen. Lvov, M.A. 1981: Opyt khronologicheskoy sistematizatsii monet Vasiliya I [An Attempt at Chronological Systematization of the Coins of Vasily I.]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]* 21. *Numizmatika [Numismatics]* 5. Leningrad, 99–105.
- Mets, N.D. 1974: *Monety velikogo knyazhestva Moskovskogo. 1425–1462 [Coins of the Grand Principality of Moscow. 1425–1462]* (Numizmaticheskii sbornik. Materialy k svodnomu katalogu [Numismatic Collection. Materials for the Union Catalogue]. Pt. III). Moscow.
- Noonan, T.S. 1997: Forging a National Identity: Monetary Politics During the Reign of Vasiliy I (1389–1425). In: A.M. Kleimova, G.D. Lenhoff (eds.), *Culture and Identity in Moscow, 1359–1584*. Moscow–Los Angeles, 494–529.
- Oreshnikov, A.V. 1896: *Imperatorskiy Rossiyskiy Istoricheskiy muzey imeni imperatora Aleksandra III. Opisaniye pamyatnikov*. Vyp. 1: *Russkie monety do 1547 g. [The Imperial Russian Historical Museum Named after Emperor Alexander III. Description of Things. Iss. 1: Russian Coins before 1547]*. Moscow.
- Orlov, K.V. 2012: Rukopis' A.A. Ilyina «Velikoe knyazhestvo Moskovskoe» [The Manuscript by A.A. Ilyin “The Grand Principality of Moscow”]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki [Materials and Research of the Numismatic Department]* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 61). Saint Petersburg, 254–257.
- Orlov, K.V. 2017: Materialy ko vtoromu vypusku «Klassifikatsii russkikh udel'nykh monet» A.A. Ilyina [Materials for the Second Issue of “Classification of Russian Appanage Coins” by A.A. Ilyin]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki [Materials and Research of the Numismatic Department]* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 87) Saint Petersburg, 337–339.
- Reichel, J. 1842 [1847]: *Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg*. Th. I. St. Petersburg.
- Reichel, J.J. 1847a: *Dopolneniya k russkoy numizmatike srednego veka [The Russian Medieval Numismatics. Supplementum]*. Iss. 1. Saint Petersburg.
- Reichel, J.J. 1847b: *Dopolneniya k russkoy numizmatike srednego veka [The Russian Medieval Numismatics. Supplementum]*. Iss. 2. Saint Petersburg.
- Sakharov, I.I. 1842: *Letopis' russkoy numizmatiki. Otdelenie pervoe [Chronicle of Russian Numismatics. Section 1]*. Saint Petersburg.
- Sakharov, I.I. 1851: *Letopis' russkoy numizmatiki. Otdelenie pervoe [Chronicle of Russian Numismatics. Section 1]*. 2nd ed. Saint Petersburg.

- Shcherbatov, M.M. 1781: Prodolzhenie opyta o drevnikh rossiyskikh monetakh [Continuation of the Labor about Early Russian coins]. In: *Akademicheskie izvestiya na 1781 god. [Academic Proceedings 1781]*. Pt. VII. Saint Petersburg, 32–47, 134–171, 304–318, 433–442.
- Shubert, F.F. 1843: *Opisanie russkikh monet i medaley [Description of Russian Coins and Medals]*. Pt. I. Moscow.
- Sontsov, D.P. 1860: *Den'gi i puly Drevney Rusi, velikoknyazheskie i udel'nye [Grand and Appanage Principalities Dengas and Püls]*. Moscow.
- Sotnikova, M.P. 1998: O sistematizatsii A.A. Ilyinym sobraniya russkikh monet XIV–XV vekov v Ermitazhe [On the Systematization by A.A. Ilyin of the Collection of the 14th–15th cc. Russian Coins in the Hermitage]. In: *Numizmaticheskiy sbornik 1998. K 80-letiyu V.M. Potina [Numismatic Collection 1998. On the 80th Anniversary of V.M. Potin]*. Saint Petersburg, 250–261.
- Tolstoy, I.I. 1910: Den'gi velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha Donskogo [Dengas of Grand Prince Dmitry Ivanovich Donskoy]. *Zapiski numizmaticheskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhologicheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society Numismatic Department]* I/4. Saint Petersburg, 139–155.
- Tolstoy, I.I. 1913: Monety velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha [Coins of Grand Prince Vasily Dmitrievich]. *Zapiski numizmaticheskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhologicheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society Numismatic Department]* II/3–4. Saint Petersburg, 1–84.
- Volkov, I.V. 2002: O vesovykh normakh monet Vladimira Andreevicha Khrabrogo s izobrazheniem kentavra [On the Weight Standards of Vladimir Andreevich the Brave's Coins with the Type of a Centaur]. In: *Numizmaticheskiy sbornik [Numismatic Collection]* 9. Moscow, 21–25.
- Volkov, I.V. 2003: O khronologii monetnogo chekana Moskvy i Serpukhova nachala XV v. [On the Chronology of Moscow and Serpukhov Minting at the Beginning of the 15th c.]. In: *Numizmaticheskiy sbornik Gosugarstvennogo istoricheskogo Muzeya [Numismatic Collection of the State Historical Museum]* 16, 134–146.

HISTORY OF THE STUDY OF COINS OF THE GRAND PRICIPALITY OF MOSCOW DURING THE REIGN OF VASILY DMITRIEVICH (1389–1425)

Petr G. Gaydukov¹, Igor V. Grishin²

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: russianchange@yandex.ru   ² E-mail: robert2t@yandex.ru

Acknowledgments: Russian Science Foundation, project no. 24-18-00269

In the course of preparing the catalogue of coins of the Grand Principality of Moscow during the reign of Vasily Dmitrievich (1389–1425), the authors of the article collected significant numismatic material stored in museums, private collections, and also posted on various websites. The article examines the history of the study and publication of coins of Vasily I over two centuries: from the beginning of the 19th to the beginning of the 21st century.

Keywords: Medieval Russia, Grand Principality of Moscow, coinage, coin type and variant, denga, coin hoard, coin catalogue, history of study

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-272–284

КРЫМСКАЯ СЕССИЯ 1952 г. – РУБЕЖНОЕ СОБЫТИЕ В КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В.Ю. Юрочкин

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия

E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6849-8998

В статье рассматриваются обстоятельства проведения «Объединенной научной сессии Отделения истории и филологии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма» в Симферополе 23–25 мая 1952 г. Она состоялась в период борьбы с «учением Н.Я. Марра», развернувшейся в гуманитарных науках по всей стране. Основной критике подверглась позиция руководителя Отдела истории и археологии П.Н. Шульца, отразившаяся в научно-популярной книге П.Н. Надинского об истории Крыма. Они придерживались автохтонной версии происхождения культуры крымских славян непосредственно из скифской. В этом их оппоненты усматривали проявления «марризма». Критику поддержали крымские археологи Е.В. Веймарн и С.Ф. Стржелецкий, рассматривавшие крымских славян как мигрантов III в. н.э. Партийным руководством области и АН СССР было принято решение о созыве особой сессии с участием как крымских ученых, так и ведущих историков и археологов страны. Основной целью был поиск компромиссных подходов к решению вопросов этнической истории и социально-культурного развития полуострова в древности и средневековье. Докладчики, выступившие на сессии, указывали на прежние ошибки, допущенные в изложении истории Крыма. П.Н. Надинский и П.Н. Шульц признали свою неправоту. При решении «славянского вопроса» возобладали миграционная версия их появления в регионе. Затрагивался «готский вопрос», а также другие актуальные проблемы крымской истории и археологии. Сессия во многом способствовала разрешению ситуации в крымской археологической науке. На ней был принят ряд директивных решений по освещению в дальнейшем исторических процессов древнего и средневекового Крыма. Эти решения заложили основу дальнейших направлений исследований, оказав влияние на развитие крымской археологической науки фактически до распада СССР. Статья основана на ранее не публиковавшихся документах из научного архива Института археологии Крыма РАН.

Ключевые слова: Крым, археология, Сессия 1952 г., «славянский вопрос», «готский вопрос», П.Н. Шульц, П.Н. Надинский, Б.А. Рыбаков

Данные об авторе. Владислав Юрьевич Юрочкин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИАК РАН.

Это событие, произошедшее более семидесяти лет назад, на первый взгляд может показаться обычным научным собранием или следствием одной из идеологических компаний советского периода. Но, как показывает история археологии в Крыму, оно стало важнейшим рубежным моментом, обусловившим ее развитие на полуострове на многие годы. История ее во многом драматична и поучительна, потому заслуживает пристального внимания.

Единственной специальной работой, посвященной этой сессии, остается небольшая посмертная статья известного ученого М.Ю. Брайчевского, присутствовавшего на ней в качестве наблюдателя от Института археологии АН УССР¹. Однако она не является научным исследованием в полном смысле, а скорее относится к мемуарному жанру.

Объединенная научная сессия Отделения истории и филологии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма 23–25 мая 1952 г. (далее – Сессия 1952 г.) до сих пор памятна крымским историкам. Вместе с тем, о ней обычно судят по вторичной и не вполне достоверной информации, а не по документальным материалам, хранящимся в научном архиве Института археологии Крыма РАН.

В конце 1947 г. в Крыму было создано первое академическое учреждение археологического профиля – Сектор² (впоследствии Отдел³) истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы⁴ (впоследствии Крымского филиала⁵) АН СССР под руководством П.Н. Шульца⁶. Основным аргументом при его создании являлась необходимость оценки славянского фактора в древней и средневековой истории Крыма. Повышенный интерес к вопросу возник после освобождения от немецко-фашистских захватчиков и выселения крымских татар⁷. «Славянский вопрос» приобрел большую популярность в общественной среде и был закономерной реакцией на «готский вопрос», использовавшийся нацистской пропагандой для обоснования «исторических прав» на Крым⁸. С другой стороны, он имел и вполне практическое значение, поскольку был призван способствовать укреплению патриотизма среди славянского населения, переселенного на полуостров для восстановления народного хозяйства. Он должен был подчеркивать неразрывную связь Крыма и остальной части СССР уже с древних времен. Учитывая реалии того времени, цель была вполне обоснованная, к тому же древности местного населения были фактически не изучены, и эта работа могла принести совершенно неожиданные результаты. Это направление было официально закреплено в числе задач КНИБ АН СССР: «изучение истории Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории»⁹. На практике оно сводилось к более простой формуле: «Крым – исконно русская земля».

Ежегодные Сессии по истории Крыма проводились еще до создания КНИБ. На них поднимались в том числе проблемы, связанные со «славянским» и «гот-

¹ Брайчевский 2002, 175–184.

² Далее – СИА.

³ Далее – ОИА.

⁴ Далее – КНИБ.

⁵ Далее – КФ.

⁶ Майко, Юрочкин 2023, 8.

⁷ Юрочкин 2021, 179–180.

⁸ Юрочкин, Кизилов 2022, 273–282.

⁹ ИАК РАН. НА. Д. 13 (1949). Л. 1.

ским» вопросами¹⁰. В частности, было предложено относить могильники, прежде считавшиеся готскими, к аланам¹¹.

В поисках славянских древностей Крыма обозначились две тенденции. Первая связана с именем П.Н. Шульца. В ее основе был возрожденный этногенетический миф о происхождении славянской культуры и государственности от скифской. Этот патриотический миф сформировался в России к середине XIX в., благосклонно принимался в обществе и среди части историков¹². В первой половине XX в. он был воспринят и Н.Я. Марром, как соответствующий его учению о стадиальности и автохтонности народов. Уже после его смерти это учение безраздельно господствовало в гуманитарных науках СССР¹³. Принимая за основу этот миф, П.Н. Шульц не имел веских доказательств в области материальной культуры, поэтому уклончиво сообщал о «точках соприкосновения» и т.п. В этом его поддержал руководитель группы историков П.Н. Надинский, использовавший «славянско-скифский вопрос» для патриотической научно-просветительской работы среди крымских переселенцев. Печатная активность сотрудников СИА–ОИА была не велика, а П.Н. Шульц высказывал подобные мысли только на страницах местных изданий¹⁴. Но их невольно в своей книге отразил П.Н. Надинский¹⁵.

Вторая тенденция связана с именами старейшего крымоведа В.П. Бабенчикова, а также Е.В. Веймарна¹⁶ и С.Ф. Стржелецкого¹⁷, до войны начинавших свою научную деятельность под его руководством. В 1948 г. при раскопках в Инкерманской долине (близ Севастополя) Е.В. Веймарн обнаружил трехручный сосуд черняховской культуры, считавшейся тогда славянской. В 1949 г. В.П. Бабенчиков начал раскопки средневекового поселения на плато Тепсень (в пос. Коктебель), керамика которого внешне напоминала славянскую. А в 1950 г. им в той же Инкерманской долине обнаружены многочисленные, нетипичные для региона захоронения по обряду кремации II–IV вв. и один сосуд черняховской культуры¹⁸. Все это давало основания для материального подтверждения пребывания славян в Крыму: по крайней мере, с III в. н.э. и до средневековья – периода Тмутараканского княжества.

Оба подхода соответствовали общему направлению, поэтому в противоречие не вступали. Так продолжалось до середины 1950 г., когда И.В. Сталин подверг критике стадиально-автохтонное учение покойного Н.Я. Марра, в том числе отрицавшего роль миграции в истории регионов. По стране прокаталась волна собраний осуждавших «марризм» и его последователей¹⁹. К ним был причислен и П.Н. Шульц²⁰. Вышло, что работа СИА под его руководством была ошибочной, а это могло привести к плачевным последствиям как для него самого, так и

¹⁰ Юрочкин 2016, 187–203.

¹¹ Юрочкин 2017, 372–373.

¹² Юрочкин 2021, 182.

¹³ Юрочкин, Майко 2017, 161–162.

¹⁴ Шульц 1946, 116.

¹⁵ Надинский 1951, 15–55.

¹⁶ Сотрудник СИА–ОИА.

¹⁷ Сотрудник Херсонесского музея.

¹⁸ Юрочкин, Майко 2017, 194–202.

¹⁹ Тихонов 2016, 285–291.

²⁰ Третьяков 1950, 17.

для руководимого им коллектива. П.Н. Шульц готовил возражения²¹. Критика в его адрес прозвучала в 1951 г. и со стороны крымских коллег – Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого в статье «К вопросу о славянах в Крыму», направленной в журнал «Вопросы истории». В ней отмечалось: при решении «славянского вопроса» следует исходить не из деклараций, а основываться на реальных артефактах, которые пока зафиксированы в Крыму только с III в. н.э. А это позволяло допускать, что крымские славяне были не аборигенным населением, а являлись мигрантами. Это расселение славян продолжалось и позднее в VI–VII вв., что подтверждалось, по мнению авторов, материалами могильников Суук-Су, Артек, Херсонеса-Корсуна и Боспора-Корчева²². Статья была внеплановой и не обсуждалась с коллегами. П.Н. Шульц воспринял ее холодно и настороженно. Ситуация еще усугубилась тем, что к этому времени была сдана в печать научно-популярная книга П.Н. Надинского «Очерки по истории Крыма»²³. Ее автор, не будучи профессиональным археологом, аккумулировал материалы исследований коллег по СИА–ОИА, изложив в популярной форме их взгляды. А поскольку подготовка книги велась в 1949–1950 гг., она невольно оказалась проникнута духом «марризма».

Публикацию статьи Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого удалось приостановить, но теперь авторам предстояло изложить свою позицию перед аудиторией. Внеплановое совещание ОИА состоялось в начале 1952 г. в Симферопольском горкоме ВКП(б) при участии широких слоев общественности. Доклад прочел С.Ф. Стржелецкий. В заключение он сделал традиционный вывод, что расселение славян, пусть и не коренных, было началом исторического процесса, «в силу которого Крым неизбежно вошел в состав земли русского государства и составил неотъемлемую часть, что свидетельствует о том, что Крым есть издревле русская земля». Обсуждение было крайне эмоциональным, в частности со стороны П.Н. Надинского и О.И. Домбровского. Но П.Н. Шульц, естественно не считавший себя «марристом», счел целесообразным отказаться от своей прежней версии и признать, что миграционный вариант заслуживает внимания²⁴. В итоге вопрос о «славяно-русском» Крыме вновь получил общественный резонанс.

Осенью 1951 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б) П.И. Титов направил в Отдел науки при ЦК ВКП(б) докладную записку, связанную с имевшими место «извращениями в освещении истории Крыма». Реакцией стала записка на имя М.А. Сулова, подготовленная в начале 1952 г. сотрудниками ОИА²⁵. Планировалось, что будет сделана серия докладов на научных заседаниях ОИА²⁶. Но для разрешения проблемной ситуации явно было недостаточно заочного обсуждения: назрела необходимость встречи крымских и ведущих столичных ученых в рамках общего научного мероприятия. По инициативе Обкома ВКП(б) принято решение о созыве в 1952 г. «совещания по вопросам истории Крыма с участием ведущих историков страны для борьбы с извращениями в истории Крыма»²⁷.

²¹ Юрочкин 2019, 238–247.

²² ИАК РАН НА РО. Ф. «Е.В. Веймарн». Д. 5. Л. 39–40.

²³ В редколлегии книги значился и П.Н. Шульц.

²⁴ Юрочкин, Майко 2017, 213–217.

²⁵ Тихонов 2016, 300–301.

²⁶ ИАК РАН. НА. Д.5 (1952). Л. 1.

²⁷ ИАК РАН. НА. Д.10 (1951). Л. 103–109, 125–129; Д. 13 (1951). Л. 57.

Основных вопросов, по сути, было три. Во-первых, какую из версий – автохтонную («скифо-славянскую») или миграционную (III–X вв.) – в отношении крымских славян следует признать? Во-вторых, как относиться к книге П.Н. Надинского, озвучившего прежнюю позицию СИА–ОИА? Наконец, как воспринимать «готский вопрос»? Поскольку в этот период критике подвергся и «пананализм» как порождение «марризма», представление об аланах как создателях средневековой культуры полуострова стало неоднозначным²⁸.

С конца 1951 г. ОИА включился в подготовку этого важнейшего заседания. Основной доклад «Об ошибках в освещении истории скифов» предполагал сделать П.Н. Шульц, планируя изложить взгляды о происхождении скифов, скифского государства, участия в формировании восточного славянства. П.Н. Надинский взял на себя подготовку доклада «Об извращениях в освещении вопроса о крымских готах и о переоценке роли татар в культурного-историческом развитии Крыма». Свои тезисы крымские ученые должны были представить к началу 1952 г. С докладом «О недооценке роли славян в истории Крыма» планировал выступать Е.В. Веймарн. Однако было перенято решение заслушать по этому вопросу академика Б.Д. Грекова²⁹. По другим спорным проблемам предлагались следующие доклады: о переоценке роли греческих и гуннских колоний (К.М. Колобова, С.А. Секеринский); о крымских готах (П.Н. Надинский). Также запланированы выступления по исторической тематике (А.И. Неделин, Ф.С. Загородских). П.Н. Шульц также настаивал, чтобы на сессии был доклад его основного оппонента – П.Н. Третьякова. Изначально сессия задумывалась под названием «Об ошибках в освещении истории Крыма»³⁰.

В Москве позиция относительно выступления была несколько иной. В начале 1952 г. Президиум АН СССР утвердил основные доклады сессии: Рыбаков Б.А. «О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма»; Гайдукевич В.Ф. «О роли Боспорского царства и античной культуры в Крыму»; Шульц П.Н. «О роли местных племен в истории Крыма»; Тюменев А.Н. «Херсонес, тавры, скифы»; Рыбаков Б.А. «Славяне в Крыму и на Тамани»; Бабенчиков В.П. «Научное значение раскопок в Коктебеле»; Левченко М.В. «Крым и Византия»; Арциховский А.В. «Русь и Херсонес»; Смирнов Н.А. «Крым в составе Русского государства»; Надинский П.Н. «Крым во время Великой Отечественной войны и в послевоенные пятилетки»³¹.

К сессии должны были издать тезисы наиболее важных докладов. Обсуждая с коллегами свое выступление, П.Н. Шульц еще раз отказался от версии «скифо-славянского» родства, а тезисы были рекомендованы к изданию³². Больше всего нареканий вызвали тезисы докладов В.Ф. Гайдукевича, А.Д. Удальцова и М.В. Левченко. Но если к первому были лишь замечания-пожелания, то к тезисам А.Д. Удальцова «О готах в Крыму» претензий было гораздо больше, поскольку этот вопрос все еще оставался болезненным для Крыма. Готы в них рассматривались как реальная, хотя и небольшая этническая группа, «промелькнувшая в

²⁸ Шнирельман 2006, 56–58.

²⁹ ИАК РАН. НА. Д. 6 (1952). Л. 1, 4.

³⁰ ИАК РАН. НА. Д.5 (1952). Л. 6, 17–19; Д. 6 (1952). Л. 8–10, 22–36.

³¹ ИАК РАН. НА. Д.6 (1952). Л. 7.

³² ИАК РАН. НА. Д.5 (1952). Л. 63–66.

истории Крыма». Между тем подчеркивалась необходимость изучения их памятников. Целесообразность печати таких тезисов была поставлена под сомнение. И уж совсем негативную реакцию произвели тезисы М.В. Левченко, учитывая неоднозначное отношение к Византии в тот период, а так положения доклада Н.А. Смирнова. Крымские ученые выступили против публикации этих тезисов. ОИА также решил, что отдельный доклад В.П. Бабенчикову делать не стоит, а рекомендовал представить лишь выступление в связи с докладом Б.А. Рыбакова «Славяне в Крыму и на Тамани»³³.

Дискуссии вокруг состава участников, тематики их докладов и предлагаемых позиций являлись отнюдь не формальными. Интерес Б.А. Рыбакова к этой теме не был случайным. Он недавно наиболее успешно на археологическом материале обосновал замечание И.В. Сталина о курско-орловском и полтаво-киевском секторах формирования древнерусской народности путем привязки к древностям «венедов и антов» (черняховская культура), племен «полян» и «рось»³⁴. Это вывело ученого на первый план в «археологическом славяноведении». Но в его концепции пока не находилось места причерноморским славянам, не важно, автохтонным или пришлым. Между тем на крымском полуострове присутствовали артефакты черняховской культуры. В ИИМК АН СССР созрела идея экспедиции по изучению Таманского городища, где могли найтись подлинные памятники материальной культуры, связанные с культурой древней Руси, по крайней мере, времен Тмутараканского княжества.

Показателен и планировавшийся состав участников сессии. Их общее число составляло до полутысячи! Помимо научных работников (60 представителей), здесь должны были присутствовать 120 сотрудников Обкома и Райкомов ВКП(б). От органов областной исполнительной власти – 80 участников. От партийной школы – 10. От Обкома ВЛКСМ – 3 представителя. 7 человек направило лекционного бюро. Музеи, архивы, библиотеки и краеведческую интеллигенцию представляли 42 человека. От работников народного образования приглашался 21 участник. ВУЗы представляли 26 делегатов. 12 участников являлись культпросветработниками. По 3 сотрудника направляло МГБ и МВД. 6 членов Союза писателей, а корреспондентов и редакторов газет – 38 человек. Не остались в стороне и Вооруженные силы. Таврический военный округ по линии Политуправления командировал 45 высших офицеров (в звании от генерала-полковника до майора), а Черноморский флот – 15 человек под руководством контр-адмирала Ковалева, заместителя начальника штаба³⁵. Столь разнородный состав свидетельствовал: речь идет не о простом научном мероприятии, а о важнейшем собрании, имеющем политическое и идеологическое значение как в рамках области, так и страны в целом. Его участникам, в практической деятельности сталкивавшимся с вопросами освещения истории Крыма, было важно из первых уст услышать согласованную позицию, дабы не допускать ошибок в своей работе. Хотя идеологическая составляющая была несомненной, речь шла именно об обсуждении проблем, а не о каком-либо внешнем диктате.

³³ ИАК РАН. НА. Д.5 (1952). Л. 73–76.

³⁴ Тихонов 2016, 292–293, 255–297.

³⁵ ИАК РАН. НА. Д. 5 (1952). Л. 38–85.

Чтобы подготовить общественное мнение еще до открытия Сессии, местное издательство отпечатало тезисы основных докладов тиражом в 800 экземпляров каждый. Накануне в газете «Крымская правда» была опубликована статья Б.А. Рыбакова, указывающая на ошибки в освещении истории Крыма, допущенные П.Н. Надинским и П.Н. Шульцем³⁶.

Основных проблемных направлений, помимо критики «марризма», было три: поиски новых подходов к решению «славянского вопроса», «готский вопрос» и степень влияния иноземных культур (эллинской, римской, византийской, генуэзской и т.д.) на местных обитателей.

«Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма» открылась в Симферополе 23 мая 1952 г. под эгидой первого секретаря Крымского Обкома П.И. Титова³⁷.

Б.А. Рыбаков изложил свою позицию в двух докладах. Однако их тексты не представил, и о них можно судить лишь по тезисам³⁸. Не отрицая давних и прочных связей Северного Причерноморья со славяно-русским миром, он отмечал: «... с той поры, пока у восточных славян не сложилось своего мощного государства, способного разбить Хазарию и обуздать кочевников, нельзя было говорить о прочных взаимоотношениях между Крымом и всей Русью»³⁹. Т.е. реальный отсчет времени таких взаимоотношений обозначался периодом Тмутараканского княжества X–XI вв. Что же касается предыдущих эпох, то выводить крымских славян непосредственно от скифов – неверно, и эта ошибка связана с наследием «учения Н.Я. Марра», и она стала основой позиции П.Н. Шульца и П.Н. Надинского⁴⁰. Что же касается реальных славянских артефактов, речь может идти примерно о III в. н.э., «когда они стали одним из компонентов крымского населения»⁴¹. Тем самым он фактически поддержал миграционный подход С.Ф. Стржелецкого, Е.В. Веймарна и В.П. Бабенчикова.

Вторым слово было предоставлено В.Д. Блаватскому. Критикуя «марризм», он наиболее четко обрисовал сложившуюся проблему в археологии. По его словам, древнее местное население «... очень часто не имеет исторической конкретизации и выступает не как определенные племена, а как обезличенная масса, что лишает все эти построения научной ценности», а «некоторые археологи с особым усердием выискивают наиболее примитивные памятники или отсталые явления <...> Возникла своего рода погоня за наиболее примитивными памятниками искусства, лепными горшками из грубой глины, отрубленными головами, скорченными костяками и тому подобными сюжетами, которые с большой радостью преподносятся как особо важные продукты местного творчества». В итоге, поддерживаемый сознательными или невольными сторонниками Н.Я. Марра, «автохтонизм стал рассматриваться как единственное положительное явление. Это в конечном счете привело к тому, что всю античность <...> стали считать явлением чисто наносным

³⁶ Крымская правда 21.05.1952.

³⁷ Стенограмма 1952.

³⁸ Рыбаков 1952а; 1952б.

³⁹ Рыбаков 1952а; 1952б.

⁴⁰ Рыбаков 1952а, 11; 1952б, 3–6.

⁴¹ Рыбаков 1952а, 6; 1952б, 14.

и враждебным всему местному»⁴². Слушателям было понятно, что в данном случае он имеет в виду книгу П.Н. Надинского.

А.П. Смирнов, выступавший от ИИМК АН СССР в прениях по докладу Б.А. Рыбакова, стал на защиту книги П.Н. Надинского, отмечая: ее стоит рассматривать в плане патриотических настроений автора, но никак не концепции скифо-славянского родства. Докладчик предлагал выход из затруднительного положения: «древние славяне (культура полей погребений – В.Ю.), попав в северную часть степной и Левобережной Украины, встретили там сарматские племена, с которыми и ассимилировались <...> общение между этими племенами привело к появлению общих черт культуры <...> хотелось бы обратить внимание на то, что древние славяне, попав в III–IV вв. в южный Крым и на Тамань, оказались в другой среде, которая оказала влияние на дальнейшее сложение их культуры»⁴³.

Выступление А.Л. Якобсона фактически свелось к самокритике: во-первых, за прежнюю негативную оценку похода Владимира на Корсунь; во-вторых, за позицию в отношении влияния Византии на Крым⁴⁴.

В конце заседания произошла неприятная история с В.А. Абаевым, обвинявшимся в «марризме» и «паналанализме»⁴⁵. Доклад ему так и не дали завершить⁴⁶.

П.Н. Шульц выступал на следующий день. Он признал ошибочность автохтонистско-марровских «упрощенческих теорий» о «стадиальных перевоплощениях» на основе «скрещиваний» путем «взрыва», «в результате чудодейственного превращения одних племен и народов в другие». Отсюда следовало: «делать выводы об этнической принадлежности того или иного племени или народности, исходя только из археологического материала, без учета имеющихся письменных свидетельств, языковых и антропологических данных, – нельзя», из чего и происходила ошибочность прежней формулы⁴⁷. Мотивируя свои заблуждения, докладчик обращал внимание: родилась она не столько из «учения Н.Я. Марра», сколько стала продолжением традиционной отечественной историографии и брала начало в трудах М.В. Ломоносова, И.Е. Забелина, В.В. Хвойко и т.д.⁴⁸ Присоединился он и к критике «Очерков...» П.Н. Надинского, пожелав поскорее отказаться от этих заблуждений, притом не считая их вредными⁴⁹.

Главным выступлением по «славянскому вопросу» стал доклад Б.А. Рыбакова. Учитывая неоднозначность ситуации, крымские археологи не решились выставлять от себя отдельный доклад по этому поводу. Частично проблема была затронута В.П. Бабенчиковым. В сообщении о раскопках поселения Тепсень он признал: найденная здесь керамика относится к салтово-маяцкой культуре VIII–IX вв., хотя и своеобразна. Учитывая кризис аланской тематики, он подчеркнул: «не аланы создавали крымский вариант так называемой салтово-маяцкой культуры», а «элемент, наличие культуры которого отмечено в коктебельском поселе-

⁴² Стенограмма 1952, 18–22.

⁴³ Стенограмма 1952, 41–44.

⁴⁴ Стенограмма 1952, 51–57.

⁴⁵ Стенограмма 1952, 202.

⁴⁶ Юрочкин 2017, 391–392.

⁴⁷ Стенограмма 1952, 79, 80, 85.

⁴⁸ Стенограмма 1952, 97–98.

⁴⁹ Стенограмма 1952, 100–101.

нии, – элемент славянской – представлен здесь, возможно, именно – росами».⁵⁰ Развивая эту позицию, он пошел дальше, предложив с ними связывать кремации III–IV вв. Чернореченского и Ай-Тодорского могильников и захоронения в Суук-Су. Последние он еще недавно предлагал считать аланскими⁵¹.

А.Д. Удальцов в конференции участия не принял и специального доклада, посвященного «готскому вопросу», не было. Он лишь затрагивался попутно в выступлениях К.Ф. Соколовой (на антропологическом материале), П.Н. Надинского (с критикой ученых прошлого) и Л.А. Мацулеича, настаивавшего, что культуру «могильника Суук-Су» в любом случае нельзя называть «готской».⁵²

Слово для ответа на критику получил П.Н. Надинский. Впервые оказавшись в роли критикуемого, он не стал оправдываться и «саморазоблачаться». Он открыто пояснил, что отнюдь не сторонник «марризма», а пассажи его научно-популярной книги – это реакция на тенденциозную и «антирусскую» подачу фактов из истории полуострова учеными прошлого, а это неприемлемо в советском Крыму, большинство населения которого составляют переселенцы-славяне⁵³.

Академик Б.Д. Греков, знакомый еще с рукописью «Очерков...», подытожил: «Все мы хорошо понимаем, что проблема Крыма – это не просто краеведческий вопрос, что Крым в истории нашей Родины играл и играет большую роль, что от освещения различных сторон истории Крыма зависят и ответы на многие вопросы истории всей нашей страны»⁵⁴. Поддержав критический доклад Б.А. Рыбакова, он обратил внимание на еще недостаточную разработанность в науке проблем, связанных со скифами и их происхождением, похвалив П.Н. Надинского за его жесткую позицию по отношению к «готскому вопросу»⁵⁵. Свою речь академик завершил словами: «Как справедливо здесь указал П.Н. Надинский, у нас не должно быть деления на москвичей, ленинградцев и крымчаков. Мы все дети нашей общей советской Родины, мы все работаем для ее процветания, и этот лозунг всех объединяет»⁵⁶.

Помимо этого, на Сессии ряд докладов был уделен вопросам влияния на местное население со стороны «пришлых культур» (С.А. Секеринский, З.В. Удальцова, Д.П. Каллистов, В.Ф. Гайдукевич и др.). Все они отмечали преувеличение этого явления учеными прошлых лет, настаивали на более глубоком изучении внутренних процессов среди местного населения.

Также на конференции звучали доклады по истории новейшего времени (П.Н. Надинский, Ф.С. Загородских).⁵⁷ Дискуссию вызвал доклад Н.А. Смирнова «Воссоединение Крыма с Россией и его прогрессивное значение», точнее – трактовка этого события: «воссоединение» или «присоединение». Б.Д. Греков в итоге предложил компромиссную формулировку – «включение»⁵⁸.

⁵⁰ Стенограмма 1952, 117–119.

⁵¹ Юрочкин 2017, 272–273.

⁵² Стенограмма 1952, 44–51, 134–150, 290–291.

⁵³ Стенограмма 1952, 135–150.

⁵⁴ Стенограмма 1952, 321.

⁵⁵ Стенограмма 1952, 322–328.

⁵⁶ Стенограмма 1952, 329.

⁵⁷ Стенограмма 1952, 235–287.

⁵⁸ Брайчевский 2002, 179.

После завершения работы 25 мая 1952 г. сессия приняла Решение в котором, в частности, отмечалось: «Новым замечательным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма является гениальный труд И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, представляющий боевую программу для всех работников идеологического фронта, в том числе для советских историков <...> Задачей настоящей сессии <...> является координация работ всех советских историков и археологов, исследующих историю Крыма, подведение итогов проделанной работы, выявление путем критики и самокритики ошибок и недостатков в работе и преодоление этих ошибок для обеспечения правильного марксистско-ленинского изучения истории Крыма как неотъемлемого звена истории СССР и прежде всего русской истории <...> Крымские археологи приступили к изучению важной проблемы – истории проникновения славян в Крым, установив наличие славянских памятников в Крыму уже III–IV вв. н.э. <...> В изучении истории Крыма наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III–VI вв. незначительную часть пришлого населения Крыма, постепенно ассимилированные, объявлялись создателями никогда не существовавшего «готского государства». Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла в отдельные работы советских археологов (В.И. Равдоникас) <...> В научной и популярной литературе встречалось преувеличение исторической роли Византии (А.Л. Якобсон), хазар (М.И. Артамонов), гуннцев, татар и турок <...> Особенно большой вред изучению истории Крыма нанесла антимарксистская теория Н.Я. Марра, подменившая конкретный исторический процесс развития народов вульгарно-схематической «стадиальностью». Схоластическая антинаучная концепция Марра в вопросе этногенеза славян проникла в работы некоторых историков и археологов (Н.С. Державин, М.И. Артамонов, А.Д. Удальцов, П.Н. Третьяков и др.). В опубликованных в 1950–1951 гг. работах П.Н. Шульца и П.Н. Надинского имеются ошибочные положения по этногенезу славян»⁵⁹. Отмечалась необходимость на «основе глубокого изучения разоблачать фальсификацию истории готов как варианта реакционной норманнской теории», а также ставилась задача «широко и разносторонне изучить историю проникновения славян и славянских поселений в Крыму». Предполагалось «развернуть работы Тмутараканской экспедиции по изучению славянских древностей Таманского полуострова и Крыма»⁶⁰. Не оставили без внимания и спорную книгу П.Н. Надинского, рекомендовав КФ АН СССР совместно с ИИМК и Институтом истории АН СССР «подготовить на основе учета критических замечаний и рецензий второе издание «Очерков по истории Крыма»» и «просить академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР академика Б.Д. Грекова выделить в помощь автору П.Н. Надинскому специального консультанта по древней и средневековой истории Крыма»⁶¹.

Сессия завершилась довольно благополучно для ее участников. Ни репрессий, ни резких изменений в направлениях исследований не произошло. Вскоре статья Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого вышла в печать⁶², а П.Н. Надинскому присвое-

⁵⁹ Стенограмма 1952, 333–337.

⁶⁰ Стенограмма 1952, 338–339.

⁶¹ Стенограмма 1952, 340.

⁶² Веймарн, Стржелецкий, 1952.

на степень кандидата исторических наук. Решения, принятые на Сессии 1952 г., на длительный период определили развитие крымской археологии и позиции ученых.

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд выводов.

Сессия 1952 г. проходила на фоне борьбы с «марризмом» и противоречиями, возникшими в крымской археологии по «славянскому вопросу».

Поводом, с одной стороны, стало издание книги П.Н. Надинского, аккумулировавшего позицию СИА–ОИА под руководством П.Н. Шульца о происхождении славянской культуры Крыма из скифской, а с другой – новый (миграционный) подход к «славянскому вопросу» в работе Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого.

П.Н. Шульц и П.Н. Надинский еще до Сессии 1952 г. отказались от прежних «автохтонистских» взглядов. В результате возобладала версия о пришлое характере славян на полуострове с III в. и расцвете их влияния на Крым в период Тму-тараканского княжества (Е.В. Веймарн, С.Ф. Стржелецкий, Б.А. Рыбаков).

Инициатива в изучении славяно-русских древностей Северного Причерноморья перешла к московским коллегам – Таманской экспедиции ИИМК под руководством Б.А. Рыбакова.

Несмотря на эмоциональный тон некоторых докладов, Сессия 1952 г. не имела каких-либо негативных последствий для археологической науки и представлявших ее ученых.

Стенограмма Сессии и другие материалы, хранящиеся в научном архиве ИАК РАН, являются важным памятником археологической мысли той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Брайчевський, М. 2002: Кримська сесія 1952 р. *Ruthenica* 1, 175–184.
- Веймарн, Е.В., Стржелецкий, С.Ф. 1952: К вопросу о славянах в Крыму. *ВИ* 4, 94–99.
- Майко, В.В., Юрочкин, В.Ю. (ред.) 2023: *От Сектора к Институту. Очерки истории: к 75-летию Института археологии Крыма*. Симферополь.
- Надинский, П.Н. 1951: *Очерки по истории Крыма*. 1. Симферополь.
- Рыбаков, Б.А. 1952а: *Об ошибках в изучении истории Крыма и задачах дальнейших исследований*. Симферополь.
- Рыбаков, Б.А. 1952б: *Славяне в Крыму и на Тамани*. Симферополь.
- Стенограмма Объединенной научной сессии Отделения Истории и Философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г. Симферополь.
- Тихонов, В.В. 2016: *Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М.–СПб.
- Третьяков, П.Н. 1950: Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И.В. Сталина о языке и языкознании. *ВИ* 10, 3–18.
- Шнирельман В.А. 2006: *Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в.* М.
- Шульц, П.Н. 1946: Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму. *Советский Крым* 2, 97–116.
- Юрочкин, В.Ю. 2016: Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму. *ИАКр* 4, 187–204.
- Юрочкин, В.Ю. 2017: *Готский вопрос*. Симферополь.
- Юрочкин, В.Ю. 2019: П.Н. Шульц и П.Н. Третьяков: к истории несостоявшейся дискуссии о «крымских славянах». *ИАКр* 9, 238–247.

- Юрочкин, В.Ю. 2021: «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983). *РА* 4, 179–189.
- Юрочкин, В.Ю., Кизилов, М.Б. 2022: Экспедиции, которых не было: иностранцы в Крымской Готии (1920–1940-е гг.). В сб.: И.А. Сорокина (отв. ред.), *Очерки истории отечественной археологии*. 4. М., 263–287.
- Юрочкин, В.Ю., Майко, В.В. 2017: Глава 8. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи. В кн.: Л.Б. Вишняцкий (ред.), *Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев*. СПб., 157–231.

REFERENCES

- Braichevsky, M. 2002: Krims'ka sesiya 1952 r. [The Crimean Session of 1952]. *Ruthenica* 1, 175–184.
- Mayko, V.V., Yurochkin, V.Yu (eds.) 2023: *Ot Sektora k Institutu. Ocherki istorii: k 75-letiyu Instituta arkheologii Kryma* [From the Sector to Institute. Essays on History: to the 75th Anniversary of the Institute of Archeology of Crimea]. Simferopol.
- Nadinskiy, P.N. 1951: *Ocherki po istorii Kryma I* [Essays on the History of Crimea]. 1. Simferopol.
- Rybakov, B.A. 1952a: *Ob oshibkakh v izuchenii istorii Kryma i zadachakh dal'neyshikh issledovaniy* [About Mistakes in Studying the History of Crimea and the Tasks of Further Research]. Simferopol.
- Rybakov, B.A. 1952b: *Slavyane v Krymu i na Tamani* [The Slavs in Crimea and Taman]. Simferopol.
- Shnirelman V.A. 2006: *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v 20 v.* [To be the Alans. Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th c.]. Moscow.
- Shulz, P.N. 1946: Tavro-skifskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya v Krymu [The Tauro-Scythian Archaeological Mission in Crimea]. *Sovetskiy Krym* [Soviet Crimea] 2, 97–116.
- Stenogramma Ob'edinyonnoy nauchnoy sessii Otdeleniya Istorii i Filosofii i Krymskogo filiala AN SSSR po voprosam istorii Kryma. 23–25 maya 1952 g.* [Transcript of the Joint Scientific Session of the Department of History and Philosophy and the Crimean Branch of the Academy of Sciences USSR on the History of Crimea. May 23–25, 1952] Simferopol'
- Tikhonov, V.V. 2016: *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (the Middle of 1940s – 1953)]. Moscow–Saint Petersburg.
- Tretyakov, P.N. 1950: Nekotorye voprosy proiskhozhdeniya narodov v svete proizvedeniy I.V. Stalina o yazyke i yazykoznanii [Some Questions of the Origin of Peoples in the Light of I.V. Stalin's works on the language and linguistics]. *Voprosy istorii* [Issues of History] 10, 3–18.
- Veymarn, E.V., Strzheletskiy, S.F. 1952: K voprosu o slavyanah v Krymu [On the issue of the Slavs in Crimea]. *Voprosy istorii* [Issues of History] 4, 94–99.
- Yurochkin, V.Yu. 2016: Sessii po istorii Kryma i stanovlenie arheologicheskoy nauki v poslevoennom Krymu [Sessions on the History of the Crimea and the Establishment of Archaeological Science in Post-War Crimea]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] 4, 187–204.
- Yurochkin, V.Yu. 2019: P.N. Shulz i P.N. Tretyakov: k istorii nesostoyavsheysya diskussii o «krymskikh slavyanakh» [P.N. Schulz and P.N. Tretyakov: to the History of the Failed Discussion on the “Crimean Slavs”]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] 9, 238–247.
- Yurochkin, V.Yu. 2021: «Slavyanskiy vopros» i akademicheskaya arheologiya v poslevoennom Krymu. K 120-letiyu Pavla Nikolaevicha Shulzsa (1901-1983) [The “Slavic issue” and academic archaeology in the Crimea in the aftermath of World War II. To the 120th

- anniversary of Pavel Nikolaevich Shultz (1901–1983)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 4, 179–189.
- Yurochkin, V.Yu. 2017. *Gotskiy vopros* [*The Gothic question*]. Simferopol.
- Yurochkin, V.Yu., Kizilov, M.B. 2022: Ekspeditsii, kotorykh ne bylo: inostrantsy v Krymskoy Gotii (1920–1940-e gg.) [Expeditions that Never Happened: Foreigners in Crimean Gothia (1920–1940s)]. In: I.A. Sorokina (ed.), *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [*Essays on the History of Russian Archaeology*]. 4. Moscow, 263–287.
- Yurochkin, V.Yu., Mayko, V.V. 2017: Glava 8. Goty, skify, slavyane: etnicheskie kul'bity krymskoy arkheologii poslevoennoy epokhi [*Chapter 8. The Goths, Scythians, Slavs: Ethnic Somersaults of Crimean Archaeology of the Post-War Period*]. In: L.B. Vishnyatskiy (ed.), *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'isev do genueztsev* [*Unknown Pages of the Crimean Archaeology: from Neanderthals to Genoese*]. Saint Petersburg, 157–231.

THE 1952 CRIMEAN SESSION: A TURNING POINT IN THE CRIMEAN ARCHAEOLOGY

Vladislav Yu. Yurochkin

Institute of Archaeology of Crimea, the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

The article discusses the circumstances of the «Joint scientific session of the Department of History and Philology and the Crimean Branch of the Academy of Sciences USSR on the history of Crimea» in Simferopol, May 23–25, 1952. It took place during the struggle against the «teachings of N.Y. Marr», which is unfolded in the humanities throughout the country. The main criticism was the position of P.N. Schultz, Head of the Historical and Archaeological Department, which was reflected in the popular-science book by P.N. Nadinsky about the history of the Crimea. They adhered to the autochthonous version of the origin of the culture of the Crimean Slavs directly from the Scythian. Their opponents saw this as a manifestation of «Marrism». The criticism was supported by the Crimean archaeologists E.V. Veymarn and S.F. Strzheletsky, who are considered the Crimean Slavs as migrants of the 3rd c. AD. The party leadership of the region and the Academy of Sciences USSR decided to convene a special session with the participation of both Crimean scientists and leading historians and archaeologists of the country. The main goal was to find compromise approaches to solving issues of ethnic history and sociocultural development of the peninsula in antiquity and the Middle Ages. The speakers, who spoke at the session, pointed out the previous mistakes that were made in the presentation of the history of the Crimea. P.N. Nadinsky and P.N. Schultz admitted that they were wrong. When solving the «Slavic issue», the migration version of their appearance in the region prevailed. The «Gothic issue» was touched upon, as well as other topical issues of Crimean history and archaeology. The session greatly contributed to the resolution of the situation in the Crimean archaeological science. It adopted a number of policy decisions on the coverage of historical processes in ancient and medieval Crimea. They laid the foundation for further research directions and influenced the development of Crimean science actually before the collapse of the USSR. The article is based on previously unpublished documents from the scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Crimea, archaeology, 1952 Session, «Slavic issue», «Gothic issue», P.N. Schultz, P.N. Nadinsky, B.A. Rybakov

ПРИЛОЖЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 285–299
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 285–299
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-285–299

СЕКСТ ПОМПЕЙ ФЕСТ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ

Sextus Pompeius Festus

DE VERBORUM SIGNIFICATU

(Перевод с латинского, предисловие и комментарии А.А. Павлова)

Часть 2¹

Труд римского грамматика II в. Секста Помпея Феста «О значении слов» является одним из важнейших римских антикварно-грамматических сочинений. Это, по сути, энциклопедия римской архаики, составленная в форме лексикона, построенного по алфавитному принципу. Труд сохранился лишь частично в единственной копии (Codex Farnesianus), однако имеется его эпитома, составленная в VIII в. Павлом Диаконом, позволяющая частично восполнить утраченный текст. Фрагментированный текст Феста никогда полностью не переводился на русский язык, нет и его современных переводов на другие языки. Здесь публикуются глоссы, посвященные римскому публичному праву.

[120]

Maeniana. Галереи названы maeniana от имени цензора Мения, который первым на форуме выдвинул балки за край колонн, чтобы расширить пространство для зрительских мест на верхнем ярусе².

[128]

Mulleos. Говорят, что mullei – это вид сапожков, которыми первоначально пользовались цари альбанцев, а позже – патриции. М. Катон в седьмой (7) книге «Начал» [пишет]: «Qui magistratum curulem cepisset calceos mulleos *allitaciniatos*, ceteri peronei» (Те, кто занимал курульную магистратуру, носили сапожки [из красной кожи], именуемые муллеями, остальные – простые сапожки [из сыромятной кожи]). Также Тициний³ в [комедии] «Сетиньянка»

¹ Часть 1 – см. ПИФК 1 (2024).

² Гай Мений – цензор 318 г. до н.э. Varr. De vit. P.R. I. fr. 27 ap. Non. Marc. s.v. Chortes. P. 83M; Vitr. V. 1, 2; Cic. Acad. II. 70; Val. Max. IX. 12, 7; Suet. Cal. XVIII. 3.

³ Римский комедиограф (II в. до н.э.), писавший в жанре тогаты. Сохранилось только несколько фрагментов и несколько названий его комедий, значительная часть из которых представлена в тексте

(116): «iam cum mullibus te ostendisti, quos *tibiam si* calceos» (Уж в муллях ты показал себя, так сапожки [зовутся], ежели до голени). Полагают, что названы они так от mullare, то есть «шить»⁴.

[138]

[<**Magistrare**> древние употребляли вместо regere (править) и temperare (обуздывать). Но другие в отличие от этого ставят magistrare вместо <...>.]

[146]

Mos (обычай) есть отеческое <установление>; память предков, восходящая главным образом к религиозной практике и <церем>ониям древних⁵.

[148]

<**Minora**>. Мессала говорит⁶, что ауспиции бывают меньшими (minora), а также большими (maiora). Он отмечает, что ауспиции консулов, преторов, цензоров называются большими, прочих магистратов – меньшими, поскольку первых обычно величали старшими (maiores), остальных же – младшими (minores) магистратами⁷.

[150]

Mamertini (мамертинцы) названы так по следующей причине. Когда разразилась повальная болезнь во всем Самнии, Стенний Меттий – вождь этого племени – созвал на собрание своих сограждан. Он заявил, что явился ему во сне Аполлон и потребовал, если они хотят освободиться от этой напасти, дать обет священной весны, то есть пожертвовать ему всех тех, кто будет рожден ближайшей весной. Они исполнили требуемое, но по прошествии двадцати лет напасть того же рода появилась вновь. Когда мамертинцы обратились к нему заново, Аполлон ответил, что обет ими был исполнен не полностью, так как не были принесены в жертву люди; ежели бы они их изгнали, то, разумеется, были бы освобождены от этого бедствия. Таким образом, получив приказ покинуть родину, [эти молодые люди] осели в той части Сицилии, которая нынче зовется Тавриканой. Как-то по доброй воле они оказали помощь жителям Мессаны, ведшим очередную войну, за что те освободили провинциалов; чтобы отблагодарить за указанную услугу, они пригласили их войти в состав своей общины, допустили к совместному распоряжению землей и приняли общее имя. Они стали именоваться мамертинцами, поскольку, когда смешали имена двенадцати богов, [сложив черепки с их именами в урну], по жребию случайно выпал Мамерс: на осском языке Мамерс (Mamers) означает Марс (Mars). Эту историю передает Альфий в первой книге «О Карфагенской войне».

[152]

Maximum praetorem. Одни полагают, что величают того претора maximus, который обладает наивысшей властью (imperium maximum), другие – того, который старше по возрасту (aetatis maxime)⁸. Вместе с коллегией авгуров было решено, что в обрядах почитания богини Салюс⁹ преторы именуются старшими (maiores) и младшими (minores) не в силу возраста, но в силу характера власти.

[154]

Maiorem consulem. Л. Цезарь полагает, что старшим именуется тот консул, у которого находятся фаски¹⁰, либо тот, кто стал им первым. Из преторов же старший – городской, остальные – младшие¹¹.

Феста.

⁴ Ср.: Isid. Etym. XIX. 34. 10.

⁵ Ср.: Tit. Ulp. I. 4. См. также: Isid. Etym. V. 3. 3.

⁶ Очевидно, Марк Валерий Мессала Руф (ок. 103–27/26 г. до н. э.), авгур, сторонник Цезаря. После 45 г. до н. э. посвятил себя литературной и научной деятельности. Фест упоминает его как автора комментариев к законам XII таблиц. Ему, по-видимому, принадлежал и трактат «Об ауспициях», сведения из которого он здесь приводит.

⁷ Ср.: Gell. XIII. 15. 5–6.

⁸ См.: s.v. Maiorem consulem. P. 154; Praetor. P. 266.

⁹ Богиня здоровья и благополучия (Salus).

¹⁰ Ср.: Dionys. V. 2. 1; 19. 3; Cic. De rep. II. 55. См. также: s.v. Minora. P. 148; Maximum praetorem. P. 152; Minorum pontificum maximus. P. 152 etc.

¹¹ Претор (судебный магистрат), впоследствии названный городским, появился в 366 г. до н.э. С 242 г. до н.э. стал избираться и так называемый peregrinus praetor. В I в. до н.э. число преторов

[168]

Navia – выдолбленное, подобно челноку, из единого ствола дерева корыто, которым пользуются во время сбора винограда. Смоковница на комиции также зовется *Navia* от [имени] авгура Атта Навия. Ибо когда Тарквиний Древний захотел изменить [число] триб, учрежденных Ромулом, он был отвращен от того Аттом посредством толкования предзнаменования (*augurium*). Дабы доказать он дар своего предвидения, царь спросил его, может ли он сделать то, что пришло ему на ум. Произведя авгуральный обряд, Атт ответил ему, что это может быть сделано. Тогда царь приказал принести камень и бритву <...>¹².

[174]

Numera senatum¹³ говорит любой из сенаторов консулу, когда хочет помешать принять сенатусконсульт, и требует, чтобы вопросы, которые внесены на рассмотрение, были либо разделены, либо рассматривались по одному, либо испрашивает, имеется ли вообще в наличии то число сенаторов, которое необходимо для принятия сенатусконсульта.

[176]

Nundinas. Древние пожелали, чтобы Нундины были праздничным днем, дабы селяне сходились [в этот день в город] с целью покупки и продажи [товаров], и чтобы был он неприступным (*nefastum*), и нельзя было созывать народ на собрание, чтобы торговцам не чинить препятствия¹⁴.

[180]

Novae curiae. Новые курии были построены вблизи Фабрициева перекрестка, поскольку древние, созданные Ромулом, разделившим народ и священнодействия на тридцать частей, чтобы по ним они проводили свои жертвоприношения, были недостаточно велики; когда производился обряд вызывания богов из старых курий в новые, богов из четырех курий по религиозным причинам вызвать не смогли. Таким образом, курии, именуемые *Foriensis*, *Rapta*, *Veliensis* и *Velitia*, производят священнодействия в старых куриях.

[184]

“Niquis scivit” – это центурия, которая, как говорят, была учреждена царем Сервием Туллием; в ней дозволялось голосовать тому, кто не сделал этого в своей, дабы никакой гражданин не был лишен избирательного права. Действительно, *sciscito* означает *sententiam dicito* (высказываю мнение) и *suffragium ferto* (подаю голос), откуда [выражение] *scita plebis* (решения плебса). Но в этой центурии никто не проходит ценз, она не возглавляется центурионом, в ней не может быть своих членов, поскольку никто не принадлежит к этой центурии непосредственным образом. *Niquis scivit* есть не что иное, как *nisi quis scivit* (если кто не проголосовал).

[188]

Octaviae. Октавиевыми называются два портика, один из которых, что рядом с театром Марцелла, построила Октавия, сестра Августа, другой, что ближе к театру Помпея, [возвел] Гн. Октавий, сын Гнея, который был курульным эдилом, претором, консулом, децемвиром священнодействий и справил морской триумф над царем Персеем¹⁵; когда последний сторел, Цезарь Август распорядился восстановить его.

[204]

“Ut qui optima lege fuerint”. Эта формула прибавляется обычно, когда избираются какие-то магистраты <...>¹⁶.

Obscum имеет два различных противоположных значения. Так, Клоаций полагает, что это слово означает *sacrum* (священное), почему и *leges sacratae* (священные законы) называ-

увеличилось до 14.

¹² См.: Liv. I. 36; Cic. Div. I. 17 etc.¹³ «Пересчитай сенат». См.: Cic. Att. V. 4. 2.¹⁴ Нундины – каждый девятый день. До 287 г. до н.э. – *dies nefasti*, после, по закону Гортензия, – *dies fasti*. См.: Plut. QR. 42; Non. Marc. s.v. *Nundinae et nundinum*. P. 214M; Macr. Sat. I. 16. 34; D. 33. 1. 20. 1; 45. 1. 138pr. Ср.: Isid. Etym. V. 33. 14.¹⁵ Консул 165 г. до н.э., претор 168 г. до н.э. См. Plin. NH. XXXIV. 13; Cic. Fin. I. 24.¹⁶ См.: s.v. *Optima lex*. P. 216.

ют *obsatae*¹⁷; и почти во всех древних комментариях пишут *Opicum* вместо *Obscum*, как в комедии Тициния «Квинт» (104): «*Qui Obsce et Volsce fabulantur, nam Latine nesciunt*» (Те, что на оскском и вольском играют, поскольку не знают латыни). Оттуда также и бесстыдные и надменные слова зовутся *obsce*, поскольку оски чаще всего предавались порочным желанием¹⁸. Но этим именем зовется также место на территории Вей, которым, как сообщают, обычно пользовались римские авгуры.

[212]

Oufentinae tribus. Наименование Уфентинской трибы¹⁹ было связано изначально с именем реки Офенс (*Ofens*), что течет по земле привернатов между морем и Таррациной. Луцилий (1260): «*Priverno Oufentina venit, fluvioque Ofente*» (Род Уфентов пришел из Приверна, с Уфентского берега²⁰). Впоследствии цензоры вписали в состав этой трибы граждан и ряда иных городских общин.

[216]

Optima lex именовался куриатный закон, которым предоставлялась власть начальнику народа (*magister populi*), именуемому обычно диктатором; этим подчеркивалось, что власть его является высшей, такова была у Манья Валерия из рода Волузиев, который впервые получил ее от народа, став диктатором²¹. Но после того как было предоставлено право обращения к народу на действия этого магистрата, чего прежде не было, формулу *ut optima lege* добавлять перестали, так как они обладали ограниченной властью (*imminuto iure*) в сравнении с прежними магистратами²².

[218]

Orare древние использовали вместо *agere* (действовать); доказательством тому служат *oratores* (ораторы), которых теперь называют *legati* (послы): названы они *oratores* оттого, что выполняли (*agere*) поручения государства; а также и Энный, написавший в первой книге «Анналов» (20): «*Face vero quod tecum precibus pater orat*» (Сделай же то, что просит, моля тебя, отец)²³.

[232]

Pedarium. Луцилий имеет в виду <...> сенатора, который голосует «ногами»²⁴, когда говорит (1102): «<...> *agipes vocem mittere coepit*» (<...> быstroногий голосовать отправился); сенатор именуется педарием (*pedarius*), потому что молча переходит к тому, чье мнение одобрят, тем изъясняя позицию, которой придерживается.

[236]

Perfugam. Элий Галл называет *perfuga* (перебежчик) того, кто, будучи свободным или рабом, [или иностранцем] по своей воле перебежал к врагам; его называют также и *transfuga*. Однако есть те, кто считает, что *perfuga* есть не столько тот, кто убеждает от других, сколько тот, кто перебегает к кому-либо в надежде получить какие-то выгоды²⁵.

Peremere говорит Цинций в своей книге о древних словах означает то же, что и *prohibere* (запрещать). Но Катон в книге о военном деле употребил [этот глагол] вместо *vitiare* (вредить), когда говорит (4): «*cum magistratus nihil audent imperare, ne quid consul auspici peremat*» (магистраты не осмеливаются ничего делать, чтобы ничем не помешать консулу при совершении ауспий).

[254]

¹⁷ Священными римляне называли законы, снабженные санкцией *sacer esto* («да будет посвящен в жертву богам»). См.: s.v. *Sacratae leges*. P. 423.

¹⁸ Ср.: Varr. LL. VIII. 96–97; Serv. Aen. III. 241; Prisc. Gramm. II. 489. 11; Isid. Etym. X. 198.

¹⁹ Триба, согласно Ливию (IX. 20. 6), была создана в 318 г. до н.э. Располагалась по *Via Appia* между вольскими городами Таррациной и Приверном.

²⁰ Фрагменты Луцилия приводятся в переводе Е. Рабинович.

²¹ Диктатор 501 г. до н.э.

²² Диктаторы *imminuto iure* стали появляться в сер. IV в. до н.э.

²³ Ср.: Varr. LL. VI. 76; Prisc. Gramm. III. 474. 8; Isid. Etym. I. 5. 3.

²⁴ См.: Gell. III. 18. 1.

²⁵ См.: CTh. 9. 45. 4. 2; D. 4. 6. 14.

Prodit [есть] porro dederit («передает»), как, например, в цензорском законе: «porticum sartam tectamque habeto, prodito» (портик невредимый крытый прими, передай); в другом месте – prodiderit.

[258]

<**Plebeium magistratum**>. Плебейского магистрата не позволено ни из кого избирать, кроме как из плебса. Это относится ко всем магистратам, что прозываются этим именем²⁶.

<**Plebei aediles**>. Плебейскими зовутся эдилы, которые установлены плебисцитом, когда по предложению плебейского магистрата плебс изъявил свою волю по трибам без патрициев; они являются коллегами плебейских трибунов и впервые были созданы вместе с трибунами, ушедшим от отцов плебсом²⁷.

[260]

Pacem. Синний Капитон полагает, что слово рах (мир) произошло от условий соглашений (pactio), которые должны соблюдаться народами, заключивших их меж собой²⁸.

[262]

Praefecturae. Префектурами называли в Италии те [административные центры], в которых вершилось правосудие и велась торговля в нундины; некоторые из них представляли собой полисы, хотя они и не имели своих магистратов. Ежегодно туда в соответствии с этими законами посылались префекты, которые вершили там суд. Префектуры были двух видов: одни, куда посылали четырех префектов, которые избирались народным голосованием из двадцати шести мужей; в их числе такие города как Капуя, Кумы, Казилин, Волтурны, Литерн, ПUTEОЛЫ, Ацерра, Свесса, Ателла, Калаций; другие, куда таковых направлял ежегодно городской претор в соответствии с законами, как то: Фунды, Формии, Цере, Венафр, Аллифы, Приверн, Анагния, Фрузин, Реате, Нурсия, Арпин и многие другие.

[264]

<**Popillia tribus**> (триба Попиллия) – одна из тридцати древних триб²⁹; столько их было до свержения царей. Свое благое имя триба получила от прародительницы рода Попиллиев, подобно тому как триба Пинария (Pinaia) названа так от имени сестры того Пинария, который первым совершил жертвоприношение в честь Геркулеса.

Populi commune suffragium (общее голосование народа) есть голосование «отцов» совместно с плебсом, ибо центуриатные комиции состоят из патрициев и плебса, разделенных по центуриям. А когда плебеи собираются в трибутных комициях без патрициев, то, что плебс решил, именуется решением плебса, а не народа. Общее голосование «отцов» <...>.

<**Parare inter se munus**>. Использовали это выражение, когда, не прибегая к жребию, магистраты римского народа договаривались меж собой об их провинциях <...> Избранные, но еще не вступившие в должность магистраты договариваются меж собой о провинциях либо бросают жребий.

[266]

<**Praetor**>. Один из преторов вершил суд между гражданами, а другой – между иностранцами <...> Ввиду этого были созданы два претора³⁰.

<**Privato sumtu**>. Римские воины, которые получают жалованье, прежде содержали себя на собственный кошт, что имело место почти до того времени, когда город Рим был захвачен галлами; с этого времени воины уже не оставались без государственного жалования³¹.

²⁶ См.: Liv. II. 33. 1; 34. 9; 56. 2; III. 39. 2; 52. 8; 59. 4; 67. 6; IV. 25. 11; VI. 11. 7; 34. 4; 41. 5; Tac. Ann. XI. 24. 32; De vir. ill. 33. 10; Gell. X. 20. 2; Fest. s.v. Plebeium magistratum. P. 258; Plebeias tabernas. P. 258; Scita plebei. P. 372; D. 1. 2. 2. 20.

²⁷ Плебейская коллегия из двух человек, появление которой обычно связывают с созданием трибуната в 494 г. до н.э. (Dionys. VI. 90). После создания курульных эдилов (366 г. до н.э.) их полномочия и характер в значительной мере нивелируются. См.: Varr. LL. V. 81; Lyd. Mag. I. 35; Inst. Iust. I. 2. 8.

²⁸ Ср.: Non. Marc. s.v. Pax. 370M; Paces. 149M; D. 2. 14. 1. 1; Isid. Etym. XVIII. 1. 11.

²⁹ Очевидно, речь о Публилиевой трибе, образованной в 358 г. до н.э. вместе с Помптинской (Liv. VII. 15. 12). Античные авторы называли ее по-разному.

³⁰ См.: Varr. LL. V. 80; Cic. Leg. III. 8; Non. Marc. s.v. Consul. P. 23M; Isid. Etym. IX. 3. 27; 4. 16.

³¹ Общественное содержание, согласно Ливию (IV. 59–60), было введено в 406 г. до н.э.

<**Porci effigies**> (изображения свиньи) среди военных символов занимали пятое место, потому что по завершении войны мир, что должен заключаться между народами, скрепляется обычно договором, сопровождаемым принесением в жертву свиньи (porca)³².

[268]

Primanus tribunus у Катона – трибун, который раскладывал военный налог на [воинов] первого (prima) легиона.

Prohibere comitia означает объявлять день неблагоприятным для собраний по причине недуга, который в народе обычно зовется тяжким (morbus maior)³³, а в силу того [что вел он к отмене собрания] – комициальным (morbus comitialis). Катон в речи «О порученном жертвоприношении», что написал он [против Л. Ветурия] (1): «Когда мы совершаем ауспиции дома, то мне бы хотелось блюсти должное уважение к богам. Что до рабов и рабынь, то если кто-нибудь из них издал звук под своим тряпьем, а я не услышал, то это для меня – не дурной знак. И если в то же время какому-нибудь рабу или рабыне приснилось то, что обычно препятствует комициям, то это тоже для меня не дурная примета»³⁴.

Peculatus. Кражу государственных средств стали именовать peculatus от pecus (скот), поскольку из кражи скота возник этот вид преступления. Действительно, до того как штраф стал исчисляться в меди или чеканном серебре, самым тяжелым считался штраф, состоявший в уплате двух овец и тридцати быков. Закон, который установил эту норму, внесли консулы Т. Менений Ланат и П. Сестий Капитолин³⁵. Когда же римский народ начал использовать весовую медь, законом Тарпея было определено, что при исчислении этого штрафа бык должен оцениваться в 100 ассов, а овца – в десять³⁶.

[270]

Porto<rium> названа пошлина, которая собирается сборщиками таможенных денег (portores).

[272]

<**Praetexta pulla**>. Надевать траурную тогу-претексту не позволялось никому, за исключением того, кто совершал погребение³⁷, а также того, кто обладал магистратской властью либо устраивал в публичном месте общественные игры. На время игр последний обладает правом сродни магистратскому, у него, как и у магистрата, есть писарь <...> Консулам и преторам, дававшим обеты богам <...> была предоставлена возможность надевать претексту; как и тем, кто исполнял обет <...>

[274]

“**Parum cavisse videri**”³⁸ произносит магистрат, когда, посоветовавшись, принимает решение о судьбе того, кто должен быть приговорен к смерти.

[276]

Publicius clivus. Публициев склон называется так оттого, что курульные эдилы – два брата Л. и М. Публиции Маллеолы, оштрафовав арендаторов общественных выпасов, на полученные деньги укрепили его, чтобы можно было взбираться на Авентинский холм на повозках³⁹.

Priscae latinae coloniae. Латинские колонии были прозваны «древними» (priscae), чтобы отличать их от «новых», которые по решению народа выводились впоследствии⁴⁰.

Praetor. Претора⁴¹, который направляется в провинцию в качестве пропретора или проконсула, приветствуют теперь у ворот города. Цинций в книге «О власти консула» говорит, что обычай этот был таков: «Альбанцы были могущественны вплоть до царя Туллы; после разру-

³² Заключением такого рода договоров (foedus) занимались фециалы.

³³ Эпилептический припадок. Рассматривался как неблагоприятное знамение, влекущее за собой отмену или роспуск собрания.

³⁴ Перевод Н.Н. Трухиной.

³⁵ Консулы 452 г. до н.э.

³⁶ Ср.: s.v. Ovibus duabus. P. 220; Peculatus. P. 232.

³⁷ Во время траура происходила смена одежды (mutare vestem) с повседневной на темную (toga pulla).

³⁸ Эвфемизм. «Кажется, мало воткнул».

³⁹ Эдилы 240 г. до н.э. См.: Varr. LL. V. 158; Ovid. Fast. V. 294.

⁴⁰ Римские колонии, выводившиеся после 338 г. до н.э.

⁴¹ См.: s.v. Praetor. P. 266.

шения Альбы и вплоть до консула П. Деция Муса⁴² латины имели обыкновение совещаться в священной роще богини Ферентины, что находится у подножия Альбанской горы, и осуществлять власть на основе общего совета <...>».

[277]

Probrum. Нарушение весталкой обета девственности должно было наказываться смертью, мужчина, который совершил с ней инцест, должен был быть забит плетьюми. Как говорит Катон в своей речи, именуемой «Об авгуриях», табличка с этим законом, закрепленная на стене атрия в храме Свободы, сгорела в огне пожара вместе со многими другими законами. Он добавляет также, что девы весталки <...> Цицерон (*de dom.* 43): «...какого примера провел ты закон о лишении гражданина, который не был осужден, его гражданских прав. Предлагать законы, направленные против частных лиц, запрещают священные законы, запрещают Двенадцать таблиц»^{43*} (IX. 1). Тридцать пять триб никогда не осуждают и отравителей, поскольку их убивают без суда.

[280]

<«**Periculatus sum**»>⁴⁴. Катон использовал это выражение в речи, которую написал по поводу цензорских тяжб (2).

[282]

Prodidisse. Этот глагол употребляется не только в отношении тех, кто продал врагам свою родину, но и тех, кто тянет время. Так, например, Катон говорит (*orat. inc.* 12): «*Te, C. Saeciliū, diem prodidisse militibus legionis III, cum proditorem non haberent*» (Ты, Г. Цецилий, отсрочил день для воинов 3-го легиона, в то время как они не имели отсрочки^{45*}).

[284]

Peregrinus ager – земля, которая не считается ни римской, ни вражеской⁴⁶.

[288]

<**Patres**>. «Отцами» зовутся те, из кого первоначально был составлен сенат, ибо первоначально Ромул, основав Город, избрал 100 выдающихся мужей, чьим советом и разумением управлялось государство; они названы «отцами» и потому, что наделяли неимущих, словно [своих] детей, участками земли⁴⁷.

[290]

Praeteriti senatores. Сенаторы, обойденные [при составлении списка] вниманием, не были прежде в поношении, ибо как некогда цари подбирали для себя тех, кого они включали в государственный совет, так после их свержения консулы и военные трибуны с консульской властью набирали [в сенат] самых близких к себе из патрициев, а впоследствии и из плебеев, пока не появился трибунский [закон] Овиния⁴⁸, которым было установлено, чтобы цензоры включали в состав сената лучших из всех сословий, [отобранных] по куриям. С этим было связано то, что те, кто был [в сенате] прежде (*praeteriti essent*) и утратил [свое] место, оказался опозоренным.

«**Pro censu classis iuniorum**»⁴⁹. Как говорит М. Варрон в шестой книге «Деяний человеческих», Сервий Туллий, когда употребил эту фразу, разделяя центурии [по возрастам], имел в виду *in censu*; аналогичным образом говорили *pro aede Castoris* (в храме Кастора), *pro tribunali* (в суде), *pro testimonio* (в подтверждение).

⁴² П. Деций Мус – консул 340 г. до н.э.

⁴³ * Перевод В.О. Горенштейна

⁴⁴ «Подвергся опасности».

⁴⁵ * Перевод Н.Н. Трухиной.

⁴⁶ См.: *Varr. LL.* V. 33; *Isid.* IX. 4. 41.

⁴⁷ См.: *Cic. Rep.* II. 14; *Dionys.* II. 8. 1; *Sall. Cat.* VI. 6; *Liv.* I. 8. 7; *Plut. Rom.* XIII. 3; *QR.* 58. *Isid. Etym.* IX. 4. 10.

⁴⁸ Точная дата закона неизвестна. Исследователи сходятся во мнении, что он был принят либо за несколько лет до цензуры Аппия Клавдия, либо в год избрания (312 г. до н.э.) его цензором.

⁴⁹ «В список воинов юниорского класса». Центурии римской армии были разделены в соответствии с возрастом: воины от 18 до 46 лет входили в центурии юниоров, от 46 до 60 лет – в центурии сениоров. См.: *s.v. Sexagenarios.* P. 450.

Procum patricium⁵⁰. В делении на классы, произведенном Сервием Туллеем, *procum* имеет значение *prosegitum* («знатных»)⁵¹, ведь они – лучшие. В самом деле, *proci* именуют женихов, кто просит руки женщины, по-гречески – *μνηστῆρες*, ведь *proscage* означает «требовать», поэтому при назначении судьи говорят: «*si aliam procas, nive eum procas*» (если ты требуешь другого, если не требуешь этого), то есть «просишь» (*proscere*); отсюда и блудницы – *proscases*⁵².

Praerogativae centuriae. Как утверждает Варрон в шестой книге «Деяний человеческих», прерогативными зовутся центурии оттого, что римляне, жившие на селе и не знавшие кандидатов, могли проще познакомиться с ними [в ходе голосования таких центурий]. Веррий же считает, [зовутся они так] скорее оттого, что пока круг кандидатов очерчивался голосовавшими первыми центуриями, народ имел возможность обсуждать достоинства и недостатки кандидатов, и каждый мог более осознанно отдать свой голос за того или иного кандидата.

[294]

Procincta class<is> зовется снаряженное и готовое к сражению войско, видеть которое фламину Юпитера непозволительно. Древние называли *procinctus* человека, как это делается и сегодня, который готов действовать. Ведь римляне некогда имели обыкновение идти в сражение, подпоясав тогу (*procincta toga*). Оттуда о завещаниях, которые делались перед готовым к выступлению войском, говорили *testamenta in procinctu fieri*.

<**Posimi>rium**. Антистий [Лабеев] говорит в комментарии к понтификальному праву, что *posimium* есть *romerium* (померий), то есть пространство у стены, как следует из Катона (*fig. dub. 1*). Некогда померий включал в себя все пространство города за исключением Авентина, теперь же эта граница проходит внутри застройки. *Romerium* есть как бы *romoerium*⁵³ <...>

[302]

<**Quirites**>. Слово квириды, представляющее из себя наименование народа в его совокупности⁵⁴, использовалось некогда и в единственном числе, чему свидетельством служит фраза глашатая, который, возвещая о предстоящих похоронах, обычно кричит так: **illius* Quiris leto datus* (такой-то квирид преставился). Слово квириды стало использоваться после торжественного заключения союза между Ромулом и Тацием, и указывает на сложившуюся посредством этого союза общность и политическое единство народа.

[304]

Qui patres, qui conscripti. Кого в сенате называли *patres* («отцы»), а кого *conscripti* («вписанные [в список сената]»)? В то время, когда из города были изгнаны цари⁵⁵, консул Публий Валерий, по причине нехватки членов сената, включил в сенат 164 плебея, чтобы восполнить число сенаторов до 300, и тем дал наименование двум видам сенаторов.

[310]

Quaestores. Квесторами именовали тех, кто занимался расследованием уголовных дел, откуда в XII таблицах они именовются также паррицидными квесторами (*quaestores parricidi*).

[314]

“**Qui hoc censetis, illuc transite, qui alia omnia, in hanc partem**” (Вы, кто разделяет это суждение, переходите на эту сторону, кто разделяет иные суждения – на ту сторону). Этими словами пользуется [председатель собрания], разумеется, с целью благого предзнаменования, чтобы не употреблять формулировку «*qui non censetis*» (вы, кто не разделяет)⁵⁶.

[316]

Quin<quennales>. Квинквенналами именовались в колониях [магистраты], которые проводили люстр каждые пять лет (*quinto anno*), откуда и получили свое название.

⁵⁰ «Из знатных патрициев».

⁵¹ См.: Serv. Aen. I. 740; Isid. Etym. IX. 4. 17.

⁵² См.: Donat. Ter. Hec. 159; Serv. Aen. I. 536; Isid. Etym. X. 214.

⁵³ Незастроенная территория по обе стороны городской стены. См.: Varr. LL. V. 143; Liv. I. 44. 4; Gell. XIII. 14. 1; Plut. Rom. XI. 3; Prisc. Gramm. III. 475. 9.

⁵⁴ См.: Varr. LL. VI. 68; Liv. I. 13. 5; Plut. Rom. XIX. 7; Num. III. 4; Serv. Aen. VII. 710; Inst. Iust. I. 2. 2; Isid. Etym. IX. 2. 84.

⁵⁵ Т.е. в 509 г. до н.э.

⁵⁶ Первоначально голосование происходило расхождением. См.: Gell. III. 18.

[**Rufuli.** Руфулами именовались военные трибуны, которые назначались консулом, а не избирались народом, об их правовом статусе внес в народное собрание закон Рутилий Руф; этот закон различными средствами стеснял их права (так, число их было уменьшено, чтобы имели перевес те, кто избирался народом)⁵⁷; они сначала были названы Руфами (Rufi) от прозвища Рутилия (Rufus), а позднее – Руфулами (Rufuli).]

[326]

Rogatio есть то, когда народ спрашивают об одном или нескольких людях по поводу того, что не относится ко всем, а также об одном или многих делах, по которым устанавливается санкция, не обязывающая всех. Ибо то, что народ постановил в отношении всех людей или дел, называется законом (lex). Так, Эллиий Галл говорит: «Между законом и рогацией различие состоит в следующем. Рогация есть разновидность закона; закон же не всегда напрямую связан с рогацией. Рогация не может не быть законом, если только законным образом была внесена в народное собрание»⁵⁸.

[352]

Resecrare – освобождать от религиозного проклятия; во всяком случае, когда обвиняемый именем богов заклинал народ в собрании освободить от этой опасности, магистрат приказывал освободить его от сакрального проклятия (resecrare) <...> Плавт (Aul. 684): «Resecroque, mater, quod dudum obsecraveram» (Прошу и вновь прошу тебя о том же, мать, О чем уже недавно я просил тебя)⁵⁹ <...>

[356]

Rogat означает «совещается с народом» или «просит одобрить то, что предлагает»⁶⁰. Оттуда мы используем обычно rogare как синоним petere (требовать) и orare (просить). Катон в речи, произнесенной, чтобы воспрепятствовать отмене закона Бебия, говорит (1): «hoc potius agam, quod hic rogat» (Я скорее сделаю то, о чем он просит)⁶¹.

[358]

Religioni. Для некоторых выходить за Карментальские ворота, как и созывать сенат в храме Януса, что находится за ними, – суеверное прегрешение, ибо все триста шесть Фабиев⁶², выйдя через них, были убиты при Кремере, а сенатское постановление об их отправке было принято в храме Януса.

Resignatum aes⁶³ говорят воину, когда из-за какого-то правонарушения [его имя] по приказу военного трибуна заносится в таблички, дабы не предоставлять ему жалование, ведь древние [re]signare ставили иногда вместо scribere (писать).

[**Religionis.** Величие цензоров поддерживается прежде всего религией, вот примеры такого величия, которые приводит Варрон в книгах «О жизни римского народа»⁶⁴. М. Фульвий Нобилиор, став цензором вместе с М. Эмилием Лепидом⁶⁵, хотя прежде находился с ним в большой вражде и часто вступал с ним в судебные тяжбы, оставил тотчас, как вступил в должность, вражду к коллеге, считая, что ненависть, которую он демонстрировал в частной жизни, чужда инте-

⁵⁷ В римском войске, состоявшем из четырех легионов, было 24 военных трибуна. С 361 г. до н.э. 6 из них стали избираться народом, с 311 г. до н.э. – 16, а с 207 г. до н.э. – 24. Позже консулы назначали трибунов лишь для легионов, набравшихся сверх этого числа. Дата упомянутого закона не определена. Публий Рутилий Руф (158–78 гг. до н.э.) – известный политический деятель, консул 105 г. до н.э.

⁵⁸ «inter legem et rogationem hoc interest. Rogatio est genus legis; quae lex, non continuo ea rogatio est. <rogatio> non potest non esse lex, si modo iustus comitiis rogata est». Ср.: Gell. X. 20. 7–8. См.: Non. Marc. s.v. Rogare. P. 382M.

⁵⁹ Перевод А. Артющкова.

⁶⁰ Имеется в виду магистрат, вносящий рогацию в народное собрание.

⁶¹ Перевод Н.Н. Трухиной. Плебисцит Бебия 180 г. до н.э. регулировал выборы преторов. Liv. XL. 19.

⁶² См.: Liv. II. 50, 3–11; Dionys. IX. 18–22.

⁶³ Букв. «возвращенная медь», возможно, часть фразы aes resignatum est – «деньги (т.е. stipendium война) возвращены [в казну]».

⁶⁴ См.: Cic. Nat. deor. II. 71; Gell. IV. 9. 2; Macr. Sat. III. 3. 8; Lact. Inst. IV. 28. 3; Serv. Aen. VIII. 349; August. Civ. X. 3; Isid. Diff. I. 468; Etym. VIII. 2. 2.

⁶⁵ Вступили в должность в 179 г. до н.э.

ресам народа. Это решение, принятое по велению его сердца, было приятно всем и воспринято с одобрением. А когда А. Постумий и Кв. Фульвий были избраны цензорами⁶⁶, после того как Фульвий потерял двух сыновей в войне с Иллирией и из-за тяжелой болезни глаз не мог более исполнять должность цензора, Постумий предложил обратиться за консультацией к Сивиллиным книгам и произвести публичное молебствие за здоровье коллеги. Тиб. Семпроний, поскольку стало подрываться доверие к цензорам плебейским трибуном Рутилием, разгневанным тем, что стена его дома была снесена⁶⁷, когда тот обвинил перед народом его коллегу Г. Клавдия, сделал так, что те же центурии, которые осудили Клавдия, на том же самом месте оправдали его⁶⁸. Цензура Л. Эмилия Павла и Кв. Филиппа внушала тревогу. Павел страдал от тяжелой болезни и, находясь в должности, чуть не лишился рассудка⁶⁹. Неблагоприятной была и цензура П. Корнелия Сципиона Назики, чьим коллегой был М. Попилий, чей брат впоследствии был консулом. Известно, что, будучи обвиненным и вынужденным дать залог, он был освобожден римским народом⁷⁰. Цензоры М. Валерий Мессала и Г. Кассий Лонгин, поскольку во время нахождения их в должности была опорочена стыдливость, приобрели дурную славу⁷¹, ибо срубили пальму, которая появилась во время Персидской войны на Капитолии, прямо на алтаре Юпитера Всеблагого Величайшего, а на месте ее появилась смоква, отчего они стали инфамными цензорами, поскольку отнеслись к стыдливости без всякого уважения. Затем воспоследовала цензура Л. Корнелия Лентула и Г. Цензорина. Лентул был осужден народным судом за взяточничество⁷². Так что многие опасались, что цензор припомнит наказание; но цензура его ни для кого не была тягостна. Цензура П. Сципиона Африканского и Л. Муммия была памятной⁷³; но Муммий отметился медлительностью при ведении дел. Он изъял Азелла из числа эрариев без исполнения наказания, посмеявшись тем над суровостью Африкана, который перевел того в число эрариев⁷⁴. Но и цензура Кв. Фульвия Нобилиора и Апп. Клавдия Пульхра была весьма знаменита⁷⁵: три несправедливо суровых замечания были наложены на нобилей. Во время цензуры Кв. Помпея и Кв. Цецилия Метелла Македонского был составлен список сената⁷⁶. В целом из сената были исключены три сенатора, да так, что затмили славу других.]

[362]

Respublica. Г. Гракх в отношении ряда государств использовал [слово] *respublica* во множественном числе в той речи, которую он написал о законе Пенна и о чужеземцах, где говорит: «*еae nationes, cum aliis rebus, per avaritiam atque stultitiam, res publicas suas amiserunt*» (эти нации, утратили свои государства из-за алчности и глупости, наряду с иными причинами)⁷⁷.

⁶⁶ Вступили в должность в 174 г. до н.э.

⁶⁷ Liv. XLIII. 16. 4–5.

⁶⁸ Тиб. Семпроний Гракх и Г. Клавдий Пульхр вступили в должность в 169 г. до н.э. (Liv. XLIII. 14. 1). П. Рутилий – плебейский трибун того же года. Подробнее о противостоянии цензоров и трибуна см. Liv. XLIII. 16. Трибун обвинил цензоров в *perduellio*. Собрание было готово осудить Г. Клавдия, но после того, как Тиб. Гракх заявил, что если тот будет осужден, то без голосования по своей кандидатуре он уйдет с ним в изгнание, Клавдий был оправдан.

⁶⁹ Вступили в должность в 164 г. до н.э. Плутарх (Aem. XXXIX) пишет, что, находясь в должности, он захворал и вынужден был поехать лечиться в Элию, а по возвращении «впал в беспамятство, лишился рассудка и на третий день скончался». См. также: Val. Max. VII. 5. 3; Plin. NH. VII. 214; XXVI. 5; Diod. XXXI. 25; Cic. Dom. 130; Plut. Aem. XXXVIII. 5–6. XXXIX.

⁷⁰ Вступили в должность в 159 г. до н.э. См.: Cic. Brut. 79; Liv. Per. 47; Plin. NH. VII. 215; Gell. IV. 20. 11; Non. Marc. s.v. Strigosus. P. 168M.

⁷¹ Вступили в должность в 154 г. до н.э. См.: Liv. Per. XLVIII; Plin. NH. XVII. 244; Val. Max. II. 4. 2; Vell. I. 15. 3; App. BC. I. 28.

⁷² Вступили в должность в 147 г. до н.э. См.: Val. Max. VI. 9. 10; VII. 5. 2.

⁷³ Вступили в должность в 142 г. до н.э. См.: Liv. XL. 51. 4; Plin. NH. XXXIII. 57 etc.

⁷⁴ См.: Val. Max. VI. 4. 2; Vir. ill. 58, 9. Об Азелле: Cic. de or. II. 258; 268; Cluent. 134; Val. Max. 4. 1. 10; Gell. II. 20. 5–6; III. 4. 1; IV. 17. 1 etc.

⁷⁵ Вступили в должность в 136 г. до н.э. См.: Liv. Per. 56; Plut. T. Gr. 4. 1; Dio. fr. 81.

⁷⁶ Вступили в должность в 131 г. до н.э. См.: Cic. Dom. 123; Liv. Per. 59; Plin. NH. VII. 143.

⁷⁷ Плебейский трибун 126 г. до н.э. М. Юний Пенн предложил закон, который должен был воспрепятствовать заселению Рима негражданами. Г. Гракх выступил против этого закона. См.: Cic. de off. III. 47; Brut. 109.

[366]

Referri diem predictam. Как пишет Вераний в работе, посвященной ауспициям, совершаемым перед созывом комиций, неподобающим является *referri diem predictam*, то есть заранее назначать день; в качестве примера он приводит цензоров Л. Юлия и П. Лициния⁷⁸, которые совершили ауспиции без какого-либо декрета авгуров, вследствие чего их люстр не был вполне удачным.

[368]

[Remisso. Одновременно с роспуском войска авгур, который содействовал консулу во время войны в совершении ауспиций, получает приказ оставить расположение войска, ибо тогда, когда он уходит, становится очевидным, что войско распущено. Но как только будет необходимо, консул может вновь призвать к себе авгура. Дело в том, что авгуры не всегда присутствуют при консулах и цензорах, как говорит <...> но авгуры, которых они призывают при совершении должностных обязанностей, присутствуют при ауспициях. Антистий Лабееон говорит, что тот консул, который первым получает право на ликторов и секиры, первым же выбирает и авгура <...>]

[372]

Scita plebei. Плебисцитами именуется те [решения], которые утвердил плебс своим голосованием без патрициев, по внесении [их] плебейским магистратом.

[394]

Sub iugum mitti говорится о побежденных врагах, у которых отнято всякое наступательное и оборонительное вооружение, когда им приказывают пройти под ярмом, представляющим из себя два воткнутых в землю копыя, связанных меж собой сверху третьим, являющимся символом Януса⁷⁹.

[404]

[Sufes. Высший магистрат у карфагенян назван суфетом, подобно тому, как у осков – *med-dix tuticus*. Калидий⁸⁰ в речи «Против Кв. Галлия»: «Nonne vobis, iudices, scintillam et fumum prosequi et fumum flamma videtur. Senatus censuit referentibus sufetis» (Разве не вам, судьи, казалось, что за искрой следует дым, за дымом пламя. По обращении суфетов сенат постановил.)]

[416]

Satura называют и разновидность блюда, составленного из различных продуктов, и закон⁸¹, объединивший положения многих других законов. Таким образом, к санкции законов такого рода прибавляют следующую формулу: «*Neve per saturam abrogato aut derogato*» (Пусть смешанным законом не будет ничего отменено или изменено). Т. Анний Луск в речи, которую он произнес против Тиб. Гракха, говорит: «*Imperium quod plebes per saturam dederat, id abrogatum est*» (Власть, которую народ даровал законом, включавшим различные положения, эта власть отменена)⁸². И Гай Лелий в речи, которую он произнес в свою защиту, говорит: «*Dein postero die, quasi per saturam sententiis exquisitis in deditionem accipitur*» (Затем, на следующий день, как бы *per saturam*, изучив предложения, принимают его капитуляцию)⁸³.

[420]

[Sanctum. Аврелий Опил⁸⁴ говорит, что именуется *sanctum* то, что не является ни священным (*sacrum*), ни религиозным (*religiosum*)⁸⁵. Но Элий Галл полагает, что *sanctum* есть

⁷⁸ Луций Юлий Цезарь и Публий Лициний Красс Див вступили в должность в 89 г. до н.э. См.: Сис. Arch. 11; Плин. NH. XIII. 24; XIV. 95; Вал. Max. IX. 2. 2.

⁷⁹ Обряд был связан с ритуалом перехода из одного состояния в другое, демонстрируя, в данном случае, переход под власть победителя. Копье использовалось при публичной и частной продаже, став символом законной собственности.

⁸⁰ Марк Калидий – известный римский оратор I в. до н.э. (умер в 48 г. до н.э.). В 64 г. до н.э. обвинил Квинта Галлия во взяточничестве.

⁸¹ Ср.: Исид. Etym. V. 16. 1.

⁸² Тит Анний Луск, консул 153 г. до н.э., выступил в 133 г. до н.э. против плебейского трибуна Тиберия Гракха. См.: Сис. Brut. 79; Liv. Per. 58; Plut. T. Gr. 14–15.

⁸³ Римский политический деятель (188–128/125 гг. до н.э.), член «кружка Сципионов», консул 140 г. до н.э. Первоначально сторонник аграрной реформы, после выступления Т. Гракха занял охранительную позицию.

⁸⁴ Римский грамматик II в. до н.э. Написал «Книгу Муз», в которой рассматривал редкие и неясные слова.

⁸⁵ Ср.: Gai. II. 4–8.

одновременно и священное, и религиозное. Большинство, однако же, считает, что это все то, нарушение чего влечет за собой наказание виновного или штраф, установленный законом <...> откуда произошла та часть законов, которая именуется *sanctio* (санкция) <...>].

[422]

Sacrosanctum (священное и неприкосновенное) говорится о том, что установлено с принесением клятвы, дабы карался смертью всякий, кто осквернил бы [санкционированное таким образом]. Этого вида – плебейские трибуны, того же рода и [плебейские] эдилы; это утверждает М. Катон в той речи, в которой написал, что плебейские эдилы являются священными и неприкосновенными (1)⁸⁶.

Sacrae leges (священные законы) суть те, которыми установлено, что всякий, кто их нарушит, будет посвящен какому-то из богов вместе со своей фамилией и имуществом. Есть те, которые говорят, что священные законы – это те, что плебс, принеся клятву, принял на Священной горе⁸⁷.

Sacer mons. Священной называется гора, [расположенная] за [рекой] Аниен, несколько далее третьего милевого столба, [потому, что] ее посвятили Юпитеру уходившие, когда плебс покинул «отцов», избрав в помощь себе плебейских трибунов⁸⁸. Человеком, обреченным подземным богам, называется тот, кого римский народ осудил за злодеяние; [хотя] не подобает убивать его, но тот, кто [все же его] убьет, не осуждается как убийца; ибо первым трибунским законом установлено: «если кто того, кто на основании этого плебисцита будет посвящен богу, убьет, убийцей считаться да не будет». Исходя из этого, любого зловредного и негодного человека обычно именуют «обреченным подземным богам». Элий Галл говорит, что священным является то, что любым образом посвящено [богам] в соответствии с установлением общины, будь то храм, алтарь, статуя или место, имущество или что-либо другое, посвященное богам. Но если что-то из вышеперечисленного посвящают богу отдельные лица в рамках отправления ими частного культа, то это римские понтифики священным не считают. И если введены частные жертвоприношения, которые по установлению понтификов надлежит производить в установленный день или в определенном месте, они называются священными (*sacra*), подобно жертве (*sacrificium*); то место, где должны производиться частные жертвоприношения, едва ли считается священным.

[426]

<**Sanates**> именовались так, как если бы говорили *sanati*, то есть «здравые рассудком». Сервий Сульпиций Руф и Аврелий Опил полагают, что так именуются племена, проживающие в низинах и на возвышенностях, как, например, тибуртинцы, что проживают выше Рима, и другие, что вместе с тибуртинцами пришли на тибуртинскую землю и привели с собой племена с морского побережья и из низин. Откуда в законах XII таблиц (1, 5): «*Nexi solutique, ac forti sanatisque idem ius esto*» (Должники и освобожденные, форкты и санаты пусть обладают одним и тем же правом), то есть те, которым недоставало имущества и союзников. Есть те, кто полагает, что нижними зовутся колонии, что выведены к древним лагинам, которых царь Тарквиний расселил вдоль моря <...> ниже Рима в общины лагинов, они были прозваны санатами, как сообщает Цинций во второй книге «Об обязанностях юристконсульта», по той причине, что Тарквиний Древний окончательно завоевал их против их воли и образумил (*sanare*), и даже заключил с ними договор; хотя Валерий Мессала в своем комментарии к законам XII таблиц ничего не говорит об этом. Однако в книге, озаглавленной довольно темно, полагает, что форкты и санаты были двумя соседними народами, о которых речь шла в законе, устанавливавшем, что они должны были иметь то же право, что и римский народ; причем он считает, что этот закон

⁸⁶ Ср.: s.v. Obscum. P. 204; Leges sacrae. P. 422. Термин обычно переводят как «священное и неприкосновенное». К числу *sacrosancti* были отнесены плебейские магистраты (*tribuni plebis, aediles plebis, iudices decemviri*), статус которых был подтвержден законами Валерия–Горация 449 г. до н.э. (Liv. III. 55. 6–7; App. BC. II. 108). См. также: Isid. Etym. XV. 4. 2.

⁸⁷ См.: s.v. Obscum. P. 204; Sacrosanctum. P. 422; Sacer mons. P. 422; Cic. Pro Tull. 48; Zonar. VII. 15.

⁸⁸ Гора получила такое название, очевидно, после ухода на нее плебса в 494 г. до н.э., который избрал на ней плебейских трибунов и посвятил саму гору Юпитеру. См.: Cic. ap. Asc. Pro Corn. 68; Dionys. VI. 90. 1.

не относится ни к каким другим народам, кроме как к форктам и санатам. Много тех, которых не устраивает такое объяснение и которые полагают, что *sant forcti* есть как бы *sanati insani*⁸⁹.

[442]

Scitum populi. Решение народа есть то, что патрицианский магистрат внес [на рассмотрение народного собрания], а народ утвердил своим голосованием <...> Плебисцит есть то, что плебейский трибун или эдил внес [в собрание плебса], а плебс обсудил и принял. Плебс же – это весь народ за исключением патрициев⁹⁰.

[446]

Scripturarius зовется общественное поле, за выпас скота на котором установлена определенная плата; названо оно так оттого, что публикан заключает письменное (*scribere*) соглашение с пастухом⁹¹.

Scribas. В собственном смысле древние называли *scribae* переписчиков книг и поэтов⁹². Теперь же именуется так только те писари, которые записывают на дощечках общественные счета. А когда Ливий Андроник⁹³ написал во время Второй Пунической войны поэму, что была исполнена девами во имя процветания римского государства, ему публично на Авентине предоставили храм Минервы, в нем было позволено пребывать поэтам и актерам, а также возносить дары; [и все это] во славу Ливия, поскольку он и писал пьесы, и участвовал в их постановке.

[454]

Senatores. Вполне известно, что сенаторы называются так от «старости» (*senectus*); [это те], кого первоначально Ромул выбрал в числе ста и по чьему совету управлял государством⁹⁴. Они также зовутся и «отцами» (*patres*); и теперь, когда приказывают сенаторам собраться, то кричат: «кому в сенате дозволено принимать решение»; поэтому те из «младших» (*juniores*), что после проведения ценза получили магистратуру, хотя и высказывают свое мнение в сенате, однако не именуется сенаторами, пока не будут внесены в цензовые списки «старших» (*seniores*).

[458]

Saticula – город в Самнии, что был захвачен; впоследствии в консульство Л. Папирия Курсора и Г. Юния⁹⁵, избранного в консулы во второй раз, туда в январские календы была выведена в соответствии с сенатским постановлением колония триумвирами М. Валерием Корвом, Юнием Сцевои, П. Фульвием Лонгом.

[464]

[**Sellae curulis.** Почета ради диктатору Валерию⁹⁶ и его потомкам было предоставлено в Цирке место для курульного кресла, чтобы взирали они на зрелища, сидя рядом со святилищем Мурции⁹⁷, откуда наблюдали за зрелищами магистраты.]

[470]

Senacula. Никострат в книге, озаглавленной «О созыве сената», сохранил сведения о том, что в Риме было три места, именуемых *senacula*, в которых обычно собирался сенат⁹⁸. Первое, где теперь находится храм Согласия между Капитолием и Форумом, где имели обыкновение

⁸⁹ См.: s.v. *Sanates*. P. 474.

⁹⁰ Текст глоссы имеет большие лакуны. Перевод сделан в соответствии с реконструкцией, предложенной Т. Моммзеном. Однако имеются и иные реконструкции. См., например: Маяк 1993, 81–82. Реконструкция, предложенная М.А. Саванье (Op. cit. II. 590), более полная, но и более сомнительная. См.: *Isid. Etym.* V. 11.

⁹¹ См.: *Non. Marc. s.v. Scripturarios*. P. 37M.

⁹² См.: *Isid. Etym.* VI. 14. 2.

⁹³ Поэт, драматург, актер второй половины III в. до н.э., основатель латинской литературы. В 207 г. до н.э. его гимн, посвященный Юноне, был спет 27 девушками, после чего в храме Минервы была учреждена коллегия писателей и актеров.

⁹⁴ См.: *Serv. Aen.* V. 758; *Cens.* XIV. 2; *Isid. Diff.* II. 81; *Etym.* IX. 4. 8; XI. 2. 8; 16.

⁹⁵ Консулы 313 г. до н.э. См.: *Liv.* IX. 28. 5–6.

⁹⁶ Очевидно, Маний Валерий Волуз Максим – диктатор 494 г. до н.э. См.: *Cic. Brut.* 54; *Liv.* II. 30. 4–31. 11; *Dionys.* VI. 38–45; *Plut. Cor.* 5. 2; *Pomp.* 13. 7; *Dio fr.* 17. 6; *Oros.* II. 5. 2; *Zon.* VII. 14.

⁹⁷ Прозвище Венеры. См.: *Varr. LL.* V. 154; *Plut. QR.* 20.

⁹⁸ См.: *Varr. LL.* V. 156.

магистраты обсуждать вопросы только со «старшими» (*seniores*); второе – у Капенских ворот; третье – по эту сторону от храма Беллоны, где сенат собирался для выслушивания иноземных послов, которых не желали впускать в город.

[472]

Suffragato<res> древние называли тех, кто обычно помогал кандидатам. Так, чтобы лучше учесть голоса избирателей, суффрагатор отмечал в списке кандидатов, ставя у каждого имени точку, за кого кто намерен голосовать. Об этом сообщает Варрон в седьмой книге «Древностей человеческих».

[<**Septem dies**> или просто *septem calo* публично объявляет магистрат в случае, если ноны будут приходиться на седьмое число месяца.]

[474]

Sanates названы [народы], которые жили выше и ниже Рима. Это название было им дано оттого, что когда они отложились от римлян, то уже вскоре вернулись к дружбе, как бы *sanata mente* (в здравом уме). Также в законах XII таблиц (1, 5) было установлено, что пользуются одним правом и санаты, и форкты: они никогда не изменяли римскому народу.

[494]

Taenias. Веррий так объясняет это греческое слово. Он говорит, что *taeniae* – это головная повязка из шерсти, используемая лицами, наделенными властью; мы встречаем его, например, у Цецилия в «Андрогине» (7): «*Sepulchrum plenum taeniarum, ita ut solet*» (Могила повязок полна, как то обычно бывает); и в другом месте (275): «*Dum taeniam, qui volnus vinceret, petit*» (В то время как повязку он просит, перевязать чтобы рану). Энний в «Алексадре» (33): «*Volans de caelo cum corona et taeniis*» (Летящий с неба с венком и повязками). Акций в «Неоптолеме» (472): «*Decorare est satius, quam verbena et taeniis*» (украшать лучше, чем ветвями священными да лентами).

[498]

Trientem tertium pondo. Диктатор Т. Квинкий написал, что посвятил в дар Юпитеру золотую корону такого веса после того, как за девять дней захватил девять городов, а на десятый – Пренесту⁹⁹. Цинций говорит во второй книге «О посвящении в мистерии» (*Μυσταγωγικῶν*), что названная сумма означает два фунта и треть; и сегодня мы прибегаем к такого рода выражениям, когда говорим о толщине дерева *bes alterum*, то есть фут и восемь дюймов; да и *sestertium* (сестерций) означает два асса с половиной. А если три асса и четверть, то говорят *quartus quadrans*.

[500]

Tributorum conlationem. Сбор налогов, будь то подушных или с цензом в соответствии, был произведен, как говорят, после того как Рим был взят галлами, без всякой точной меры, поскольку в течение ближайших перед тем пятнадцати лет ценз не производился. Аналогично произошло и во время второй Пунической войны в консульство М. Валерия Левина и М. Клавдия Марцелла¹⁰⁰, когда и сенат, и народ снесли в казну все, чем обладали.

[508]

Vectigal. Вектигалем именуется средства, которые предоставляются народу в качестве дани и налога с провинций, и в качестве налога, идущего на содержание всадниками лошадей¹⁰¹.

Viatores (посыльные) именуется те, кто помогает магистратам; оттого [названы они так], что первоначально территории всех триб находились поблизости от Города, а граждане усердно занимались земледелием, в этой связи деятельность виаторов была чаще связана с дорогой (*via*), чем с городом, ибо граждане вызывались магистратами большею частью из сельской округи¹⁰².

[516]

Vend<itiones> <...> именовали земли, сданные цензорами в аренду, оттого, что сдавались (*venire*) они, подобно доходам, что поступали с общественных мест, [на торгах].

⁹⁹ Тит Квинкий Цинциннат Капитолин – диктатор 380 г. до н.э. Ср.: Liv. VI. 29.

¹⁰⁰ Консулы 210 г. до н.э. См.: Liv. XXVI. 36.

¹⁰¹ См.: Isid. Etym. XVI. 18. 8.

¹⁰² См.: Plin. NH. XVIII. 21; D. 5. 1. 82.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Mayak, I.L. 1993: *The Romans of the Early Republic*. Moscow.
Маяк, И.Л. 1993: *Римляне ранней Республики*. М.

Andrey A. Pavlov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia
E-mail: aapavlov2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9192-4767

А.А. Павлов

заведующий кафедрой истории России
и зарубежных стран
Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ – *Боспорские исследования*. Симферополь–Керчь
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
ВИ – *Вопросы истории*. Москва
ВТ – *Вестник Танаиса*. Ростов-на-Дону
ГС – *Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического*. Санкт-Петербург
ДБ – *Древности Боспора*. Москва
ЗНОИРАО – *Записки нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества*. Санкт-Петербург
ИАК РАН. НА – Институт археологии Крыма РАН. Научный архив. Симферополь
ИАКр – *История и археология Крыма*. Симферополь
ИАК – *Известия Императорской Археологической комиссии*. Санкт-Петербург
ИТУАК – *Известия Таврической учёной архивной комиссии*. Симферополь
КСИА – *Краткие сообщения Института археологии*. Москва
МАИЭТ – *Материалы по истории и этнографии Таврики*. Симферополь
МАР – *Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией*. Санкт-Петербург
МИА – *Материалы и исследования по археологии СССР*. Москва
НА ИИМК – Научный архив Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург
НАО МЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного музея заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь
НМ – Новгородский государственный музей-заповедник
НС ГИМ – *Нумизматический сборник Государственного исторического музея*. Москва
НЭ – *Нумизматика и эпиграфика*. Москва
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
САИ – *Свод археологических источников*. Москва
СА – *Советская археология*. Москва
СХМ – *Сообщения Херсонесского музея*. Севастополь
Тр. ГЭ – *Труды Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург
Труды ГИМ – *Труды Государственного исторического музея*. Москва
ХСб – *Херсонесский сборник*. Севастополь.
ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков*. Москва, 1974-
AAS – *Annales Archéologiques de Syrie: Direction Générales des Antiquités de Syrie*. Damascus
BAR IS – *British Archaeological Reports International Series*. Oxford
Carnegie Inst Wash Year B – *Carnegie Institution of Washington Year Book*. Washington. 1914-
IBD – *The Illustrated Bible Dictionary*. Downers Grove, 1980

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зедгенидзе А.А.</i> (Москва) – «Древний Херсонес» Страбона: картография	5
<i>Сазанов А.В.</i> (Москва) – Узкогорлые светлоглиняные амфоры римского времени типа «D» (CIVD). Типология и хронология.....	30
<i>Лобода А.Ю.</i> (Москва) – Пуговицы со сканным декором из некрополя на плато Эски-Кермен	73
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск) – Диоскуриадские и понтийские монеты митридатского времени из Фанагории (раскопки 1996–2022 гг.)	84
<i>Коришун К.С.</i> (Симферополь) – Погребальные традиции позднескифского населения Северо-Западного Крыма	98
<i>Кузенков П.В.</i> (Севастополь), <i>Лебединский В.В.</i> (Москва) – Море и корабли в Библии. Развитие морского дела на Ближнем Востоке по библейским текстам. Новый Завет.....	121
<i>Кулаков В.И.</i> (Москва) – Исторические ориентиры побережья Самбии	139

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Винокуров Н.И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В.</i> (Москва) – Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования	150
<i>Лебединский В.В., Тюрин М.И., Пронина Ю.А.</i> (Москва) – Результаты исследований международной сирийско-российской подводно-археологической экспедиции в акватории провинции Тартус и о. Арвад в 2021–2022 гг.	165

В МУЗЕЯХ МИРА

<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Реплики театральных масок и статуэтки актеров из египетской коллекции В.С. Голенищева (Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина)	190

Круглый стол «Изучение памятников наскального искусства»

<i>Широков В.Н., Широкова Н.А.</i> (Екатеринбург) – Изображение существа с туловищем верблюда на «Черном плафоне» игнатиевской пещеры (Южный Урал)	208

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Демичева И.Ю.</i> (Нижний Новгород) – «От нюансов описания к описанию нюансов»: особенности фиксации терракотового материала I тыс. н.э. в отчетной документации по результатам археологических сезонов на памятниках цивилизации майя	228

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Аброськина Е.В.</i> (Санкт-Петербург) – Берлинские стажировки Н.Д. Флиттнер в 1909-1914 гг.: студенческая повседневность и профессиональное становление	242
<i>Гайдуков П.Г., Гришин И.В.</i> (Москва) – История изучения монет великого княжества московского времени правления Василия Дмитриевича (1389–1425).....	256
<i>Юрочкин В.Ю.</i> (Симферополь) – Крымская сессия 1952 г. – рубежное событие в крымской археологии	272

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Павлов А.А.</i> (Сыктывкар) – Секст Помпей Фест. О значении слов	285

CONTENTS

<i>A.A. Zedgenidze</i> (Moscow) – Strabo’s “Ancient Chersonesus”: Cartography	5
<i>A.V. Sazanov</i> (Moscow) – Roman Period Narrow-Necked Light-Clay Amphorae of the Type “D” (CIVD). Typology and Chronology	30
<i>A.Yu. Loboda</i> (Moscow) – Buttons with Filigree Decor from the Medieval Necropolis on the Eski-Kermen Plateau (Crimea)	73
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – Dioscurias and Pontic Coins of the Age of Mithradates VI from Phanagoria (Excavations 1996–2022)	84
<i>K.S. Korshun</i> (Simferopol) – Funeral Traditions of the Late Scythian Population of Northwestern Crimea	98
<i>P.V. Kuzenkov</i> (Sevastopol), <i>V.V. Lebedinskiy</i> (Moscow) – Sea and Ships: the Development of Maritime Affairs in the Near East According to Biblical Texts. Part II. The New Testament	121
<i>V.I. Kulakov</i> (Moscow) – Historical Landmarks of the Sambia Littoral.....	139

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>N.I. Vinokurov</i> , <i>D.V. Matsnev</i> , <i>A.V. Fesenko</i> (Moscow) – Temple of Zeus Genarch at the Artezian Settlement: the Problem of Astronomical and Spatial Orientation	150
<i>V.V. Lebedinskiy</i> , <i>M.I. Tyurin</i> , <i>Y.A. Pronina</i> (Moscow) – Results of the Research of the International Syrian-Russian Underwater Archaeological Mission in the Water Area of Tartus Governorate and Arvad Island in 2021–2022.....	165

IN WORLD MUSEUMS

<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Replicas of Theatrical Masks and Statuettes of Actors from the V.S. Golenishchev Egyptian Collection in the Pushkin State Museum of Fine Arts	190

Round Table “Rock Art Studies”

<i>V.N. Shirokov</i> , <i>N.A. Shirokova</i> (Yekaterinburg) – Image of a Creature with the Camel Body on the “Black Plafond” in the Ignatievka Cave (Southern Urals).....	208

METHODOLOGY OF SCIENCE

<i>I.Yu. Demicheva</i> (Nizhny Novgorod) – “From the Nuances of Description to the Description of Nuances”: Features of the Recording of Terracotta Material of the 1st mill. ad in Reports on Archaeological Research at Mayan Sites.....	228

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>E.V. Abroskina</i> (Moscow) – N.D. Flittner’s Berlin Internships in 1909–1914: Student Daily Living and Professional Formation.....	242
<i>P.G. Gaydukov, I.V. Grishin</i> (Moscow) – History of the Study of Coins of the Grand Principality of Moscow During the Reign of Vasily Dmitrievich (1389–1425).....	256
<i>V.Yu. Yurochkin</i> (Simferopol) – The 1952 Crimean Session: A Turning Point in the Crimean Archaeology	272

SUPPLEMENT

Sextus Pompeius Festus. De verborum signifi catu. Translation and Commentary by <i>A.A. Pavlov</i> (Syktyvkar).....	285

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

16+

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2024

Сдано в набор 5.09.2024. Подписано в печать 15.09.2024.

Дата выхода 30.09.2024.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.